Конференция приурочена к 130-летию создания «Склада местных древностей» – первого музея на территории Херсонеса

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ И СРЕДНЕВЕКОВУЮ ЭПОХИ

Материалы
Всероссийской научной конференции

Севастополь, 25–29 сентября 2022 г.

Севастополь
2022

УДК 94(3): 902.03(477.75)
ББК 64.3: 63.4(2 Рос)
И90

Издается по решению Ученого совета Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»

Ответственный редактор: А. В. Зайков
Редакторы-составители: Н. В. Гинькут, Л. В. Седикова

И90 **История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи** : Всероссийская научная конференция «Херсонес Таврический» (г. Севастополь, 25–29 сентября 2022 г.) : материалы / под ред. А. В. Зайкова ; ГИА МЗ. — Симферополь : Изд-во ООО «Антиква», 2022. — 280 с.

ISBN 978-5-6047545-3-5

В сборник вошли материалы научной конференции «История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи», состоявшейся в Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический» 25–29 сентября 2022 года и приуроченной к 130-летию создания «Склада местных древностей» — первого музея на территории Херсонеса. Основные направления конференции: письменные источники по истории Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи; история изучения памятников Северного Причерноморья античного и средневекового периодов; археология, нумизматика и эпиграфика Северного Причерноморья: новые открытия и интерпретации; Северное Причерноморье в новых музейных экспозициях и выставочных проектах.

Сборник рассчитан на профессиональных историков, археологов, специалистов по охране культурного наследия, а также на всех интересующихся античной эпохой и археологическими памятниками северного побережья Черного моря.

УДК 94(3): 902.03(477.75)
ББК 64.3: 63.4(2 Рос)

ISBN 978-5-6047545-3-5

© Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2022
© Оформление (оригинал-макет). ООО «Антиква», 2022

А. И. Айбабин
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
А. И. Хайрединова
Институт археологии Крыма РАН

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН В XII–XIII ВВ.

Формирование градостроительного облика Эски-Кермена позднего периода началось во второй половине IX в., после включения крепостей горного Крыма во вновь образованную византийскую фему [Айбабин 2014, с. 240–241]. На Эски-Кермене, как и в других современных ему византийских городах, активизируется городская жизнь [Bouras 1981, p. 615–616]. По периметру плато восстановили такие ключевые элементы оборонительной системы, как упомянутые выше вырубленные башни, казематы и главные ворота (рис. 3). Сводчатое перекрытие этих ворот П. И. Сумароков видел в начале XIX в. [Сумароков 1805, с. 48]. Башня, защищавшая главные ворота, функционировала до гибели города. Остатки сложенной из прямоугольных блоков стены башни зачистили в 1929 г.

В X–XIII вв. многие византийские города представляли собой хаотичное скопление построенных без соблюдения какого-либо плана домов [Bouras 1981, p. 638, 639]. Однако на Эски-Кермене сохранили многие созданные в раннее средневековье элементы градостроительного облика: сетку кварталов правильной прямоугольной формы, главную проезжую улицу, проложенную между главными воротами и центральной площадью с главной трехнефной базиликой. Судя по сохранившимся на поверхности строительным остаткам, в поздний период заселенная в предшествующее время часть плато была плотно застроена. Почти всю территорию южной половины плато занимали прямоугольные кварталы, сооруженные по обе стороны от главной и параллельной ей улиц. Между кварталами под прямым углом к главной улице были проложены более узкие проулки шириной до 2 м. Кварталы состояли из 1–4 двухэтажных усадеб и квартального храма. На скальной поверхности широкой (до 4,8 м) главной улицы колесами повозок выбиты глубокие колеи. Вторая продольная улица прослеживается на нижней террасе между главной улицей и западным краем плато.

Выявленные на плато археологические свидетельства красноречиво характеризуют экономику города. Во всех усадьбах в хозяйственных помещениях обнаружены вырубленные в скале зернохранилища с пифосами, каменные мукомольные жернова и ямы для ручных мель-

ниц, а также кормушки для домашних животных. В слое пожара в помещениях и на улицах рядом со стенами усадеб найдены железные серпы, виноградные и садово-виноградарские ножи, мотыга, скребницы и щетка для чесания шерсти, бронзовый и железный колокольчики для домашнего скота. Даже беглый перечень археологических материалов указывает на преобладание в рассматриваемый период в экономике города основных отраслей сельского хозяйства – выращивания и переработки злаков, виноградарства, садоводства, огородничества и животноводства.

Земельные наделы жителей Эски-Кермена в XI–XIII вв., скорее всего, находились в окружающих склоны балках с плодородным почвенным слоем и на спланированных на территории заброшен¬ного некрополя террасах с подпорными стенками, сложенными из необработанных камней. В 2003 г. на одном из наделов зачищены водосточная канава и резервуар для воды с облицованными бутовыми камнями бортами.

По наблюдениям О. П. Журавлева, исследовавшего остеологический материал из раскопок 2004–2005 гг. на городище Эски-Кермен, в XIII в. ведущее место в животноводстве занимало разведение мелкого рогатого скота, в основном овец и коз, на втором месте было свиноводство, а на третьем – разведение крупного рогатого скота. Жители Эски-Кермена разводили полутонконогих лошадей, которые использовались и как верховые, и как упряжные, и как тягловые животные. Для перевозки грузов также разводили ослов.

Имеются сведения и о других отраслях экономики. Например, общественные и жилые здания строились из известняковых прямоугольных блоков и камней, вырубленных в каменоломнях, созданных на плато. Одну из них расчистили на нижнем марше дороги к городским воротам. В ней вырубали большие блоки для оборонительных стен. Показательно, что размеры вырубавшихся блоков соответствуют византийской системе мер длины [Хайрединова 2016, с. 193–196]. Находки железных щеток для чесания шерсти, а также многочисленных керамических и каменных пряслиц – грузиков для веретен позволяют говорить о производстве шерстяных пряжи и нитей, а, значит, и о ткацком деле [Айбабин 2014, с. 244]. Щетки для чесания шерсти аналогичны обнаруженным на поселении близ с. Передовое и в одновременных усадьбах Херсона. Прядение было широко распространенной отраслью хозяйственной деятельности, им занимались почти в каждой семье. Известно, что еще с эпохи античности в Северном Причерноморье отдавали предпочтение шерстяным тканям. Сырья для их изготовления было достаточно, поскольку овец разводили повсеместно [Герцигер 1973, с. 87].

В городской экономике заметную роль играла торговля. Возможно, городской лавкой (салдамарием) являлось помещение 2 в усадьбе I. Оно изолировано от соседних помещений и имеет выход только на главную улицу. В скальном цоколе его стены под помещением 4 вырублен подвал с лестницей с широкими ступенями. Такие лавки располагались как на улицах византийских городов, так и на рынках [Dagron 2002, p. 461]. Их деятельность в византийских городах регламентировала составленная в начале X в. «Книга эпарха»: «салдамарии могут открывать свои эргастерии по всему городу, на площадях и улицах, чтобы можно было легко найти необходимые для жизни предметы потребления». В них наряду с продуктами продавали «веревки, льняные нитки, гипс, глиняную посуду, бутылки, гвозди и также всевозможные прочие товары» [Византийская книга эпарха 1962, с. 63].

В слое разрушения городища монеты не так многочисленны, как в Херсонесе. В публикациях материалов экспедиции ГАИМК сообщается лишь о находке в 1936 г. на полу помещения бронзовой херсонской монеты Романа I Лакопина (920–944 гг.), а в подвале того же дома – золотой монеты Феодора II Ласкариса (1254–1258 гг.). В слое разрушения города конца XIII в. на раскопанных участках найдены византийские и херсоно-византийские монеты Льва V (457–474 гг.), Ираклия (610–640 гг.), Василия I (867–886 гг.), Льва VI (886–912 гг.), Константина VI (913–959 гг.), выпущенная в 920–944 гг., Константина и Романа V (948–959 гг.), Иоанна Цимисхия (969–976 гг.), Константина X (1059–1067 гг.), электровые Никифора III Вотаниата (24 марта 1078 г. – 4 апреля 1081 г.), биллоновая Мануила I Комнина (1143–1180 гг.), с монограммой «ро» диметром 25 мм и диаметром 24 мм, а также две с гладкой обратной стороной диаметром 22 мм. Однако данная статистика не характеризует реальное обращение монет. Сам факт находки в слое разрушения разновременных византийских монет свидетельствует об использовании жителями города как ранних, так и поздних монет до гибели городища.

Судя по амфорам и поливной керамике и монетам из слоя разрушения, жители городища вели активную торговлю с Херсоном и городами, расположенными на территории распавшейся в 1204 г. Византийской империи.

Литература

1. Айбабин А. И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.

2. Византийская книга эпарха / вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962.

3. Герцигер Д. С. Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства / науч. ред. К. С. Горбунова. Л., 1973.
4. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб., 1805.
5. Хайрединова Э. А. Каменоломня на подъемной дороге городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 2016. Вып. XXII. С. 193–207.
6. Bouras Ch. City and Village: Urban Design and Architecture // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien, 1981. 31/2. XVI. Internationaler Byzantinistenkongress. Acten 1/2.
7. Dagron G. The Urban Economy, Seventh – Twelfth Centuries // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century / ed. by A. E. Laiou. Washington, 2002.

Н. А. Алексеенко
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь
Е. В. Неделькин
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

НОВЫЙ ПУНКТ НА СФРАГИСТИЧЕСКОЙ КАРТЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ТАВРИКИ: ПЕЧАТЬ ГЛАВНОГО ЛОГОФЕТА ИЗ РАСКОПОК КРЕПОСТИ КАЛАМИТА В 2021 Г.

Среди археологических источников, активно способствующих всестороннему изучению истории византийской Таврики, особое место занимают памятники сфрагистики. Находки моливдовулов происходят из самых разных районов полуострова, что во многом позволяет не только очертить территорию византийского влияния, но и представить характер взаимоотношений региона с имперскими властными структурами. Сфрагистическая карта византийской Таврики постоянно уточняется и дополняется новыми местами находок моливдовулов [см., например: Алексеенко 2020 (с библиографией находок)].

Очередное открытие – ранее не известный по памятникам сфрагистики пункт – средневековая крепость Каламита.

Крепость, расположенная на правом берегу р. Черной у ее впадения в Севастопольскую (Большую) бухту, занимает юго-западную часть плато Монастырской скалы, являющейся отрогом Мекензиевых гор, которые, в свою очередь, являются западной оконечностью Средней (Внутренней) гряды Крымских гор.

Историю крепости можно разделить на четыре основных этапа: ранневизантийский (вторая половина VI–VII в.); средневизантийский / «фемный» (середина IX–XI в.); феодоритский (конец первой четверти – третья четверть XV в.); османский (1475–1771 гг.) [Неделькин 2020, с. 327, 328]. При этом наиболее слабо изученным является средневизантийский период.

Первое научное обследование фортификационных сооружений крепости в свое время выполнил А. Л. Бертье-Делагард [Бертье-Делагард 1886], а начало археологического изучения было положено в конце 1930-х гг. С этого времени исследования на территории Каламиты проводились В. П. Бабенчиковым, Н. И. Репниковым, Е. В. Веймарном, Е. И. Лопушинской [Бабенчиков 1937; Репников 1940; Веймарн 1963; Лопушинская 1996].

К настоящему времени наиболее полным собранием сведений о крепости является монография автора ее многолетних раскопок В. Ф. Филиппенко [Филиппенко 1997]. Следует обратить внимание на одно из заключений исследователя о том, что после гибели ранневизантийской крепости в VII в. «жизнь на Монастырской скале замерла более чем на 700 лет» [Филиппенко 1997, с. 21].

Необходимо отметить, что в процессе археологических разведок и раскопок 2019 и 2021 гг. Е. В. Неделькиным как в самой крепости Каламита, так и на прилегающей к ней территории Монастырской скалы были выявлены остатки культурных горизонтов не только ранневизантийского, но и средневизантийского периодов.

Одним из ярких артефактов, обнаруженных в 2021 г. в ходе археологических исследований на внутрикрепостной территории Каламиты, является византийская свинцовая подвесная печать IX в. Моливдовул найден при раскопках так называемой церкви 2021 г., в слое засыпи вырубленного в скале основания постройки. В ходе перепланировки городской застройки на данном участке наземная часть храма была разобрана, а скальная вырубка засыпана грунтом. Засыпь представляет собой часть культурного слоя, который, вероятно, был взят в непосредственной близости от храма: она насыщена археологическим материалом XV в., но также содержит и небольшое количество находок VI–VII и IX–X вв.

Несмотря на то, что моливдовул не имеет четкого археологического контекста (происходит из переотложенного более раннего культурного горизонта), тем не менее сам факт его находки на территории крепости Каламита явление весьма примечательное и заслуживает особого внимания.

Наличие на печати изображения крестообразной инвокативной монограммы с тетраграммой в углах [Laurent 1952, pl. LXX.V] позволяет отнести данный памятник к первой половине – середине IX в.

Рис. 1. Печать главного логофета из раскопок крепости Каламита в 2021 г. Место хранения: ГИАМЗ «Херсонес Таврический».

Диаметр – ок. 22 мм; толщина заготовки – 3 мм; вес – 9,6 г.
Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма с тетраграммой TV – SV | DW – L0V в углах в тройном жемчужном ободке.
Реверс. Пятистрочная надпись в тройном жемчужном ободке:

+PETR	*Πετρ*
VNAPATR	*ωνα πατρ*
.KIV=GEN	*[ι]κίῳ (καὶ) γεν*
.KVLOGO	*[ι]κῷ λογο*
.ETH	*[θ]έτῃ*

Θεοτόκε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Πετρωνα πατρικίῳ (καὶ) γενικῷ λογοθέτῃ – Богородица, помоги твоему рабу Петроне, патрикию и главному логофету

Согласно легенде, моливдовул принадлежал одному из высокопоставленных византийских чиновников первого ранга (патрикий и главный логофет), входившему в центральную администрацию и возглавлявшему финансовое ведомство империи. До недавнего времени аналогичных печатей известно не было. Но по счастливой случайности летом 2014 г. в окрестностях Севастополя (район мыса Фиолент) была обнаружена печать той же пары матриц, что и каламитская находка [Алексеенко 2016, с. 9, 10, № 3, рис. 3].

К сожалению, поиск исторического персонажа, с которым можно было бы связать владельца моливдовула, не увенчался успехом. В списке логофетов Р. Гийяна он не представлен [Guilland 1971, p. 11–24]. Высокий титул патрикия носили многие исполнители этой должности.

Однако в письменных источниках и нарративных памятниках большинство из известных по печатям логофетов не упоминаются. В этой связи иногда приходится довольствоваться лишь косвенными данными.

К примеру, среди находок в Херсоне известны две буллы главного логофета, магистра Сергия [Соколова 1991, с. 210, 211, № 42, 43], которого В. Лоран предлагал отождествлять с известным историческим персонажем – отцом жены императора Феофила Феодоры, в дальнейшем занимавшего также один из самых важных гражданских постов – должность логофета дрома [Laurent 1981, p. 147, 148, 203, nr. 308, 422].

Исходя из стилистики печати нашего Петроны, его место также в первой половине IX в. Обратив внимание на окружение императрицы Феодоры, в качестве одного из возможных собственников печати из Каламиты можно назвать младшего брата императрицы Феодоры и кесаря Варды, получившего от Феофила титул патрикия и в дальнейшем сделавшего достаточно успешную карьеру [Guilland 1967, p. 437]. Р. Гийян приводит послужной список Петроны, известный по письменным источникам, который завершается высоким титулом магистра [Guilland 1967, p. 568].

Не исключено, что в определенный момент своей карьеры молодой византийский аристократ вслед за своим отцом мог быть назначен на пост главы финансового ведомства империи.

Но в нашем случае особо ценен сам факт находки моливдовула на территории крепости Каламита. Обнаружение печатей важного правительственного чиновника в двух рядом расположенных с Херсоном местах не только маркирует новый пункт на сфрагистической карте Таврики, но и поднимает вопрос об очевидном интересе официальных властей империи к этому пока еще очень слабо изученному центру византийского влияния. Последнее, в свою очередь, означает, что продолжение исследований крепости с большой вероятностью раскроет неизвестные страницы ее истории периода существования фемы Херсон, а также то, что здесь должны были присутствовать соответствующие представители местных властей, которые осуществляли контакты со столичными чиновниками. А это гарантирует и новые удивительные открытия.

Литература

1. Алексеенко Н. А. Новые сфрагистические находки в окрестностях византийского Херсона (к вопросу об адресатах корреспонденции) // ВВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград, 2016. Т. 21. № 5. С. 6–18.

2. Алексеенко Н. А. Перспективы исследований византийских печатей в Крыму // БИ. Керчь, 2020. Вып. XL. С. 158–170.

3. Бабенчиков В. П. Отчёт о работах археологической экспедиции в Инкермане в июне-июле 1937 г. // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 160.
4. Бертье-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. XIV. С. 166–279.
5. Веймарн Є. В. Археологічні роботи в районі Інкермана (Середньовічний комплекс фортеці Каламіта) // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1963. Т. 13. Стародавні пам'ятки Інкерманської долини. С. 74–89.
6. Лопушинская Е. И. Крепость Каламита в Крыму // Архитектурное наследство. 1996. Т. 41. С. 55–61.
7. Неделькин Е. В. Археологические разведки на территории Балаклавского и Нахимовского районов г. Севастополя в 2019 г. // ИАКр. 2020. Вып. XIII. С. 327–332.
8. Репников Н. И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма // Научно-архивный отдел Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». Ф. 1. Д. 3635.
9. Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 201–225.
10. Филиппенко В. Ф. Каламита-Инкерман: Крепость и монастырь. Севастополь, 1997.
11. Guilland R. Les logothètes: études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin // Revue des Études Byzantines. Paris, 1971. T. XXIX. P. 5–115.
12. Guilland R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. T. I.
13. Laurent V. Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan. Paris, 1952.
14. Laurent V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin Paris, 1981. Vol. II. L'administration.

М. Н. Бабанина
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

ХЕРСОНЕССКИЙ МУЗЕЙ КАК ОБЪЕКТ ПОСЕЩЕНИЯ ИНОСТРАННЫМИ ГОСТЯМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

С момента своего основания Херсонесский музей привлекал внимание путешественников. Первая запись в «Книге отзывов» музея, датируемая 9 августа 1892 г., сделана гостями из Великобритании [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 165. Л. 1]. Среди посетителей были и знаменитые личности, к примеру, 24 апреля 1945 г. в Херсонес с экскурсией приезжала супруга премьер-министра Великобритании Клементина Черчилль в рамках

своего визита в СССР [НАО ГМЗ ХТ Ф. 1. Д. 627/1, 2. Л. 6 об]. Известны и другие случаи посещения Херсонесского музея иностранцами.

В советский период музей посещали в основном граждане Советского Союза. Иностранные туристы, как правило, приезжали в составе официальных правительственных делегаций или организованных групп, что было обусловлено как общей политикой государства, так и закрытым статусом города Севастополя, который он периодически имел (1939–1942, 1944–1959, 1984–1995). В 1953 г. Совет Министров СССР принял постановление, запрещавшее въезд иностранцев в Севастополь, Феодосию и Керчь, поскольку в этих городах были расположены важные объекты стратегического значения.

Развитие иностранного туризма на территории Крымского полуострова во второй половине XX века характеризовалось постоянным увеличением количества вояжеров из-за рубежа. Представление о динамике роста туристских потоков из зарубежных стран в Крыму дают следующие цифры. Если в 1959 г. на территории Крымской области побывало 16,8 тыс. клиентов «Интуриста», то в 1967 г. – 29,3 тыс., в 1977 г. – 68,3 тыс., а в 1985 г. их число увеличилось до рекордных 123,5 тыс. Однако достопримечательности Севастополя для них были недоступны [Попов 2008].

Больше всего туристов приезжало в Советский Союз в послевоенные годы из Польши, Чехословакии, ГДР, то есть стран социалистического лагеря [Багдасарян, Орлов 2007, с. 156]. Одна из иностранных групп, о которой известно по записи в «Книге отзывов», посетила Херсонес 2 октября 1955 г. (моряки из Румынской Народной Республики) [НАО ГМЗ ХТ. Ф 1. Д. 745. Л. 93], в следующем, 1956-м, году свой отзыв оставили школьники из восточного Берлина [НАО ГМЗ ХТ. Ф 1. Д. 745. Л. 114]. Прибывали туристы и из капиталистических стран: 11 августа 1963 г. музей посетила команда моряков из Великобритании, сделав в «Книге отзывов» следующую запись: «Мы бы хотели иметь такой музей в нашей стране» [НАО ГМЗ ХТ Ф.1. Д. 827. Л. 43]. Впечатлили руины Херсонеса и организованную группу пионеров из Парижа, побывавшую здесь в том же 1963 г. [НАО ГМЗ ХТ Ф.1. Д. 827. Л. 43].

Смена внешнеполитического курса и внутренней политики СССР в сторону «гласности и перестройки» способствовала развитию иностранного туризма. 4–8 августа 1989 г. на базу Черноморского флота СССР в Севастополе зашли два корабля Военно-морских сил США. И это был первый со времен Второй мировой войны заход иностранных военных кораблей в порт Севастополя. Ракетный фрегат USS «Kauffman» (FFG-59) и ракетный крейсер USS «Thomas S. Gates» (CG 51) прибыли в Севастополь по приглашению генерального секре-

таря Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза: в июне 1988 г. после встречи с президентом США Рональдом Рейганом М. С. Горбачев пригласил американских военных в крымский город, в то время являвшийся закрытым режимным населенным пунктом, в котором располагалась военная база советского флота на Черном море [American Navy…, US Navy]. Для них был организован теплый прием и культурная программа, в которую входило посещение музея-заповедника «Херсонес Таврический» с экскурсией по памятникам городища и античной экспозиции.

В том же году Херсонес был включен в предварительный список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, что способствовало увеличению туристического интереса иностранных гостей. Так, например, в рамках международного проекта «Комплексное изучение Шелкового пути – пути диалога» летом 1989 г. Херсонес посетила иностранная делегация из 47 человек, среди которых больше всего было японцев – представителей телекомпании «Асахи», газеты «Асахи Шимбун», Института мирового культурного наследия Намикавы. Для них была проведена экскурсия по памятникам городища и экспозиционным залам, оказана помощь в съемках фильма. Профессор Сигимура тогда заявил: «Мне понравился Херсонес. Насколько я понял, он закрыт для большинства из-за военной базы по соседству. Очень жаль» [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2944. Л. 2]. Те же мысли возникли и у иностранного гостя, оставившего запись в «Книге отзывов» 24 марта 1990 г.: «Очень жаль, что музей, расположен в области, сложной для посещения… Надеюсь, ситуация изменится… Херсонес – одно из самых завораживающих мест на просторах Советского Союза» [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4065. Л. 67]. Хотя уже с мая 1989 г. стало возможным посещение иностранными туристами достопримечательностей Севастополя и его окрестностей. Организованные группы прибывали в музей в рамках однодневных экскурсий в Севастополь из Ялты. Но самостоятельный доступ все еще был запрещен.

В мае 1990 г. Херсонес посетила группа американских школьников из небольшого калифорнийского городка Оушенсайд в количестве 13 человек, приехавших в Севастополь в рамках визита в школу с углубленным изучением английского языка № 43 [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3189. Л. 13].

После 1991 г. экскурсионная деятельность Херсонесского музея по работе с иностранными туристами вышла на новый уровень, что вылилось в развитие организованного иностранного туризма. Херсонес стал широко известен за пределами постсоветского пространства, центром международного туризма и объектом посещения для граждан всего мира.

Архивные материалы

1. Бушуев А. Гости из Калифорнии. Слава Севастополя № 89 (18300) от 11.05.90 г.// Газетные статьи о Херсонесе 1990 год. // НАО ГМЗ ХТ. Ф.1. Д. 3189. Л.13.
2. Книга для посетителей Херсонесского музея с 9 августа 1892 по 1 января 95 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф.1. Д. 165. Л.1.
3. Книга впечатлений посетителей Херсонесского музея 1945 – 1952 гг.// НАО ГМЗ ХТ Ф.1. Д. 627/1,2. Л. 6 об.
4. Книга отзывов о посещении музея с 5 октября 1952 по 18 июня 1959гг.// НАО ГМЗ ХТ. Ф 1. Д. 745. Л. 93, 114.
5. Книга отзывов о посещении музея 1963 год // НАО ГМЗ ХТ Ф.1. Д. 827. Л. 43.
6. Орешкин Д. Тысяча лет ожидания. Правда. 11 августа 1989 года № 223 (25941). // Газетные статьи о Херсонесе// НАО ГМЗ ХТ. Ф.1. Д. 2944. Л.2.
7. Книга отзывов с 1982 по 2010 гг. // НАО ГМЗ ХТ. Ф1. Д. 4065. Л. 67.

Литература

1. Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. Советское зазеркалье. Иностранный туризм в СССР в 1930-1980-е годы: Учеб. пособие. М.: ФОРУМ, 2007. 256 с.
2. Попов А.Д. Организация приема иностранных туристов в Крыму во второй половине 1950-х - 1980-х гг. Историческая панорама- 2008. - Вып.7.

Интернет-ресурсы

1. American Navy Sailors Visiting Sevastopol, Crimea in 1989. URL: https://tourlib.net/statti_tourism/popov4.htm?ysclid=l5gjzag5ed622670709
2. US Navy – Guided Missile Cruiser. CG 51 - USS Thomas S. Gates. URL: https://englishrussia.com/2017/08/08/american-navy-sailors-visiting-sevastopol-crimea-in-1989/
https://seaforces.org/usnships/cg/CG-51-USS-Thomas-S-Gates.htm

А. В. Батасова
Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург

Работы разведочного отряда Таманской экспедиции ГАИМК в 1930–1931 гг.: состояние источников, основные результаты и их значение для современной науки[1]

Таманская экспедиция ГАИМК 1930–1931 гг. задумывалась как один из самых масштабных проектов того времени, посвященный изучению археологического наследия региона. Его новизна заключалась в том, что предполагалось изучить не только памятники античного периода, но также доисторического и средневекового времени [НА ИИМК РАН. РО. // Ф. 2. 1930. Д. 118. Л. 7]. Большое значение в этом проекте отводилось археологическим разведкам, которые должны были стать основой для плана дальнейших систематических исследований наиболее интересных памятников [Там же. Л. 92–92об.]. Однако в силу ряда обстоятельств результаты разведок не были широко введены в научный оборот. В качестве исключения можно упомянуть публикацию краткого отчета о работах разведочного отряда в 1931 г. [Иессен, Миллер 1932].

Главным итогом Таманской экспедиции ГАИМК, получившим наибольшую известность, стала археологическая карта Таманского полуострова А. А. Милера [НА ИИМК РАН. РО // Р-I. Д. 158. Л. 1а–1е]. Карта была неоднократно опубликована Я. М. Паромовым [Паромов 1992б; Паромов 2020] и, наряду с другими источниками, была использована исследователем при составлении собственной Археологической карты Таманского полуострова [Паромов 1992а]. Остальные материалы Таманской экспедиции ГАИМК на долгие десятилетия осели в Научном архиве ИИМК РАН. Среди документов, сохранившихся в этих архивных фондах, наибольшую ценность для изучения деятельности разведочного отряда представляют дневники руководителя территориального (разведочного) отряда А. А. Иессена [НА ИИМК РАН. РО // Ф. 2. 1930. Д. 119; Ф. 2. 1931. Д. 778ж]. Они содержат краткие заметки о каждом из местонахождений, обследованных при его участии. Помимо этого, сохранилась сводная таблица местонахождений, составленная А. А. Иессеном [НА ИИМК РАН. РО // Ф. 2. 1931. Д. 777], в которой приведен полный перечень выявленных местонахождений с датировками, предложенными на основании собранного подъемного материала. Еще одним важным документом является вторая археологическая карта Таманского полуострова [НА ИИМК РАН. РО // Ф. 2. 1931. Д. 777. Л. 187], проливающая свет на обследование левобережья старого берега Кубани. Листы, покрывающие этот район на введенной в научный оборот археологической карте А. А. Миллера, отсутствуют. Эти немногочисленные уцелевшие документальные свидетельства позволяют существенно дополнить историю Таманской экспедиции ГАИМК 1930–1931 гг.

Основной задачей разведочного отряда экспедиции в 1930 г. стало обследование западной части Таманского полуострова [НА ИИМК РАН. РО // Ф. 2. 1930 Д. 118. Л. 92–92об.]. Начальником территориального отряда был назначен А. А. Иессен.

Первоначально разведочные работы предполагалось провести в срок с 1 июня по 1 августа [Там же. Л. 8–8об.], однако фактически работы начались в конце июля. Первым в документах упоминается район Тузлы, где 29 июля было обследовано три местонахождения, включая могильник на мысу Тузла. Однако первая запись в полевом дневнике А. А. Иессена датируется 2 августа и посвящена исследованию городища у крепости Фанагория (Суворовское), где были заложены разведочные раскопы. В последующие дни, вплоть до 24 августа, были обследованы юго-западная часть Таманского полуострова, Фонталовский полуостров, побережье Таманского залива. За это время было осмотрено 46 местонахождений, на некоторых из них (Фанагория, городище «Коммуна Искра» – Патрей) были заложены разведочные раскопы. При этом параллельно продолжалось и обследование полуострова. Судя по записям в дневнике А. А. Иессена, оно включало в себя визуальный осмотр памятника, сбор характерного подъемного материала, позволяющего наметить датировку памятника, а в некоторых случаях – топографическую съемку, фиксацию участков скопления подъемного материала разных хронологических периодов.

С 25 по 31 августа была обследована восточная часть Таманского полуострова – окрестности поселка Пересыпь и станицы Ахтанизовской, а также район между Ахтанизовским и Кизилташским лиманами вплоть до старого русла Кубани. Здесь было осмотрено 20 местонахождений, однако в дневнике А. А. Иессена встречаются краткие записи лишь о двух из них – местонахождении у Дубового рынка и хутора Белого. Это обстоятельство свидетельствует о

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «А. А. Миллер и Таманская экспедиция ГАИМК (история, исследовательская деятельность, значение для современной науки)» 20-09-00180 А.

том, что работы производились в отсутствии А. А. Иессена[2]. Как следствие, информация о результатах обследования этого района до нас практически не дошла. Исключением является лишь краткая характеристика выявленных пунктов из сводной таблицы А. А. Иессена. Таким образом, за первый год работ разведочного отряда была обследована практически вся территория Таманского полуострова, выявлено 66 местонахождений.

План на 1931 г. включал в себя дальнейшее изучение Таманского полуострова и расширение района обследования на восток. Работы проводились в срок с 19 июля по 8 августа. За первую неделю А. А. Иессеном повторно была осмотрена южная часть Таманского полуострова, в особенности берега лиманов Цокур и Кизилташского. В письме А. А. Миллеру А. А. Иессен сообщал, что в результате этого обследования было выявлено 14 новых поселений, некоторые из них нигде ранее не упоминались [НА ИИМК РАН. РО // Ф. 2. 1931. Д. 777. Л. 84а об.]. Среди прочего, была совершена поездка в район косы Чушки для уточнения сведений, полученных в 1930 г. 29–30 июля были повторно обследованы окрестности Пересыпи и Киммерийского вала, после чего работы перенесены в восточную часть Таманского полуострова. В следующие дни был осмотрен Голубицкий остров, окрестности Темрюка и станицы Курчанской. С 5 по 8 августа разведочный отряд сосредоточился районе левобережья Старой Кубани, на участке от станицы Варениковской до Анапы, где были проверены и дополнены сведения, полученные в 1927 г. в ходе работ экспедиции НИИ Археологии и Искусствознания РАНИОН под руководством А. С. Башкирова [Башкиров 1928]. Таким образом, во второй год обследовано около 57 местонахождений, некоторые из которых повторно.

План работ на 1932 и 1933 г. включал в себя дальнейшее расширение района обследования «по восточному берегу Азовского моря до устьев Дона, т. е. до района, ранее проработанного Северо-Кавказской Экспедицией ГАИМК» [НА ИИМК РАН. РО // Ф. 2. 1931 Д. 777. Л. 68 об.]. Реализация этой задумки позволила бы обследовать обширный регион. Однако этим планам не суждено было сбыться. Как уже отмечалось, итогом работ стала археологическая карта Таманского полуострова, научный потенциал которой, однако, невозможно раскрыть без привлечения сведений о самих памятниках, полученных в ходе работ экспедиции. Даже отрывочные сведения из дневников А. А. Иессена и его сводной таблицы могут привнести новые данные об уже известных памятниках или указать на местонахождения, ускользнувшие от внимания исследователей.

[2] Согласно сводной таблице местонахождений, обследованных в 1930 г., работы на этом участке проводили Г. И. Боровка и М. И. Артамонов [НА ИИМК РАН. РО // Ф. 2. 1930 Д. 120. Л. 98–100].

Таким образом, обращение к архивным фондам, посвященным Таманской экспедиции ГАИМК 1930–1931 гг. имеет большое значение как для восполнения пробелов, существующих в истории изучения археологии Таманского полуострова, так и для адекватной оценки роли этого исследовательского проекта в контексте современной науки.

Материалы рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН

1. Таманская экспедиция 1930 года. Нач. э. А. А. Миллер // Р-I. Д. 158.
2. Исследование Таманского полуострова. Таманская экспедиция / начальник А. А. Миллер/ ч. I. Переписка и план работ // Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 118.
3. Исследование Таманского полуострова. Таманская экспедиция / начальник А. А. Миллер. [Дневник А. Иессена // Ф. 2. 1930. Д. 119.
4. Таманская экспедиция в 1931 году под начальством А. А. Миллера. Часть I. Переписка, планы, предварительные отчет, дневник и чертежи // Ф. 2. 1931. Д. 777.
5. Таманская экспедиция под руководством А. А. Миллера. Ч. II. Дневники. [Таманская экспедиция ГАИМК. 1931 г. Разведочный отряд. Дневник А. А. Иессена] // Ф. 2. 1931. Д. 778ж.
6. Сведения о предметах древностей из раскопок Таманской экспедиции // Ф. 2. 1930. Д. 120. Л. 98–100

Литература

1. Башкиров А. С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г. // Труды секции археологии. Вып. III. РАНИОН, 1928. С. 71–86.
2. Иессен А. А., Миллер А. А. Таманская экспедиция 1931 г. // Сообщения ГАИМК. 1932. № 11–12. С. 58–61.
3. Паромов Я. М. Археологическая карта Таманского полуострова // Деп. ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992а г. М.
4. Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 2 (1918 – 1991 гг.) // Боспорские исследования. 2020. Вып. XL. С. 239–305.
5. Паромов Я. М. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник. 1992б. Вып. 1. С. 109–146.

А. А. Букатов
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь
В. В. Глазунов
Санкт-Петербургский горный университет», Санкт-Петербург
В. В. Панченко
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

ПОДВОДНЫЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОРТОВОЙ ЧАСТИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В КАРАНТИННОЙ БУХТЕ

Подводные исследования в Карантинной бухте ведутся уже более 60 лет, начиная с июля 1960 г. (Азово-Черноморская экспедиция [Блаватский 1960]). Исследуемый участок акватории предполагаемого порта Херсонеса является сложным из-за своих геоморфологических особенностей (наличие древнего рукава бухты, заполненного мощным слоем донных отложений), что усложняет проведение раскопок, а также оценку величины изменения глубины моря и реконструкцию береговой линии.

За эти годы экспедициями [Блаватский 1960, Кадеев 1965, Золотарев 2004, Букатов и др. 2020] были визуально выявлены и зафиксированы затопленные строительные остатки (рис. 1). Только часть из них оказалась видимым продолжением оборонительных наземных сооружений (XXVI и XXVII башни), остальные объекты не вписываются в конфигурацию известных городских стен. До сих пор неясным остается точное место расположения причальных сооружений городского порта.

Один из хорошо сохранившихся подводных археологических объектов в Карантинной бухте – «ромбовидная башня» (рис. 1.1). Основание ее северо-восточной части на момент исследований находится на высотной отметке -3.23 м (внутренняя часть, 2021 г.) – -3.24 м (наружная часть, 2020 г.) по Балтийской системе высот. Раскопки во внутренней части выявили, что цоколь сооружения стоит на слое песка и гальки, содержащем большое количество окатанных керамических фрагментов. Судя по известковому раствору, фиксируемому на камнях цоколя, «ромбовидная башня» возводилась на суше, на пляжевых отложениях, уже содержавших окатанную керамику. Среди находок из подстилающего слоя – сильно окатанные фрагменты амфор VI–VII вв., а также не подвергшиеся волновому воздействию фрагменты керамид IX–X вв., осколки столовых кувшинов VIII–IX вв.

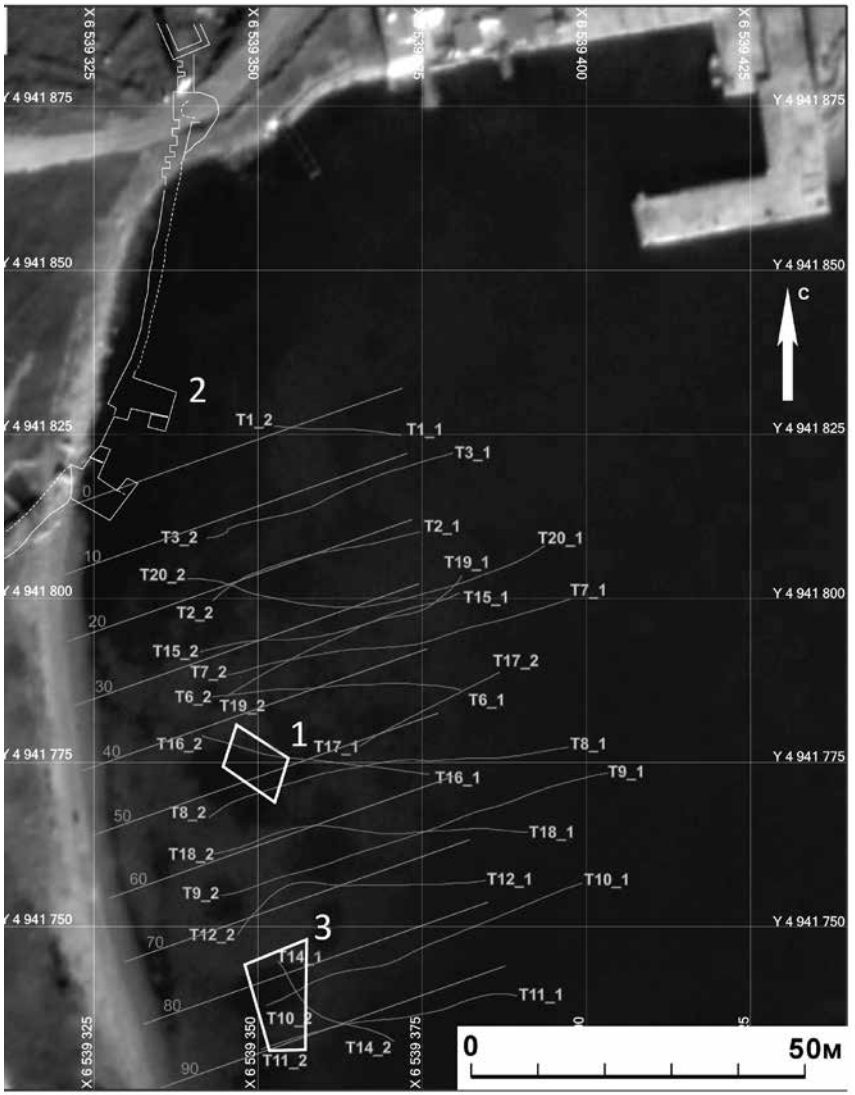

Рис. 1. Строительные остатки: 1 – «ромбовидная башня»; 2 – XXVI и XXVII башни оборонительной линии; 3 – «объект 2019 г.». Показаны галсы съемки методом непрерывного сейсмоакустического профилирования (показано красным) и разрезы электроразведки (показано синим)

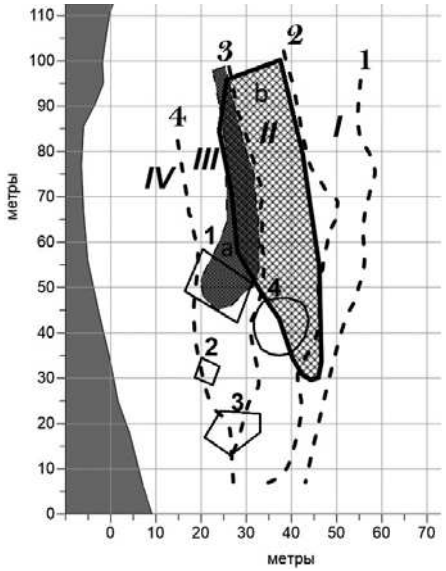

Рис. 2. Контуры аномалий на глубинах 3 м (a) и 5 м (b) с указанием бровок 1, 2, 3, 4 морских террас I, II, III, IV. Показано: 1 – «ромбовидная башня»; 2 – шурф между объектами; 3 – «объект 2019 г.»; 4 – развал камней восточнее «ромбовидной башни»

На уровне камней цоколя была обнаружена монета Василия I (867–886 гг.) [Кадеев 1965, с. 159–161, № 360–383], которая характерна для монетного обращения Херсона второй половины IX – конца X в. [Алексеенко 2011].

Уже в процессе эксплуатации «ромбовидной башни», по всей видимости, из-за угрозы подтопления пола на уровне верха камней цоколя, потребовались работы по сооружению забутовки из скрепленных известковым раствором камней. На блоках стен прослеживаются пятна этого раствора с включением мелкой гальки, которые позволяют определить высоту, на которую был поднят пол (около 0,73 м). Находки из этого слоя представлены несколькими попавшими в раствор фрагментами шамотированных керамид IX–X вв. и монетой с монограммой «ро» императора Романа IV (1067–1071 гг.) [Анохин 1977, с. 165–166, № 457–462]. Судя по археологическим данным, эти монеты участвовали в обращении Херсона и в первой половине XIII в. [Алексеенко 1996].

Таким образом, на основании археологического материала, строительство «ромбовидной башни» можно датировать IX–X вв. Этому периоду соответствовал уровень моря, который приблизительно на 2,86 м был ниже современного (на момент съемки). К концу XI – первой половине XIII в. пол был поднят примерно на 0,73 м выше камней цоколя, что составляет около метра от основания «башни» (до 1,17 м). Полученная величина позволяет оценить подъем уровня моря за этот временной промежуток.

Раскопки «ромбовидной башни» пока затронули только небольшую ее часть, дальнейшие работы позволят уточнить временные рамки этих событий (начало строительства и реконструкция) и определить назначение затопленного сооружения.

Геофизические исследования прибрежной части Карантинной бухты проводились для картирования подводных морских террас и обнаружения остатков застройки порта Херсонеса, скрытых в грунтовом массиве поддонных отложений. Комплекс геофизических методов исследований включал съемку поверхности дна с помощью сонара; батиметрию с применением гидроакустического профилографа; электротомографические исследования грунтового массива морских террас.

По результатам гироакустических исследований получены геофизические карты, характеризующие детальное строение рельефа дна. В пределах шельфа прибрежной зоны Карантинной бухты выявлены четыре террасы, формирование которых связано с циклами трансгрессии и регрессии моря в период существования Херсонеса, а также строительными работами, связанными с застройкой порта Херсонеса в различные исторические эпохи.

В толще морских отложений террас фиксируются две геоэлектрические аномалии (рис. 2). Сопоставление их контуров с положением линий бровок террас, полученных по данным батиметрии, показывает, что аномалии, расположенные на разных глубинах, приурочены к различным террасам. Одна из них расположена на глубине 3 м под поверхностью более молодой террасы III, а вторая – на глубине 5 м смещается в сторону моря под более древнюю террасу II.

Оси геоэлектрических аномалий, расположенных на разных глубинах, не совпадают. На глубине 3 м ось находится на расстоянии примерно 30–35 м от береговой линии, а на глубине 5 м она смещена в среднем на 10 м в сторону моря.

Учитывая, что террасы сформировались в результате различных временных циклов трансгрессии моря, повышение удельных электрических сопротивлений с большой вероятностью обусловлено наличием каменного материала и частично разрушенных построек. Археологические данные указывают, что эти аномалии отражают разные этапы застройки побережья.

На основании этих данных можно предположить, что аномалия на глубине 5 м связана с остатками ранней застройки древнего берега бухты, а аномалия на глубине 3 м – с более поздними строительными работами, относящимися ко времени постройки «ромбовидной башни». «Ромбовидная башня», судя по археологическим данным, была построена в IX–X вв. вблизи уреза воды на террасе III, бровка которой примерно соответствует очертанию берега в тот период.

Аномалия, относящаяся к террасе IV, видимо, сформировалась в связи с наличием каменного материала, аккумулированного в современной прибойной зоне.

Положение границы террасы IV отражает линию берега, сформировавшуюся после подтопления «ромбовидной башни».

Для проверки гипотезы о связи геоэлектрических аномалии с постройками предполагаемого морского порта Херсонеса в Карантинной бухте планируются дополнительные более детальные работы методом донной электротомографии и последующие подводные раскопки.

Литература

1. Алексеенко Н. А. К вопросу о деятельности херсонесского монетного двора в 13 ст. // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 187–191.
2. Алексеенко Н. А. Большой Корсунский клад херсонско-византийских монет X в. // ХСб. 2011. Вып. XVI. С. 9–34.
3. Блаватский В. Д. Отчет подводной археологической экспедиции 1960 года // НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 775. 12 л.
4. Букатов А. А., Дюженко Т. В., Варлагин В. В. Подводные археологические исследования строительных остатков в Карантинной бухте // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы IV Международной научной конференции. М., 2020. Т. 1. С. 39–42.
5. Золотарёв М. И. Портовые сооружения Херсонеса Таврического в Карантинной бухте // ХСб. 2004. Вып. XIII.. С. 55–67.
6. Кадеев В. И. Подводные исследования в Карантинной, Круглой и Песочной бухтах.1965 г. // НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1189.

Н. В. Гинькут

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

Редкие типы поливной кухонной и столовой керамики из раскопок крепости Чембало и ее округи

Исследования крепости Чембало, проводившиеся на протяжении последних 20 лет, дали огромное количество разнообразного материала, в том числе поливной керамики. Среди этих находок выделяется глазурованная керамика, использовавшаяся в качестве повседневной, в том числе и кухонной посуды. Сама керамика тонкостенная (РФК 7), полива покрывает внутреннюю поверхность, иногда края и идет потеками по внешней поверхности.

Данные категории находок можно разделить по составу теста на несколько групп, с учетом визуализации включений.

Тип А. Глина красная (2YR 6/8), плотная, с включениями песка, шамота, железистых частиц, слюды. Полива без ангобного покрытия – в тон глине – темно-желтая – кирпично-красная с переходом в коричневые тона (5YR 5/8, 7,5YR 4/4).

Тип Б. Глина неровного тона – серая или светло-коричнево-серая (5 Y6/1, 7/1; 10YR 7/2-3; 7,5 YR 7/1-4), плотная с включениями кварцевого песка, железистые частицы, блестки слюды. Полива без ангобного покрытия – от палево-желтого тона до оливково-желтого (5 Y 7/6, 6/7-8, 5/6)

Тип В. Глина бело-розово-серых тонов, неровного обжига (5 YR 8/2-3, 7/3), плотная с включениями песка, железистых частиц, шамота. Полива без ангобного покрытия – от грязно-желто-оливкового до желтого тонов (5 Y 5/6).

Тип Г. Глина темно-красная (2,5 YR 5/6-8; 5 YR 6/8), плотная с включениями песка или толченной гальки, шамота. Полива без ангобного покрытия двух тонов. Г 1 – желто-коричневая или коричневая (7,5 YR 4/6; 10 YR5/6), Г 2 – оливковая, темно-оливковая (5 Y 4/4, 5/4; 5 Y 5/3-4).

Тип Д. Глина красная (5 YR 5/8, 6/6-8), плотная с включениями кварцевого песка. Полива по белому ангобу – желто-оливковая, светло-коричнево-оливковая (2,5 Y 4/4, 5/4, 5/8, 5 Y 7/6).

По видовому составу выделяется несколько типов посуды.

1-й тип. Горшки кухонные с отогнутым краем, шаровидным туловом с рифлением, плоским дном, ручка овально-уплощенная крепится непосредственно на венчике и на шарообразном тулове. Горшки имеют несколько размеров. Высота сосудов от 15 до 20 см, диаметр венчика от 9–10 см, до 12–14 см и 15–17 см. Полива покрывает внутреннюю поверхность сосуда, а иногда лишь верхнюю внутреннюю часть сосудов. Выделяется несколько подтипов (рис.1.*1–2*) [Алексеенко и др. 2006, рис. 65; Алексеенко и др., 2007, рис. 66.*4*; Алексеенко и др. 2008, рис. 78; Савеля 1999, рис. 22.*3*].

2-й тип. Сковороды или формы для выпечки (противни), плоскодонные, с отогнутыми утолщенными краями, которые профилированы под крышку, с косыми прямыми или слегка вогнутыми стенками. Ручки (возможно, четыре) крепятся горизонтально под краем, иногда над ним слегка приподняты. Они небольшие, овального сечения, профилированные валиком или желобком. Диаметр края от 20 до 30 см. Высота сохранившихся целых сосудов около 8 см. Внешняя поверхность закопчена. По профилировке края выделяются несколько подтипов (рис. 2) [Алексеенко и др. 2008, рис. 75, 76, 95, 96, 98, 122–124; Адаксина и др. 2010, рис. 211; Адаксина и др. 2011, с. 41, № 61; Адак-

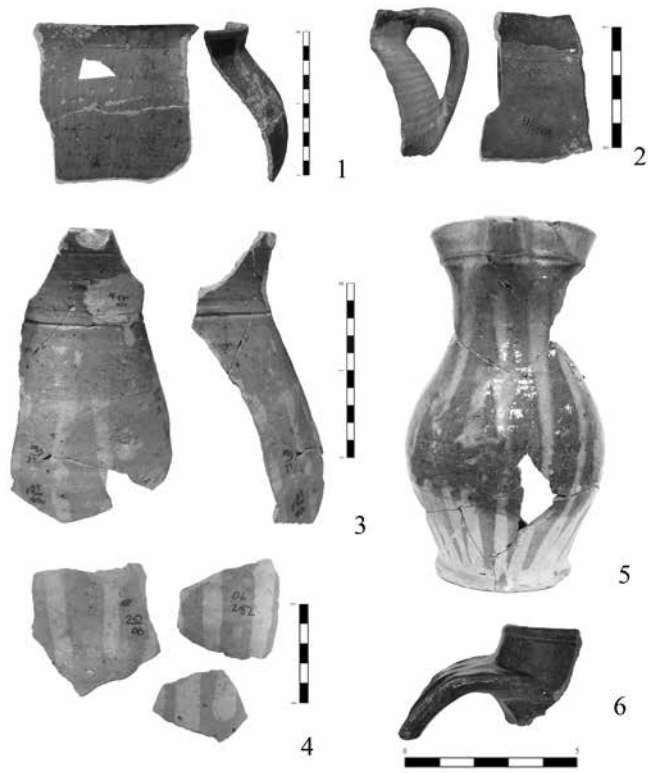

Рис. 1. 1–2. Кухонные горшки. 3–6. Столовые кувшины. Глина, роспись ангобом, полива

сина и др. 2012, с. 124, рис. 55, № 102; Адаксина и др. 2014, с. 80, 85, 92, рис. 65, 134, 140, № 70, 15, 20; Адаксина, Мыц 2019, с. 131, рис. 88].

3-й тип. Столовые кувшины, плоскодонные с профилированным дном, слегка вытянутые с шаровидным туловом и овальными, уплощенными ручками. Полива покрывает внутреннюю поверхность без ангоба, внешняя поверхность покрыта глазурью по ангобу до ½ сосуда. Выделяется несколько подвидов. Это чаще всего сосуды со сливом, присутствуют двуручные кувшины, а также сосуды с узким горлом (рис. 1.*3–6*). Декорировка сосудов встречается нескольких вариантов: 1) подглазурная роспись ангобом в виде вертикальных полос (рис. 1.*3–5*), 2) врезной геометрический или растительно-геометрический орнамент [Алексеенко и др. 2006, рис. 66; Алексеенко и др. 2007, рис. 64; Гинькут 2005, с. 105, рис. 1.*6, 7*; Савеля 1999, рис. 22.*4*].

4-й тип. Столовые сосуды открытого типа, возможно, чаши, на расходящемся кольцевом поддоне. Полива по ангобу, по внутренней поверхности лимонно-желтая [Гинькут 2005, с. 105, рис. 3.*33*].

Поливная керамика описанных типов встречается не только на самой крепости Чембало и на территории посада (рис. 1.*5*) [Савеля 1999, л. 12–16; Гинькут и др., 2021, с. 67], но и в ареале самого консульства; так, например, в слоях поселения в Балке Бермана известны горшки, а также, возможно, некоторое количество сковородок – кастрюль [Гинькут, Яшаева 2014, с. 41].

Поливная керамика со схожими характеристиками известна в верхних слоях Херсона, в Портовом районе: это горшки, миски, кувшины [Сводный отчет… 1971, с. 9]. Кухонные горшки, а также столовые кувшины как с росписью ангобом, так и с врезным орнаментом встречаются в монастырских комплексах округи Херсонеса, а также Загайтанской скалы в долине р. Черная [Яшаева 2005, с. 247–256, рис. 1. *1–2, 5, 6, 17, 20*; 2.*9*; 3.*1*; Гинькут, Чуева 2013, с. 18–20]. За пределами Крыма наиболее близкий комплекс кухонной поливной керамики встречается в слоях XIV в. Азака [Масловский 2006, с. 401, рис. 37].

Хронология находок в пределах крепости Чембало датируется временем не ранее 40-х гг. XIV столетия (времени основания крепости). Эта керамика практически не известна в слоях XV в. из Чембало [Гинькут 2005, с. 105]. Комплекс находок из ям на ул. Рубцова (Балаклава) по сопутствующему материалу также датируется в пределах конца XIII–XIV в. [Савеля 1999, с. 12–16]. Это же можно сказать и о находках из верхних слоев Херсона, которые сопровождаются монетами 1340–1357 гг. [Романчук 1999, с. 202]. Появление этой керамики в регионе можно отнести к периоду не ранее конца XIII в., поскольку в слоях разрушения Херсона третьей четверти XIII столетия керамика вышеописанных групп не встречается. В то же время она присутствует в хорошо датированных комплексах XIV столетия из Азака. По мнению И. В. Белинского и А. Н. Масловского, керамика поступала в Азак на протяжении XIV столетия, но преимущественно в первой половине [Белинский, Масловский 2005, с. 162, Масловский 2006, с. 401]. Кувшины из Созополя, декорированные в технике «sgraffito», датируются 1300–1321 гг. [Дражева 1992, с. 296–297]. Кувшины с росписью белым ангобом встречаются в комплексах Причерноморье и Приазовье второй половины XIII – первой половины XIV в. [Зеленко и др. 2012, с. 132].

Вопрос о центре производства данной керамики остается открытым. Высказанное А. Н. Масловским предположение о византийском или черноморском происхождении нуждается в дальнейшем уточнении. Пока такие данные отсутствуют. Одно можно отметить: несколь-

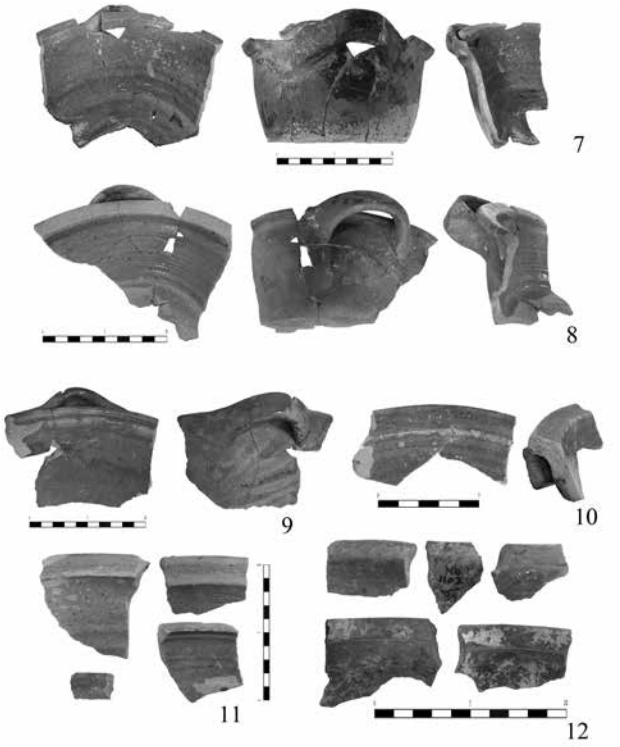

Рис. 2. 7–12. Сковороды или формы для выпечки (противни). Глина, полива

ко типов формовочных масс позволяют предположить существование нескольких центров производства данной посуды. Точных аналогий нашей керамике за пределами Крыма, за исключением Азака, на сегодняшний день пока не известно. Однако, следует отметить, что близкие по глине, глазурному покрытию, технике его нанесения, а также манере исполнения орнамента сосуды встречаются в небольшом количестве в разных точках Средиземноморско-Причерноморского региона. Например, кувшин с росписью ангобом находит отдаленные аналогии на Фасосе [François 1995, p. 236, fig. 72 C - 416] и среди материалов кораблекрушения близ Нового Света, которые по археометрическим исследованиям близки к продукции производственного центра в Сиркечи (Стамбуле) [Зеленко и др. 2012, с. 132, 135]. Кувшины, декорированные растительно-геометрическим орнаментом, как отмечалось, известны в Созополе [Дражева 1992, с. 296–297].

Круг близких аналогий поливной кухонной керамики, в частности, сковородок или форм для выпечки с горизонтальными ручками, происходит из региона Леванта времен крестоносцев, где, по мнению Д. Пригла, они датируются после 1247 г. [Pringle 1984, p. 99, fig. 5.*25–29*; Pringle 1985, p. 176–178, fig. 3.*9–10*; Avissar, Stern 2005, p. 142, fig. 2.*23*: 17–20], а по мнению Э. Штерн – последними десятилетиями XIII столетия [Stern 1997, p. 35, 40–43, fig. 5.*38–41*]. Несомненно, формы этой посуды не являются точными аналогами наших находок, но их объединяет несколько общих черт, среди которых, помимо покрытия поливой внутренней поверхности, – форма прямых и скошенных тонких стенок тулова и небольшие горизонтальные ручки. Также ряд исследователей отмечает присутствие кухонной левантийской посуды на Кипре [Gabrieli et al., 2020], формы поливных плоскодонных глубоких чаш известны в более поздних слоях, как XV, так и XVI–XVIII вв. [Vroom 2005, p. 140–141, 150–151].

Данная посуда могла использоваться и в качестве столовой, и для приготовления пищи. В качестве кухонной посуды использовались горшки 1-го типа и сковороды или формы для выпечки (противни) 2-го типа. Поливное покрытие позволяло приготавливать пищу без ее пригорания к внутренним стенкам. Сковороды или формы для выпечки активно употреблялись для прожарки как мясных и рыбных блюд, так и другой пищи. Также отмечается и факт применения такого типа керамики для выпечки и блюд, которые застывают во время приготовления, и их было бы трудно, если не невозможно, отделить от неглазурованных поверхностей [Gabrieli et al. 2020]. Столовые кувшины и чаши могли использоваться для сервировки стола. Кувшины, вероятно, находить применение для воды или различных напитков.

Присутствие этой керамики в слоях памятников юго-западного Крыма, в конце XIII – XIV в. можно объяснить появлением и активной деятельностью в Причерноморском регионе итальянских купцов. Количественно она не преобладает среди материалов памятников, что позволяет с осторожностью говорить о том, что она так и не стала предметом активных торговых операций, и, вероятно, использовалась определенной группой населения, отражая культуру питания. В пользу этого вывода свидетельствует и отсутствие таких типов, как сковороды или формы для выпечки (противни) в кухонной посуде других производственных групп, за исключением поливных глубоких плоскодонных мисок с вертикальными ручками [Тесленко 2021, с. 81. рис. 75]. Однако их форма все же ближе к итальянской керамике [Vroom 2005, p. 126]. Таким образом, группы этой поливной керамики

выступают не только хроноиндикатором позднесредневековых слоев памятников юго-западного региона Крыма, но позволяют нам говорить об определенных культурных традициях в приготовлении пищи жителей консульства Чембало.

Литература и архивные материалы

1. *Адаксина С. Б, Мыц В. Л, Ушаков С. В* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008–2009 гг. СПб.; Симферополь, 2010.
2. Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2010 г. СПб.; Симферополь, 2011.
3. Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. СПб.; Симферополь, 2012.
4. Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2012–2013 гг. СПб.; Симферополь, 2014.
5. Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2018 г. СПб.; Севастополь, 2019.
6. *Алексеенко Н. А., Гинькут Н. В., Дьячков С. В. Отчет о раскопках участка Б у башни № 8 «консульского замка» генуэзской крепости Чембало в 2006 г. //* НАО ГИАМЗ*. Д. 3865.*
7. *Алексеенко Н. А., Гинькут Н. В., Дьячков С. В. Отчет о раскопках участка В у башни 8 консульского замка генуэзской крепости Чембало в 2007 г. //* НАО ГИАМЗ. *Д. 3914.*
8. Алексеенко Н. А., Гинькут Н. В., Дьячков С. В Отчет о раскопках в припортовом районе генуэзской крепости Чембало в 2008 году. Башня № 8 (участки Б и В). Припортовый район (участок А) // НАО ГИАМЗ. Д. 3997.
9. Белинский И. В., Масловский А. Н. Импортная поливная керамика Азака (XIV в) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005. С. 160–177.
10. Гинькут Н. В. Поливная керамика византийского круга из раскопок «консульской» церкви генуэзской крепости Чембало // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 99–120.
11. Гинькут Н. В., Иванов А. В., Савеля Д. Ю. Керамика генуэзского времени из предместья крепости Чембало (по результатам охранных исследований в 2003–2005 гг., г. Балаклава, ул. Кирова – Историческая). Предварительный обзор // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы V Международной научной конференции. М., 2021. С 64–70.

12. Гинькут Н. В., Чуева Е. Е. Керамический комплекс конца XIII – начала XV в. из раскопок пещерного храма с фресками на Загайтанской скале (Инкерман, Крым) // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тез. докл. и сообщ. Бахчисарай, 2013. С. 18–20.
13. Гинькут Н. В., Яшаева Т. Ю. Некоторые группы поздневизантийской поливной керамики из раскопок К.Э. Гриневича в балке Бермана // Поливная керамика Причерноморья –Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации. Тезисы докладов Международного научного семинара. Севастополь, 2014. С. 40–43.
14. Зеленко С. М., Тесленко И. Б., Ваксман С. Й. Несколько групп поливной посуды с кораблекрушения конца XIII в. вблизи Судака (Крым) (Морфологическая типология и лабораторные исследования) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Бібліотека VITA ANTIQUA. Збірка наукових праць. Киев, 2012.
15. Дражева Ц. Мастерская по производству «сграффито» керамики из Созополя // Bulgaria. Potica MEDII AEVI, III, Nessebre, 1985. Sofia, 1992.
16. Масловский А. Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. С. 308–473.
17. Романчук А. И. Глазурованная керамика поздневизантийского Херсона: к вопросу о гибели города в XIII или XIV в. // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 187–202.
18. Савеля О. Я. Отчет об охранных раскопках и разведках в Балаклавком районе г. Севастополя в 1999 г. // НАО ГИАМЗ. *Д. 3446.*
19. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедиции в 1963-1964 гг. // АДСВ. 1971. Вып. 7.
20. Тесленко И. Б. Керамика Крыма XV века. Киев, 2021.
21. Яшаева Т. Ю. Поливная керамика из раскопок пещерных монастырей Херсона // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005. С. 247–256.
22. Avissar M., Stern E. J. Pottery Of The Crusader, Ayyubid,And Mamluk Periods In Israel // IAA Reports, No. 26. Israel Antiquities Authority Jerusalem 2005
23. Gabrieli R. S., Waksman S. Y., Shapiro A., Pecci A. Archaeological and archaeometric investigations of cooking wares in Frankish and Venetian Cyprus // Multidisciplinary approaches to food and foodways in the medieval Eastern Mediterranean [en ligne]. Lyon, 2020 (généré le 12 avril 2022). Disponible sur Internet: <http://books.openedition.org/momeditions/10154>.
24. François V. La céramique byzantine à Thasos. Paris, 1995.
25. Pringle D. Thirteenth - Century Pottery from the Monastery of St. Mary of Carmel // Levant. 1984. Vol. XVI. P. 91–111.
26. Pringle D. Medieval Pottery from Caesader: the Crusader Period // Levant. 1985. Vol. XVIII. P. 176–178.
27. Stern E. J. Excavations of the Courthouse Site at ‘Akko: The Pottery of the Crusader and Ottoman Periods // ’Atiqot. Reports and studies of Excavations in Judea and Samaria. Jerusalem, 1997. Vol. XXXI. P. 35–70.

Т. В. Дианова, Т. А. Прохорова
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

ХЕРСОНЕССКИЙ МУЗЕЙ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА. ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

История Херсонесского музея и раскопок уже давно вызывает большой интерес среди исследователей. Первые попытки осмыслить итоги деятельности музея в Херсонесе и результаты археологических раскопок были предприняты еще в 1927 г. К. Э. Гриневичем [Гриневич 1927]. Впоследствии к этой теме продолжали обращаться, но преимущественно для подведения итогов работы музея [Антонова]. Высокий интерес к Херсонесу и его музею способствует появлению все новых и новых исследований, однако законченного труда не написано до сих пор.

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают период с 1921 по 1929 гг. В это время были заложены основы музейной сети нарождающейся советской республики. Организационная и юридическая сторона вопроса исследованы достаточно хорошо [Бойцова 2011; Акимченков 2015; Мусаева 2013; Сибиряков 2015]. Ценными источниками по истории музея являются документы по административной и хозяйственной деятельности, переписка с центральными и местными организациями, отдельными лицами, служебная переписка, дела по личному составу. Нередко эти документы проливают свет на будничную жизнь Херсонесского музея, историю его повседневности. Этой стороне музейной жизни посвящен настоящий доклад.

Как известно, Херсонесский музей – «Склад местных древностей» – был построен в 1892 г. Долгое время он соседствовал с Херсонесским мужским монастырем, основанным еще в 1850 г. В конце 1920 г., после ухода армии Врангеля из Крыма, монастырская усадьба была отведена под концентрационный лагерь для контрреволюционных элементов. Исправительно-трудовой лагерь работал на территории Херсонесского монастыря с 1 января по 1 августа 1921 г. К концу июля 1921 г. постройки, находящиеся в ведении исправительно-трудового лагеря, передавались в распоряжение военных частей и собеса. Таким образом, территория бывшей монастырской усадьбы была поделена между Домом для престарелых инвалидов и 7-м стрелковым полком Казанской дивизии Красной Армии. Монастырские храмы, несмотря на это, продолжали службу. При монастыре сохранялась община, которая к концу ноября 1922 г. насчитывала 210 человек и 8 священников [Островская 2015, с. 136].

11 августа 1921 г. Херсонесское городище объявлено собственностью Республики и передано секции по делам музеев и охране памятников, старины и искусства [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 150. Л. 8]. Херсонесский монастырь со всеми хозяйственными постройками был передан Крымохрису (Крымохрис – отдел по охране памятников истории при отделе наркомата просвещения РСФСР) [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 148. Л. 28]. 31 января 1924 г. принято Постановление СНК и ЦИК Крымской АССР, по которому юридически усадьба и здания монастыря целиком передавались в ведение Херсонесской дирекции музеев и раскопок. Исключение составляли несколько флигелей, занятых воинскими частями и инвалидами, и три действующие церкви, что не позволяло оградить все Херсонесское городище и усадьбу музея [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 153. Л. 21, 22]. 27 августа 1924 г. состоялось заседание Президиума СНК Крыма, на котором было рассмотрено ходатайство Наркомпроса Крыма от 18 августа № 199 о ликвидации собора в бывшем Херсонесском монастыре и о его передаче в ведение дирекции Херсонесских раскопок.

В распоряжении музея находились десять помещений на берегу Карантинной бухты, а также 42 здания бывшей монастырской усадьбы. В музейно-заповедный комплекс на территории Херсонеса вошли не только постройки бывшей монастырской усадьбы, но и зеленые насаждения. В 1924–1925 гг. Херсонесскому музею принадлежало здание на ул. Ленина, 49 (бывший Севастопольский филиал дома-музея им. Л. Н. Толстого). В этом здании после гражданской войны размещалась эвакуированная из Харькова коллекция музея до окончательного освобождения монастырских зданий, переданных Херсонесскому музею и прежде занятых другими учреждениями. В дальнейшем квартиры в этом доме были заняты различными жильцами, и музей установил для них квартплату и обязательную оплату коммунальных расходов.

Деятельность Херсонесского музея в 20-е гг. XX в. шла по четырем основным направлениям: музейная работа, научно-архивная и археологическая, культурно-просветительная и экскурсионная, охрана древнего городища.

С назначением на пост директора музея К. Э. Гриневича началась плодотворная работа по созданию нового археологического музея с постоянной научной экспозицией. Работа по реорганизации музея была начата 12 мая 1925 г. 7 июня уже был открыт античный зал, а 19 июля – византийский [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 238. Л. 19, 22]. Прежде чем развернуть музейную экспозицию в новых помещениях, был произведен срочный ремонт зданий и реставрация памятников древнего городища [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 151. Л. 47, 47 об.].

В 1925 г. музею передают здание Владимирского собора. По примеру того, как в 1926 г. малая церковь (Семи священномучеников) была переоборудована, и в ней разместили античный лапидарий, Владимирский собор приспосабливался под хранилище коллекции каменных предметов средневекового периода [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 263. Л. 2].

Одной из главнейших задач, стоявшей перед руководством, было установление запрета на купание, из-за которого береговая часть городища подвергалась замусориванию и разрушению. Специальным постановлением Главнауки РСФСР купание на территории музея было запрещено. Но, идя навстречу пожеланиям и интересам жителей Севастополя, дирекция музея совместно с Особой комиссией от Горсовета нашла возможным разрешить купание в районе Карантинной бухты [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 253. Л. 108].

С 7-го июня 1925 г. была введена плата за вход на городище – экскурсантам 5 коп., членам профсоюза 10 коп., красноармейцам бесплатно. Уже к концу 1926 г. произведена полная изоляция городища с переносом кассы к входным воротам.

Постановлением Управления Уполномоченного МОГ по Крыму в ведение Херсонесского музея перешел весь район от Инкермана до Балаклавы, а также Гераклейский полуостров. Поэтому, каждое воскресенье производился объезд вверенной музею территории. Для этого использовалась линейка (конный экипаж на четырех человек, которые сидят двумя парами спиной друг к другу), приобретенная за 445 руб. в 1927 г.

В 1925–1926 гг. фактически были выполнены намеченные планы: проведена изоляция городища проволочным заграждением, произведен ремонт зданий и оборудования – капитальный ремонт крыши над мозаичными полами «базилики в базилике» и сторожки при них; вставлены стекла в помещении византийской экспозиции; проведено электрическое освещение; произведен ремонт крыши и труб Владимирского собора. На эти мероприятия израсходовано 2498 руб. 51 коп.

Состав служащих Херсонесского музея в 1926 г. включал в себя 16 человек, включая директора Константина Эдуардовича Гриневича [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 258. Л. 3].

Музей существовал за счет доходов с платы за посещение музея и выставок, доходов от продажи изданий и открыток с видами Херсонеса, от эксплуатации земельных угодий (сдача в аренду под выпас скота в западной части городища, сдача в аренду участков под огороды в районе крестообразного храма), от сдачи в аренду квартир, случайных доходов (например, отчисления госфондовой комиссии от реализации колоколов [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 237. Л. 55]).

В 1929 г. вступили в действие обязательные правила по сохранению порядка на территории Херсонеса и его городища. Согласно правилам, воспрещалось портить садовые культуры, бросать мусор на землю, лазить по стенам и фундаментам, спускаться в склепы, сдвигать с места древние камни, нарушать внутренний порядок, устраивать игры или сборища, приставать лодкам, выгонять скот, купаться у берегов Херсонеса, нарушать внутренний порядок в помещениях музея, а также справлять естественные надобности без уборной. Нарушение правил влекло штрафование виновных посетителей в размере от 1 до 3 рублей [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 309. Л. 179].

Тогда же музей утвердил правила внутреннего распорядка, выполнение которых требовалось от каждого работника. Ежедневно, по 2 часа производилась уборка – музейные служители производили уборку помещений музея, а работники наружной охраны –территории городища. Наблюдение за чистотой помещений и выполнение данных правил вменялось в обязанности завхоза. Содержание и чистота рабочих помещений, а также их уборка проводилась в урочное время самими работниками или особым персоналом.

Как и прежде, дирекции музея приходилось вести борьбу за сохранность памятника с жильцами, которые держали домашний скот и занимались хозяйством.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что планы руководства по организации работы в музее, намеченные в начале 20-х гг., в основном были выполнены. Херсонесский музей имел четыре отдела – античный, византийский, античный лапидарий и отдел средневековых древностей. Все отделы размещались в помещениях бывшего монастыря. Площадь музейных залов составляла 1671 кв. м. Для посетителей работал античный и византийский залы. Была проделана большая работа по охране Херсонесского городища и его памятников, а также по ремонту зданий музея. Музей работал ежедневно, кроме понедельника, с 8 часов утра до 17 часов. Экспозиции можно было посетить с 11 до 15 и с 16 до 18 часов. Сообщение музея с городом осуществлялось катером – ежедневно совершалось три рейса в Херсонес и три рейса в город. На территории музея проживали сотрудники музея и члены их семей. Для связи с городом имелась лошадь и ялик «Херсонес». Руководством проделана огромная работа по охране городища и его памятников, ремонту зданий усадьбы музея, отреставрированы многие памятники городища. Однако далеко не все проблемы удалось решить в течение первых пяти лет работы советского музея. Отселение посторонних жильцов, изъятие помещений у представителей военного ведомства и социальных служб, борьба с

бесконтрольным выпасом скота и актами вандализма – все это оставалось на повестке дня у молодого музея. Во многом решать эти вопросы предстояло уже в 30-е гг. XX в.

Архивные материалы

1. Ведомости на выдачу зарплаты служащим Херсонесского археологического музея // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 258. Л. 3, 86, 184, 233, 329, 399, 427.
2. Обращение врид Уполномоченного Крымохриса по Севрайону в Севрайисполком. 8 апреля 1924 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 153. Л. 21.
3. Обращение врид Уполномоченного Крымохриса по Севрайону в Севастопольское отделение собес. 14 апреля 1924 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 153. Л. 22.
4. Обязательные правила по сохранения порядка на территории Херсонеса и его городища // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 309. Л. 179.
5. Переписка директора Херсонесского музея К. Э. Гриневича с Наркомпросом об открытии античного и византийского залов. 1925 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 238. Л. 19, 22.
6. Переписка Херсонеса с Севохрисом с 1 октября 1924 г. по 31 января 1925 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 151. Л. 47, 47 об.
7. Письмо К. Э. Гриневича в Президиум Севастопольского Горсовета об установлении входной платы в Херсонесе. 29 июля 1929 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 253. Л. 108.
8. Приказ № 450 Крымского революционного комитета. 11 августа 1921 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 150. Л. 8.
9. Протокол № 43 заседания КрымСКН и КымЦИК от 26 апреля 1923 г. о передаче Херсонесского монастыря Крымохрису // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 148. Л. 28.
10. Сведения по вопросу о национализации зданий и территории, принадлежащей Херсонесскому музею. 17 января 1927 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 263. Л. 2.
11. Смета доходов Херсонесского археологического музея и площади раскопок по специальным средствам за 1925/26 гг. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 237. Л. 55.

Литература

1. Акимченков В. В. В борьбе за советский патриотизм: Севастопольское музейное объединение (1928–1940). М.; Симферополь, 2015. 244 с.
2. Антонова И. А. Херсонесский музей за годы советской власти // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 3–12.
3. Бойцова Е. Е. Музейное строительство в Севастополе в 1920-е годы. Севастополь, 2011. 116 с.
4. Гриневич К. Э. Сто лет Херсонесских раскопок (1827–1997). Севастополь, 1927. 57 с.

5. Мусаева У. К. Развитие музейного дела в Крымской АССР (1921–1941). Симферополь, 2013. 404 с. («Биобиблиография крымоведения». Вып. 21).
6. Островская И. В. Херсонесский Свято-Владимировский монастырь после установления советской власти в Крыму (ноябрь 1920–1921 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. I. С. 135–139.
7. Сибиряков И. В. Музеи советского Севастополя: трансформации прошлого во имя будущего // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 57–65.

Н. В. Днепровский
Издательство «Невская Лавра», Санкт-Петербург

К истории изучения наземных церквей Мангупа: разведки Д. М. Струкова

Имя художника и археолога-любителя Д. М. Струкова достаточно хорошо известно в историографии крымоведения, но многие его материалы все еще ждут своей публикации в архивных хранилищах. Так, лишь в 2021 г. автору этих строк удалось документально доказать, что именно он был первооткрывателем «гарнизонной» церкви на Мангупе.

Это не случайно. По мнению А. Ф. Вельтмана, который являлся непосредственным начальником Д. М. Струкова, Мангуп был одной из шести «местностей», в которых следовало искать корни Православия в Крыму.

Струков серьезно подготовился к этим поискам. По собственному признанию, он «с 1868 по 1871 год занимался непрестанно чтением исторических сочинений о Крыме…» [Струков (а), л. 8]. Это утверждение подробно раскрывается в другом архивном документе: «Всех сочинений и исторических документов [о Крыме. – *Н. Д.*] на разных языках очень много; из них обращают особенное внимание: Рубрикиса (sic!), Сестринцевича (sic!), Тунмана, Паласса (sic!), Дюбуа де Монперер (sic!), Кеппена, Сумарокова, Бруна, Вельтмана, Мурзакевича, князя Кочубея, Кене, Рашета, графа Уварова, Аркаса, Караулова; издания: Археологической Коммиссии, Одесского Общества Истории и Древностей и многих других.

Перечитав по возможности из сочинений о Крыме все, напечатанное по русски, я заметил, что в большинстве случаев описывается жизнь языческого периода, о христианстве же сравнительно немного, а если есть более подробные известия, то за время пребывания Ге-

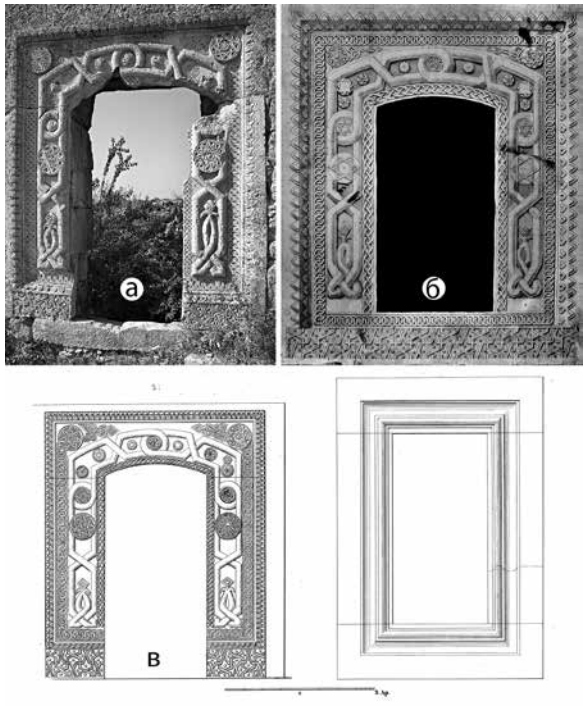

Рис. 1. Наличник Мангупа: а) – современное состояние (фото автора), б) – рисунок Д. М. Струкова [Струков, б) б/д: ненумерованный лист], в – рисунок Ф. Дюбуа де Монпере [Dubois de Montpéreux 1840: pl. XXVIIIb]

нуэзцев в Крыму, но с точки зрения латинян, почему потребовалось чтение византийских историков, отцев Церкви и других церковных писателей; тогда только можно было получить краткое понятие о христианстве в Тавриде и то далеко не полное» [Струков 1875, л. 17–18].

Особенно стоит отметить знание Д. М. Струковым уникального «Атласа» Ф. Дюбуа де Монпере, о чем говорит следующая запись: «В 6 верстах от Шули скала Мангуп, на вершине которой сохранились остатки крепости и здания похожего на дворец, в котором уцелело окно с иссеченными орнаментами, окно это было издано в атласе путешествия по Крыму Дюбуа-де-Монперер (sic!), но как оказались небольшие неточности исполнения, я решился нарисовать вновь, и сделать слепок с орнамента…» [Струков (в), л. 20 об., 21].

Сравнение этих рисунков между собой и с документальной фотографией наличника показывает, что степень точности воспроизведе-

Рис. 2. Цитадель Мангупа («Дворец»). Рисунок Д. М. Струкова [Струков (б) б/д, л. 60]

ния у обоих была примерно одинаковой (рис. 1); равнозначимой, следовательно, должна быть и выполненная ими графическая фиксация других памятников.

Видимо, благодаря «Атласу», где был помещен достаточно подробный план Мангупа, Д. М. Струков имел ясное представление о топографии последнего: «В 5 верстах от этого места скала Мангуп[1] имеющая отвесные природные обрывы и только с одной стороны есть дорога для езды, ведущая на вершину скалы и еще тропа; вершина скалы дугообразной формы, длиною до 2½ верст и шириною около одной версты, часть северной оконечности скалы отделена каменною стеною и воротами, около коих сохранились развалины здания, своими изящно чеканными на камнях украшениями заставляющие предполагать здание бывшего Дворца имеющего фасад см. л. 61 украшенный чеканными окнами[2] (см. рис. 2. – *Н. Д.*), из которых от одного окна чеканные украшения вынуты и увезены каким либо любителем старины; против Дворца видны следы церкви см. л. 70, потом далее на обрыве скалы к востоку по ступеням в низ еще есть храм долбленный высеченный см. л. 63 и на самом угле скалы выдолблены жилые помещении в несколько этажей, имеющие сообщение лестницами с наружи и внутри скалы, части этих пещер см. л. 62, на площадке между Дворца и угла видны многие фундаменты зданий, а может быть и части стен, засыпанные от времени землею и пылью. – по другую

[1] См. приложение III стр. 55 (прим. Д. М. Струкова).
[2] См. л. 62 (прим. Д. М. Струкова).

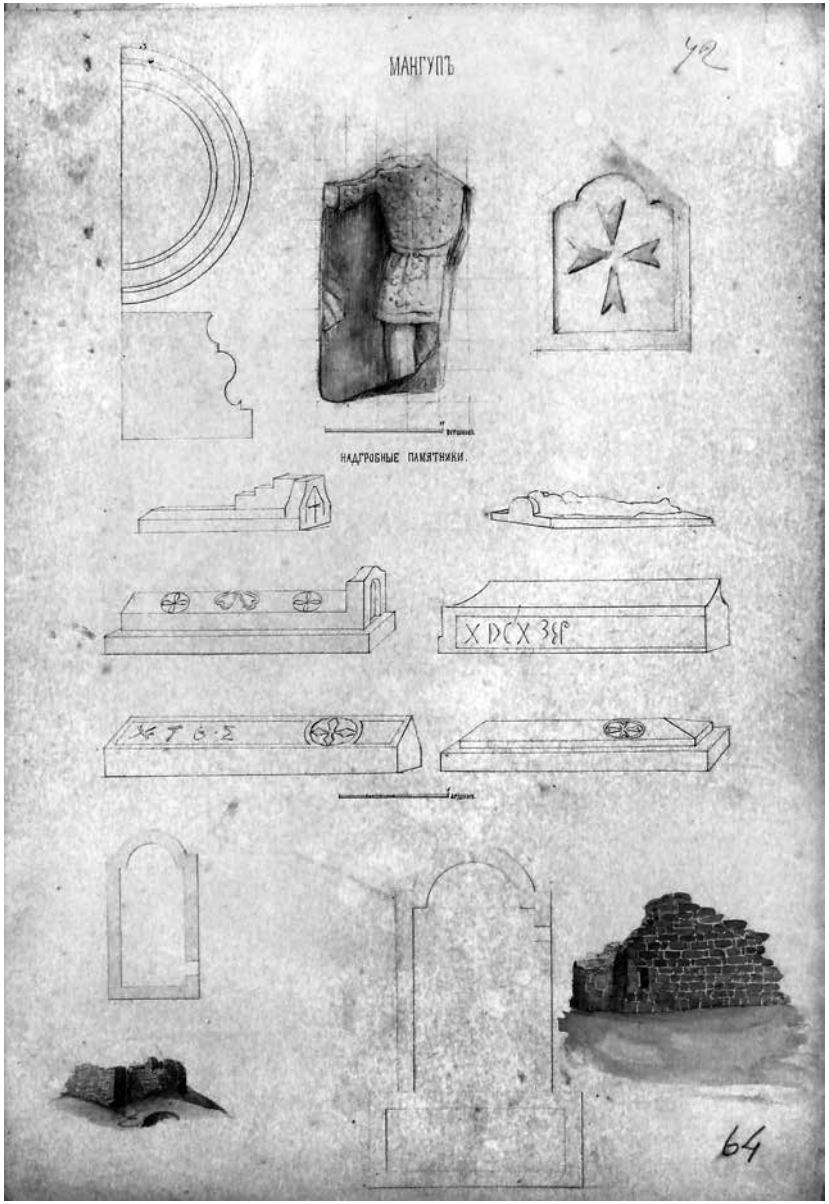

Рис. 3. Памятники Мангупа.
Рисунок Д. М. Струкова [Струков (б) б/д, л. 64]

сторону от Дворца, где вероятно был самый город, видны фундаменты многих рядов зданий, из числа коих одно есть церковь, пристроенная к жилому дому не была ли это кафедра Епископов[3] см. л. 64 на расстоянии более 200 сажень, от сказанного храма есть еще остатки стен малого храма, окруженного гробницами и памятниками формы их см. л. 64 среди камней разбросанных около храма, на одном видна часть рельефно изображенного воина см. л. 64.

Далее по другому краю скалы сохранились остатки стен и башен.

Среди строенных зданий не мало есть долбленных иссеченных жилых помещений, близ коих источник превосходной чистой воды, сверх сего есть остатки здания напоминающего мечеть и другое синагоги, и кладбища еврейское[4] и магометанское» [Дело… 1872, л. 16–17].

Обратимся теперь к перечню проделанных Струковым на городище исследований: «Против фасада Дворца была строенная церковь, виден фундамент ее… к югу от Дворца сохранились развалины строенного храма, при коем есть фундамент жилого здания, и кладбище с многими надгробными памятниками, некоторые из них очистил и нарисовал. Там же есть другое кладбище имеющее небольшую церковь на сводах, что по моему мнению похоже на усыпальницу быть может Князей Мангупа, на этом месте между многими плитами есть один обломок рельефного изображения фигуры человека» [Струков (в), л. 20 об. – 21 об.]. «Строенная церковь», фундамент которой был виден «против фасада Дворца» – это, скорее всего, храм-октагон: ведь «фасадом» следовало считать именно ту сторону донжона, на которой были знаменитые резные наличники, а вовсе не глухую стену с напольной стороны. Но главное – сохранился лист, на котором художник фиксирует оба «строенных» храма, надгробия и барельеф (рис. 3). Правый из этих рисунков вполне узнаваем: на нем мы видим характерные стены, доныне сохранившиеся от храма Богородицы, в недавнее время переименованного в «церковь Константина и Елены». Здесь весьма важно свидетельство Струкова о том, что церковь была «пристроена к жилому дому», по поводу чего он задается вопросом, «не была ли это кафедра Епископов». Это свидетельство, наряду с выполненным им планом, показывает, что церковь имела обширный нартекс, вытянутый поперек оси храма. Но еще интереснее левый рисунок и упоминание в тексте «небольшой церкви на сводах». Вспомним, что раскопками Р. Х. Лёпера в так называемом храме св. Георгия был вскрыт склеп, сама же церковь получила свое

[3] Не эта ли церковь была в честь св. Феодора богато украшенная в XII ст., которую видел Рубруквис (прим. Д. М. Струкова).

[4] Есть надгробные плиты, подобные как на л. 30 (прим. Д. М. Струкова).

название после находки Лёпером нижней части конной статуи [Лёпер 1913, с. 74–75]. Последняя отождествляется с барельефом упомянутого святого исключительно с его слов, поскольку реально распознать что-либо в этом обломке достаточно сложно. А вот зарисованный Струковым барельеф (рис. 3), действительно, очень похож на традиционные изображения св. Георгия, в том числе и на известную резную икону из Георгиевского монастыря.

Видимо, именно художника и следует считать первооткрывателем храма святого Георгия. Его исследования наземных памятников городища являются важной, хотя и неведомой исследователям страницей в истории изучения «пещерных городов».

Архивные материалы и литература

1. Дело Императорской Археологической Комиссии о предоставлении художником Д. М. Струковым альбома рисунков Крымских древностей с просьбою об ассигновании 6/т руб. на издание их // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1872 г. № 35.
2. Днепровский Н. В. К вопросу о приоритете в открытии «гарнизонной» церкви на Мангупе: Р. Х. Лепер или Д. М. Струков? // ХСб. 2021. Вып. XXII. С. 223–240.
3. Лёпер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 году (предварительное сообщение) // ИИАК. 1913. Вып. 47. С. 73–79.
4. Струков Д. М. О священных древностях Крыма – записка. 1875. // ОР РГБ. Ф. 293. Папка 24. Ед. хр. 7. 18 л.
5. Струков Д. М. Записка об археологических изысканиях в Крыму в 1868 и 1871 г. Б/д. // ОР РГБ. Ф. 293. Папка 24. Ед. хр. 2. 30 л. (а)
6. Струков Д. М. «Рисунки древних памятников христианства в Тавриде». Б/д. // Отдел ИЗО РГБ, топографический шифр 105/5 378. (б)
7. Струков Д. М. Черновые записки Струкова, являющиеся объяснениями моделей и рисунков остатков древних жилищ и храмов, обследованных Струковым в Крыму, и материалами по составлению научного труда о древне-христианских памятниках Крыма. Б/д. // ОР РГБ. Ф. 293. Папка 30. Ед. хр. 7. (в)
8. [F. Dubois de Montpéreux]. Voyage au Caucase chez les Tcherkesses & les Abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée par Frédéric Dubois de Montpéreux. Atlas série d'architecture ou IIIe Série. Neuchatel en Suisse: chez L' Auteur, 1840.

В. В. Дорошко

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

ВЕЩЕВАЯ БИРКА С УПОМИНАНИЕМ I КИЛИКИЙСКОЙ КОГОРТЫ ИЗ РАСКОПОК НА ВЫСОТЕ СУЗДАЛЬСКОЙ

В августе 2017 г. во время раскопок пункта римского военного базирования на высоте Суздальской был обнаружен бронзовый диск диаметром 5,1 см. Он имеет слегка выпуклую поверхность. В центре – отверстие с небольшим гвоздем, шляпка которого имеет сферическую форму. После проведения реставрационных работ на обеих сторонах открылись трехстрочные латинские надписи (рис. 1).

Оба текста различаются по палеографии, величине букв, разной форме знака центурии и величине точек, оставленных кернером. Положение гвоздя, фиксировавшего диск, дает представление о том, какой из текстов был нанесен раньше. Также заметим, что диску изначально придали слегка выпуклую форму. Ранний из текстов определяется по расположению гвоздя и находится на выпуклой стороне диска. На первоначальной лицевой поверхности читается COH I CIL / > • [---]I / ARISTO (сторона А). Буквы текста крупнее, а точки – немного раздвоенные из-за формы острой части кернера. Здесь имя солдата отделено расположением ниже шляпки гвоздя. На новой лицевой стороне выбито COH I CIL / > • VALERI • S / G • ARRIO (сторона Б). Буквы текста меньше, поэтому он поместился в верхней половине диска. Чтобы обособить имя солдата, была использована линейка.

Сторона А: Coh(ors) I Cil(icum)/(Centuria) • [---]i/ Aristo

Сторона Б: Coh(ors) I Cil(icum)/(Centuria) • Valeri(i) • S(---)/ G(aio) • Arrio

Чтобы понять назначение диска, обратим внимание на способ фиксации диска и необычную форму шляпки крепежного гвоздя. Вместо нескольких заклепок, концы которых расплющивали на шайбах с обратной стороны ремня, мы видим единственный гвоздь, зафиксированный только загибом конца ножки. Накладка, вероятно, крепилась к какой-то кожаной амуниции. Необычная сферическая форма шляпки позволяет быстро извлечь гвоздь при замене и для это этого достаточно было выпрямить его ножку. Таким образом, можно констатировать, что перед нами вещевая бирка. Находка достаточно редкая, и в литературе их наберется всего несколько десятков. Судя по всему, их общий вид строго не регламентировался, но в основном, это две

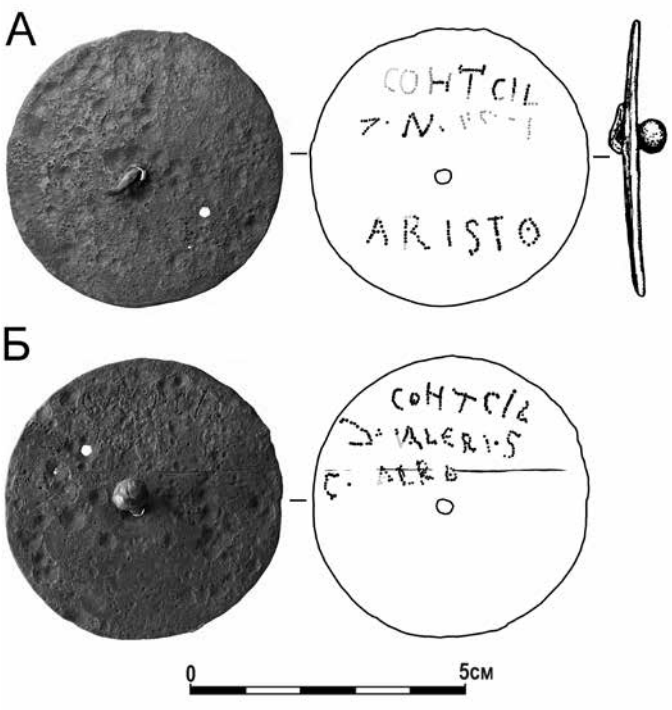

Рис. 1. Вещевая бирка с упоминанием I Киликийской когорты из раскопок на высоте Суздальской

формы: в виде tabula ansata и дисковидные [напр.: Oldenstein 1976, S. 190–193, Taf. 61; Gschwind 2004, Taf. 42].

Назначение бирок, в целом, то же, что и у подписей на металлических частях предметов римского вооружения [Bishop, Coulston 1993, p. 46, fig. 16. 1–4, 6–8], с той лишь разницей, что крепились они к предметам из органики, вероятно, сумкам, конской упряжи, чехлам щитов и т. д. Дошедшие до нас источники дают представление о том, что в I – II вв. солдаты покупали вооружение в момент начала службы, а по окончании срока или в случае смерти владельца подразделение выкупало его [MacMullen 1960, p. 24; Breeze 1976, p. 93–95; Bishop, Coulston 1993, p. 198–199]. Практика нанесения имен на предметы снаряжения возникла еще в республиканское время, но начиная с эпохи Клавдия в подписях появляется когномен [Bishop, Coulston 1993, p. 46].

В первых строках каждого из текстов вещевой бирки с высоты Суздальской присутствует название подразделения – I Киликийская когорта. Отметим один немаловажный момент: как правило, большинство найденных бирок дают информацию только о центурии владельца, также часто – имени самого владельца, реже – о названии подразделения. В нашем случае дана полная информация и на обеих сторонах. Объяснять это нужно следующим образом: в тех местах, где состав отряда был однородным, лицам, ответственным за хранение снаряжения в арсенале, достаточно было сведений о центурии и владельце, помещенных на бирку. Там же, где состав вексилляции был смешанным, требовалось указать и название подразделения. Контингент римских подразделений в Юго-Западном Крыму как раз представлял такой пример – в Херсонесе и его округе во II – первой половине III в. засвидетельствовано пребывание отрядов I Италийского, V Македонского и XI Клавдиева легионов, II Луцензиевой, I Киликийской, I Бракаров и I Сугамбрской когорт, I алы Атекторигианы и Мезийского Флавиева флота.

На стороне А публикуемой бирки после знака центурии просматривается только начало из остатков двух или трех букв и последняя буква имени – i в родительном падеже. На стороне Б, напротив, имя центуриона в родительном падеже читается отчетливо – Valeri(i) • S(---), но чеканщик сократил когномен до начальной буквы S. Вероятно, он относился к числу распространенных и для отличия добавлено родовое имя – Valerius. В противном случае, чеканщик поместил бы только редкий выделяющийся когномен.

Третья строка стороны Б содержит имя Гая Аррия, который, вероятно, и был одним из солдат небольшого гарнизона поста на высоте Суздальской. Его имя выбито небрежно из-за неровной поверхности возле отверстия под гвоздь, что привело к смещению букв за линию разметки. Последние две буквы i и o нанесены в лигатуре, что прослеживается в последовательности кернения.

Предшественником Гая Аррия был Арист. Греческий cognomen впервые встречается среди известных нам имен военнослужащих I Киликийской когорты. Чеканщик для краткости накернил только когномен без имени, что, вероятно, подтверждает немногочисленный состав выходцев из среды греческого населения в подразделении. Не исключено, что он мог быть набран не только в Нижней Мезии, но и в самом Херсонесе или его округе. Здесь следует вспомнить про недавнюю находку погребения воина в могильнике Киль-Дере 1. Поверх тела погребенного были положены римские уздечный набор и меч [Дорошко и др. 2021, с. 81–84]. Вероятно, он был выходцем из среды местного населения и служил кавалеристом в римском вспомогательном подразделении, к числу которых относилась I Киликийская когорта. И важно отметить, что захоронение было совершено не у стен

Херсонеса или римского лагеря в Балаклаве, а возле цепи римских наблюдательных постов на гребне Сапун-горы, одним из которых был пункт на высоте Суздальской.

Присутствие солдат I Киликийской когорты в Таврике уже фиксировалось, когда на территории херсонесского некрополя была обнаружена надгробная стела двух военнослужащих этого подразделения – Аврелия Валента и Элия Юлия, датированная концом II–III в. [Соломоник 1983, № 33]. Эта когорта вошла в состав войск провинции Нижняя Мезия в промежутке между 127 и 134 гг. и оставалась там до конца III в. [Matei-Piopescu 2010, p. 202]. Здесь местом базирования когорты стал кастелл Sacidava (в окрестностях совр. Dunăreni в Румынии) [Scorpan 1981, p. 98–102; Gudea 2005, S. 443–445]. Диплом 145 г. [Holder 2006,: № 399/165] впервые фиксирует изменение в названии когорты, ставшей с этого момента cohors I Cilicum sagittariorum, что свидетельствует о появлении в ее составе лучников. Помимо появления эпитета, во второй половине II в. меняется и ранг офицера, командовавшего когортой с префекта до трибуна, что указывает на численное увеличение подразделения с пятисотенного состава до тысячного [Bennett 2011, p. 262–263]. Найденное в Томах погребение кавалериста этой когорты, датируемое второй половиной II – началом III в. [Matei-Popescu 2010, p. 204, n. 1761], дает представление о смешанном составе когорты в это время.

Перемены, произошедшие с численным и боевым составом когорты, совпадают с началом периода т. н. «второй элевтерии» в Херсонесе и введением римских гарнизонов в Таврику около 145 г. н. э. [Зубарь 1994, с. 44]. Римляне энергично приступили к строительству опорных пунктов, в том числе и линии постов на перешейке Гераклейского полуострова. Ранее можно было лишь предполагать, что их занимали солдаты вспомогательных войск, пока не появился весомый аргумент в виде находки вещевой бирки с высоты Суздальской.

Как уже было сказано, I Киликийская была смешанного состава и имела в своем составе как конных, так и лучных воинов, хорошо подходящих для несения дозорной службы в такой местности, как гребень Сапун-горы. О присутствии римских лучников на высоте Суздальской свидетельствуют и найденные во время раскопок пирамидальные наконечники стрел для стрельбы из лука – один втульчатый, а второй с черешковым основанием. Отметим, что такие наконечники хорошо известны на Дунайском лимесе [Radman-Livaja 2005, tab. 17. 64–66, 18, 69; Cataniciu 2008, fig. 5].

К какому времени относить находку вещевой бирки с высоты Суздальской? Раскопки здесь проводились в течение нескольких сезонов 2009, 2012, 2017–2018 гг. За это время в значительной степени был

исследован южный сектор, прилегающий к римскому посту. Здесь формировался слой, связанный с жизнью гарнизона римского поста. Также были открыты хозяйственная яма, скопление керамики на месте небольшой канавы и земляночная конструкция, ставшая местом сброса керамического боя, фрагментов металлических и стеклянных изделий вперемежку с золой и углями в середине II в. [Дорошко, Дорошко 2019]. Над этой засыпью лежала порция плотного коричневого суглинка с бутовыми камнями, некоторые из них имели следы воздействия огня. Здесь и был обнаружен диск, залегавший под углом от поверхности слоя с золой и углями, на 4–5 см выше его. По всей видимости, порция плотного коричневого суглинка была сброшена в момент засыпи ямы или спустя некоторое время, в качестве компенсации просадки грунтового заполнения ямы-землянки.

Насколько долго пребывал римский гарнизон на высоте Суздальской, с определенностью сказать трудно. Серия фрагментов светлоглиняных узкогорлых амфор здесь заканчивается типом CIVC1, по С. Ю. Внукову [Дорошко 2021, с. 89]. Да и среди остального материала нет находок, уверенно датирующихся от начала III в. На основе стратиграфического контекста находку следует датировать в пределах второй половины II в.

В 2018 г., по моей просьбе, с изображением вещевой бирки ознакомился Т. Сарновски и любезно поделился мыслями о ее назначении и датировке. По палеографическим признакам он предложил датировать ее концом II – началом III в. Таким образом, публикуемая находка может считаться едва ли не самым поздним артефактом, связанным с римским гарнизоном на высоте Суздальской.

Литература

1. Дорошко В. В. Амфорный материал из раскопок южного сектора на высоте Суздальской // АРХОНТ. 2021. С. 89–93.

2. Дорошко В. В., Дорошко О. П. Комплекс II в. н.э. из раскопок пункта римского военного базирования на высоте Суздальская // БИ. 2019. Вып. XXXIX. С. 320–342.

3. Дорошко В. В., Свиридов А. Н., Язиков С. В. Уздечный набор из раскопок погребения 58 могильника Киль-Дере 1 // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: м-лы V Международной научной конференции (Севастополь, 2-6 июня 2021 г.). – М.: ИВ РАН, 2021. – С. 81 – 84.

4. Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. – 180 с.

5. Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. – М., 1983. – 94 с.

6. Bennett J. The regular roman auxiliary regiments formed from the provinces of Asia Minor // Anatolica. –2011. –Vol. XXXVII. – P. 251 – 274.
7. Bishop M. C., Coulston J. C. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. – London, 1993. – 256 p.
8. Breeze D. J. The ownership of arms in the Roman army // Britannia. – 1976. –Vol. 7. – P. 93 – 95.
9. Gschwind M. Abusina. Das Römische auxiliarcastell Eining an der Donau vom 1. bis 5. Jahrhundert n. Chr. München, 2004. – 438 S.
10. Gudea N. Der untermoesische Donaulimes und die Verteidigung der moesischen Nord- und Westküste des des Schwarzen Meers: Limes et litus Moesiae Inferioris (86 – 275 n. Chr.) // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. – 2005. – Bd. 52. – 566 S.
11. Holder P. Roman Military Diplomas V. London. – 2006. – 987 p.
12. Macmullen R. Inscriptions on arms and supply of arms in the Roman Empire // American Journal of Archaeology. – 1964. – Vol. 64 (1). – P. 23 – 40.
13. Matei-Popescu F. The Roman army in Moesia Inferior. – Bucharest, 2010. – 325 p.
14. Cataniciu I. B. Sagittarii on the South-East Frontier of Dacia // Journal of the Roman Military Equipment Studies. – 2008. – Vol. 16. – P. 171 – 179.
15. Oldenstein J. Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten: Studien zu Beschlägen und Zierat an der Ausrüstung der römischen Auxiliareinheiten des obergermanisch-raetischen Limesgebietes aus dem zweiten und dritten Jahrhundert n. Chr. // Bericht der Römisch-Germanische Kommission 57, 1977. – S. 49 – 366.
16. Radman-Livaja I. Militaria Sisciensia – Nalazi rimske vojne opreme iz Siska u fundusu Arheoloskoga muzeja u Zagrebu. 2005.
17. Scorpan C. Cohors I Cilicum at Sacidava and Scythia Minor. // The Journal of Roman Studies. – 1981. – Vol. 71. – P. 98 – 102.

О. П. Дорошко
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

ПРОИЗВОДСТВО КУХОННОЙ ГОНЧАРНОЙ ПОСУДЫ В ХЕРСОНЕСЕ I–III ВВ.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ МИФЫ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Вопрос местного производства той или иной группы керамических сосудов всегда вызывает много споров, особенно если нет таких «весомых» аргументов, как гончарные печи и бракованная продукция. В полной мере это можно сказать о кухонной гончарной посуде из раскопок Херсонеса, в отношении которой утвердилось мнение, что она относится к продукции местного производства [Кадеев 1970, с. 83-88;

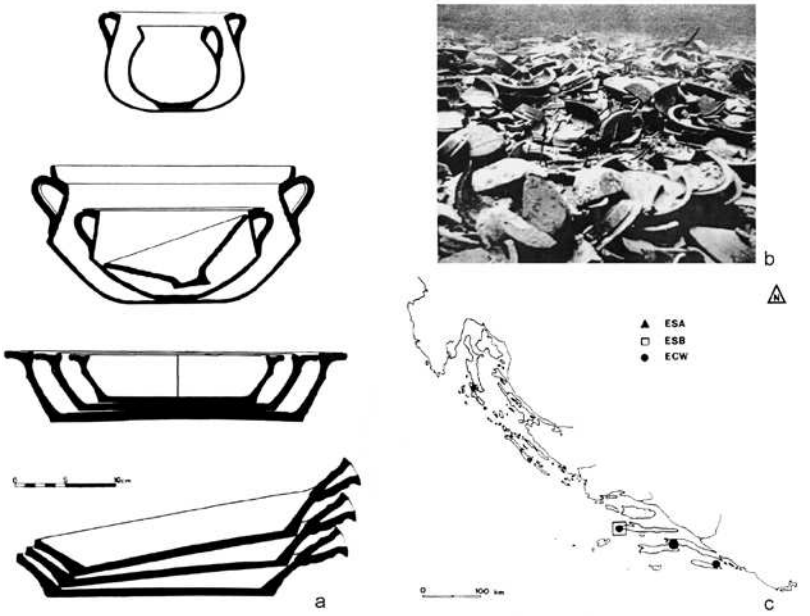

Рис. 1. Кухонная гончарная посуда из мест кораблекрушений на побережье Адриатического моря: a – основные формы посуды ECW, побережье д. Вигань [Jurišić 2000, fig. 36]; b – остатки груза, побережье д. Вигань [Jurišić 2000, pl. 26]; c – находки керамики групп ESA, ESB, ECW [Jurišić 2000, map 33]

Кленина 2000, с. 140; Нессель 2003, с. 7]. Вероятно, это отражение подхода, при котором считалось, что вся «грубая» керамика античных городов Северного Причерноморья производилась на местах [Зеест 1957, с. 139]. Иногда исследователи отмечали сходство местной кухонной посуды с образцами из Аттики и Добруджи [Крапивина 1993, с. 103; Кругликова 1966, с. 159]. Правда, объяснялось это сходство «общим рецептом приготовления глин и обжига, распространившимся в период Римской империи по большой территории» [Кругликова 1966, с. 159].

Огромное влияние на формирование убеждения о производстве в Херсонесе кухонной гончарной посуды оказало открытие эллинистических мастерских по производству амфор, лутериев, черепицы, грузил, терракот. Исследователи предположили, что если в Херсонесе в период расцвета местные гончары наладили выпуск такой продукции, то к этому ряду можно добавить и «грубую» кухонную посуду. Аргументацию исследователей отражает следующая цитата: «Несмотря на то, что до

Рис. 2. Соотношение кухонной гончарной и лепной посуды в комплексах Херсонеса и его округи в античную эпоху

сих пор не обнаружено гончарных печей римского времени, в которых производили тару, столовую и кухонную посуду, а также строительную керамику, светильники и др., сложно представить, что имеющий старые гончарные традиции греческий город прекратил изготовление продукции для внутреннего потребления» [Klenina 2015, p. 371].

В реальности же мы имеем дело с рядом фактов, которые прямо или косвенно доказывают отсутствие у Херсонеса собственного массового производства кухонной гончарной посуды не только в римский период, но и в античную эпоху в целом.

Как известно, главным доказательством наличия керамического производства является наличие печей, бракованных сосудов и матриц. Следует констатировать, что в настоящее время в Херсонесе известны печи римского времени только по производству терракот [Кадеев 1970, с. 78]. Кроме того, за всю историю раскопок на городище и в его окрестностях не было найдено ни одного фрагмента бракованной кухонной посуды античного времени, в то время как здесь обнаружены бракованная эллинистическая амфорная тара, лутерии, грузила [Борисова 1958, с. 147], чернолаковая посуда [Егорова 2009, с. 61]. К римскому времени относятся лишь находки брака краснолаковой посуды III–IV вв., именуемой херсонесской сигиллятой [Ушаков и др. 2017]. Петрографический анализ ее образцов показал, сосуды были изготовлены из плотной и при этом с многочисленными пустотами глины, с включениями извести в составе [Klenina 2015, p. 364].

Напротив, судя по проведенным В. И. Кадеевым исследованиям, для керамического теста кухонной гончарной посуды характерны псаммо-алевропелитовые структуры с плохой отсортировкой обломочных примесей (содержание в тесте – 30–35 %), среди которых присутствует кварц, полевые шпаты, моноклинный пироксен, роговая обманка, биотит. Явные органогенные обломки не наблюдались, а карбонатные частицы встречались редко [Кадеев 1970, с. 83].

Как видим, петрографические исследования образцов римской кухонной гончарной и краснолаковой посуды из раскопок Херсонеса не совпадают. Эта керамика изготавливалась из разного керамического теста.

Для изготовления тонкостенной посуды, амфор, лутериев, грузил, терракоты херсонесские гончары использовали серо-зеленую карбонатную глину, залегающую в прослойках местного сарматского известняка [Кадеев 1970, с. 79–80]. Как результат, она имеет многочисленные известковые включения. Экспериментальные исследования турецких исследователей показали, что для производства огнеупорной кухонной керамики в античное время использовалась высокопрочная белая глина [Korkut, Ercan 2014, s. 102], которая не содержала извест-

ковых включений, поскольку в этом случае снижалась огнеупорность сосудов вследствие возникновения разрывов [Firat 2012, s. 155]. Таким образом, глина, из которой местные херсонесские гончары изготавливали большинство видов керамики, была непригодна для производства кухонной гончарной посуды.

Ближайшие к Херсонесу гончарные мастерские римского времени, в которых производили кухонную гончарную посуду, найдены на территории Малой Азии [Okan at al. 2018], Южного Причерноморья [Alary at al. 2009] и Добруджи [Honcu 2017, p. 23–42]. Оттуда, вероятно, и привозили кухонную гончарную посуду в Херсонес. Прямым доказательством транспортировки больших партий кухонной посуды в римский период являются находки кораблей I–II вв., затонувших у берегов Адриатического моря [Jurišić 2000]. Вместе с продукцией в амфорах на этих кораблях везли наборы столовой краснолаковой и кухонной гончарной посуды, предназначенные для продажи (рис. 1). По мнению М. Юришича, с которым стоит согласиться, керамику транспортировали из одного производственного центра, расположенного в островной Греции или Малой Азии [Jurišić 2000, p. 65].

Попытка выявить закономерности в соотношении кухонной лепной и гончарной посуды в слоях античного Херсонеса привела к любопытным выводам. Оказалось, содержание вместе взятых лепной и кухонной гончарной посуды почти во всех исследованных комплексах постоянно и составляет 10 (±5) % от общего числа керамических находок. В разные периоды истории Херсонеса их соотношение меняется (рис. 2). Так, для периода IV–III вв. до н. э. характерно почти равное соотношение гончарной и лепной посуды [Ковалевская 2005; Ушаков 2013–2014, рис. 22] либо преобладание гончарной керамики [Дом Архелая… 2019, табл. 77–79; Стоянов 2007, табл. 3; Zolotarev 2005, fig. 15–17]. В округе Херсонеса для этого времени обычным является преобладание лепной посуды [Дорошко, Дорошко 2015, с. 39]. Около середины II в. до н. э. лепная керамика в городских слоях практически полностью исчезла [Дом Архелая… 2019, с. 12; Тюрин 2016, с. 133]. Вероятно, этот факт следует связывать с началом массового производства и поступлением в Херсонес дешевой и при этом качественной тонкостенной кухонной посуды из Малой Азии [Rotroff 2006, p. 188].

С середины I в. до н. э. связи Северного Понта с эгейскими экспортерами резко сократились [Внуков 2014, с. 46]. К сожалению, из-за малого количества археологических комплексов в Херсонесе I в. до н.э. – первой половины I в. н. э., в которых бы присутствовала кухонная посуда, мы не можем сказать, что происходило с ее производством и поступлением. Данные о кухонной посуде I в. дополняют материалы

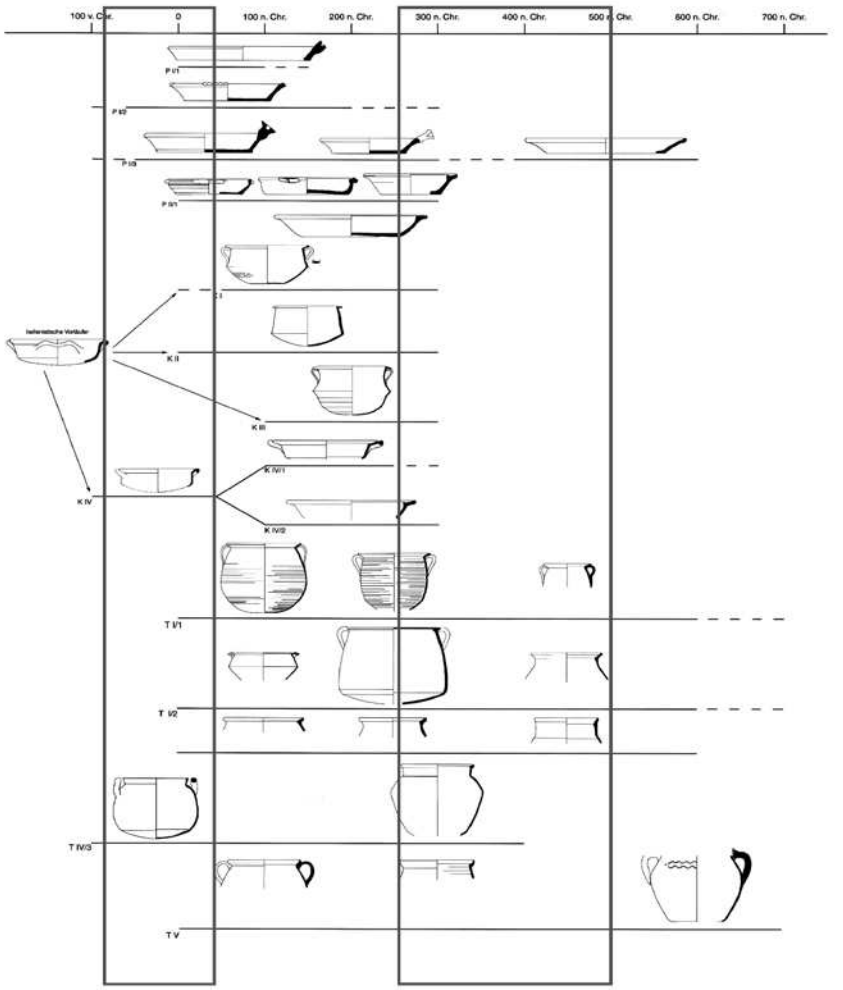

Рис. 3. Кухонная гончарная посуда малоазийского производства [Lüdorf, 2006, Beil. 1–5]

лой застройки на территории акрополя не обнаружено, что согласуется с ситуацией в Греции: в классическую эпоху на акрополях в обычном случае никто постоянно не жил. Одним из назначений акрополя было размещение гарнизона; когда воины находились на посту, они, вероятно, проводили часы стражи в башнях; см. [Lawrence 1979, p. 130, 137]. Акрополь в наиболее распространенном случае является ча-

раскопок усадеб херсонесской округи. Так, на усадьбе 363, погибшей в I в., лепная посуда являлась основной керамикой для приготовления пищи [Kovalevskaja 2015, p. 345, fig. 5]. На усадьбе 338, разрушенной во второй половине I в. [Kovalevskaja, Sarnowski 2000, p. 229–235], кроме лепной посуды, которая составляла почти две трети от общего числа керамических изделий [Ковалевская, Суханова 2005, с. 219], также найдены фрагменты кухонной гончарной керамики [Kovalevskaja, Sarnowski 2000, p. 229–235]. Возможно, местное варварское население в период отсутствия прочных связей Херсонеса с малоазийскими центрами восполнило нехватку гончарной кухонной посуды лепной керамикой. Не исключено также, что ее могли производить на месте, в округе Херсонеса [Ковалевская, Суханова, 2005, с. 219].

С последней трети I в. гончарная посуда вновь в большом объеме присутствует в слоях городища и его округи [Дорошко и др. 2021; Дьячков, Золотарев 1994; Кленина 2004, с. 72, 78; Ковалевская 1998, с. 96–97]. О популярности лепной керамики свидетельствует ее использование римскими военнослужащими в Хараксе [Камелина 2012, табл. 6.5–9, 17.1–6, 20.15–17, 29.10–28], Балаклавском лагере [Кленина 2000, рис. 28] и на высоте Казацкой [Ковалевская, Сарновски 2018, рис. 4].

В середине III в. материальная культура Херсонеса претерпевает кардинальные изменения. Несмотря на малое количество в Херсонесе закрытых комплексов середины III – IV в., следует допустить, что кухонная гончарная посуда перестала поступать в Херсонес и была заменена лепной. Аргументом этому служит большое количество целых форм лепной керамики в слоях позднеантичного Херсонеса [Ушаков и др. 2006, с. 196]. Почти полное отсутствие кухонной гончарной посуды, за исключением примеси второй половины I – середины III в. [Золотарев и др. 1997; Ушаков и др. 2015], наблюдается до конца IV в.

Разумеется, вопрос взаимосвязи лепной и гончарной кухонной посуды в слоях античного Херсонеса требует более детального изучения и отдельной публикации. Здесь он рассмотрен только для доказательства привозного характера кухонной гончарной посуды.

Отметим также, что малоазийское керамическое производство, возникшее в начале II в. до н. э., существовало непрерывно вплоть до VI в. Здесь найдены серии кастрюль, сковород, горшков, по которым можно проследить изменение формы сосудов [Lüdorf 2006, Beil. 1–5] (рис. 3). На материалах Херсонеса «лакуны» в развитии керамики не наблюдаются, хотя некоторые сосуды, характерные для середины III – конца V в., на городище пока не найдены.

Резюмируя сказанное, стоит согласиться с выводами большинства исследователей, что с середины II в. в округе Херсонеса было возобновлено собственное керамическое производство, в первую очередь, усилиями римских военнослужащих. Здесь вновь стали изготавливать черепицу, кирпичи, гончарные трубы, столовую посуду, светильники, терракоту. Что касается кухонной гончарной посуды, то жители города не изготавливали ее на протяжении всей античной эпохи, поскольку херсонесская глина не подходила для производства тонкостенной огнеупорной керамики.

Литература

1. Борисова В. В. Гончарные мастерские Херсонеса (по материалам раскопок 1955–1957 гг.) // СА. 1958. № 4. С. 144-153.
2. Внуков С. Ю. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 2014. Т. 17. С. 21-54.
3. Дом Архелая: краткий сводный отчет об археологических исследованиях 2014- 2018 годов экспедиции Государственного Эрмитажа в XX квартале Херсонеса Таврического / под ред. Н.Ю. Новоселовой. СПб., 2019. 155 с.
4. Дорошко В. В., Дорошко О. П. Исследования на высоте 283 Карантских высот в 2014 году // 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму: материалы науч. конф., посвященной началу работы Тавр.-Скиф. экспедиции на Неаполе Скифском и др. памятниках Крыма. Симферополь, 2015. С. 33–40.
5. Дорошко В. В., Дорошко О. П., Ушаков С.В. Комплекс находок из раскопок цистерны раннеримского времени в XCVII квартале Херсонеса Таврического // ХСб. 2021. Вып. XXII. С. 127–156.
6. Дьячков С.В., Золотарев М.И. Отчет о раскопках в портовом районе Херсонеса в 1994 г. (т.н. «казарма») // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3226. 1994.
7. Егорова Т. В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 2009. 253 с.
8. Зеест И. Б. Пантикапейская керамика сарматского времени (по материалам раскопок Пантикапея 1945–1949 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. 1957. № 56. С. 139–159.
9. Золотарев М.И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В. О принципах изучения античных водосборных цистерн. Севастополь, 1997. 78 с.
10. Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I–IV веках н.э. Харьков, 1970. 134 с.
11. Камелина Г. А. Керамический комплекс из раскопок нижней оборонительной стены крепости Харакс // ПИФК. 2012. № 2 (36). С. 46–90.
12. Кленина Е. Ю. Кухонная керамика // Сарновски Т., Савеля О. Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000. С. 134–140.
13. Кленина Е. Ю. Керамические сосуды II–III в. н. э. из усадьбы «Близнецы» (хора Херсонеса Таврического). Познань, 2004.113 с.
14. Ковалевская Л. А. Керамический комплекс конца II – первой половины III вв. н.э. из раскопок виллы 341 // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 89–99.

15. Ковалевская Л. А., Сарновски Т. Тарная и кухонная керамика римского поста на высоте Казацкая в округе Херсонеса Таврического // ХСб. 2018. Вып. XIX. С. 137–152.
16. Ковалевская Л. А., Суханова И. Ю. Лепная керамика из раскопок сельской усадьбы 338 в округе Херсонеса // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 215–224.
17. Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. Киев, 1993. 182 с.
18. Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время (Очерки экономической истории). М., 1966. 224 с.
19. Нессель В. А. Керамический комплекс первых веков н.э. из усадьбы на хоре Херсонеса // Ученые записки Таврического национального университета. 2003. Т. 16 (55). №1. С. 3–13.
20. Стоянов Р. В. Комплекс керамики второй четверти IV – середины III вв. до н. э. из северо-восточного района Херсонеса Таврического // Hyperboreus. 2007. Т. 13. С. 245–282.
21. Тюрин М. И. Материалы из цистерны в XIX квартале Херсонеса Таврического (раскопки 1949–1950 гг.) и вопросы хронологии города позднеэллинистического периода // Записки ИИМК РАН. 2016. № 14. С. 124–142.
22. Ушаков С. В. Время собирать камни… Основные итоги работ по исследованию участка «Базилики Крузе» (2005–2012 гг.) // ХСб. 2013–2014. Вып. XVIII. С. 201–238.
23. Ушаков С. В., Дорошко В .В., Кропотов С. И., Макаев И. И., Струкова Е. В. Керамический комплекс засыпи цистерны V–VI вв. в XCVII квартале Херсонеса (предварительная информация) // ХСб. 2006. Вып. XV. С. 191–216.
24. Ушаков С. В., Дюженко Т. В., Струкова Е. В. Исследование засыпи колодца ранневизантийского времени в северо-восточном районе Херсонеса (квартал XCVII, помещение 4) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Е. А. Паршиной. 2015. С. 108–156. (Археологический альманах. Т. 32).
25. Ушаков С. В., Дорошко В. В., Дорошко О. П. Херсонесская сигиллята: основные типы и хронология (по материалам раскопок городища Херсонес и могильника «Совхоз–10») // История и археология Крыма. 2017. Вып. VI. С. 54–93.
26. Alary A., Ballet P., Kassab Tezgör D. Présentation préliminaire de la céramique commune et de caisson de Demirci. Production et consommation // P. Dupont, V. Lungu (éds.). Les productions céramiques du PontEuxin à l'époque grecque. Actes du Colloque international (Bucarest, 18-23 Septembre 2004) [Il Mare Nero VI (2004-2006)]. Bucarest, 2009. P. 19–29.
27. Firat M. Phokaia Roma Dönemi Mutfak Kapları: Güveç Formu // SDÜ Fen Edebiyat Fakültesi. Sosyal Bilimler Dergisi. 2012. Sayi 27. S. 153–166.
28. Jurišić M. Ancient shipwrecks of the Adriatic: maritime transport during the first and second centuries AD // BAR international series (828). Oxford, 2000. 169 p.

29. Klenina E. Ceramic Production of Tauric Chersonesos in the Roman Period // A. Tomas (ed.) Ad fines imperii romani: Studia Thaddaeo Sarnowski septuagenario ab amicis, collegis disciplisque dedicata. Warsaw, 2015. P. 359–373.
30. Korkut T., Ercan B. Likya Bölgesinde Roma Dönemi Yemekleri ve Pişirme Kapları: Deneysel Arkeolojik Bir Uygulama // Akdeniz Sanat Dergisi. 1 (1). 2014. S. 95–106.
31. Kovalevskaja L. The Farmhouse at Plot 363 in the Chora of Tauric Chersonesos // A. Tomas (ed.) Ad fines imperii romani: Studia Thaddaeo Sarnowski septuagenario ab amicis, collegis disciplisque dedicata. Warsaw, 2015. P. 341–352.
32. Kovalevskaja L., Sarnowski T. La vaisselle des habitants d'une maison rurale de l'époque romaine dans la chôra de Chersonèse Taurique // RCRF. Acta 38. 2003. P. 229–235.
33. Lüdorf G. Römische und frühbyzantinische Gebrauchskeramik im westlichen Kleinasien: Typologie und Chronologie // Internationale Archäologie. 2006. Bd. 96. 166 S.
34. Okan E., Firat M., Baydan C. Foça Çanak Koyu Sualtı Araştırmaları: İlk Bulgular // Süleyman Demirel Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2018. Sayi 45. S. 166–185
35. Rotroff S. Hellenistic pottery: The Plain Wares. Athens, 2006, 436 p. (The Athenian Agora. Vol. 33).
36. Honcu Ș. Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I–III p. Chr.). Constanța, 2017. 225 p.
37. Zolotarev M. I. A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos // Stolba V.F., Hannestad L. (eds.). Chronologies of the Black Sea Area in the Period, C. 400–100 BC. Aarhus, 2005. P. 193–216. (Black Sea Studies 3).

А. А. Зедгенидзе
Высшая школа экономики, Москва

«Древний Херсонес» Страбона: храм на акрополе и ΣΑΣΤΗΡ

В результате наших исследований укрепления на перешейке Маячного п-ова, которое отождествляется с «древним Херсонесом» «Географии» Страбона (Strabo VII.4.2), получены новые данные, способствующие решению вопросов о роли этого укрепления в системе Херсонесского полиса. Памятник относится к концу V – началу IV в. до н. э. Это укрепление определено нами как фрурион, созданный для контроля над Гераклейским п-вом, который изначально был занят варварами – таврами. Фрурион, зафиксировав западную границу полиса, закрепил за ним территорию, лежащую между городом и Маячным

мысом [Зедгенидзе 2019]. Что касается внутреннего устройства, то с достоверностью можно говорить о разграничении двух участков фруриона. Первый участок – акрополь – был сакрально-общественной зоной и предполагал размещение гарнизона, там был возведен храм; второй (*katō polis*) представлял собой хозяйственную и жилую зону. Разграничение этих двух зон совершенно четкое, так как между ними в прямом смысле стена – диатейхисма.

В 2018 г. в Швеции вышла диссертация Р. Реннлунда, посвященная акрополям Греции [Rönnlund 2018]. В ней дано определение акрополя, указаны признаки, позволяющие считать объект именно акрополем, систематизированы типы его планировки. Опираясь на эту работу, мы можем включить акрополь «древнего Херсонеса» в общегреческий контекст. Акрополь, согласно определению Реннлунда [2018, p. 56–58], это защищенное стенами пространство, находящееся на возвышении и включенное в систему полиса; акрополем не может считаться какой-либо укрепленный пункт или его часть, если этот пункт находится вне системы полиса. Существенно, что акрополь должен образовывать собственное замкнутое пространство, а не просто являться возвышенной частью укрепления без четкой непрерывной границы. Акрополь «древнего Херсонеса» полностью соответствует этим признакам. Его юго-восточной границей является неприступный обрыв, с запада и востока он защищен крепостными стенами укрепления, от остального пространства отделен поперечной стеной – диатейхисмой, без которой не было бы замкнутого пространства и, соответственно, акрополя; о стенах, башнях и типах кладки см. [Зедгенидзе 2019]. Жи-

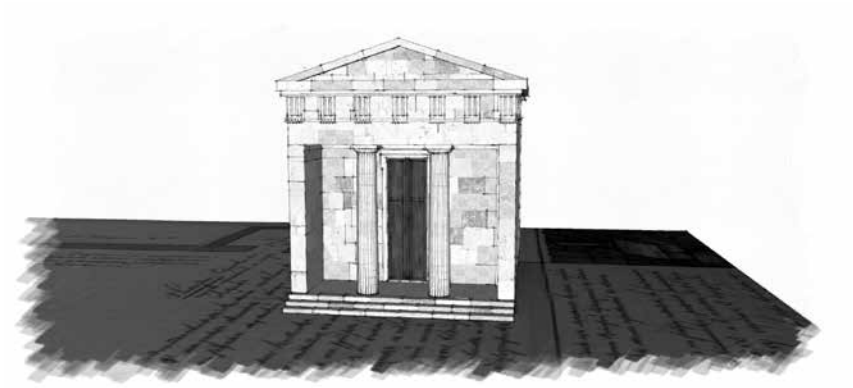

Рис. 1. «Древний Херсонес» Страбона. Фасад храма на акрополе. Реконструкция А. А. Зедгенидзе. Компьютерная графика И. В. Бацуры

стью города и находится внутри его стен. Вместе с тем в работе Рённлунда [2018, p. 57] перечислены объекты, в отношении которых в письменных источниках употреблен термин «акрополь» и которые при этом находятся за пределами города, являясь фрурионами. Лоренс [Lawrence 1979, p. 140] называет фрурион «внешним акрополем» (external acropolis).

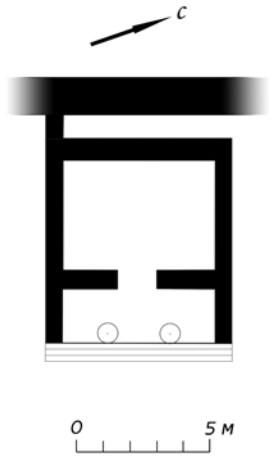

Рис. 2. «Древний Херсонес» Страбона. План храма на акрополе. Реконструкция А. А. Зедгенидзе. Рис. Д. В. Костромичева

Акрополи Греции помимо фортификационной имели сакральную функцию. В 1890 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич открыл храм, пристроенный к западной крепостной стене укрепления. Мы определили тип храма, выполнили реконструкцию его планировочной композиции, ордера, высотных габаритов, объемно-пространственного решения фасада. В качестве исходного документа мы пользовались планом храма, выполненным Косцюшко-Валюжиничем. Также привлекались данные аналогичных храмов, варианты реконструкции ордерных памятников, рекомендации Витрувия. Храм реконструирован нами как храм в антах дорического ордера с пронаосом, наосом и опистодомом. Между антами помещались две колонны высотой 4,2 м; высота храма составляла 7 м (рис. 1). Особенностью храма является его конструктивная связь с крепостной стеной укрепления. Согласно плану Косцюшко-Валюжинича, между крепостной стеной и задней стеной храма имеется коридор шириной 1 м. Полагаем, что это помещение, будучи обособленным от общественной части храма, являлось опистодомом (рис. 2). В ряде греческих храмов их задняя часть предназначалась для хранения культовых ценностей и казны, как бы отдаваемых под охрану божества [Шуази 1905, с. 372]. В Афинах казна хранилась в храмах Акрополя [Маринович, Кошеленко 2000, с. 157–158]. Хранилище казны, не имея непосредственного отношения к культу, было отделено от наоса и, как правило, имело отдельный вход в западной части храма.

В тексте Присяги граждан Херсонеса, датируемой второй половиной IV – началом III в. до н. э. (IOSPE^3 III.100) имеется форма ΣΑΣΤΗΡΑ. И. А. Макаров предположил, что σαστήρ – это фонетический вариант существительного σακτήρ ‘мешок’ у Гесихия [Макаров 2009]. Для σαστήρ в тексте присяги реконструируется значение ‘го-

родская казна’. Макаров дает следующий перевод данного фрагмента: «Сохраню казну для народа и не разглашу никакой тайны ни эллину, ни варвару, если это способно нанести ущерб полису». В. П. Яйленко [2018, с. 430], оспаривая данную этимологию, справедливо заметил, что Макаров, возможно, преувеличил степень засвидетельствованности формы *σάζω, с которой связана форма σαστήρ. Однако это частность, которая не опровергает этимологию Макарова в целом. Яйленко пишет о невозможности «производства *σάζω от σάττω». Разумеется, *σάζω не может фонетически восходить к σάττω (и наоборот). Дело в том, что σάττω/*σάζω – это пример рефлексов протогреческого колебания между глухим и звонким велярным согласным: наряду с σάττω (с *k) имеется существительное σαγή ‘поклажа’, см. [Шантрен 2001, с. 195]. Таким образом, мы имеем не переход ττ в ζ, а колебание *g/k, которое создает дублеты, к числу которых относится σακτήρ (с *k, к σάττω) и σαστήρ (с *g, к *σάζω). В этом случае принципиально не то, насколько засвидетельствован глагол *σάζω, а наличие *g* в исходной основе, а оно бесспорно, о чем говорит форма σαγή. Следовательно, у нас нет оснований отрицать возможность существования *σάζω (и, соответственно, производство σαστήρ от этого корня), даже если этот глагол слабо засвидетельствован. Объяснение Макарова выглядит более экономным как с лингвистической, так и с исторической точки зрения[1]. Значение «казна», которую гражданин обязуется «охранять» или «сохранять» вполне вписывается в данное место текста присяги, где говорится о верности гражданина государству.

Полагаем, что исследуемый храм мог служить местом хранения казны, или ее части, связанной с фрурионом и деятельностью полиса на Маячном п-ве. На акрополе фруриона можно было контролировать доступ к храму и, соответственно, к казне: там не было близко примыкающей жилой застройки, и благодаря диатейхисме храм находился в обособленном от поселения пространстве, что имело значение для обеспечения сохранности. Нахождение храма рядом с башней крепостной стены могло использоваться для охраны сокровищницы воинами гарнизона. Хранить всю казну в Херсонесе-городе едва ли было разумно как с точки зрения сохранности, так и с точки зрения практических соображений: перемещать ценности из фруриона в город подразумевало угрозу для их сохранности и неудобство при использовании. Храм типологически близок сокровищнице афинян в Дельфах [Bommelaer, Laroche 1991, p. 134, fig. 47]. Также следует упомянуть Березанское поселение, на теменосе которого находилось сооружение, в котором предполагается сокровищница [Крыжицкий 2001]. Наличие опистодома говорит в пользу возможности хранения казны в храме. Ввиду узости этого пространства, там, вероятно, была лестница и вход на чердак, где и располагалась сокровищница. Использование чердака храма в качестве сокровищницы не является уникальным явлением. Так, чердак Парфенона мог использоваться для хранения культовых ценностей и казны [Pope *et al.* 2018].

[1] За консультацию по лингвистической стороне проблемы выражаю благодарность А. Е. Манькову (Институт языкознания РАН).

Литература

1. Зедгенидзе А. А. Херсонес Таврический: пространственная организация и назначение Укрепления на перешейке Маячного полуострова // ВДИ. 2019. 3. С. 608–639.
2. Крыжицкий С.Д. Храм Афродиты на Березани. Реконструкция // ВДИ. 2001. № 1. С. 165–175.
3. Макаров И. А. Греческое письмо, найденное в Херсонесе Таврическом, и проблемы интерпретации термина ΣΑΣΤΗΡ // ВДИ. 2009. № 2. С. 49–61.
4. Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Судьба Парфенона. М., 2000.
5. Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. М., 2001.
6. Шуази А. История архитектуры. М., 1905. Т. I.
7. Яйленко В. П. Источниковедческий анализ античных известий об основании Фанагории и Гермонассы, об Археанактидах, «синдской диасфагме», херсонесском састере; еще раз о легендах монет Феодосии и Нимфея // ДБ. 2017. Вып. 21. С. 398–440.
8. Bommelaer J.-F., Laroche D. Guide de Delphes. Le site. Paris, 1991.
9. Lawrence A. W. Greek Aims in Fortification. Oxford, 1979.
10. Pope S., Scahill D., Schultz P. The Parthenon’s Attic. Abstract // 19th International Congress of Classical Archaeology. Session 7.4: Financial resources and management in the sanctuaries in Greece. Cologne; Bonn, 2018.
11. Rönnlund R. A City on a Hill Cannot Be Hidden: Function and Symbolism of Ancient Greek Akropoleis. Gothenburg, 2018.

В. Н. Зинько, А. В. Зинько

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь

Сакральные объекты Тиритаки[1]

Вся жизнь жителей боспорского города Тиритака сопровождалась теми или иными сакральными ритуалами. Они могли носить как общегородской, так и частный, семейный характер. Для проведения

[1] Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

Рис. 1. Чернофигурная ольпа из ямы-ботроса № 34

сакральных ритуалов на городской территории сооружались различные святилища. За 90-летнюю историю археологических раскопок исследовано несколько таких построек, датируемых от позднеархаического до ранневизантийского времени.

В 540–530 гг. до н. э. возводятся сырцово-каменные постройки в центральной части верхнего города, а также в западной части города, где они окружали прямоугольную площадь. Здесь на площади около 350 кв. м нами исследованы многочисленные ямы-ботрасы с амфорами и столовой посудой, а также небольшие зольные пятна с фрагментами чернофигурных кубков, которые собираются в целые формы. Весь этот участок на западной окраине города использовался в сакральных целях и являлся западным теменосом Тиритаки. С севера он был ограничен большой постройкой, в которой располагалось святилище с многочисленными сакральными предметами, исследованное еще В. Ф. Гайдукевичем. Преобладающее число находок из помещений этого здания датируется последней четвертью VI в. до н. э., хотя часть фрагментов (аттические чернофигурные кубки, амфоры), несомненно хронологически заходят и в начало V в. до н. э. Все это позволило В. Ф. Гайдукевичу датировать здание временем от 540-х до 480–470-х гг. до н. э. В южной части теменоса нами была открыта постройка (СК-VII), датируемая последней четвертью VI – первой четвертью V в. до н. э. В настоящее время она исследована еще не полностью, открыты лишь два помещения. Особый интерес представляет помещение 1, где, судя по находкам, располагалась позднеархаическая косторезная мастерская, в которой работал мастер достаточно высокой квалификации, использовавший при изготовлении костяных изделий токарный станок. Это первая косторезная мастерская, открытая в городе, к тому же датируемая таким ранним временем.

При исследовании в 2018 г. у западной крепостной стены Тиритаки нами была выявлена сырцово-каменная постройка СК-IX почти квадратной формы с внутренними размерами 1,95 (З–В) × 2,18 (С–Ю) м. Учитывая планировку и обнаруженные здесь сакральные предметы, можно утверждать, что это помещение с двумя входами являлось святилищем

и функционировало в пределах конца II в. до н. э. – начала I в. н. э. Эта небольшая одноэтажная постройка, судя по найденным в ней каменному алтарю и персонажам, изображенным на костяном вотивном предмете, предназначалась для отправления синкретического культа Диониса-Гарпократа. Весьма вероятно, что именно в этом святилище, открытом нами в 2018 г. около западной городской куртины, находилась мраморная статуэтка Диониса, найденная В. Ф. Гайдукевичем в 1937 г. в нескольких метрах к западу от указанной культовой постройки.

Святилища первых веков н. э. были нами исследованы у северной крепостной стены и в центральной части города. Так, в 2010 г. у северной крепостной стены в раскопе XXVIII было изучено помещение I. В помещении была расчищена вымостка, в которой в западной части сохранилась канавка, облицованная мелкими плоскими камнями. К югу от канавки найден алтарь в виде небольшого каменного ящика, сложенного из грубо обработанных известняковых плиток. Рядом находилась каменная крышка, стоявшая на ребре. Справа от алтаря у западной стены помещения вертикально стоял каменный антропоморф. В помещении среди фрагментов амфорной тары и столовой посуды первых вв. н. э. найдены части керамической маски Диониса и два фрагмента большого мраморного плоского блюда. Есть все основания полагать, что в помещении I располагался сакральный комплекс, связанный с почитанием Диониса. При расчистке алтаря были обнаружены два золотых боспорских статера II в. н. э.: Евпатора, датированный 166 г. н. э. и Савромата II, датированный 179 г. н. э.

Рис. 2. Святилище Диониса у северной крепостной стены. Вид с востока

Рис. 3. Базилика, современное состояние. Вид с запада

Сакральный комплекс в помещении I, по-видимому, принадлежит к категории так называемых частных святилищ. Частные культы и святилища в античную эпоху были самыми распространенными сакральными действиями и культовыми объектами. Круг адептов того или иного культа, в нашем случае культа Диониса, или участников сакральных действий был небольшим. Это подразумевает прежде всего семейный характер таких святилищ. Кем бы ни были лица, посвятившие два золотых статера Дионису в сакральном комплексе в помещении I, они, несомненно, принадлежали к весьма обеспеченному слою населения Тиритаки. Об этом также свидетельствует и утварь святилища – привозные мраморные изделия: большое блюдо и найденный здесь же в 1957 г. двухрожковый светильник. Своеобразной градостроительной доминантой в центральной части верхнего города в первых вв. н. э. являлось большое культовое здание. Неоднократные перестройки уничтожили большую часть культовых предметов из святилища, поэтому сложно понять, каких именно языческих божеств в нем почитали. Тем не менее, связанные с этим святилищем отдельные культовые находки, прежде всего мелкие вотивные предметы, все же уцелели. К их числу, вероятно, можно отнести 7 фрагментов терракотовых статуэток и один обломок терракотовой маски Диониса, компактно обнаруженные к востоку от святилища в слое, перекрывшем постройки I–III вв. Судя по найденным во дворе святилища этим фрагментам терракот, первоначально здесь могли поклоняться синкретическим хтоническим божествам. На последнем этапе существования святилища это также могли быть божества хтонического пантеона, выполнявшие охранные функции, а также некие «дионисийские» персонажи. При этом сохранялась долговременная преемственность всех этих традиций, несмотря на различные потрясения и перемены. Особо следует отметить, что тиритакское святилище забрасывается во второй половине V в., когда в припортовой части города возводится трехнефная христианская базилика, внутреннее пространство которой было лишь немногим более недавно оставленного языческого святилища в верхнем городе. Это следует связывать с тем, что в последней трети V в. христианство становится государственной религией Боспорского царства. Именно с этого времени появляются бесспорные материальные свидетельства присутствия христиан среди жителей боспорского города Тиритака, вероятно, организованных в самостоятельную христианскую общину.

Базилика была построена на месте разрушенного рыбозасолочного комплекса первых вв. н. э. На основании уцелевших частей здания установлено, что базилика была трехнефная, ориентированная на восток – юго-восток. Внутренние размеры базилики следующие: ширина 9 м, длина до алтарной части около 10,2 м. Долгое время предполагалось, что алтарная часть была пристроена на отдельных фундаментах впритык к основному корпусу здания базилики. Однако при расчистке фундамента постройки в 2007 г. нам удалось установить, что с восточной стороны находилась не пристройка, а два контрфорса, а в толще очень массивной восточной стены была устроена небольшая овальная ниша – апсида. При раскопках базилики были обнаружены обломки мраморных архитектурных деталей, которые позволили датировать эту постройку в пределах второй половины или конца V – начала VI в. Все это дает основание предположить, что лишь в последние десятилетия V в. начинается активная христианизация городских жителей Тиритаки. Причем ведущую роль в этом процессе играла Византия, за средства которой, вероятнее всего, и была построена тиритакская базилика для христианской общины города.

В. Г. Зубарев, С. В. Ярцев, А. Ю. Бутовский,
С. Л. Смекалов, И. А. Астахов
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

ГОРОДИЩЕ «БЕЛИНСКОЕ» В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ: ИТОГИ 25 ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Городище «Белинское», расположенное на северном участке Узунларского вала в Крымском Приазовье, планомерно исследуется с 1996 г. Белинской археологической экспедицией Тульского педагогического университета им. Л. Н. Толстого под руководством профессора В. Г. Зубарева. Объекты археологического наследия «Городище “Белинское”» и «Некрополь городища “Белинское”» расположены в северной части урочища Аджиэль, на южной окраине с. Державино (ныне нежилого), в полутора километрах от села Белинское в районе фермы и современного карьера. Городище находится в пределах видимости от Узунларского вала и связано с ним цепочкой курганов. В непосредственной близости (в радиусе до 10 км) находятся Ново-Николаевское городище (Савроматий), Ново-Отрадненское городище, городище Артезиан, городище в районе с. Либкнехтовка, группа курганов бронзового века, несколько селищ эллинистического времени.

Урочище Аджиэль является одним из тех районов Восточного Крыма, которые играли важную роль в древности. Балка Аджиэль, идущая по направлению северо-запад – юго-восток труднопроходима, отгораживает значительную часть Керченского полуострова и является одним из естественных защитных рубежей Восточного Крыма. Силами гарнизонов находившихся здесь укрепленных поселений – и в первую очередь крупного античного городища Белинское – могли контролироваться наиболее проходимые места, где в древности пролегали, по-видимому, кратчайшие пути миграции населения с материка через Крым на Тамань. Таким образом, эта территория, вероятно, играла стратегическую роль в системе обороны Боспорского царства, а само городище Белинское являлось, возможно, и локальным политическим центром [Зубарев, Смекалов, Ярцев 2016, с. 110–136; Зубарев, Смекалов, Ярцев 2019, с. 9–14].

Городище «Белинское» расположено на скальной возвышенности площадью 12,4 га, начинающейся от западного склона Аджиэльской балки и вытянутой в западном направлении в сторону Узунларского вала. Стратегически возникновение здесь крупной крепости определялось необходимостью защиты рубежей Боспора в данной местности. Наличие же воды и значительного массива высокопродуктивных земель, которые могли обеспечить существование гарнизона и гражданского населения, в сочетании с обилием строительного материала (камень твердых и мягких пород, а также глина) способствовали постепенной эволюции этого первоначального военного поселения в сторону крупного хозяйственного центра [Ярцев 2014, 147–148; Зубарев, Смекалов, Ярцев 2016, с. 110–136; Ярцев, Зубарев, Смекалов 2018, с. 25–34].

До 2007 г. работы были сосредоточены в северной части городища (раскоп «Северный»). Общая площадь исследованного участка в этой части городища составила 2 486,25 кв. м (раскопки продолжались до 2008 г.). Максимальная мощность культурного слоя на этом участке – 2,1 м. Вскрыты напластования первой четверти II в. н. э. – середины / третьей четверти III в. н. э.; последней четверти III в. н. э. – середины IV в. н. э.; третьей четверти IV в. н. э. – первой половины V в. н. э.

С 1996 по 2008 г. на раскопе «Северный» были выявлены и исследованы остатки 29 помещений (7 относятся к первому строительному периоду, 15 – ко второму и 7 – к третьему), участок фундамента северо-западной оборонительной стены, 7 вымосток, участки северо-западной и юго-западной улиц (первый строительный период), 1 водосток (третий строительный период), 2 домашних святилища с алтарями, зольник, 74 хозяйственные ямы (23 относятся к первому строительному периоду, 37 – ко второму и 14 – к третьему).

С 2007 г. были начаты работы в центральной (раскоп «Центральный») и в южной частях городища (раскоп «Южный»). На раскопе «Центральный» работы продолжались до 2008 г. включительно. На раскопе «Южный» – до 2014 г.

Общая площадь исследованного участка в центральной части городища составила 150 кв. м. Максимальная мощность культурного слоя – 1,7 м. Стратиграфия аналогична стратиграфии на раскопе «Северный». За два года исследований выявлены и изучены остатки 4 помещений (2 относятся к первому строительному периоду, 2 – ко второму); 3 вымостки (1 относится к первому строительному периоду, 2 – ко второму); участок центральной улицы; остатки фундамента стены, не связанной с помещениями (третий строительный период); каменная загородка (третий строительный период) и 3 хозяйственные ямы (третий строительный период).

Общая площадь исследованного участка в южной части городища составила 537,5 кв. м. Максимальная мощность культурного слоя – 2,15 м. Стратиграфия античного периода аналогична стратиграфии на раскопе «Северный». Кроме того, на раскопе «Южный» вскрыт пласт, связанный с периодом поздней бронзы (XII–X вв. до н. э.) [Зубарев, Ярцев 2019, с. 321–345].

С 2008 г. были начаты работы в западной (раскоп «Западный») и восточной (раскоп «Восточный») частях городища. На раскопе «Западный» работы продолжались до 2011 г. На раскопе «Восточный» с перерывом (в 2009–2011 гг. работы здесь не велись) продолжаются до настоящего времени.

Общая площадь исследованного участка в западной части городища составила 285 кв. м. Максимальная мощность культурного слоя здесь достигает 2 м. Особенностью стратиграфии на раскопе «Западный» является отсутствие слоя, связанного с третьим периодом в истории городища.

За четыре года работ на западном участке были выявлены и исследованы остатки фундаментов северо-западной и юго-западной оборонительных стен, остатки 2 помещений (первый строительный период); остатки западной башни, водосток (первый строительный период); противотаранный пояс западной башни (второй строительный период); остатки фундамента одной стены, не связанной с помещениями (второй строительный период); 1 хозяйственная яма (первый строительный период).

Общая площадь исследованного участка в восточной части городища составила 620 кв. м. Максимальная мощность культурного слоя здесь 1,6 м. Особенностью стратиграфии является наличие пласта, связанного с салтовским временем (вторая половина IX – X в.).

К 2017 г. на восточном участке городища были выявлены и исследованы многочисленные объекты, связанные с античными слоями. К их числу относятся: остатки 7 помещений (2 связаны с первым строительным периодом, 3 – со вторым, 2 – с третьим), остатки фундаментов 18 стен (10 связаны со вторым периодом, 8 – с третьим), участки двух улиц (первый строительный период), одна вымостка (второй строительный период), 3 каменных круга (назначение неясно), алтарная вымостка (третий строительный период) и 25 хозяйственных ям (10 связаны с первым строительным периодом, 11 – со вторым, 4 – с третьим).

За 25 лет работы на городище собран и обработан значительный керамический материал, в том числе целые формы сосудов. Найдено 49 монет, 119 дипинти, 39 граффити, 13 культовых тарапанов, 4 переносных алтаря, фрагменты глиняных статуэток, лепные и красноглиняные светильники, игральные фишки и кости, ядра от пращи, клейма на ручках и горле амфор. Собран богатый остеологический материал. Число профилированных частей керамической посуды составило более 16 500 фрагментов. Весь коллекционный материал сдан на постоянное хранение в Восточно-Крымский историко-культурный заповедник (г. Керчь). Значимый с исторической точки зрения материал, полученный в ходе раскопок городища, с успехом использовался

при написании нескольких монографий [Ярцев 2014; Ярцев, Зубарев, Бутовский 2015; Зубарев, Смекалов, Ярцев 2019], в значительной степени уточнивших обстоятельства многих событий в Северном Причерноморье позднеантичного периода.

Литература

1. Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., Ярцев С. В. Ландшафтная география археологических памятников центральной части урочища Аджиэль // БИ. 2016. Т. XXXIII. С. 110–136.
2. Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., Ярцев С. В. Культурно-исторический ландшафт Аджиэльской балки в Восточном Крыму / под науч. ред. А. А. Масленникова. Тула, 2019. 220 с.
3. Зубарев В. Г., Ярцев С. В. Новый памятник каменного века в урочище «Аджиэль» в Восточном Крыму // ПИФК. 2019. № 4. С. 321–345.
4. Ярцев С. В. Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула, 2014. 356 с.
5. Ярцев С. В., Зубарев В. Г., Бутовский А. Ю. Греко-варварский Крым в период поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе) / под науч. ред. А. А. Масленникова. Тула, 2015. 720 с.
6. Ярцев С. В., Зубарев В. Г., Смекалов С. Л. Система обороны Европейского Боспора в период правления царя Асандра (по материалам археологических разведок в урочище Аджиэль 2018 года) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 5. Ч. 2. С. 25–34.

А. В. Иванов
Симферополь

Антропологические материалы в экспозиции «Склада местных древностей Императорской Археологической комиссии»

Начало систематического археологического изучения древностей Херсонеса хронологически совпало со становлением в России антропологии как самостоятельной научной дисциплины. Публикацией, где антропологические материалы из Херсонеса впервые были представлены научному сообществу, стала вышедшая в 1884 г. работа А. П. Богданова «О черепах из крымских могил Херсонеса и Инкермана и из курганов Войска Донского» [Богданов 1886, с. 124–140]. В ней рассматривались херсонесские антропологические находки, полученные в ходе раскопок Одесского общества любителей истории и древностей, представленные на Московской антропологической вы-

Рис. 1. Витрина с находками из некрополя Херсонеса в интерьере «Склада местных древностей». Почтовая карточка. Издание фотографа П. К. Сысоева № 4. Коллекция автора

ставке 1879 г. Есть основания полагать, что материал, с коим работал А. П. Богданов, сохранился и в настоящее время хранится в фондах Института антропологии МГУ[1] [Алексеева и др. 1986, с. 141]. К сожалению, коллекция должным образом не атрибутирована, при этом она включает 69 единиц, явно представляющих различные объекты и исторические этапы существования города.

Уместно представить собирателей первой коллекции херсонесских антропологических материалов. Собственно единственным профессиональным антропологом в их числе был Д. Н. Анучин, основную инициативу проявили представители смежных научных специальностей и исследователи-любители: Ф. Ф. Брунс – симферопольский врач, участник Крымской кампании, впоследствии Таврический врачебный инспектор, действительный статский советник; Г. Д. Филимонов – известный историк искусства, собиратель предметов русской старины, археолог, открыватель кавказских памятников эпохи бронзы, один из организаторов и активный участник московской Антропологической выставки 1879 г.; А. К. Гейнс – генерал-лейтенант, также участник

[1] Краниологическая коллекция Института антропологии МГУ, черепа, инв. № 2356–2359, 2361–2369, 2371–2373, 2378–2393, 2395–2402, 2404–2408, 2411–2421, 5201–5210, 6561–6563.

Крымской кампании, в дальнейшем Одесский градоначальник, Казанский губернатор, Военный губернатор Тургайской области, этнограф и археолог; В. Д. Левинский – публицист, общественный деятель, популяризатор естественнонаучных и сельскохозяйственных знаний, член оргкомитета Антропологической выставки 1879 г., позже вместе с А. П. Богдановым принимавший деятельное участие в организации Московского Политехнического музея, впоследствии его ученый секретарь. К сожалению, поиски в архиве Херсонесского музея-заповедника документов, свидетельствующих о связи указанных достойнейших лиц с исследованиями Херсонеса и обстоятельствах получения ими материалов не увенчались успехом.

Рис. 2. Общий вид витрины с находками из некрополя и антропологическими материалами

На фоне интереса профессионального сообщества к антропологическим материалам из Херсонеса и получения в ходе раскопок новых находок К. К. Косцюшко-Валюжинич счел необходимым представить наиболее выразительные из

Рис. 3. Черепа в левой половине витрины

Рис. 4. Черепа в правой половине витрины

них в формируемой музейной экспозиции. Совершенно логично, что антропологическая коллекция была размещена в центральной витрине вместе с предметами материальной культуры, полученными в ходе раскопок некрополя Херсонеса (рис. 1).

Представление о находившихся в экспозиции антропологических материалах мы можем получить по ряду сохранившихся фотографий. Касательно вопроса их авторства, есть основания полагать, что они выполнены фотографом П. К. Сысоевым[2]. Снимки существуют в двух вариантах, на более раннем этикетаж находок выполнен от руки, соответственно, на более позднем распечатан на пишущей машинке[3], а в витрину добавлен еще один череп (рис. 2). Всего было представлено двенадцать черепов. Шикарное качество сохранившихся негативов позволяет изучить сопровождавшие материал аннотации.

Левая половина витрины (рис. 3):

1. Из усыпальницы византийской эпохи (боевая травма. – *А. И.*).

2. Из усыпальницы византийской эпохи (боевая травма. – *А. И.*).

3. Череп татарина Золотой орды /по определению профессора Казанского университета Высоцкого/.

4. Без аннотации (боевая травма. – *А. И.*).

5. Череп грека древнейшей эпохи, найден в каменной гробнице с херсонесской монетой III в. до Р. Х.

[2] Собственной фотолабораторией Хесонесский музей на раннем этапе своей истории не располагал, К. К. Косцюшко-Валюжинич и его последователи пользовались услугами приглашенных фотографов. Авторству П. К. Сысоева принадлежит серия почтовых карточек с изображениями объектов херсонесского городища и интерьеров экспозиции «Склада местных древностей», в том числе с сюжетом, аналогичным рассматриваемым снимкам: «Херсонес: Глиняная посуда; черепа» Издание фотографа П. К. Сысоева № 2.

[3] Фотоархив ГМЗХТ. негатив № 551, стекло 13 × 18 см.

6. Череп грека византийской эпохи из усыпальницы при храме.

7. Череп «варвара» /см. текст гражданской присяги Херсонеса/ найден был в погребении за оборонительной стеной[4].

Правая половина витрины (рис. 4):

8. Раскопки 1905 г. Некрополь на месте нынешнего монастырского скотного двора. Погребение без гроба. 12 вершков от поверхности. При остове найдена бронзовая монета Констанция II. 338–361 г. (искусственная деформация. – *А. И.*).

9. Без аннотации (искусственная деформация. – *А. И.*).

10. Искусственно деформированный череп алана или гота, найденный в катакомбе.

11. Искусственно деформированный более древний череп, найденный без погребения в насыпи некрополя.

12. Найден был в погребении у монастырских огородов по близости храма с мозаичным полом (искусственная деформация. – *А. И.*) (рис. 5).

Деформированные черепа сопровождались аннотацией следующего содержания: «Обычай искусственного удлинения головы был также распространен между южно-американскими индейцами племени Омагуа, населявшими окрестности Сан-Пабло-д' Одльенса нынешней столицы верхней Амазонки. Об этом мы читаем: «Сперва это была страна племен Омагуа, что значит длинноголовые. Это происходит от варварского обычая матерей сплющивать между двух дощечек голову новорожденных, чтобы придать черепу продолговатую форму, бывшую в большой моде»».

Рис. 5. Искусственно деформированный череп (12) из раскопок вблизи «загородного храма»

Отметим, что черепа, представленные в экспозиции, представляют совершенно иной тип искусственного воздействия (различные вариации циркулярной деформации, достигавшиеся с помощью кольцевых повязок), зафиксированный в подавляющем числе наблюдений, сделанных на материалах Северного Причерноморья и Крыма от эпохи раннего железа до Нового времени. Уместность ссылки на отдаленные

[4] Как морфологическую особенность черепа следует отметить выраженный альвеолярный прогнатизм.

южноамериканские аналогии также вызывает сомнения, тем более что К. К. Косцюшко-Валюжинич располагал актуальной публикацией Д. Н. Анучина, посвященной указанному вопросу [Анучин 1887], позволявшей рассмотреть материал в контексте региональных культурно-исторических реалий.

Насколько можно судить по фотографиям, все представленные в экспозиции черепа принадлежали мужчинам разных возрастных групп и характеризуются относительно крупными размерами, массивностью и выраженными элементами рельефа лицевого и мозгового отделов черепа.

О дальнейшей истории рассматриваемой антропологической коллекции определенных данных нет. Очевидно, после демонтажа экспозиции «Склада местных древностей» в 1927 г. материал поступил в фонды реорганизованного музея. В настоящее время в фонде К. К. Косцюшко-Валюжинича наличествуют три депаспортизированных черепа с искусственной деформацией, однако степень сохранности не позволяет с уверенностью сопоставить их с описываемыми материалами. В 20-е – 30-е гг. значительный объем антропологических материалов из раскопок Херсонеса был приобретен Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамерой) РАН и в настоящее время хранится в его фондах. Черепа с боевыми травмами, по-видимому, не сохранились.

Представляется, что К. К. Костюшко-Валюжинич, помещая в экспозиции коллекцию антропологических находок, ставил задачу показать характерные останки жителей города различных исторических этапов его существования, в определенной мере противопоставляя собственно греческий, позже византийский компонент соответствующему времени «варварскому» окружению. Очевидно, что черепа 1, 2, 4 были помещены в экспозицию как наглядные примеры боевых травм, нанесенных рубящим оружием, отражающие, драматические перипетии истории Херсонеса-Херсона. Значительное внимание уделено вышеописанным «экзотическим» находкам, представленным «макрокефалическими», то есть искусственно деформированными, черепами, надо полагать, вызывавшими живейший интерес у посетителей музея.

Примечательно указание на участие в определении антропологических материалов профессора Казанского университета Н. Ф. Высоцкого[5]. Очевидно, его интерес к находкам, представленным в экспозиции, был не случаен, заслуженный профессор медицины также был известен как этнограф, археолог-любитель, открыватель памятников эпохи камня в среднем Поволжье [Нуретдинова, Губайдуллина 2020, с. 95–96], обладатель обширных коллекций, составлявших частный историко-археологического музей, где среди прочего были представлены древности Крыма и Причерноморья [там же, с. 111–133][6].

Таким образом, присутствие антропологических материалов в экспозиции «Склада местных древностей» преследовало просветительские цели и в контексте построения К. К. Косцюшко-Валюжиничем экспозиции представляется вполне органичным, учитывая внимание посетителей к подобным находкам, сохраняющееся и в наше время. Не отрицая этических нюансов помещения на всеобщее обозрение человеческих останков, автор полагает, что при надлежащей проработке контента их присутствие уместно и в современных музейных экспозициях.

[5] Высоцкий Николай Федорович (1843–1922) – доктор медицины (1872), профессор кафедры хирургической патологии Казанского университета (1885), действительный статский советник (1894), заслуженный профессор (1893), кавалер орденов св. Станислава 1, 2 ст., св. Анны 1, 2 ст., св. Владимира 3 ст., основатель и первый директор Бактериологического института при Казанском университете (1900–1910).

[6] Опись «Крымских древностей» из собрания проф. Н. Ф. Высоцкого составляла 389 ед. (без нумизматики), в основном предметов античного «искусства и быта», собранных лично и приобретенных в Керчи, Феодосии и Анапе (с. 97, 111–133), в том числе деформированный череп, приобретенный в Керчи.

Литература

1. Алексеева Т. И., Ефимова С. Г., Эренбург Р. Б. Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. М., 1986. 223 с.
2. Анучин Д. Н. О древних искусственно деформированных черепах, найденных в пределах России. М., 1887. 72 с.
3. Богданов А. П. О черепах из крымских могил Херсонеса и Инкермана и из курганов Войска Донского // ИОЛАЭ. 1884. Вып. 1. Ч. 1. С. 125–146.
4. Нуретдинова А. Р., Губайдуллина А. В. Николай Фёдорович Высоцкий (1843–1922) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2020. Т. 40. № 3. С. 94–136.

А. В. Иванов, Н. И. Сударев
Краснодар, Москва

РАННИЕ СЫРЦОВЫЕ ПОСТРОЙКИ НА БОСПОРЕ

Сырцовый кирпич как строительный материал используется людьми с глубокой древности, а географический ареал его распространения, в силу технологической простоты, очень широк. В частности, следы использования сырца зафиксированы раскопками и на греческих памятниках Боспора. В докладе рассмотрены сведения, которые на настоящее время имеются, но в качестве иллюстрации приведены лишь данные по наиболее ранним постройкам, так как на этих примерах можно просле-

дить основные строительные приемы, использовавшиеся в населенных пунктах Боспора и в последующее время. Начнем с Европейской части.

В Пантикапее сырцовые постройки обнаружены на двух террасах северного склона г. Митридат. К наиболее древним, видимо, можно отнести «Дом эмпория», площадью около 8 м2. Стены сооружения были сложены из сырцового кирпича, основанием служил каменный цоколь. По сопутствующему материалу время строительства дома приходится на начало VI в. до н. э., функционировала постройка до конца столетия [Блаватский 1951, с. 219; 1955, с. 73 рис. 28; 1957, с. 13–14 рис. 7; 1962, с. 8–10]. Сырцовые стены имели и другие древнейшие обнаруженные здесь здания, и предполагается, что уже к середине или второй половине VI в. до н. э. сложилась планировка этого района Пантикапея [Марченко 1984, с. 6, 190; 1979, с. 165, 166 рис. 1]. Впрочем, отметим, что раннюю застройку северного склона г. Митридат, в том числе и «Дом эмпория», В. П. Толстиков [2001, с. 388, 390, 398] датирует последней четвертью VI – первой половиной V вв. до н.э., с чем не соглашается А. А. Завойкин [2007, с. 103, ссылка 3], указывая на то, что исследователь вносит корректировки в дату ранней застройки без дополнительной аргументации. Так или иначе, очевидно, что сырец в качестве строительного материала в одной из первых боспорских апойкий зафиксирован среди древнейших строительных остатков, относящихся к самым ранним зданиям в Пантикапее.

Не менее любопытные данные дает Мирмекий. Наземное домостроительство в городе начинается в конце VI – начале V в. до н.э. [Виноградов 1992, с. 105; Бутягин 1997, с. 98; 2000, с. 143], причем этот вывод подкреплен данными стратиграфии и планиграфией объектов. Интересна территория, перекрытая Зольником I, исследования на котором освещены в целом ряде работ [Бутягин 2004, с. 126–131; 2005, с. 101-107; Бутягин, Виноградов 2006, с. 33–36; Чистов 2004, с. 131–142; 2006, с. 99–133]. Здесь, в конце VI – самом начале V в. возводится крупная, не менее 200 м2, многокамерная постройка с сырцовыми стенами, в первой четверти V в. до н. э. это здание перестраивается и расширяется, и уже во второй четверти столетия гибнет в огне пожара, а его сырцовые стены разрушаются. Затем, в течение некоторого времени на этом месте, существовала еще одна постройка, частично повторявшая очертания раннего комплекса, и только после ее гибели во второй половине V в. до н. э. возникает зольник [Бутягин 2004, с. 127]. По мнению исследователей [Бутягин 2004, с. 130; Завойкин 2007, с. 162–163], наличие алтаря и размерные характеристики раннего здания, несомненно, выделяют его из разряда рядовых построек, открытых на других участках Мирмекия.

Сырцовая архитектура зафиксирована и в Тиритаке, в ее наиболее ранних слоях, связанных с заселением греками территории городища, которое происходило с середины VI в. до н.э. [Гайдукевич 1952, с. 74; Шмидт 1952, с. 246–247; Кузнецов 1991, с. 34]. В 1938 г. на участке XIV, в западной части города, было открыто архаическое здание, состоящее из трех помещений, с сырцовыми стенами на каменном цоколе, функционировавшее в пределах около 540-х – 480/470-х гг. и, видимо, погибшее в пожаре, если судить по находке хиосской амфоры, примерно во второй четверти V в. до н. э. [Гайдукевич 1952, с. 77–75, 85, рис. 104.1].

В Порфмии обломки сырцовых кирпичей вместе с другими находками были встречены в яме, находящейся в большом помещении крупного здания (не менее четырех помещений) периода «г» конца V – первой половины IV в. до н.э. [Кастанаян 1972, с. 78–81 рис. 31.1 и 2, прим. 8]. По мнению А. А. Завойкина [2007, с. 173–174], керамическая тара из ямы (а именно два кувшина, обломки хиосских и фасосских амфор, а также фрагмент ионийского светильника) дает основание датировать комплекс концом третьей – четвертой четвертью V в. до н.э.

На азиатской стороне Боспора сырцовая архитектура известна в Гермонассе, Фанагории, Патрее, Береговом 4, Кепах, и в Синдской Гавани.

В Гермонассе в 1969 г. на Нагорном раскопе был открыт каменный фундамент здания с остатками сырцовой кладки первой половины V в. до н.э. [Коровина 1992, с. 22]. На Северо-Восточном раскопе исследован дом [возведенный в середине V в. до н. э. на месте предшествующих построек и погибший в пожаре в третьей четверти V в. до н.э., стены которого сложены из сырцовых кирпичей, с подвалом, также обложенным кирпичом [Финогенова 2005, с. 428].

Но наиболее яркий пример сырцового домостроительства дает Фанагория. Более того, отметим, что в Фанагории в архаическое и раннеклассическое время сырец являлся основным строительным материалом, практически все здания в городе в рассматриваемый период были построены из сырцового кирпича [Кузнецов 2015, с. 282, 284; 2021, с. 112]. В отличие от других древних городов Боспора, где ранние слои либо переотложены, либо сильно повреждены поздними вторжениями, лишь Фанагория дает несомненный пример того, что лежащий на материке слой довольно точно соотносится по времени с моментом основания города выходцами из Теоса [Завойкин 2011, с. 19]. Этому слою принадлежат сырцово-кирпичные постройки различного назначения [Кузнецов 2009, с. 192, 193; 2010, рис. 23]. Помимо домов и подвалов из сырцового кирпича, в городе возводились и общественные здания [Кузнецов 2011, с. 121–125; Завойкин 2011, с. 19; Завойкин, Кузнецов 2013, с. 162–164], одно из которых, напри-

мер, относится ко второй половине VI в. до н. э., предположительно к 530–520 гг. до н.э. [Кузнецов 2015, с. 284–287]. Здесь также можно отметить: дом 424, стены которого были поставлены на поверхность глиноплетневого сооружения, погибшего во второй четверти – середине V в. до н.э.; «Дом зерноторговца» третьей – последней четверти V в. до н.э.; сырцовый дом 475 последней четверти V в. до н.э. [Завойкин, 2007, с. 227–231, 243–246, 279–282] и т. д. Наконец, первые оборонительные стены Фанагории, воздвигнутые, вероятно, в самые первые годы существования колонии и разрушенные во время каких-то военных событий в 480 г. до н.э., были сложены из сырцового кирпича [Кузнецов 2018, с. 215–219; 2021, с. 126–128].

В Патрее строительные остатки с сырцовыми постройками (кладки четырех уровней) относятся к периоду от середины VI до н.э. до третьей четверти V в. до н.э. [Завойкин 2011, с. 22], причем очевидно, что сырцовые постройки последней четверти VI – первых десятилетий V в. до н.э. погибли в пожаре [Абрамов 1999, с. 13–18; 2004; 2006, с. 11–35]. А. А. Завойкин приводит материалы раскопок Б. Г. Петерса в 1985–1988 гг. в Патрее, где помимо сырцовых домов упоминается и оборонительная стена, датируемой автором раскопок третьей четвертью V в. до н.э. [Завойкин 2007, с. 390]. Остатки сырцово-кирпичных построек двух строительных периодов (постройка второго периода интерпретируется как толос) от второй половины VI до первой четверти V в. до н. э. были выявлены Н. И. Сударевым на Береговом 4 [Завойкин 2011, с. 22]. Сооружения погибли, вероятно, в результате военных событий во второй четверти V в. до н. э. [Завойкин, Сударев 2004, с. 73–74; 2010, с. 185–186]. Строение из сырцового кирпича найдено и при раскопках в Кепах. Н. И. Сокольским выделены три строительных периода, охватывающие время жизни здания с первой половины VI в. до н.э. до середины V в. до н.э. [Сокольский 1973, с. 88; 1975, с. 615–619 рис. 1–5, 7, 8].

В Синдской Гавани дома из сырцового кирпича на каменном цоколе зафиксированы в слоях VI–V вв. до н. э. во втором – четвертом строительных периодах [Алексеева 1997, с. 15, табл. 3]. Дом 1 (не менее трех наземных помещений) с цоколем шириной около 1 м, согласно стратиграфическим наблюдениям, был перекрыт домом 2 (не менее шести помещений) с гораздо более узкими стенами, до 0,6 м шириной. С такими же «узкими» цоколями исследованы еще несколько домов, стены которых были сырцовыми. Эти дома погибли в огне, они существовали до второй четверти V в. до н. э. [Алексеева 1997, с. 15–17].

Вопрос о принадлежности сырца к греческой домостроительной традиции не стоит. О том, что сырцовый кирпич – это сугубо привнесенная извне строительная технология, говорит тот факт, что на Кубани, в Крыму и шире – в Северном Причерноморье для времени предшествующей колонизации никаких следов сырца археологией не отмечено. Таким образом, данная технология была привнесена на Боспор вместе с колонистами, а особенно интенсивно сырцовый кирпич использовался в местности, где камень являлся дефицитным строительным материалом.

Литература

1. Абрамов А. П. Городище Патрей. Периодизация и топография // Патрей. Материалы и исследования. М., 1999. Вып. 1.
2. Абрамов А. П. История исследования Патрея // Патрей. Материалы исследования. М. 2004. Вып. 2.
3. Абрамов А. П. Комплекс амфор последней четверти VI в. до н.э. из Патрея // ДБ. 2006. Т. 9.
4. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М., 1997.
5. Блаватский В. Д. Материалы по истории Пантикапея. План города // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. I / Под ред. В. Д. Блаватского, Б.Н. Гракова. М., 1951. (МИА. № 19).
6. Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1952 году // КСИИМК. Вып. 58. 1955.
7. Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. М., 1957. (МИА. № 56).
8. Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // Пантикапей / под ред. И. Д. Марченко. М., 1961. (МИА. № 103).
9. Бутягин А. М. О переходе к каменному домостроительству на городище Мирмекий // Stratum+ ПАВ. 1997.
10. Бутягин А. М. Мирмекий в период архаики // ТС. 2000. Вып. 3.
11. Бутягин А. М. Дом под мирмекийскими зольниками // БФ. Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. I. СПб., 2004.
12. Бутягин А. М. К интерпретации зольников Мирмекия (свидетельства Павсания и боспорская культовая практика) // БФ. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005.
13. Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. Мирмекий в свете новых археологических исследований. СПб., 2006.
14. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // Боспорские города. Т. 1: Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. М., 1952. (МИА. № 25).
15. Виноградов Ю. А. Мирмекий // ОАИБ. М., 1992.
16. Завойкин А. А. О культурном слое поселений Таманского полуострова VI–V вв. до н. э. // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований. М., 2011. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 4).

17. Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы урбанистики Фанагории в V в. до н. э. // БЧ. 2013. Вып. XIV.
18. Завойкин А. А., Сударев Н. И. Итоги исследований на памятнике «Береговой 4» в 1999–2000 гг. (Предварительная информация) // Патрей. Материалы и исследования. М., 2004. Вып. 2.
19. Завойкин А. А., Сударев Н. И. Поселение и святилище «Береговой 4». Итоги исследований в 1999–2004 г. // Археологические открытия 1999–2004 гг. М., 2010.
20. Кастанаян Е. Г. Раскопки Порфмия в 1968 Г. // КСИА. 1972. Вып. 130.
21. Коровина А. К. История исследования Таманского городища // Археология и искусство Боспора / под ре. Даниловой И. Е. М., 1992. (СГМИИ. Вып. X).
22. Кузнецов В. Д. Ранние апойкии Северного Причерноморья // КСИА. 1991. Вып. 204.
23. Кузнецов В. Д. Фанагория в архаическое время // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009.
24. Кузнецов В. Д. Фанагория – столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. М. 2010. Т. I.
25. Кузнецов В. Д. Заметки о культурном слое Фанагории // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований. М., 2011.
26. Кузнецов В. Д. Сырцовый кирпич (по материалам Фанагории) // ПИФК. 2015. № 1 (47).
27. Кузнецов В. Д. Оборонительные сооружения Фанагории // КСИА. 2018. Вып. 250.
28. Кузнецов В. Д. Архаические стены Фанагории // Hyranis. Труды отдела классической археологии ИА РАН. М., 2021. Т. 3.
29. Марченко И. Д. О планировке северного района Пантикапея. (К проблеме изучения агоры) // СА. № 2. 1979.
30. Марченко И. Д. Раскопки Пантикапея в 1965–1972 годах // СГМИИ. 1984. Вып. VII.
31. Толстиков В. П. Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. Т. 4. 2001.
32. Сокольский Н. И. Культ Афродиты в Кепах конца VI–V в. до н.э. // ВДИ. № 4. 1973.
33. Сокольский Н. И. Новые раскопки в Кепах // Actes de la XIIe Conférence d'Études Cllassiques "Eirene" – 1972. Bucureçti – Amsterdam, 1975.
34. Финогенова С.И. Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // ДБ. Т. 8. 2005.
35. Чистов Д. Е. Святилище Деметры в Мирмекии: попытка реконструкции комплекса // БФ. Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. I. СПб., 2004.
36. Чистов Д. Е. «Святилище Деметры» и восточные кварталы Мирмекия в IV в. до н. э. // БИ. 2006. Вып. XIII.

37. Шмидт Р. В. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки // Боспорские города. Т. 1: Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. М., 1952. (МИА. № 25).

С. М. Ильяшенко
Институт археологии РАН, Москва
Т. В. Егорова, И. А. Прокофьев
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕ ЗАПАДНОГО ПРИГОРОДА ТАНАИСА

Проблеме освоения древними греками новых территорий уделяется в современных исследованиях немало внимания. В первоначальном возникновении поселений, а затем и городов, несмотря на специфику в различных регионах, выделяются общие закономерности процесса их поэтапного развития. Это находит отражение в трансформации городской планировки. Несмотря на отдаленность от основных центров греческой цивилизации, древний Танаис не является исключением из общих правил. Значительную роль в изучении его развития на ранних и поздних этапах играет выявление линий городской фортификационной системы, которая отражает целый комплекс информации, связанной как с политической, так и с экономической обстановкой в контактной со степью удаленной северо-восточной части Северного Причерноморья. Однако вплоть до начала 80-х годов XX в. ранние рвы оставались объектами, достаточно слабо изученными и наименее освещенными в публикациях. Считалось, что рвы имелись лишь с трех сторон городской цитадели (основного четырехугольника городища). Остальная прилегающая территория была мало известна, за исключением нескольких кварталов III–I вв. до н. э. к западу от цитадели, получивших название «Западный городской район». Особое внимание стало уделяться рвам с конца 1990-х – начала 2000-х годов [Ильяшенко и др. 2015, с. 174].

Начиная с 1998 г. новые археологические раскопки на ближайших подступах к цитадели внесли значительные коррективы в представления о территории и фортификации раннего (т.н. «дополемоновского») Танаиса. Прежде всего, это связано с открытием новых участков древней городской застройки к западу и югу от основного четырехугольника городища [Ильяшенко 2007, с. 23–39]. Сейчас мы выделяем три района, одновременно существовавших на коренном берегу (рис. 1) и составлявших Верхний город: основной четырехугольник (цитадель

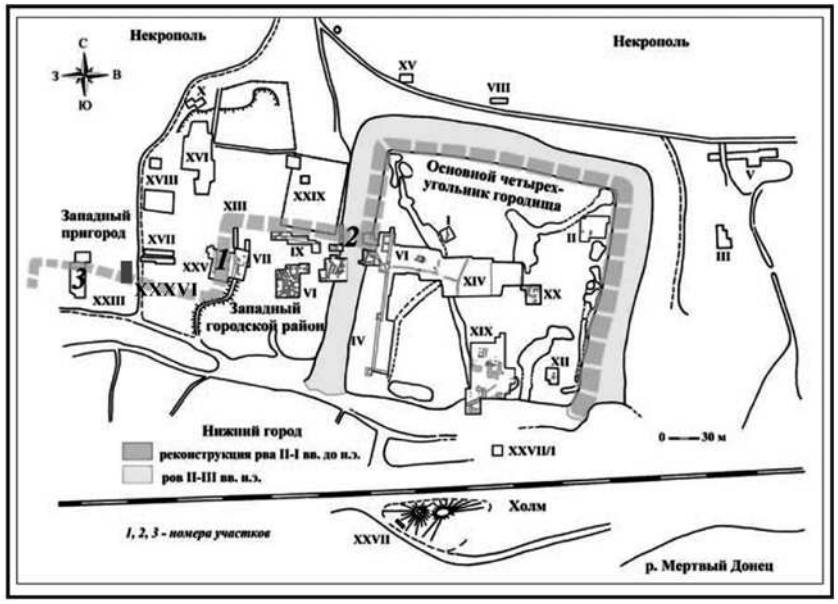

Рис. 1. План городища Танаис с расположением раскопов и реконструкцией линии эллинистического рва. XXXVI – раскоп 2021 года

или, как его называли исследователи XIX в., «акрополь»), Западный район и Западный пригород. Можно также предположить наличие аналогичной жилой застройки в нижней, прилегающей к реке, части города (Нижний город) [Kozlovskaya, Ilyashenko 2013, p. 83–94]. Археологические данные свидетельствуют о том, что к концу первой четверти – середине II в. до н. э. в Танаисе на достаточно обширной территории уже имелась вполне сложившаяся инфраструктура с устойчивой планировкой. Учитывая опыт ближайшего соседа Танаиса, предшествующего ему по времени Елизаветовского городища, расположенного в дельте Дона, которое даже несмотря на «весьма выгодное с военной точки зрения местоположение» и наличие естественных рубежей обороны уже с середины IV в. до н. э. имело две линии искусственных укреплений [Марченко и др. 2000, с. 86–90], вполне разумно полагать, что равнинная местность, в которой возник Танаис в первой четверти III в. до н. э., лишь с его южной стороны могла предоставить более или менее надежную защиту в виде крутого берега реки. Действительно, в последние десятилетия были выявлены три участка с фрагментами ранних фортификационных сооружений: оборонительных стен и, вероятно, одновременных с ними рвов. Все объекты располагались за пределами цитадели и имели неплохую сохранность, так как не входили в зону интенсивного строительства при восстановлении города в первых веках нашей эры [Ильяшенко и др. 2015, с. 177–183]. По ним можно вывести обобщенные конструктивные черты рва II–I вв. до н.э., известные по трем участкам, которые могут выглядеть следующим образом. В сечении ров имеет трапециевидную форму. Его ширина по верхнему контуру: 11–14 м. Общая глубина: 2,5–3,0 м. Глубина придонной части, вырубленной в скале: 0,8–1,5 м. Ширина по дну: 2,60–4,0 м. Угол эскарпа: 40° – 65°. Угол контрэскарпа: 20° – 65°. Рвы, скорее всего, не заполнялись водой. Однако все три исследованных участка, несмотря на схожесть, располагаются приблизительно на равноудаленном друг от друга расстоянии (около 150 м) и связь их между собой в единой линии пока предположительна. В связи с этим является актуальным вопрос выявления промежуточных участков, которые бы позволили окончательно утвердиться в выводе о единой полосе рвов, опоясывавших городские кварталы Танаиса в эллинистический период его истории.

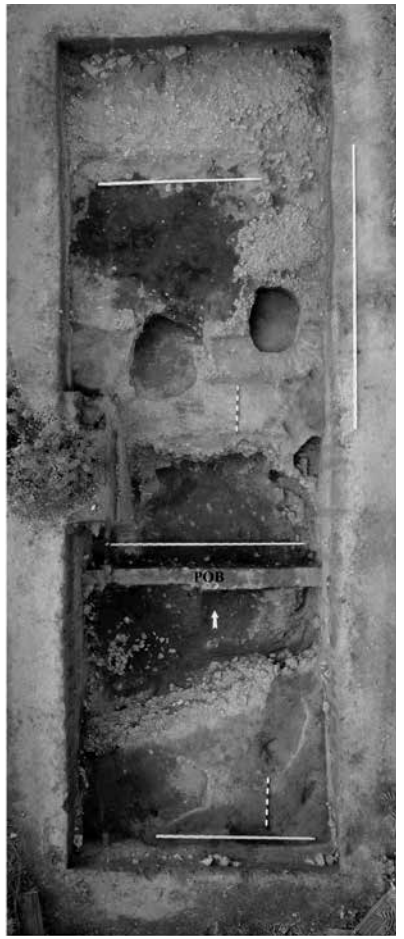

Рис. 2. Вид на участок рва в раскопе XXXVI сверху

Такие работы были начаты в 2021 г. Новый раскоп заложен между открытым в 1998–2002 гг. отрезком северной оборонительной линии Западного пригорода (в 36 м к востоку от него) и остатками фортификационных сооружений, окружавших Западный городской район (рис. 1) [подробнее о них: Ильяшенко и др. 2015, с. 168–188; Матера 2019, с. 12–30]. Раскоп располагался на площади частной застройки хутора Недвиговка.

В результате был выявлен еще один небольшой участок рва (длиной 5 м), очевидно, являвшегося частью оборонительной системы

Западного пригорода Танаиса (рис. 2). Интересно отметить, что он проходил чуть севернее (примерно в пяти метрах) зафиксированной линии его западного участка. Отличается и направление: в целом, сохраняя линию запад-восток, трасса рва имеет небольшое отклонение к северо-востоку. Все это, вероятно, можно связать с особенностями микрорельефа исследуемой территории.

Сама конструкция рва почти идентична описанной выше. Здесь также, как и на западе, он почти на всю глубину был вырублен в скале, в верхней части вырыт в предматериковом суглинке. Зафиксированная на данный момент ширина по верхнему контуру составляет около 9,5 м, по границе вырубки скалы – 5,5 м. Самые верхние сегменты склонов – более пологие, нижние – неровные, на некоторых участках почти отвесные. Особенно хорошо это читается на эскарпе, кромка которого не была пробита поздними ямами. Угол наклона в его нижней части – до 65°. Над ним же зафиксирован плотный панцирь длиной до 2,5 м, толщиной от 0,20 до 0,30 м, выложенный из мелких необработанных камней. Он имеет стабильное плавное понижение к северу, внутрь рва. Видимо, его сооружение обусловлено необходимостью противодействия естественным эрозивным процессам. Угол наклона контрэскарпа составляет 45°.

Заполнение рва представлено двумя основными массивами слоев, в которых прослеживаются горелые и глинистые прослойки, понижающиеся к центру рва, которые, очевидно, являются результатом вымывания верхних участков склонов. В нижнем слое зафиксированы тонкие, как правило, однослойные линзы раковин пресноводных улиток двух видов: Viviparus viviparus и Lithoglyphus naticoides. Раковины по большей части целые, не имеют следов кулинарной обработки и не калиброванные, что можно было бы ожидать в случае использования их в пищу. Выявлены они на разных уровнях. Судя по их видовым особенностям, вероятнее всего, уже пустые раковины моллюсков могло приносить в ров с половодьем, где они и оседали после ухода воды.

Находки из слоев заполнения рва укладываются в хронологический промежуток от второй половины III до I в. до н. э. с преобладанием фрагментов II–I вв. до н. э. Они однотипны как в верхнем, так и в нижнем горизонтах. Наиболее характерным датирующим материалом являются фрагменты амфорных клейм. Здесь обнаружено 15 клейм на ручках родосских амфор, датирующихся от 209/205 до 108 г. до н. э.

Интересно отметить – при значительном количестве и разнообразии лепных сосудов – почти полное отсутствие (за редким исключением) кружальной столовой посуды. Большое число костей животных, обломки хозяйственно-бытовых предметов, в частности, рыболовных грузил и

оселков, среди которых нет ни одного целого, указывают, вероятно, на постепенное заполнение, по крайней мере, верхней части рва мусором.

Сходная картина наблюдалась при исследовании западного участка рва. Таким образом, благодаря последним раскопкам, мы получили возможность проследить продолжение линии оборонительных сооружений, окружавших Западный пригород Танаиса в эллинистическое время. Однако эта работа еще далека до своего завершения.

Литература

1. Ильяшенко С. М. Нижний и Верхний город Танаиса (предварительные наблюдения). // Вестник Танаиса. 2007. Вып 2. С. 23–39.
2. Ильяшенко С. М., Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Оборонительные рвы Танаиса во II–I вв. до н. э. // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова. М., 2015. С. 168–188.
3. Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П. Елизаветинское городище на Дону // Pontus Septentrionalis II, Tanais 2. М., 2000.
4. Матера М. Фортификация Западного района Танаиса // Вестник Танаиса. 2019. Вып. 5. Т. 2. С. 12–30.
5. Kozlovskaya V., Ilyashenko S. M. The Lower City of Tanais // Exploring the Hospitable Sea. Proceedings of the International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 21–23 September 2012. Oxford, 2013. P. 83–94. (BAR International Series 2498).

Т. М. Калинина
Институт всеобщей истории РАН, Москва

Пролив *бурджан* на карте Средиземного моря «Книги чудес» XI в.

«Книга чудес наук и диковины виденного воочию» (Kitāb Gharā’ib al-funūn wa-mulaḥ al-‘uyūn) была составлена анонимным автором между 1020 и 1050 гг. в фатимидском Египте [Lost maps 2018, p. 18–19]. Сочинение включает два раздела: I – «О Небе» и II – «О Земле». Во второй части, кроме прямоугольной и круглой карт мира, имеются карты водных бассейнов, некоторых островов и рек. Десятая глава под названием «Западное море (*бахр ал-Гарбий*), оно же Сирийское море (*ва хуа аш-Шамий*), его гавани (*маваний*), острова (*джаза’ир*) и якорные стоянки (*марасий*)» (т. е. море Средиземное) посвящена перечислению указанных названий числом 121; часто даны сведения о ветрах, арсеналах, вместимости бухт, возможности размещения кораблей [An Eleventh-Century 2014, p. 447–454. Я везде даю ссылки только на пе-

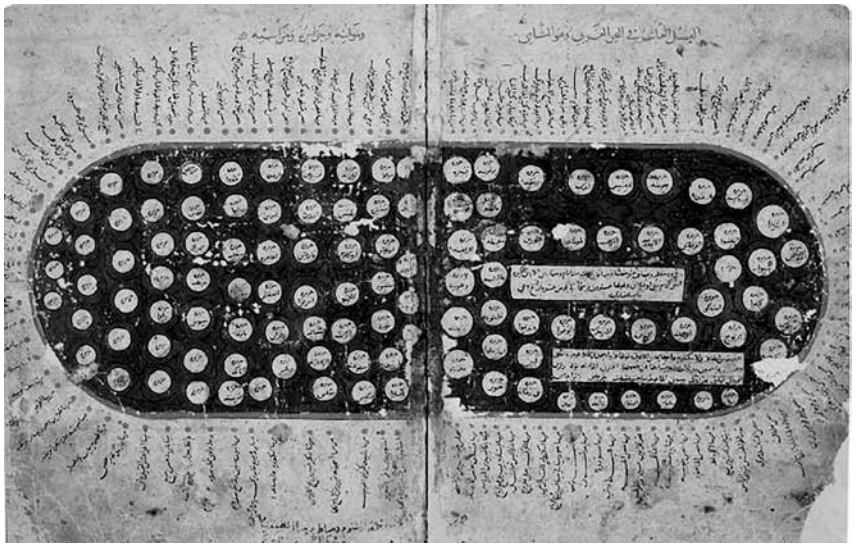

Рис. 1. http://bibliodyssey.blogspot.com/2007/04/book-of-curiosities.html) (April 06, 2007)

ревод и комментарии на английском языке в этой книге, не указывая страницы арабского текста ввиду ограничения объема].

Карта моря представляет собой симметричный овал темно-зеленого цвета, ориентированный на север. Внутри карты показаны 118 круглых островов одинакового размера и 2 вытянутых прямоугольника Сицилии и Кипра.

«Шестнадцатая глава об изображении (*сур*) входов (*ад-духул*), а это заливы (*ал-ахвар*), в частности, заливы (*ал-ахвар*) страны (*билад*) Византии (*ар-Рум*)» [ibidem, p. 483–487] посвящена Эгейскому морю.

На этих двух картах нет очертаний береговых линий. По мнению автора, они постоянно меняются: то затоплены, то непроходимы и необитаемы, то выныривают из воды и заселяются [An Eleventh-Century 2014, p. 442]. Поэтому на картах нет привычной извилистой прибрежной полосы; при перечислении же некоторых пунктов у моря стоит частица *ила*, т. е. «в сторону, в направлении», что указывает на их местоположение не на самом берегу Средиземного моря, а глубже, на материке. Названия сильно искажены, но большинство удалось идентифицировать.

В левой части овала моря Сириийского тонкой красной линией обозначен Гибралтарский пролив, без входа в Атлантический океан. По часовой стрелке от Гибралтара имеется семь якорных стоянок на атлантическом побережье Марокко, пятая по счету – это Танжер.

Далее указаны якорные стоянки Андалусии, Галисии, франков, славян, лангобардов. Славяне (*сакалиба*) указаны здесь почему-то между франками и лангобардами, хотя в шестнадцатой главе о заливах Византии славяне упоминаются как жители Пелопоннеса [An Eleventh-Century 2014, p. 486, note 53]. Далее вдоль берега овала отмечен *халидж* («залив» или «пролив», слово имеет оба значения) *бурджан* «с тридцатью стоянками для лодок *бурджан*» [ibidem, p. 447].

Сведения автора «Книги чудес» в значительной степени зависят от данных труда географа X в. Ибн Хаукаля [Lost maps 2014, p. P. 97; Cahlaoui 2018, p. 123–126], в книге которого на карте показан и в тексте упоминается *халидж ал-Кустантиний*, т. е. Константинопольский пролив, отходящий от Средиземного моря и впадающий на севере в воды Окружающего океана [Калинина 2006, с. 151–159]. Именно такие данные Ибн Хаукаля повлияли на Анонима [An Eleventh-Century 2014, p. 447, note 7], значит, следует читать не «залив», а «пролив *бурджан*», хотя соединения с Окружающим океаном на севере карта Анонима не показывает. Тем не менее этот пролив идентифицирован с

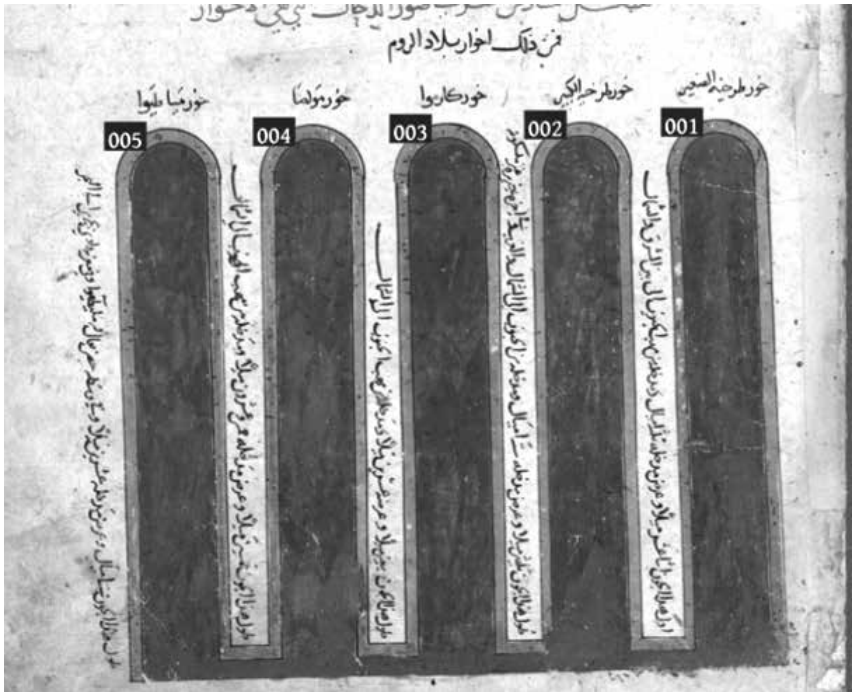

Рис. 2. An Eleventh-Century 2014: p. 104

Черным морем [ibidem; Lost Maps 2018, p. 130; 290, note 6]. В перечне встречаются искаженные и неясные названия береговых пунктов на побережьях Дарданелл, Мраморного и Эгейского морей, часть которых расшифрована при помощи текста и карт из труда Ибн Хаукаля [An Eleventh-Century 2014, p. 447, notes 11–15].

В главе шестнадцатой о заливах страны ар-Рум показаны схема этих заливов, относящихся к Эгейскому морю.

Названы *Баб ал-Халидж* (Дарданеллы), на берегах которого обозначен Абидос (*Абидх*), Кардия (*Кардийа*) в заливе Мелос (совр. Сарос), крепость на берегу залива Мелос, возможно, *Магарисион*, совр. Ибрис Искелези (*Ифрийаш*), необитаемый остров Мауриа (*М.ф.р.и.х*) при входе в Дарданеллы, Айнус (*Ан(й)ус*) на северо-западном берегу залива Мелос и другие гавани и крепости в Эгейском море [ibidem, p. 484–485, notes 22–31]. Эта глава и диаграмма в целом являются неким указателем для мореплавания по заливам Эгейского моря, однако указаний на направление в сторону Черного моря нет.

Из перечня следует, что информация была взята Анонимом как из старых источников, так и из современных морских навигационных пособий, вероятно, византийского происхождения. Хотя нет известий о гаванях, островах и крепостях далее Эгейского моря, все же смутные сведения о Черном море проникли в «Книгу чудес» под именем «пролива *бурджан*».

Бурджанами в большинстве случаев арабские географы именовали придунайских болгар [Калинина 2013, с. 195–217], хотя никакие прибрежные населенные пункты Болгарии на карте не обозначены, за исключением вышеупомянутых «30 стоянок для лодок *бурджан*».

Бурджаны также упомянуты в главе «Книги чудес», озаглавленной «Третья глава о семи климатах, их условиях, землях за экватором и землях на краю северной границы» [An Eleventh-Century 2014, p. 431]. Здесь приведены известия о широтных зонах – «климатах», данные о которых восходили к древнегреческой традиции и были восприняты арабскими учеными. В названиях климатов отчетливо прослеживаются античные мотивы, почти полностью аналогичные известиям из труда церковного историка X в. Агапия Манбиджского и восходящие к неизвестному, еще более раннему первоисточнику. Рассказывая о пятом, шестом и седьмом климатах, Аноним назвал пятый климат «*Бикулус*, который Птолемей называл *Алисбунтус*». Агапий Манбиджский называл этот климат *Бунтус* (т. е. Понт), здесь – Геллеспонт [Kitab al-‘Unwan 1910, p. 613]. Издатели предлагают исправление гидронима как *Picolos Pontus***,** переведенный как «малое море» и относящийся к морю Мраморному [An Eleventh-Century 2014, p. 433, note 32], второе же – неточное имя Геллеспонта. Именем Птолемея же арабские авторы часто пользовались вне зависимости от того, знали ли они именно его труды или сирийские или иные переводы. Следует отметить, однако, что предложенные переводчиками и комментаторами отождествления в греческих источниках раннего времени не встречаются.

Шестой климат Аноним назвал *Масубутамис*, исправленный издателями на греч. *Масубунтус* и идентифицированный с греч. Μέσος Πόντος, т. е. «середина [Черного] моря» [ibidem, nota 36]. Впрочем, в тексте Агапия Манбиджского имеется вариант как раз *Масубутумис* [Kitab al-‘Unwan, 1910, p. 614], т. е. «Месопотамия», что ставит под сомнение отождествление переводчиков.

Седьмой климат назван в труде Агапия и в «Книге чудес» «*Бари(а)станис*» [Kitab al-‘Unwan 1910, p. 615; An Eleventh-Century 2014, p. 434], т. е. Борисфен – греческое наименование реки Днепр, хотя в данном случае реалии не подразумеваются.

Возвращаясь к описанию шестого климата, отметим, что здесь воспроизведена старинная легенда, аналогичная переданной Агапием Манбиджским [Kitâb al-‘Unwan, 1910, p. 614] о пребывании в нем воинственного народа амазонок, которые выжигали правую грудь, чтобы она не мешала прижимать лук в сражении; они выходили за пределы своей страны один раз в год (или мужчины приходили к ним), чтобы продолжить свой род, совокупляясь с мужчинами *бурджан*. *Бурджаны* в данном случае являются легендарным народом; в то же время сказание об амазонках, широко распространенное в античном мире и связывавшееся с просторами Восточной Европы, берегами Черного или Северного морей, передавалось и многими арабскими авторами, хотя немногие упоминали *бурджан* [Калинина 2010, с. 342–349].

Таким образом, автор «Книги чудес» имел весьма смутное представление о Черном море, может быть, только со стороны Болгарии, поскольку назвал его «проливом *бурджан*». Прочие сведения восходят к традициям античности, переданные арабскими географами X в.

Литература

1. Калинина Т. М. Амазонки в арабской средневековой литературе // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. Т. I. С. 342–349.

2. Калинина Т. М. Константинопольский пролив по воззрениям арабских средневековых ученых (до ал-Идриси) // АДСВ 2016. Вып. 44. С. 137–162.

3. Калинина Т. М. Этноним «бурджан» в сочинениях арабских средневековых географов. Варианты соотношения устной и письменной традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 192–217.

4. Cahlaoui T. Creating the Mediterranean: Maps and the Islamic Imagination. Leiden; Boston, 2018.
5. An Eleventh-Century Egyptian Guide to the Universe. The “Book of Curiosities”/ ed. with an annotated transl. by J. Rapoport., E. Savage-Smith. Leiden; Boston, 2014.
6. Kitâb al-‘Unwan. Histoire universalle ècrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj, édite et traduite en français par A. Vasiliev // Patrologia Orientalis. Paris, 1910. Vol. V. Fasc. 4.
7. Lost maps of the Caliphs. Drawings the World in Eleventh-century Cairo / ed. by Y. Rapoport, E. Savage-Smith. Chicago; London, 2018.

В. Ю. Коваль
Институт археологии РАН, г. Москва

ВИЗАНТИЙСКИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ «КЛЕПСИДРЫ» («ВИННЫЕ ВОРЫ»)

Средневековые кувшинообразные сосуды необычной формы (с завершением горловины в виде соски, с пустотелой ручкой, полость которой обязательно соединялась с полостью сосуда) встречены археологами в разных частях Средиземноморья и Причерноморья на землях, некогда занятых Византийской империи. Они найдены при раскопках на территории Турции (в Иераполисе и Трое) [Cottica 2007, p. 264, 265, fig. 8, 14.5–7; Hayes 1995, p. P. 206, fig. 5.67], Греции – в Монемвасии [Androulidaki et al. 2001, p. 50, 51. Fig. 66, 67], на острове Фасос [Μαζτορόπουλος 1988, σ. 160, εικ. 4], в Южных Родопах [Ζήκος 1990; Μαζτορόπουλος 1988, σ. 158, εικ. 1] (рис. 1), как правило, в контекстах XI–XIII вв. Аналогичные сосуды встречены даже на территории Руси – в Великом Новгороде (1 шт.) и в Новогрудке (современная Беларусь, обломки от 6 сосудов) в контекстах XII в. [Малевская 1969; Коваль 2019].

Однако больше всего находок таких сосудов сделано на территории современной Болгарии в комплексах XII в. [Алексиев 1992, с. 199–203; Борисов 2002, с. 139, рис. 115; 2007, с. 8–11, рис. 1, 2; Колева 2009, с. 216, обр. 4, 5]. Все такие сосуды имели близкие размеры: высота 20–25 см, диаметр тулова 15–18 см, емкость до 2 л.

Относительно предназначения этих сосудов археологами выдвинуто большое количество догадок. В Болгарии популярно мнение Й. Алексиева об использовании их для получения алкоголя, болгарской ракии [Алексиев 1992, с. 203]. Однако конструкция таких сосудов принципиально отличается от аламбиков и аналогичных керамических приспособлений для дистилляции, прекрасно известных по

Рис. 1. Сифон из монастыря в поселении Сости на горе Папикон в Родопах [Μαζτορόπουλος 1988, εικ. 1]

археологическим находкам во многих странах мира [Moorhouse 1972, fig. 24–33] (рис. 2). Новые попытки увидеть в этой необычной емкости инструмент для дистилляции алкоголя заставляют повторить все аргументы против такой экстравагантной гипотезы:

1. У этих емкостей имеются только очень узкие отверстия, что существенно затрудняет заливание в них исходного сырья для перегонки и последующую промывку.

2. Их объем слишком мал для получения сколько-нибудь заметного количества дистиллята.

3. Их горловины не перекрыты куполом (без которого невозможно осаживание испарений), но вместо этого они имеют узкое отверстие, которое не только не способствует осаждению паров, но мешает этому процессу. Ни один из известных аламбиков никогда не имел отверстия сверху.

4. Сама профилировка сосудов такова, что в случае дистилляции осаживающиеся на стенках довольно узкого горла пары алкоголя не смогли бы стекать в полую ручку, а возвращались бы в корпус сосуда. Фактически никакой дистилляции в сосуде такой формы достичь невозможно.

5. Ручка размещена столь близко к корпусу (который должен был нагреваться на огне), что она нагревалась бы вместе с ним, а поставить под этой ручкой сосуд для сбора дистиллята было бы невозможно, точнее, он тоже находился бы на огне или рядом с огнем. Поэтому всегда и везде для дистилляции использовались аламбики, трубки которых отводились далеко в сторону от сосуда, в котором подогревалась дистеллируемая жидкость.

Рис. 2. Этнографические клепсидры. 1. Способ использования клепсидры (винного вора) на о. Наксос [Μαζτορόπουλος 1988, εικ. 3]. 2. «Тягленица» XIX в. из села Албаница (Болгария) [Иванова 2010, обр. 1]

Таким образом, рассматриваемые сосуды не могли использоваться для дистилляции жидкостей.

Между тем, совершенно аналогичные сосуды известны этнографам Болгарии и Греции. На островах Парос и Наксос они имеются в музейных этнографических экспозициях [Κορρέ-Ζωγράφου 1995, εικ. 465; Μαζτορόπουλος 1988, εικ. 3] и сохранили название «сифон». Они предназначались для набора вина из крупных сосудов (пифосов) или бочек с помощью длинной трубочки, вставлявшейся в нижний конец полой ручки. Далее человек подсасывал воздух через узкое отверстие в горле сосуда, создавая там вакуум, что приводило к полному заполнению «сифона» (рис. 2.1). Точно такое же назначение имел подобный сосуд из Болгарии, созданный в начале XIX в. и называвшийся «тегленица» [Иванова 2010, с. 827–829, обр. 1] (рис. 2.2). Аналогичные по форме и назначению сосуды использовались и в Испании, где они производятся до сих пор в качестве сувенирной керамики.

«Сифон» или «тегленица» был разновидностью приспособления для откачивания жидкости из крупных сосудов в более мелкие, изобретенного в глубокой древности и называвшегося в эллинском мире

словом клепсидра (κλεψύδρα), что в переводе означает «водяной вор». Правда, точно такое же название эллины дали водяным часам, изобретенным еще в Древнем Египте (или Шумере?). По этой причине, чтобы избежать путаницы, многие современные исследователи предпочитают называть рассматриваемые тут сосуды английским словом wine-thief (т. е. «винный вор»), указывая тем самым, что предназначались они прежде всего для откачивания вина.

Заметим, что кувшинообразная конструкция wine-thief не была самой древней и распространенной. Гораздо раньше появились другие сосуды, использовавшиеся для той же цели и более напоминавшие огромные пипетки. Один такой сосуд был найден при изучении кораблекрушения у Ясси Ады (Yassi Ada), датируемого VII в. н. э. [Bass, van Doornick 1982, fig. 8–18, P65; 8–22, P65]. Этот сосуд с диаметром тулова 14,5 см, от дна которого вниз отходила длинная керамическая трубка, нижний край которой был утрачен (сохранившаяся высота сосуда 41 см, но изначально его высота могла достигать 55 см) (рис. 3). Опустив эту «пипетку» в горловину амфоры или пифоса, нужно было подсосать вино через верхнее узкое отверстие («соску»), сразу же зажать пальцем отверстие на нижнем конце, перенося его к столовому кувшину или чаше, и тогда уже наполнять их. Точно таким же прибором, только стеклянным, т. е. более легким, пользуются виноделы всего мира.

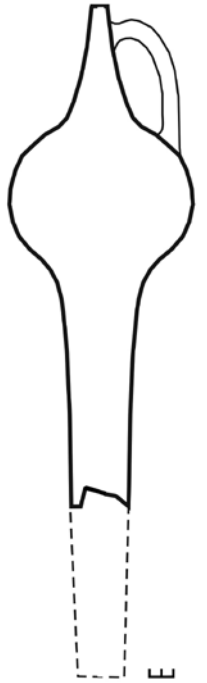

Рис. 3. Сосуд из кораблекрушения у Ясси Ада. Реконструкция автора по [Bass, van Doornick 1982, fig. 8–18, P65; 8–22, P65)

Датировки большинства находок клепсидр из стран Средиземноморья укладываются в хронологический дипазон XI–XIII вв., а этнографические находки показывают, что эти сосуды продолжали бытовать и в более позднее время. Исчезновение их из обихода, возможно, связано с закатом Византийской империи, терявшей территории и население, которое подвергалось исламизации и потому отказывалось от производства вина. Поэтому кувшинообразные клепсидры сохра-

нились лишь на тех территориях, где еще оставалось христианское население, занимавшееся виноделием. Вероятно, именно в Болгарии и Греции, где виноделие было развито со времен эпохи бронзы, клепсидры сохранялись в быту дольше всего.

Литература

1. Алексиев Й. Средновековни дестилационни съдове // Приноси към българската археология. София, 1992. Т. 1.
2. Борисов Б. Керамика и керамично производство през XI–XII век (от територията на днешна югоизточна България) // «Марица-изток». Археологически проучвания. Раднево, 2002. Т. 6.
3. Борисов Б. Поливная посуда с рельефной и скульптурной орнаментикой из юго-восточной Болгарии // Поливная керамика Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. Ялта, 2007.
4. Иванова Р. Относно съдовете за дестилация от средновековна България // Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. София, 2010. Suppl. 5.
5. Коваль В. Ю. Византийский сосуд из Великого Новгорода // РА. № 4. 2019.
6. Колева Р. Съдове със специално предназначение от Силистра // Laurea. In honorem Margaritae Vaklinova. София, 2009. Кн. 1.
7. Малевская М. В. Поливная керамика Древнего Новогрудка // СА. № 3. 1969.
8. Androulidaki A. et al. Monemvasia. Artefacts – Environment – History. The Archaeological collection. Athens, 2001.
9. Bass G. F., Van Doornick Jr. F. H. Yassi Ada. A Seventh-century Byzantine shipwreck. Texas, 1982. Vol. 1.
10. Cottica D. Micaceous White Painted Ware from insula 104 at Hierapolis/Pamukkale, Turkey // Çanak. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts. Istanbul, 2007.
11. Hayes J. W. A Late Byzantine and Early Ottoman Assemblage from the Lower City in Troia // Studia Troica. Mainz am Rhein, 1995. Bd. 5.
12. Κορρέ-Ζωγράφου Κ. Τα κεραμεικά του ελληνικού χώρου. Αθήνα, 1995.
13. Moorhouse S. Medieval distilling-apparatus od glass and Pottery // Medieval Archaeology. London, 1972. Vol. 16.
14. Μαστορόπουλος Γ. Σ. Σιφων > Σ(ι)φογνι: Επιβιωση ενοσ Αρχαιογ (;) Αγγειογ // Αρχαιολογικά Ανάλεκτα εξ Αθηνών. XXI. Αθήναι, 1988.
15. Ζήκος Ν. Μοναστηριακος νακροτημα Σωστη Ροδοπης, Εφορεια // Βυζαντινων Αρχαιοτητων. Αθήνα, 1990.

А. В. Котина
Благотворительный фонд «Деметра», Керчь

ЗАХОРОНЕНИЯ ЖИВОТНЫХ ИЗ ТИРИТАКИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО — РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Захоронения домашних животных на античных памятниках Северного Причерноморья уже давно привлекают внимание исследователей. С глубокой древности животные сопровождают человека, играя важную роль в различных сферах жизни общества, в том числе и духовной. Как известно, практика жертвоприношений различных домашних животных была весьма распространена в античной традиции. Однако, как совершенно справедливо отмечают некоторые исследователи, захоронения животных не всегда связаны с какими-то ритуальными действиями, а зачастую имеют вполне утилитарный характер. Особенно осторожно нужно подходить к интерпретациям захоронений на памятниках поселенческого типа, максимально точно и тщательно фиксируя находки [Журавлев и др. 2020, с. 116]. Именно детальная фиксация обнаруженного захоронения может пролить свет на обстоятельства его совершения.

Находки захоронений животных или их частей в древней Тиритаке при всей их относительной немногочисленности дают весьма интересный и ценный материал по данной проблематике, поскольку предоставляют нам довольно разнообразные варианты и в родовом, и в видовом отношениях, ни один из которых на данный момент исследования памятника не повторяется. Ниже приведем более подробные описания рассматриваемых находок.

Собака. Как известно, собака – древнейшее домашнее животное [Абрамов, Сударев 2011, с. 337]. Специалисты полагают, что первые домашние собаки в Старом Свете появились еще в эпоху палеолита [Барабаш-Никифоров, Формозов 1963]. По мнению ряда исследователей, собака в античности была тесно связана с хтоническими представлениями, находясь как бы на границе между двумя мирами [Абрамов, Сударев 2011, с. 337]. Этих животных приносили в жертву Гекате, богине подземного мира и колдовства, а также Аресу, Гераклу, Асклепию. На Боспоре жертвоприношения собак могли быть связаны с культом Великого женского божества [Шауб 2007, с. 104–106]. Также собаки могли сопровождать души умерших при переходе в мир иной, выступая спутниками Гермеса-Психопомпа [Завойкин 2006, с. 161]. Из Тиритаки происходят несколько находок захоронений собак или их частей, возможно, связанных с какими-либо ритуалами.

Так, в 2017 г. в ходе работ на раскопе № XXVIII у внутреннего фаса северной крепостной стены был обнаружен костяк собаки. Сопроводительный инвентарь отсутствовал, кости сохранились крайне плохо. Учитывая расположение захоронения и время сооружения стены – его можно датировать эллинистическим временем. Убедительные основания для предположения сакрального характера данного захоронения отсутствуют.

В 2021 г. в ходе исследований на раскопе XXVII у внешнего фаса западной крепостной стены было обнаружено погребение собаки, синхронное времени возведения этой стены – I в. н. э. [Котина и др. 2022]. А. К. Каспаров определил животное как молодую самку относительно крупного размера, относящуюся к южному средиземноморскому типу и имеющую вполне «престижный», по меркам того времени, экстерьер. Захоронение было произведено в специально вырытой яме, животное аккуратно уложено на левый бок. Среди инвентаря можно отметить фрагменты амфоры и светлоглиняного кувшина с граффити, терочный камень с остатками цемяночного раствора. На наш взгляд, сумма приведенных выше признаков указывает на ритуальный характер данного захоронения.

Весьма интересный объект был обнаружен при исследованиях некрополя Тиритаки в 1932–1934 гг., проводимых Керченским музеем под руководством Ю. Ю. Марти [Марти 1941, с. 30]. Это грунтовая могила (№ 3), в которую, кроме расположенного вытянуто на спине человеческого костяка, было помещено девять человеческих черепов, расположенных ближе к краям могилы, и два черепа собаки. В центре могилы находился большой круглый жернов, в ее восточной части – человеческий палец с надетым на него бронзовым кольцом со стеклянной вставкой синего цвета [Марти 1941, с. 32]. Исследователь датирует этот комплекс VII–VIII вв. н.э.

Поросенок. Роль свиньи или поросенка в ритуальной практике древних была весьма значительна: они фигурировали в качестве священных животных Деметры и были связаны с культом плодородия. Об этом могут свидетельствовать как терракотовые фигурки свиней [Ходза 1997, с. 63–73], так и находки костей этих животных в различных святилищах [Завойкин, Добровольская 2007, с. 118]. Кроме того, свиньи могли выступать в роли строительной жертвы, которая необходима для того, чтобы обеспечить прочность постройки, охранить дом и его обитателей [Зеленин 1937, с. 12; 25]. Использование поросенка в качестве именно такой жертвы было установлено В. Ф. Гайдукевичем в 1939 г. в так называемом «Доме рыбака» на участке XV [Гайдукевич 1952, с. 112]. В помещении 1, непосредственно над

полом, в стене была открыта культовая ниша, которую, по словам автора, не сразу удалось обнаружить, так как снаружи она была замазана глиной. В нише находился слой морского песка, перекрытый обломками стенок амфоры, сверху располагался сероглиняный светильник. Под слоем песка лежали кости животных, большая часть из которых принадлежала одной особи – поросенку. Автор уверенно интерпретировал данное захоронение как культовое, точнее – строительную жертву, которой стремились обеспечить успех постройки дома и благополучие его обитателей. Датируется «Дом рыбака» первыми веками нашей эры.

Захоронение поросенка в каменном ящике было открыто при исследовании СК X на раскопе № XXVII в 2019 г. [Котина, Симонов 2020]. Оно было совершено в северо-западном углу помещения № 1, между стенами № 59 и 58. Под ящиком было выявлено пятно кострища. Захоронение безынвентарное, однако характер и место его совершения дают возможность предположить здесь ритуальный контекст. Возможно, оно было связано с культом плодородия, либо выполняло апотропеическую функцию.

Лошадь. Это животное играло очень важную роль в религиозно-мифологической системе древних греков, являясь атрибутом или воплощением ряда божеств и героев (Посейдон, Гелиос, Арес, Деметра, Диоскуры, Геракл и др.). Образ лошади, выступавшей проводником между мирами, имел выраженный хтонический аспект. Кроме того, это ценнейшая жертва, которая, как отмечают исследователи, является весьма редкой [Муратова, Толстиков 2013, с. 190]. В ходе раскопок Тиритаки в 2005 г. на раскопе № XXVI во время исследования СК I было открыто святилище, представляющее собой прямоугольную в плане постройку, размеры которой в направлении СВ–ЮЗ по внешнему обводу составляют не менее 14 м. При разборе вымостки у ЮВ фаса стены святилища была обнаружена верхняя челюсть лошади, имеющая следы пребывания в огне, по всей вероятности, помещенная туда в качестве строительной жертвы, практика которых была весьма распространена на Боспоре. Датировать данную находку, с учетом времени возведения и функционирования святилища, следует I в. н.э. [Зинько и др. 2005, с. 60]. Одним из самых выдающихся культовых объектов, который нельзя не упомянуть в контексте рассматриваемой темы, является жертвенное захоронение четырех лошадей, открытое на раскопе № XXVII в 2012 г. Дата его совершения – не ранее 80-х гг. V в. до н. э. Данное жертвоприношение, безусловно, требует отдельного, всестороннего анализа и специальной публикации, что будет предпринято в ближайшем будущем.

Таким образом, при всей относительной немногочисленности археологически зафиксированных случаев, использование животных и их частей в ритуальной практике жителей древней Тиритаки позволяет сделать вывод о том, что эта традиция в различных проявлениях, в той или иной мере бытовала на протяжении всего периода существования городища.

Литература

1. Абрамов В. В., Сударев Н. И. Жертвоприношение собаки на поселении Береговой 4: еще один сюжет в сакральной жизни Боспора // БФ: население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 337–343.
2. Барабаш-Никифоров И. И., Формозов А. Н. Териология. М., 1963.
3. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // Боспорские города. Т. 1: Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. М., 1952. С. 15–134. (МИА. № 25).
4. Журавлев Д. В., Саблин М. В., Строков А. А. О захоронениях собак на поселении Голубицкая 2 // ДБ. 2020. Т. 25. С. 98 – 122.
5. Завойкин А. А. Два сюжета в комплексе терракоты на святилище элевсинских богинь (Береговой 4) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. М., 2006. С. 158–168.
6. Завойкин А. А., Добровольская Е. В. Боги, люди, животные и птицы в святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове // БЧ. 2007. Вып. VIII. С. 117–125.
7. Зеленин Д. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л., 1937.
8. Зинько В. Н., Зинько А. В., Пономарев Л. Ю. Отчет об охранно-археологических исследованиях на городище Тиритака и Южно-Чурубашском поселении в 2005 г. Керчь, 2005.
9. Котина А. В., Симонов В. В. К вопросу о культовых захоронениях животных на Тиритаке // БЧ. 2020. Вып. XXI. С. 194–198.
10. Котина А. В., Каспаров А. К., Симонов В. В. Захоронение собаки из Тиритаки: ритуал? // БЧ. 2022. Вып. XXIII (в печати).
11. Марти Ю. Ю. Тиритака. Отчеты о раскопках 1932–1934 гг. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. М.; Л., 1941. С. 25–36. (МИА. № 4).
12. Толстиков В. П., Муратова М. Б. К проблеме пространственного развития пантикапейской апойкии в первой половине V – первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 2013. № 1. С. 176–193.
13. Ходза Е. Н. К вопросу об анималистических изображениях в античной коропластике // Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство античного мира. Т. XXVIII. Л., 1997. С. 63–73.
14. Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб., 2007.

В. В. Кропотов
Севастопольский государственный университет, Севастополь

О времени возникновения Чернореченского могильника[1]

Чернореченский могильник – один из наиболее известных памятников варварского населения, проживавшего в непосредственной близости от Херсонеса Таврического в римское и раннесредневековое время. Некрополь расположен на левом берегу р. Черная, всего в 13 км к востоку-юго-востоку от древнего Херсонеса, на западной окраине современного села Хмельницкое, на восточном склоне Второй Федюниной высоты. Его исследование проводилось в 1950 г. Чернореченским отрядом Инкерманской археологической экспедиции Музея пещерных городов и Крымского филиала АН СССР под руководством В. П. Бабенчикова. Тогда было открыто 89 погребальных сооружений, в том числе 7 склепов, 38 подбойных могил, 9 простых грунтовых, 33 погребения, совершенных по обряду трупосожжения, а также два захоронения коней [Бабенчиков 1963, с. 90–123][2]. Выразительный материал, сопровождавший указанные комплексы, не раз привлекал внимание исследователей. Ряд захоронений, в частности подбойные могилы № 9 (35) и 15 (45), склепы № 1 (6), 3 (40), 5 (53) и др., уже давно стали незаменимыми в любых хронологических построениях (см., например: [Айбабин 1990, рис. 2; Труфанов 2005–2009, рис. 101]). Вместе с тем общая датировка памятника, в особенности время его возникновения, до сих пор остается дискуссионным вопросом.

Так, В. П. Бабенчиков датировал изученный им некрополь первой половиной I тыс. н. э., преимущественно II–IV вв., определив время его возникновения в пределах начала нашей эры [Бабенчиков 1963, с. 122]. Стремление к уточнению его определения приводило авторов к различным выводам: памятник начал функционировать не позднее второй половины II в. н. э. [Труфанов 1999, с. 118; Пуздровский 2007, с. 98], был основан в первой половине III в. н. э. [Храпунов 2004, с. 136] или же не ранее середины этого столетия [Айбабин 1990, с. 64; 1996, с. 290 и сл.; Пиоро 1990, с. 9, 28–29, 89 и сл.].

В данном сообщении внимание обращено на три комплекса Чернореченского могильника – подбойные могилы № 10 (36), 19 (50) и 28 (67), предполагающие, как будет показано ниже, наиболее ранние датиров-

[1] Работа выполнена при поддержке программы «Приоритет-2030» Севастопольского государственного университета (проект № 5).

[2] В 1989 г. дополнительные работы на могильнике провела экспедиция Симферопольского государственного университета под руководством А. И. Айбабина, собравшая в основном поздний средневековый материал.

ки. Эти объекты располагались в центральной части вскрытой площади памятника недалеко друг от друга (в 5–7 м) и содержали одиночные погребения в деревянных колодах или гробовищах, ориентированные головами на северо-восток. Размеры входных ям могил: длина 1,8–2,2 м, ширина 0,4–0,5 м, глубина 0,7–1,3 м. Размеры погребальных камер: 1,90–2,30 × 0,45–0,60 м, высота свода: 0,45–0,50 м. При покойном в могиле № 10 (36) находилось три предмета: на левом запястье – бронзовый браслет с завязанными концами, на груди – бронзовые фибула и игла [Бабенчиков 1963, с. 100]. При погребенном в могиле № 19 (50) – четыре: у головы – краснолаковый кубок, на левой руке – бронзовый перстень с округлым гнездом для вставки, на груди – бронзовые фибула и игла [Бабенчиков 1963, с. 105]. При захоронении в могиле № 28 (67) – пять: за головой – краснолаковые кувшинчик и тарелка, у левого колена – керамическое пряслице, близ левого плеча – бронзовая фибула, на шее – набор янтарных и стеклянных бус [Бабенчиков 1963, с. 107–108].

Данный инвентарь, хотя и не многочислен, все же достаточно информативен в хронологическом плане. Наиболее показательны металлические застежки-фибулы. Все они разных типов.

Из могилы № 10 (36) происходит небольшая одночленная фибула со сплошным приемником, пластинчатым сужающимся к ножке корпусом и четырехвитковой пружиной с верхней тетивой; спинка изделия украшена пуансонным сетчатым орнаментом (рис. 1.*1*). Судя по полевой фотографии, застежку изначально украшал маленький спиральный завиток на конце приемника, ныне не сохранившийся [Веймарн 1950, рис. 13]. Аналоги данному украшению – фибулы группы 13, типа 3 по классификации А. К. Амброза [Амброз 1966, с. 45] – весьма многочисленны. Абсолютное большинство из них датируется второй половиной I – началом II в. н. э. и лишь некоторые образцы отмечены в более поздних комплексах [Кропотов 2010, с. 183–185].

Фибула из погребения № 19 (50) иная – это гладкая проволочная одночленная застежка с плавно изогнутой спинкой, подвязным приемником и четырехвитковой пружиной с верхней тетивой; в пружину вставлена железная ось (рис. 1.*2*). Аналогичные украшения (группа 15, серия I, вариант 3 по классификации Амброза) в Северном Причерноморье представлены также широко. Их датировка надежно установлена – первая половина и середина/третья четверть II в. н. э. [Амброз 1966, с. 49–50; Кропотов 2010, с. 74–75, 333].

Застежка, встреченная в могиле № 28 (67), тоже одночленная, с пластинчатым сужающимся к ножке корпусом и едва намеченной кнопкой на конце сплошного приемника; пружина, по-видимому, четырехвитковая с верхней тетивой; спинка украшена двумя параллель-

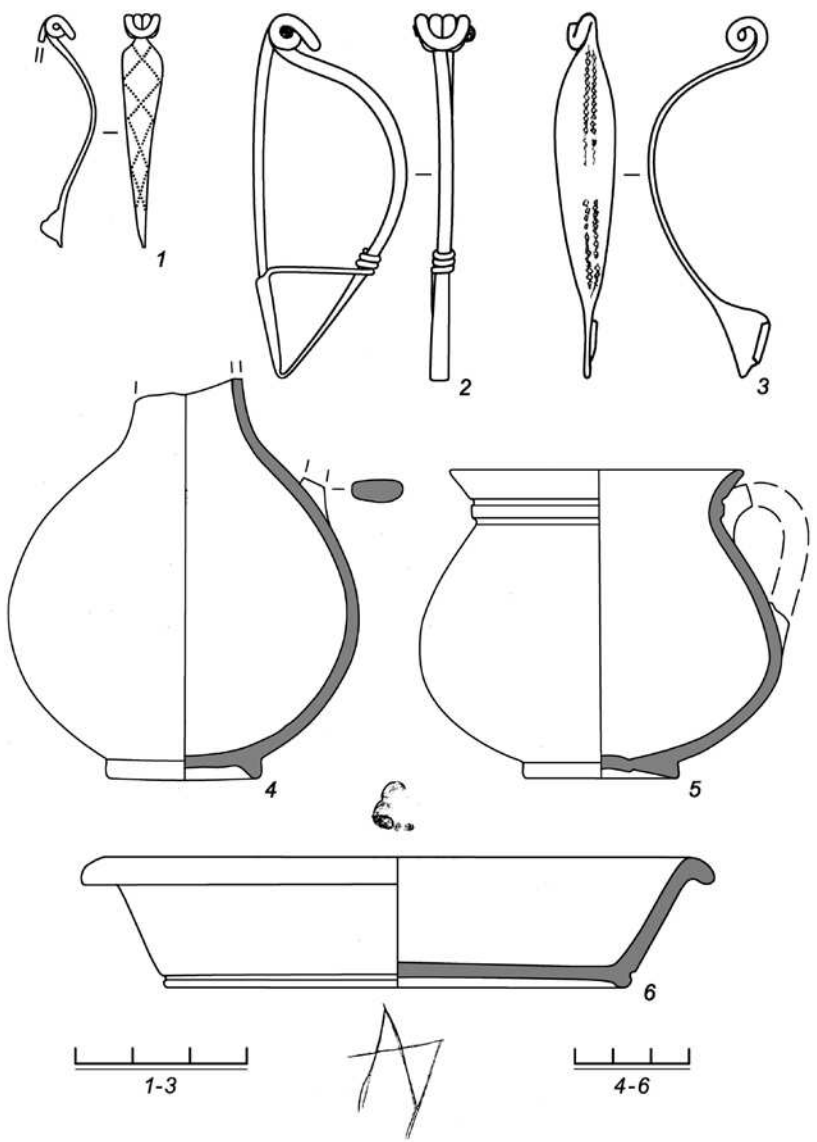

Рис. 1. Хронологически показательный инвентарь подбойных могил № 10 (36), 19 (50) и 28 (67) Чернореченского могильника.
1 – могила № 10 (36), 2, 5 – могила № 19 (50), 3, 4 ,6 – могила № 28 (67).
1–3 – рисунки В. В. Кропотова, 4–6 – рисунки А. А. Труфанова

ными пуансонными линиями (рис. 1.*3*). Время бытования подобных образцов (группа 12, форма 4 по классификации Амброза) – не позднее первой половины/середины II в. н.э. – подтверждается, в том числе, комплексом находок из данного захоронения [Амброз 1966, с. 44; Кропотов 2010, с. 213].

Краснолаковая посуда также достаточно информативна. Кубок из погребения № 19 (50) относится к широко распространенному типу сосудов с округлобоким туловом, низким кольцевым поддоном, петлевидной ручкой и рельефным валиком под коротким отогнутым наружу венчиком (рис. 1.*5*). Датировка таких изделий – в основном II в. н. э. [Труфанов 2005–2009, с. 167; Журавлев 2010, с. 91–92].

Более редкая форма – тарелка из могилы № 28 (67) с усеченно-коническим, расширяющимся кверху туловом, едва намеченным кольцевым поддоном и отогнутым наружу венчиком; на дне – клеймо в форме пальметты, на внешней стороне донца – граффито (рис. 1.*6*). Сосуд принадлежит к группе привозной средиземноморской керамики «Восточная сигиллата В» по классификации Дж. Хейса. Эти изделий достаточно разнообразны и датируются преимущественно в пределах 50/75–125/150 гг. н. э. [Hayes 1985, с. 51–52]. Практически полностью идентичный образец из могильника Бельбек IV Д. В. Журавлев относит к последней четверти I – первой четверти II в. н.э. [Журавлев 2010, с. 28, табл. 7.*28*].

К сожалению, небольшой узкогорлый кувшинчик с округлым туловом на узком кольцевом поддоне из этого же комплекса (рис. 1.*4*) сложно соотнести с каким-либо из известных типов посуды в виду его фрагментарности, однако близкие по своим очертаниям образцы исследователи обычно датируют в пределах конца I – первой половины II в. н. э., допуская, впрочем, и более позднее время [Труфанов 2005–2009, с. 178–186, типы 10–12; Журавлев 2010, с. 78–80, типы 7–8, 11; и др.].

Таким образом, инвентарь, происходящий из подбойных могил № 10 (36), 19 (50) и 28 (67), предполагает достаточно раннюю датировку – в целом не позднее первой половины/середины II в. н. э., а для погребения в могиле № 10 (36) не исключено и более раннее определение в пределах второй половины I – начала II в. н. э.

Здесь следует отметить, что столь же ранний материал был встречен еще в ряде комплексов Чернореченского могильника: в могиле № 6 (18) – это тарелка группы «Восточная сигиллата В» с подпрямоугольным клеймом [Труфанов 2005–2009, рис. 8.*5*], в могиле № 9 (31) – тарелка группы «Понтийская сигиллата А» с клеймом в форме стопы [Труфанов 2005–2009, рис. 13.*16*], в могиле № 37 (87) – золотая подвеска-лунница [Кропотов 2017, с. 136–138], в могиле № 29 (68) – шарнирная дуговидная фибула [Бабенчиков 1963, табл. IX.*1*; Кропотов 2010, с. 282], в могиле № 33 (72) – ранние формы подвязных застежек «инкерманской» серии [Кропотов 2010, рис. 42.*7–8*] и т.д.

Все эти находки, несомненно, свидетельствуют о функционировании Чернореченского могильника уже в начале – первой половине II в. н. э. А принимая во внимание, что ближайший к нему однокультурный памятник – некрополь Совхоз 10 – возник еще во второй половине/конце I в. н. э. [Стржелецкий и др. 2003–2004, с. 188], можно допустить, что и Чернореченский могильник был заложен в то же время.

Более определенно ответить на обсуждаемый вопрос не позволяют недостаточная изученность памятника и утрата части его коллекции.

Архивные материалы и литература

1. Айбабин А. И. Население Крыма в середине III–IV вв. // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 290–303.
2. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. М., 1966. 150 с. (САИ. Вып. Д1-30).
3. Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам’ятки УРСР. Київ, 1963. Т. XIII. С. 90–123.
4. Веймарн Е. В. Отчет о работах археологической экспедиции Музея пещерных городов и Крымского филиала АН СССР в 1950 г. Часть II. Раскопки могильника близ с. Чернореченское // Архив ИА РАН. Д. 557.
5. Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. 2010. Supplementum. Вып. 9.
6. Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. 384 с.
7. Кропотов В. В. Золотая подвеска-лунница из Чернореченского могильника // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы международной научной конференции. Севастополь, 2017. С. 136–140.
8. Пиоро И. С. Крымская Готия. Киев, 1990. 200 с.
9. Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия нашей эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // Stratum plus. 2003–2004. № 4. С. 27–277.
10. Труфанов А. А. Краснолаковая керамика II–III вв. н. э. из погребений Чернореченского могильника в Юго-Западном Крыму // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского (к 100-летию со дня рождения). М., 1999. С. 117–118.
11. Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. 2005–2009. № 4. С. 117–328.
12. Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. 2004. Вып. VI. 240 с.
13. Hayes J. W. Sigillate Orientali // Ceramica fine Romana nell Bacino Mediterraneo (tardo-ellenismo e primo imperio). Atlante delle forme ceramiche. II. Enciclopedia dell’arte antica. Classica e orientale. Roma, 1985. 96 p.

Е. В. Кузнецова
Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов

Клейма на амфорах Менды: проблемы датировки[1]

Античный полис Менда, располагавшийся на полуострове Кассандра (ант. Палена, западный «палец» полуострова Халкидики), славился в древности превосходным качеством своего белого вина. В нарративной традиции с V по III в. до н. э. мендейской вино ставилось в один ряд с лучшими напитками Хиоса, Фасоса и Лесбоса [Salviat 1990, p. 471–476]. В литературе более позднего времени продукция Менды не упоминается.

Сведения из речей Демосфена о значительных партиях мендейского вина, поставляемого на боспорские рынки [Salviat 1990, p. 472], подтверждается и большим количеством фрагментов мендейских амфор, встречающихся при раскопках всех памятников Северного Причерноморья. Первоначально исследователями были локализованы сосуды V в. до н. э. [Grace 1961, p. fig. 43; Брашинский 1970, с. 12–18]. В дальнейшем, опираясь на морфологическое сходство амфор и близость визуальных особенностей глины, удалось выделить и тару IV в. до н.э. [Eiseman 1973, p. 13 ff.; Брашинский 1976, с. 67–74]. В настоящее время нам известны мендейские амфоры с конца первой четверти V до начала III в. до н. э. [Монахов 2003, с. 88–95; 2016, с. 118, рис. 3.*17, 18*; Монахов, Кузнецова 2022]. Объемы поступающей мендейской продукции традиционно высоки на севернопричерноморском рынке начиная с последней четверти V в. до н. э. [Monakhov, Kuznetsova 2017, p. fig. 4.*10*, *11*]. В последнее время все чаще исследователи говорят о том, что не все амфоры, относимые к мендейским, действительно принадлежат продукции этого полиса [Filis 2020, p. 184].

В отличие от многих крупных производителей вина или оливкового масла в Менде так и не появилась практика систематического клеймения тары, однако оттиски на сосудах встречаются. Первоначально к продукции данного полиса было отнесено клеймо с изображением Диониса, возлежащего на осле, в точности повторяющим полисную монетную эмблему, использовавшуюся еще в V в. до н. э. [Grace 1949, p. 182]. Монетные типы с характерными изображениями кружки, канфара, кратера, Диониса, Силена и т. п. ярко свидетельствуют о большой значимости экспорта вина в жизни города. Позднее, опираясь на узнаваемую форму ручек и визуальные характеристики глины, Д. Б. Шелов выделил типологически весьма разнообразные клейма в т. н. «группу А», предположив их происхождение из какого-то центра на фракийском побережье [Шелов 1957, с. 217–221]. Практически все оттиски из этой группы со временем были отнесены к продукции Менды.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00096).

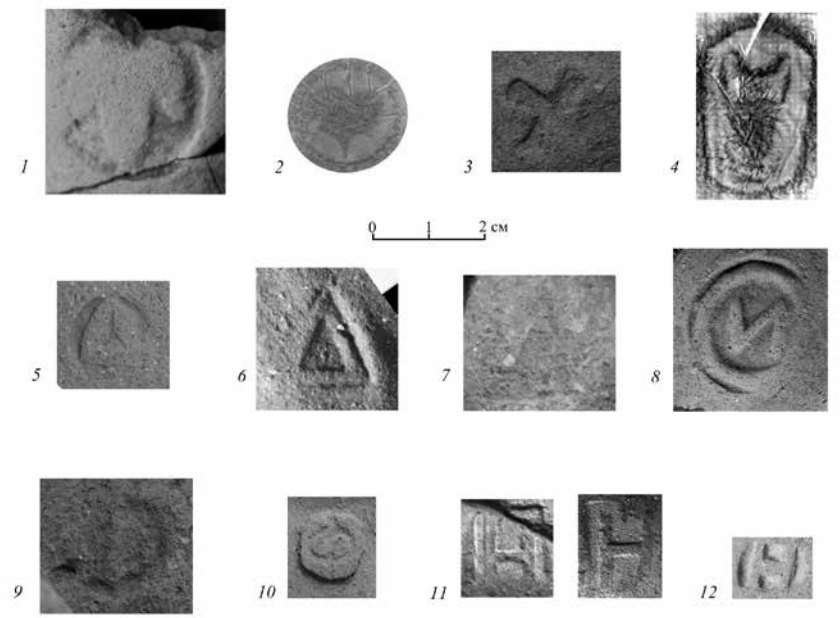

Рис. 1: Клейма с целых амфор: 1–3 – из погр. № 249, 256 и 78 Прикубанского некрополя; 4 – из некрополя Ольвии, 1992 г.; 5–9 – из погр. № 69, 266, 384, 382, 126 Прикубанского некрополя (соответственно); 12 – из Херсонеса (APE. II-Md.6)

Не углубляясь в историографию проблемы локализации мендейских оттисков, отметим, что на сегодняшний день выделяют две основные группы клейм этого центра: анэпиграфные и состоящие из отдельных (крайне редко – двух) букв или монограмм (Кац 2007, с. 170–172; Кац 2015, № 381). Буквенные клейма бывают как рельефными, так и энглифическими. Отдельные исследователи связывают с мендейской тарой и ретроградные оттиски ΚΛΕΟ, однако в настоящее время подобная локализация вызывает некоторые вопросы [Πανάγου 2010, σ. 5. ΑΚΑΝΘΟΣ – εικ. 20; Monakhov 2021, p. 52]. Кроме того, сейчас практически установлена принадлежность к Менде клейм так называемой «группы Пармениска» [Πανάγου 2010, σ. 285].

Дробная классификация и датировка оттисков эпохи поздней классики все еще затруднительна в силу большого разнообразия и малой информативности штампов. В. И. Кац предположил, что большая их часть относится к середине – третьей четверти IV в. до н. э., а начало перехода от анэпиграфных к буквенным оттискам, вслед за М. Лавалем, относит к концу V в. до н. э. [Кац 2007, с. 172]. Пролить свет на ситуацию может только анализ целых клейменых сосудов.

На сегодняшний день известны 23 клейменые амфоры Менды IV в. до н. э., из которых у 6 оттиски стоят на горлах (преимущественно в нижней части), а у остальных – на ручках. Еще на 9 сосудах имеются энглифические колечки (также и на горлах, и на ручках), назначение которых так и остается неясным[2], поэтому здесь они не рассматриваются.

Из 24 экземпляров – 5 представлены анэпиграфными оттисками с изображениями листа плюща (разные штампы), креста и гидрии[3] (рис. 1.*1–4*). Еще два клейма в виде неясных квадратных оттисков в нижней части горла могут являться как анэпиграфными, так и буквенными [см., например: Монахов и др. 2021, Md.52]. Датировка сосудов с рассматриваемыми клеймами приходится на период с рубежа V–IV вв. до 360 г. до н. э. [Монахов 2003, табл. 63.*5*; Монахов и др. 2021, Md.1, Md.21, Md.34, Md.52].

Основная часть известных клейм Менды (15 экз.) представлена одиночными буквами, преимущественно рельефными, хотя попадаются и энглифические [Монахов 2003, с. 93]. Они также могут располагаться как на верхней части ручки, так и на горле (как правило, в нижней части). На целых сосудах встречены буквы B, Δ, E, H, N, Ф. Варианты их исполнения также различны – они могут быть в круглой (иногда двойной) или прямоугольной рамке (рис. 1.*5–12*). В отдельных случаях форма рамки повторяет форму буквы (рис. 1.*6, 7*; Кац 2015, № 378).

Хронология сосудов с этой серией оттисков укладывается в диапазон 380-х – 340-х гг. до н. э. Из этого следует, что анэпиграфные и буквенные клейма сосуществовали как минимум до 360-х гг. до н. э. Надежную дату дают, в первую очередь, комплексы Прикубанского некрополя, в котором клейменые мендейские амфоры встречены в одном погребении с тарой других центров [Монахов и др. 2021, Md.9, Md.10, Md.17, Md.18, Md.49, Md.59].

Самую позднюю дату имеют две амфоры из комплекса нимфейского подвала 1993 г., который отнесен нами к концу второй – началу третьей четверти IV в. до н. э. [APE. I-ass.9[4]]. Данные сосуды относятся к серии, датирующейся серединой IV в. до н. э. [Монахов, Кузнецова 2022, рис. 6]. Они абсолютно идентичны амфорам из погребений № 57 и № 71 Прикубанского некрополя.

Энглифическое клеймо, состоящее из двух букв «ΛE», известно лишь на одном сосуде из кургана Желтокаменка, первоначальная датировка которого первой половиной 330-х годов до н. э. [Монахов 1999, с. 394–397] позднее была понижена до 350–340 гг. до н. э. [Полин 2014, с. 454].

На основе анализа целых амфор Менды складывается впечатление, что спорадическое клеймение буквенными штампами, появившееся в 380-х, прекращается в 340-х гг. до н. э. Следует отметить, что в третьей четверти IV в. до н. э. наблюдается в целом сокращение объема мендейского импорта на северопричерноморский рынок. Возможно, это было связано с захватом города в 346 г. и последовавшими за этим событиями [Thuc. IV.129; Πανάγου 2010, σ. 281]. Даже если город пострадал незначительно, военные действия в регионе, как представляется, не могли не отразиться на виноторговле.

Рассмотрение клейменых сосудов Менды позволяет не только значительно уточнить датировку оттисков, но и отнести уже известные, но нелокализованные, отдельные клейма к данному полису. Вполне возможно, что пересмотр опубликованных материалов значительно увеличит количество найденных оттисков, которые необходимо идентифицировать как продукцию Менды.

Литература

1. Брашинский И. Б. Новые данные о греческом импорте на Нижнем Дону (по материалам Елизаветовского городища и могильника) // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 12–18.
2. Брашинский И. Б. Амфоры Менды (о локализации группы амфор с «рюмкообразными ножками» // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 67–74.
3. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007.
4. Кац В. И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Часть I. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище. Саратов, 2015.
5. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов, 1999.

[2] См. статью Н. Б. Чурековой в этом сборнике.

[3] Выражаю благодарность С.Ю. Монахову за любезное разрешение опубликовать протирку клейма.

[4] APE – база данных «Греческие амфоры (VII–II вв. до н. э.) с северных берегов Понта (ape.sgu.ru).

6. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003.
7. Монахов С. Ю. О некоторых амфорах из комплекса У7 поселения Панское I в Крыму // Записки ИИМК РАН. 2016. Вып. 14. С. 113–125.
8. Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н. э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына). Саратов, 2021.
9. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В. «Мендейские» амфоры из Прикубанского некрополя: вопросы хронологии // Археологические вести. 2022. Вып. 35 (в печати).
10. Полин С. В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV в. до н. э. на Херсонщине. Киев, 2014.
11. Шелов Д. Б. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945–1949 гг. // Пантикапей. М., 1957. С. 202–226. (МИА. № 56).
12. Eiseman C. J. Amphoras from the Porticello Shipwreck (Calabria) // The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration. 1973. Vol. 2. No. 2.1. P. 13–23.
13. Filis K. The production of North Aegean amphorae: morphology – properties – purpose // Pottery Workshops Craftsmen and Workshops. Athens, 2020. P. 156–196.
14. Grace V. Standard Pottery Containers of the Ancient Greek World // Hesperia Supplements. 1949. Vol. 8. P. 175–889.
15. Grace V. Amphoras and the Ancient Wine Trade. Princeton, 1961.
16. Monakhov S. Yu. Typology and Chronology of Akanthian Amphorae // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Vol. 20. No. 2. P. 43–65. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.3.
17. Monakhov S. Iu., Kuznetsova E.V. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic period // The Northern Black Sea in Antiquity. Cambridge University Press, 2017. P. 59–99, 294–298, 318–360.
18. Πανάγου Τ.-Μ. Η σφράγιση των αρχαίων ελληνικών εμπορικών αμφορέων. Παρουσίαση και αξιολόγηση των κέντρών παραγωγής. Διδακτορική διατριβή. Αθηνα, 2010.
19. Salviat F. Vignes et vins anciens de Maronee a’

Е. В. Кузнецова, М. Н. Растегаева
Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов

Петрографическое изучение глин амфор: характеристика коллекции образцов[1]

Естественно-научные методы сегодня все чаще становятся способом для изучения различных категорий археологических находок. В их числе оказываются и керамические изделия, что неудивительно, учитывая массовость материала, а также его использование в качестве хроноиндикатора для датировки. Как правило, исследователи определяют места производства и хронологию керамики путем анализа морфологических особенностей и характеристики глины (цвета, плотности, включений и т. д.). Однако весьма значительная часть импортной продукции до сих пор не может быть уверенно локализована, особенно если имеет очень близкие или даже одинаковые формы с изделиями других центров, а различия в формовочной массе визуально не видны.

Одним из способов решения этой проблемы в среде исследователей считается керамическая петрография, которая является довольно популярным методом изучения минералов в археологической керамике. С ее помощью определяют структуру глинистых материалов, которую исследуют в тонких срезах (шлифах) под микроскопом [Кулькова и др. 2018, с. 298–299]. Эти данные представляются чрезвычайно важными для изучения керамических традиций разных производственных центров, определения сходств и различий между ними.

Проект по петрографическому изучению глин амфор не ставит своей целью локализацию тарных сосудов неустановленных центров производства, ведь прежде, чем пытаться отнести какой-то сосуда к конкретному производственному центру или хотя бы географическому региону, необходимо иметь подробные описания глин известных и надежно локализованных образцов. В ходе реализации проекта планируется разработать алгоритм изучения, анализа, описания и представления полученных в ходе петрографических исследований результатов. Создание единообразного алгоритма описания шлифов[2], а также установление критериев, по которым должно проводиться ис-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00375).
[2] В состав научного коллектива входят специалисты геологи – Д. А. Шелепов и С. О. Андрушкевич

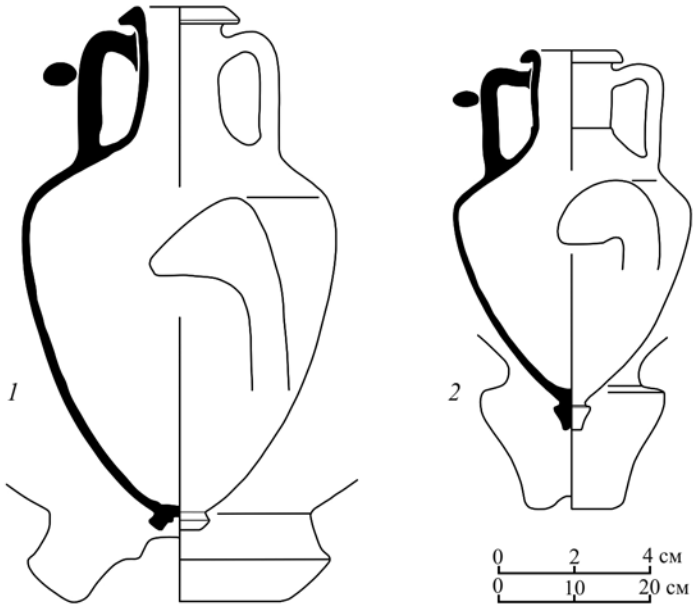

Рис. 1. Амфоры неустановленных центров производства из Прикубанского некрополя: 1 – погребение № 88; 2 – погребение № 192

следование, позволят (мы надеемся) качественным образом изменить положение в области осуществляемых петрографических изысканий.

Основная часть коллекции образцов глин античных амфор была предоставлена в распоряжение научного коллектива С. Ю. Монаховым. Она пополнялась на протяжении нескольких десятилетий в ходе камеральной работы с сосудами из раскопок античных памятников, изучения музейных собраний и т. п. Значительная часть образцов происходит от реставрированных (целых) или от археологически целых амфор, что делает данную выборку не только чрезвычайно ценной, но и не имеющей аналогов. Отдельные экземпляры коллекции были использованы для проведения целого комплекса естественно-научных исследований глин амфор Коса, Книда и Фасоса [Терещенко и др. 2020, с. 162–184; Мандрыкина и др. 2021, с. 711–730; Mandrykina et al. 2021, p. 684–703][3].

[3] К сожалению, до сих пор остаются неопубликованными результаты, полученные в ходе исследования глин фасосских амфор, хотя статья была закончена больше года назад. Были также изучены образцы амфор Гераклеи, Синопы и т. н. «западнопонтийских» центров», результаты также не опубликованы.

В выборке присутствует немалое количество фрагментов, взятых с клейм из фондов Херсонесского музея-заповедника еще в 1970-х годах. К сожалению, в некоторых случаях отсутствуют фотографии или протирки клейм, с которых взят образец, что практически обесценивает их научную значимость. Известно только, что они содержали этникон, датировка же их невозможна. Иногда имеются музейные шифры, что в дальнейшем позволит установить легенду клейма, его центр производства и датировку.

Последнее пополнение коллекции состоялось в сентябре 2021 года и тоже благодаря Херсонесу. Тогда были собраны образцы с 29 клейменых фрагментов амфор Гераклеи, Синопы, Книда, Коса, Аканфа, Фасоса, Менды, Родоса и Херсонеса, обнаруженных в ходе раскопок Южного пригорода[4]. Количество их невелико, но они чрезвычайно важны, так как наличие оттисков однозначно указывает на место изготовления и датировку сосудов. Подобные экземпляры служат эталонами для характеристики глиняного теста амфор конкретных производственных центров.

В зарубежной науке петрографическое изучение керамики давно пользуется популярностью. Многие публикации содержат фотографии петрографических срезов и шлифов. Однако большая их часть относится к сильно фрагментированным изделиям, что затрудняет восстановление их полной формы. Кроме того, порой авторы ограничиваются лишь фотографией фрагмента, не приводя его чертеж. В некоторых случаях изображение и вовсе отсутствует, что делает невозможным его идентификацию (или проверку предлагаемой автором идентификации) и, по сути, сводит результаты проведенных исследований к нулю, т.к., поскольку при наличии подробного описания глины мы не знаем, какому сосуду оно принадлежит.

Около 80 входящих в рассматриваемую выборку образцов происходят от амфор неустановленных центров производства. Именно с целью их будущей возможной локализации и собиралась данная коллекция. Фрагменты керамики известных производителей необходимы для создания информационной базы по составу их глин. В их числе образцы амфор (в том числе клейменых) Гераклеи, Синопы, Фасоса, Хиоса, Икоса, Пепарета, Менды, Родоса, Херсонеса и некоторых других. Детальное изучение глин тары южнопонтийских центров (Гераклеи и Синопы) в перспективе должно помочь в деле локализации и «псевдо-гераклейских» сосудов, в том числе с энглифическими клеймами, не вписывающимися в традиционную схему гераклейского клеймения.

[4] Искренне благодарим С. Л. Соловьева за любезное разрешение использовать клейменые фрагменты из раскопок, а также всех начальников участков и работников камеральных лабораторий за оказанную помощь и поддержку.

На первом этапе нашего проекта в качестве объектов выбраны 24 образца книдской тары, в том числе 6 с клеймами разных хронологических периодов. Книдская тара выбрана для изучения не случайно. Во-первых, не все зарубежные исследователи согласны с разработанной С. Ю. Монаховым типологией сосудов IV – первой половины III в. до н. э. [Монахов 2003, с. 101–111; Монахов, Кузнецова 2021, с. 183–205], особенно с предложенной локализацией отдельных экземпляров амфор «с грибовидным венцом», что требует дополнительной проверки иными методами. Во-вторых, совсем недавно было проведено исследование глин книдских амфор целым комплексом естественно-научных методов [Мандрыкина и др. 2021, с. 711–730], что позволит провести сравнение полученных в этом случае выводов с результатами петрографического изучения. На данном этапе основная задача состоит в выявлении характерных особенностей глин книдских сосудов, позволяющих отделить их от изделий других производителей. В выборку включены и сосуды, чьи отдельные морфологические черты напоминают книдскую тару (рис. 1.*1, 2*), но их точная локализация вызывает сомнения [Монахов и др. 2021, с. 38, 39; Un. 3, Un. 8].

Кроме того, планируется исследовать образцы глин косских амфор, в том числе клейменых. Предложенная С. Ю. Монаховым типология косской тары [Монахов 2014, с. 195–222] в целом принята исследователями. И географическая близость двух прославленных центров по производству вина рождает справедливый вопрос – насколько надежна локализация сосудов, проведенная на основании только морфологических особенностей?

Данная заметка открывает серию публикаций, посвященных минералого-петрографическому изучению глин античных амфор. В рамках проекта планируется изучение около 100 шлифов из глин нескольких центров производства. Помимо названных, планируется провести анализ глин Родоса, Менды и Аканфа. К сожалению, в настоящее время в нашем распоряжении только 3 образца глин аканфских сосудов, что требует дальнейшего пополнения коллекции.

Литература

1. Кулькова М. А., Смекалова Т. Н., Федосеев Н. Ф. Петрографические методы исследования античной керамики. Обзор исследований и некоторые результаты // БФ. 2018. Ч/ II. С. 297–304.
2. Мандрыкина А. В., Кварталов В. Б., Кузнецова Е. В., Монахов С. Ю., Терещенко Е. Ю., Алексеева О. А. Сравнительный анализ элементного состава античной керамики из Книда и Коса: уточнение локализации // Российские нанотехнологии. 2021. Т. 16. № 5. С. 711–730.

3. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003. 352 с.
4. Монахов С. Ю. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum Plus. 2014. № 3. С. 195–222.
5. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В. Уточненная хронология книдских амфор IV – начала III в. до н.э. по материалам керамических комплексов Кубани // Stratum Plus. 2021. Вып. 6. С. 183–205.
6. Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н. э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына). Саратов, 2021. 324 с.
7. Терещенко Е. Ю., Антипин А. М., Васильев А. Л., Кварталов В. К., Мандрыкина А. В., Монахов С. Ю., Хмеленин Д. Н., Чернобахтова Е. В., Алексеева О. А., Яцишина Е. Б. Методология разномасштабных исследований керамических артефактов // Вестник «История керамики». М., 2020. Вып. 2. С. 162–184.
8. Mandrykina A. V., Kvartalov V. B., Kuznetsova E. V., Monakhov S. Yu., Tereschenko E. Yu., Alekseeva O. A. Comparative Analysis of the Elemental Composition of Antique Ceramics from Knidos and Kos: Clarification of Localization // Nanobiotechnology Reports, 2021. Vol. 16. № 5. P. 684–703.

Т. В. Кущ

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Значение Херсонеса для византиноведческих исследований в советский период

Херсонес, именуемый часто русскими Помпеями, занимает особое место на археологической карте России. За те 200 лет, в течение которых ведется его изучение, мировая наука обогатилась новыми знаниями о цивилизациях древности и Средневековья, существовавших в этом регионе. Возникший на краю греческой ойкумены полис Херсонес в византийскую эпоху оставался географической периферией, что, однако, не означало его изолированности от политических, экономических и социокультурных процессов в государстве ромеев. Он был органичной частью ромейского *orbis terrarum*. История города, находившегося на границе цивилизации и варварства, была тесно связана с историей самой империи. В провинциальном же положении города, погибшего за столетие до заката самой империи, кроется и его великое преимущество. Археологические памятники Херсонеса (Херсона), культурные слои которого не пострадали от последующих пере-

строек (в отличие от большинства византийских городов), позволяют историкам реконструировать жизнь небольшого приморского города, типичного для Византийской империи.

Изучение Херсонеса непосредственно связано с развитием исторической науки. Вопросы, стоявшие перед научным сообществом в целом, определяли приоритеты археологических поисков, подходы к изучению памятника, концепции, строившиеся с опорой на материалы из раскопок, трактовки извлекаемых артефактов. С другой стороны, исследование этого уникального памятника само по себе стимулировало развитие российской византинистики, ставя перед ней все новые вопросы, решение которых требовало от ученых привлечение других видов источников, выработки подходящих интерпретаций и описательных моделей. Особенно ярко эта взаимосвязь проявилась в советское послевоенное время, когда после периода забвения началось возрождение отечественного византиноведения. В докладе будет показано значение Херсонеса для развития византиноведеческих исследований 1950-х – 1980-х годов.

Прежде всего необходимо отметить ту роль, которую играл полученный при изучении Херсонеса материал в теоретических спорах советских медиевистов по узловым проблемам средневековой урбанистики. В период развернувшейся в 1950-е – 1960-е годы дискуссии о судьбах городов в раннесредневековый период ряд ученых, доказывая преемственность городов от позднеантичных полисов, опирался в том числе на данные, полученные в ходе раскопок Херсонеса. Другая дискуссия, оставившая заметный след в мировой византинистике, велась вокруг вопроса о континуитете / дисконтинуите в развитии византийских городов в период «темных веков». Знаменитый спор М. Я. Сюзюмова и А. П. Каждана, двух видных отечественных византинистов XX в., опосредованно стимулировал и археологическое изучение Херсонеса. В поисках доказательств непрерывного развития городских поселений в переходный период уральский историк оперировал в том числе данными из раскопок херсонесского городища. Именно этот материал позволил М. Я. Сюзюмову, а в затем и его ученице А. И. Романчук, доказать сохранение городской структуры и экономики при переходе от позднеантичного к средневизантийскому периоду.

Археологическое изучение Херсонеса способствовало развитию приоритетных для советской науки тем, связанных с изучением политической и социально-экономической истории Византии. Хотя исследования велись с учетом доминировавшей тогда методологии, их результаты не утратили своего значения – благодаря им мы, в частности, знаем, как были организованы целые отрасли городской экономики (к

примеру, рыбозасолочный промысел). Но археологический материал, поступавший из Херсонеса, стимулировал также исследование тем, являвшихся в советское время периферийными, но ставшими актуальными сегодня – например, популярные ныне исследования в области повседневной жизни (*everyday life)*, народной религиозности и пр.

Нельзя не упомянуть и о том, что археологические раскопки Херсонеса, принявшие в советские годы небывалый размах, ежегодно вводили в научный оборот новые материалы. Расширение источниковой базы позволяло уточнить, дополнить или опровергнуть письменные свидетельства.

В советское время «херсонесские темы» постоянно присутствовали и в программах научных конференций, и на страницах специализированных изданий. В коллективных трудах «История Византии» (1967) и «Культура Византии» (1984–1991), ставших своего рода витриной советского византиноведения, находили отражение и результаты исследований Херсонеса. «Византийский временник» и «Античная древность и средние века» регулярно публиковали статьи по различным аспектам истории этого города. В советские годы вышла целая серия монографий, посвященных истории этого византийского города.

Активные археологические раскопки Херсонеса в 1950-е – 1980-е годы способствовали пополнению византийских коллекций советских музеев. Ни одна из выставок предметов византийского искусства не обходилась без экспонирования херсонесских артефактов.

Но Херсонес – это не только памятник мирового уровня, но и связанный с ним музей, который в советское время превратился в один из ведущих научных центров страны. Здесь работали опытные полевики и авторитетные исследователи, проводились археологические экспедиции и многочисленные научные форумы. Роль Херсонесского музея и его сотрудников в становлении и развитии советского византиноведения поистине уникальна и бесценна.

В. В. Майко
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

Новое поселение салтово-маяцкой культуры Матрач-Оба в юго-восточном Крыму

Обнаружение новых памятников салтово-маяцкой культуры в юго-восточном Крыму событие не случайное, но представляющее несомненный интерес. В 2016 г. в ходе проведения археологических разведок по трассе проектируемого водопровода Феодосия – Судак на расстоянии

примерно 2,3 км к юго-востоку от крайних восточных домов пгт Щебетовка и на расстоянии нескольких метров от дороги Щебетовка – Коктебель, между точками с координатными отметками С 44°57’37.30 В 35°11’38.90 и С 44°57’36.61 В 35°11’39.86 по скоплению подъемного материала, представленного фрагментами амфор причерноморского типа, кухонной сероглиняной керамики, оранжевоглиняных ойнахой и высокогорлых кувшинов было выявлено поселение, отнесение которого к памятникам крымского варианта салтово-маяцкой культуры не вызывает сомнений. Оно располагается у восточного отрога горы Матрач-Оба на плавно понижающемся террасированном склоне (рис. 1.Б). Примерная площадь территории объекта составляет 6 370 кв. м. Позднесредневекового материала XIII–XV вв. в ходе разведок обнаружено не было.

В 2021 г. в ходе проведения археологического наблюдения в процессе строительных работ на самой границе поселения была выявлена хозяйственная яма, насыщенная археологическим материалом. Последний представлен амфорой причерноморского типа с яйцевидным туловом, слабыми следами от рифления на тулове и более заметными в придонной части (рис. 2.*7*). Горло, венчик и ручки сосуда, вероятно, были отбиты в древности. Зафиксированы также нижние части кухонных сероглиняных горшков и каплевидный венчик от подобного сосуда (рис. 2.*1–3*). Несомненный интерес представляет верхняя часть амфоры причерноморского типа со следами брака, затруднявшими, очевидно, использование сосуда в быту. Такова и нижняя часть этой же амфоры с менее заметными, но хорошо определяемыми следами брака (рис. 2.*6*). Наличие фрагментов стенок высокогорлых кувшинов, поздние типы амфор причерноморского типа (рис. 2.*4, 5*) и кухонных горшков позволяет датировать этот комплекс в рамках последней четверти IX – начала X в. Учитывая минимальное количество в заполнении объекта мелких фрагментов стенок амфор, не относящихся к описанным, и корреляцию элементов керамического комплекса, нельзя исключать того, что перед нами закрытый комплекс, образовавшийся в яме, имевшей утилитарное предназначение.

Как уже отмечалось, обнаружение салтово-маяцкого поселения в данном регионе полуострова закономерно. Специалистам хорошо известно, что он насыщен объектами данной археологической культуры. В окрестностях поселка Щебетовка и Курортное выявлено и частично раскопано четыре салтово-маяцких поселения (рис. 1.А). Среди них такой известный памятник, как Кордон-Оба, расположенный к востоку от поселка Курортное, довольно давно и хорошо опубликованный [Баранов 1990, с. 82–83, 124–129; Майко 2001, с. 164–169], что избавляет от необходимости повторений.

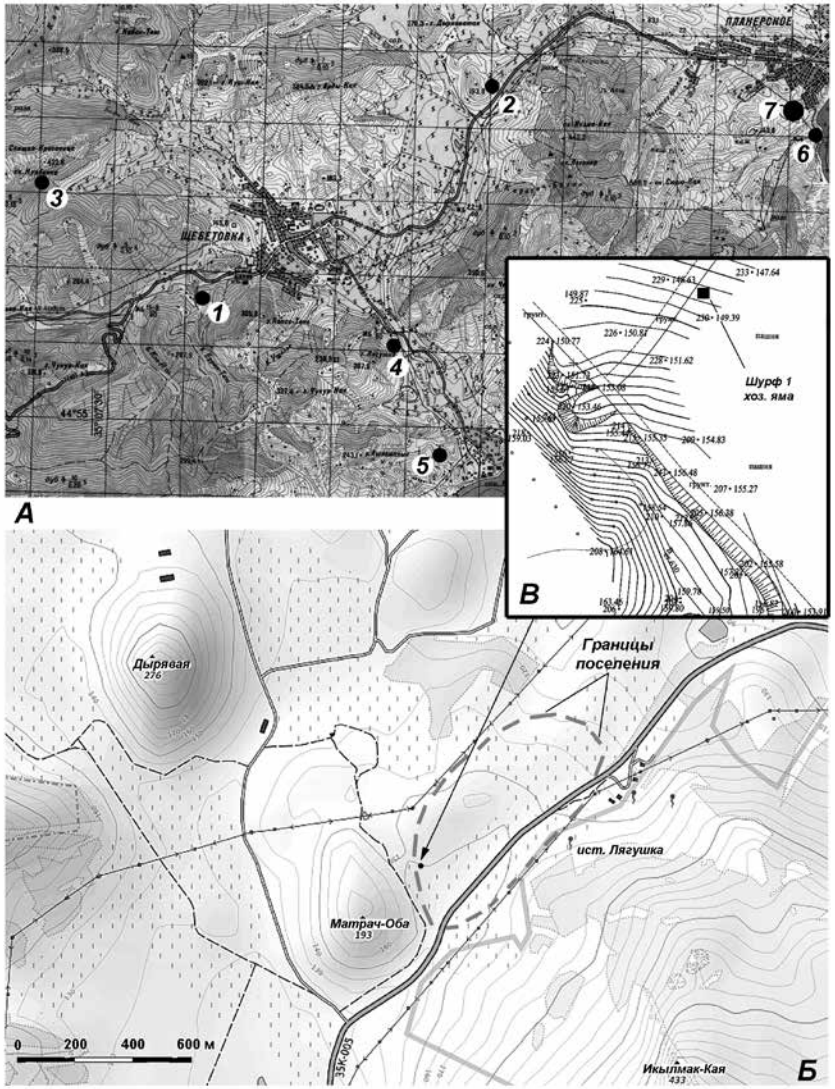

Рис. 1. Месторасположение памятников салтово-маяцкой культуры между пгт Щебетовка и пгт Коктебель.
А – взаиморасположение объектов: 1 – Отузы 2; 2 – Матрач-Оба; 3 – Отузы 3; 4 – Отузы 4; 5 – Кордон-Оба; 6 – печь на мысе Мальчин; 7 – городище Тепсень; Б – план поселения Матрач-Оба; В – месторасположение хозяйственной ямы

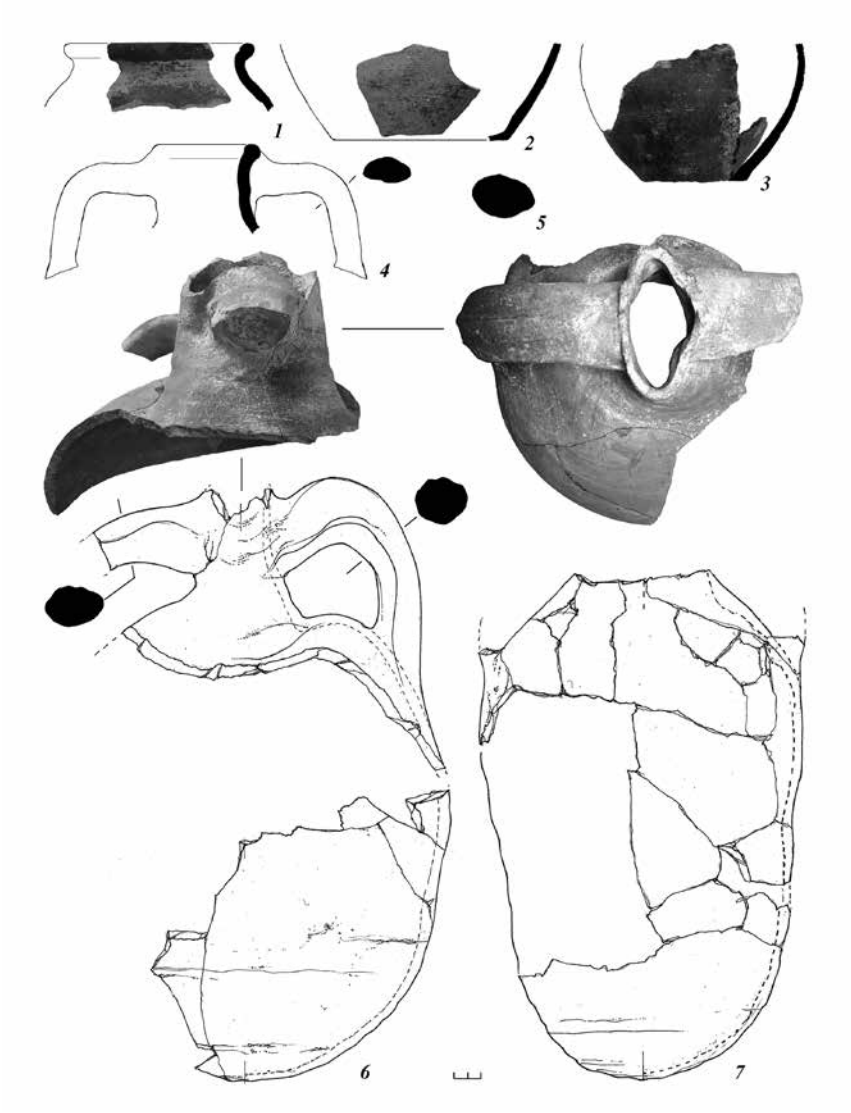

Рис. 2. Керамический комплекс из заполнения хозяйственной ямы поселения Матрач-Оба

Второй объект, раскопанная площадь которого еще больше, это поселение Отузы 2, чья восточная граница расположена в 1 км к юго-западу от юго-западной окраины села Щебетовка неподалеку от трассы Щебетовка – Судак. Памятник был выявлен разведками И. А. Баранова конца 1970-х гг. и на ограниченной площади исследован И. Н. Храпуновым в 1980 г. В 1997 г. визуальные разведки провел А. В. Гаврилов [Гаврилов 1997, с. 109; Гаврилов 2008, с. 334–335]. Автор последних работ считает это поселение и поселение, расположенное в 900 м к западу, разными объектами Отузы 1 и Отузы 2. В ходе масштабных охранных раскопок 2021 г. по трассе уже упоминавшегося водовода Феодосия – Судак, поведенных экспедицией Института археологии Крыма РАН под руководством А. И. Набокова, было установлено, что это одно крупное поселение салтово-маяцкой культуры, вероятно, с усадьбами, находившимися на расстоянии одна от другой.

Остальные два памятника известны только по разведкам. Раскопок и даже шурфовки на них не производились. Это поселение Отузы 3, находящееся примерно в 1 км к северо-западу от северо-западной окраины села Щебетовки [Гаврилов 1997, с. 109; Гаврилов 2008, с. 335]. Поселение располагается к востоку от хребта Курбан-Кая на южных и северных склонах его отрога. По сведениям А. В. Гаврилова, на поверхности отрога местами видны террасы, кладки, остатки оросительных канав. Поверхность задернована, поросла лесом и кустарником. Подъемный материал представлен как находками салтово-маяцкого времени, так и периода второй половины XIII–XIV в. Поселение Отузы 4 находится в 1,5 км к югу – юго-востоку от южной окраины села Щебетовка и в 100 м к югу от трассы Щебетовка – Курортное [Гаврилов 1997, с. 111; Гаврилов 2008, с. 335–336]. Располагается на холме и его склонах, на территории поселения местами сохранились следы террас и подпорные стенки, остатки кладок. По опубликованным данным А. В. Гаврилова, подъемный материал представлен фрагментами черепицы, водопроводных труб, пифосов, кухонной салтово-маяцкой керамики. Присутствуют и материалы позднесредневекового времени. К востоку от памятника на склоне горы у монастыря находится источник.

Для правильного понимания причин нахождения в одной хозяйственной яме поселения Матрач-Оба большого количества бракованной амфорной тары логично обратиться к материалам исследований гончарных печей, в большом количестве зафиксированным на полуострове [Паршина и др. 2001, с. 52–81].

Ближе всего на расстоянии примерно 5 км по прямой или 6 км в обход с восточной стороны горного массива Кара-Даг находится гончарный центр на мысе Мальчин, непосредственно связанный с горо-

дищем на плато Тепсень (рис. 1.А). Этот гончарный центр, открытый еще разведками В. П. Бабенчикова 1951 и 1953 гг., находится в районе источника Эфенди-Чешме. В частности, к западу от источника через овраг, на крутом склоне, обращенном к морю, были обнаружены остатки керамической печи, о чем свидетельствовало большое количество обмазки и бракованной посуды. Конфигурацию печи в силу ее плохой сохранности определить не удалось. Помимо остатков кладок, было зафиксировано и большое пятно обожженной глиняной обмазки [Паршина и др. 2001, с. 53]. Такое же поселение, составлявшее отдаленный посад городища, имелось, вероятно, и на небольшом плоскогорье с южной стороны Тепсеня — т. н. Малый Тепсень. В 1998 г. объект повторно обследовался В. Г. Туром, установившим здесь наличие небольшого поселка гончаров. Подъемный материал совершенно аналогичен Тепсеньскому [Майко 2004, с. 114–115].

Таким образом, появление большого количества бракованных сосудов в материалах охранных раскопок нового поселения салтово-маяцкой культуры Матрач-Оба, может свидетельствовать о том, что попадали они туда из гончарного центра на мысе Мальчин или Малый Тепсень. Не исключено, что рядом находился и собственный гончарный центр, который еще предстоит открыть.

Архивные материалы и литература

1. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990. 165 с.
2. Гаврилов А. В. Отчет об археологических разведках на территории хозяйств Кировского района и Феодосийской административной зоны Автономной Республики Крым в 1995–1997 годах // Архив Института археологии Крыма РАН. № 446.
3. Гаврилов А. В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник. 2008. Вып. III. С. 331–384.
4. Майко В. В. Плитовые погребения салтово-маяцкого могильника Таврики Кордон-Оба (к вопросу о христианизации тюрко-болгар Крыма) // Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона. Севастополь; Краков, 2001. С. 164–169.
5. Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев, 2004. 316 с.
6. Паршина Е. А., Тесленко И. Б., Зеленко С. М. Гончарные центры Таврики VIII-X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Киев, 2001. С. 52–81.

Ю. М. Могаричев

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь,
Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования, Симферополь

Пещерные церкви как источник по истории Таврики XIII–XIV вв.

Есть все основания полагать, что после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г., Юго-Западная Таврика вошла в сферу влияния Трапезундской империи. Трапезунд собирал ежегодные подати с Херсона и бывших византийских владений (Климаты Готии) в Горном Крыму, как минимум, до середины 20-х гг. XIII в. [Карпов 2007, с. 413–414]. Притязания Трапезунда на эту территорию сохранялись и позднее [там же, с. 414].

Дискуссионным является вопрос о времени вхождения этого региона в орбиту ордынских владений. Источники по данному вопросу фрагментарны и противоречивы. В историографии присутствуют точки зрения как о подчинении региона Золотой Ордой уже к середине XIII в., так и о функционировании здесь до конца этого столетия, а именно до похода Ногая в Крым в 1299 г., независимых от татар аланского княжества с центром в Кырк-Ере (Чуфут-Кале) и княжества Феодоро со столицей на Мангупе [подр. см.: Айбабин 2020, с. 499–503].

Скорее всего, Таврика была подчинена золотоордынцами в 40–60 гг. XIII в. Но эта зависимость первоначально не выходила за пределы выплаты дани [Герцен, Могаричев 2016, с. 141].

Традиционно, в историографии с карательной экспедицией Ногая в 1299 г. связываются следы пожаров и разрушений на поселениях Горного Юго-Западного Крыма, встречающихся в слоях, которые могут быть датированы золотоордынским временем. Многие исследователи также склонны связывать усиление ордынской экспансии в Таврику, в частности захват Кырк-Ера татарами, именно с походом этого темника.

Как попытался показать автор настоящей публикации совместно с А. Г. Герценым, последняя гипотеза недостаточно обоснована. Комплекс источников позволяет отнести захват татарами Кырк-Ера ко времени Джанибека (1342 – 1357 гг.), что согласуется с политической обстановкой того времени [Герцен, Могаричев 2016, с. 135–142].

По аргументированному мнению А. Г. Герцена и В. Е. Науменко, Мангупская крепость, ставшая центром княжества Феодоро, в середине – второй половине XIV в. также была включена в систему золотор-

дынских владений в Крыму с достаточно широкими полномочиями ее наместника [Герцен, Науменко 2016, с. 40].

Вероятно, в конце XIV в. Таврику затронуло противостояние Тимура и Тохтамыша, серьезные последствия которого на Мангупе описал около 1395 г. иеромонах Матфей в «Рассказе о городе Феодоро».

Как нам представляется, определенную помощь в прояснении политической, культурной и религиозной ситуации в Таврике в XIII–XIV вв. может оказать исследование пещерных церквей. В настоящей работе перечисляются памятники, датировка которых указанным временем очевидна.

Мангуп. *Церковь Северного монастыря.* На северной стене этого храма над одной из гробниц имеется пятистрочная строительная греческая надпись, которую А. Ю. Виноградов датирует 1224–1225 гг. В одном из сопутствующих церкви помещений также сохранились фрагменты строительной надписи 1220/1221 г. [Виноградов 2015а; 2015б; см. также: Герцен, Могаричев 2017, с. 124].

Следовательно, основание этого комплекса можно отнести к самому началу 20-х гг. XIII в. А в 1224–1225 гг. здесь уже была вырублена и освящена церковь. Отметим, что монастырь возник в тогда отдаленной и уединенной части Мангупского плато. Причем, вероятнее всего, в этот период жизнь на поселении вообще не была интенсивной. После упадка, наступившего в середине XI в., она активно возрождается только в конце XIII – середине XIV в. [Герцен, Науменко 2016, с. 40].

Эски-Кермен. *Церковь «Успения».* Основным мотивом росписей здесь является изображение сцены Успения Богоматери, отсюда и условное название, В свете современных научных представлений памятник датируется XIV в., скорее всего, первой половиной – серединой этого столетия [Могаричев, 2019, с. 259–261; Могаричев, Ергина 2020, с. 120–121].

Храм «Трех всадников. На северной стене имеется фресковая роспись с изображением трех святых всадников. Отсюда и условное название храма. Вероятно, здесь изображены Дмитрий Солунский, Федор Стратилат и Георгий Победоносец. На фреске присутствует надпись [Виноградов 2015в]. В. М. Григорович в 1873 г. якобы разглядел окончание 67–12 гг. [см. подр.: Могаричев 2019, с. 261–263, 275–278; Могаричев, Ергина 2020, с. 118–120].

Храм «Донаторов». Название происходит от сюжета росписей, изображающих семью донаторов или ктиторов церкви. Сохранившаяся на фреске надпись позволяет достаточно точно датировать храм 1381–1382 (или 1351–1352) гг. [Виноградов 2015г]. Скорее всего, церковь являлась частью небольшого монастыря, ктиторами или донаторами которого была местная знатная семья [Могаричев 2019, с. 265–268; Могаричев, Ергина 2020, с. 121–122].

Инкерман. *Церковь № 12 на Загайтанской скале (по нумерации Ю. М. Могаричева*). Здесь сохранились остатки фресковой росписи, которые датируются XIII–XIV вв. В апсиде храма под слоем штукатурки была выявлена вырезанная в нише надпись 1303 г. [Виноградов 2019, с. 335]. Вероятнее всего, храм был основан в самом начале XIV в. под патронатом главы херсонской митрополии на месте, где до этого находилась келья некого монаха Ильи. Через непродолжительное время после освящения церкви, возможно, не позднее первой четверти XIV в., помещение было расписано фресковой росписью.

«*Храм с крещальней».* А. Ю. Виноградов на основании имеющейся здесь надписи датировал памятник XIII в. [Виноградов 2015д]. Фресковые росписи также достаточно определенно могут датироваться XIII [Могаричев, Ергина 2021, с. 32–34].

Ныне засыпанный грунтом *Храм Евграфия (География).* В церкви сохранилась надпись 1272–1273 гг. [Виноградов 2015е]. Таким образом, вероятнее всего, памятник был создан в третьей четверти XIII в. [Могаричев, Ергина 2021, с. 34–41].

Кроме отмеченных скальных памятников, в Таврике с определенной долей вероятности XIII–XIV вв. могут быть датированы следующие сооружения: первоначальный монастырь на Шулдане; некоторые церкви Качи-Кальона; «Церквь с ризницей» на Тепе-Кермене; предполагаемая церковь в районе Южных ворот (Чуфут-Кале).

Таким образом, в XIII в. возникают, как минимум, четыре пещерные церкви, три из которых украшены фресковой росписью. В XIV в. были вырублены три скальных памятника, в которых имелись росписи. Еще ряд памятников следует относить к этим группам предположительно. Стоит учитывать, что в указанный период функционировали и храмы, созданные ранее. Напомним отмеченный в историографии высокий уровень фресковых росписей. А некоторые церкви, предположительно, могли быть расписаны столичными художниками. Указанные особенности, несомненно, указывают на наличие среди жителей Горного Юго-Западного Крыма (причем на разных поселениях) определенного числа обеспеченного и грамотного (надписи должен же был кто-то наносить и читать) населения из числа христиан, имеющего возможность оплачивать расходы по созданию и росписи храмов. Кроме того, указанное может свидетельствовать о достаточно продолжительных периодах «спокойствия» в данном регионе.

Литература

1. Айбабин А. И. О дате подчинения Готии татаро-монголам // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXV. Симферополь, 2020. С. 493–513.
2. Виноградов А. Ю. Феодоро. Строительная надпись неизвестного, 1224–1225 гг. // Древние надписи Северного Причерноморья. Византийские надписи. 2015а. (URL: http://iospe.kcl.ac.uk/5.174-ru.html. Дата обращения: 06.11. 2021).
3. Виноградов А. Ю. Феодоро. Надпись на стене пещеры, 1221–1222 гг. // Древние надписи Северного Причерноморья. Византийские надписи. 2015б. (URL: http://iospe.kcl.ac.uk/5.196-ru.html. Дата обращения: 06.11. 2021).
4. Виноградов А. Ю. Эски-Кермен. Строительная надпись неизвестного, 2 пол. XIII в. // Древние надписи Северного Причерноморья. Византийские надписи. 2015в. (URL: https://iospe.kcl.ac.uk/5.219-ru.html. Дата обращения: 06.11. 2021).
5. Виноградов А. Ю. Черкес-Кермен. Строительная надпись Марии, 1351–1352 или 1381–1382 гг. // Византийские надписи. Древние надписи Северного Причерноморья. Византийские надписи. 2015г. (URL: https://iospe.kcl.ac.uk/5.209-ru.html. Дата обращения: 06.11. 2021).
6. Виноградов А. Ю. Каламита. Надгробие Аврамия и Космы // Византийские надписи. Древние надписи Северного Причерноморья. Византийские надписи. 2015д. (URL: http://iospe.kcl.ac.uk/5.151-ru.html. Дата обращения: 06.11. 2021).
7. Виноградов А. Ю. Каламита. Посвящение Сотирика // Византийские надписи. Древние надписи Северного Причерноморья. Византийские надписи. 2015е. (URL: http://iospe.kcl.ac.uk/5.149-ru.html. Дата обращения: 06.11. 2021).
8. Виноградов А. Ю. Новооткрытые греческие христианские надписи из Северного Причерноморья и вопрос о статусе пещерных обителей в Горном Крыму // Миры Византии. Херсонос фемата. Вып. 2. Симферополь, 2019. С. 331–356
9. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Кырк-Ер–Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата. Симферополь, 2016.
10. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения Мангупа // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. Том 3 (69), № 3. Симферополь, 2017. С. 102–129.
11. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Великоханский вектор в культуре региональных элит или к вопросу о золотоордынском периоде в истории Мангупа середины – второй половины XIV в. (обзор археологических источников) // Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь, 2016. С. 36–49.
12. Карпов С. П. История Трапезундской империи. СПб., 2007.
13. Могаричев Ю. М. «Пещерные города» Горной Юго-Западной Таврики в описании А. С. Уварова. Симферополь, 2019.

14. Могаричев Ю. М., Ергина А. С. Фресковые росписи пещерных церквей Юго-Западной Таврики: версия И.Э. Грабаря // ВВолГУ. Сер 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25. № 6. 2020. С. 116–130.
15. Могаричев Ю. М., Ергина А. С. Утраченные фресковые росписи пещерных церквей Инкермана («Храм с крещальней», «Церковь География», монастырь св. Софии) // ВВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 26. № 6. 2021. С. 30–48.

А. А. Непомнящий
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

ОБЩЕСТВО ЗАЩИТЫ И СОХРАНЕНИЯ В РОССИИ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ХЕРСОНЕСА

Деятельность Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, развернувшего труды в 1909–1917 годах, до последнего времени оставалась в тени. И это несмотря на наличие сохранившегося архива (отдельный фонд) [Общество защиты…, оп. 1]. Доступны и опубликованы ежегодные отчеты по работе Общества, которое было официально зарегистрировано как юридическое лицо 20 октября 1909 года. Оно имело свою печать, особый знак, а члены (сотрудники) получили удостоверения, подтверждающие их принадлежность к этому памятникоохранному союзу. Сразу организовывались специализированные библиотека и архив, где собирались сведения для сводной картотеки памятников искусства и старины по всей стране [Академия художеств, оп. 13, д. 77, л. 4–12]. Объединились искусствоведы, художники, архитекторы, скульпторы, историки. 32 члена-учредителя (сотрудники) и около 20 любителей заявлены при организации Общества. Активно работали лишь часть из них (примерно половина). Председателем Общества являлся великий князь Николай Михайлович, товарищами председателя – художник А. Н. Бенуа и общественный деятель Е. Н. Волков, секретарем – искусствовед Н. Н. Врангель [Отчет 1914, с. 2–3].

Устав Общества четко определял задачи для его участников: организация работ по сохранению памятников искусства и старины, имеющих художественную или историческую ценность, независимо от эпохи создания памятника [Устав 1912, с. 3–4]. Предполагалось обращать общественное внимание путем «возбуждения ходатайств

по вопросам, отвечающим задачам Общества, перед правительством, надлежащими учреждениями и лицами» к проблемам охраны наследия [Устав 1912, с. 7–8].

Изначальная задумка организаторов общественно-культурного союза была грандиозной – подготовить картотеку паспортов объектов археологии, исторических зданий, картин, предметов искусства в масштабах Российской империи. Аналогичную работу в отношении памятников материальной культуры проводила Императорская археологическая комиссия на протяжении не одного десятилетия. Делалось это во многом через посредничество местных губернских ученых архивных комиссий. Но дела в этом направлении у археологов шли неспешно, во многом бессистемно и только в отдельных районах [Очерк 2009, с. 234–237; Непомнящий 2018, с. 21–27].

С 1911 года установились контакты Общества с крымскими подвижниками памятникоохранительного дела. Для организации учетных работ в Крыму началось общение с Таврической ученой архивной комиссией (ТУАК). Обращаясь за помощью по сбору сведений о памятниках крымских краеведов, просили «грамотно составлять чертежи», делать точные обмеры и исторические справки [Маркевич…, оп. 1, д. 55, л. 11–13]. На заседаниях ТУАК неоднократно рассматривались отношения Общества об организации сбора данных к общему каталогу российских памятников. В архиве ТУАК сохранились анкеты по учету памятников и находок древних вещей по уездам. Над подготовкой материалов для Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины работали местные подвижники Р. Х. Лёпер (Севастополь), В. В. Шкорпил (Керчь), К. Ф. Богаевский и Л. П. Колли (Феодосия), а также приезжавшие сюда для археологических раскопок М. И. Ростовцев (Евпатория), Н. И. Репников (Юго-Западный Крым) [Непомнящий 2005, с. 63–70].

В итоге А. И. Маркевичем в столицу были отправлены две сотни карточек об археологических объектах. К сожалению, собранные Обществом паспорта памятников, присланные с мест и систематизированные в отдельную картотеку, не сохранились. При ликвидации Общества картотека должна была быть передана в Академию художеств. Однако в архиве Академии данных документов не выявлено. Нет этих бумаг и в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН.

В архиве Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины нами выявлены документы, раскрывающие неизвестные ранее аспекты памятникоохранительной работы Общества в Херсонесе в бытность руководителем Склада местных древностей и заведующим раскопками Р. Х. Лёпера. В Общество с официальным

письмом в начале 1913 года обратился член Инженерного совета Министерства путей сообщения и Технического совета Министерства торговли и промышленности, профессор Александр Андреевич Брандт: «В воскресенье, 13 января сего года, в бытность в г. Севастополе, я осматривал Херсонесский музей и раскопки, производящиеся в Херсонесе. Сторож музея, водивший меня по раскопанной части древнего города, сообщил мне, что в настоящее время производятся раскопки и в ограде Херсонесского монастыря.

Отправившись туда, я застал следующую картину: несколько человек рабочих под руководством техника кирками вырубали большие гончарные глазированные плиты из пола цистерны, находившейся, по-видимому, при древней бане. На мой вопрос, чем вызывается такое обращение с плитами, техник ответил, что по соглашению с монастырским начальством, вся раскопанная в монастырской ограде местность после составления ее описания будет вновь засыпана и здесь будет разбит фруктовый сад. Ввиду этого плиты должны быть извлечены из пола цистерны.

Находя, что фруктовые деревья на этом месте будут плохо развиваться, так как корни их скоро встретят каменные стены, и считая, кроме того, что засыпка раскопанной части Херсонеса была бы варварством почти равноценным засыпке Помпеи, я позволяю себе обратиться в Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины с ходатайством о том, чтобы Общество путем соответственных представлений и сношений обеспечило раскапываемую часть древнего Херсонеса от засыпки землею. А. Брандт» [Общество защиты…, оп. 1, д. 40, л. 1–1 об.]. Общество незамедлительно сделало запрос об изложенном А. А. Брандтом факте в Археологическую комиссию, которая курировала музей и раскопки в Херсонесе. Ответ оттуда последовал 16 марта 1913 года. В нем сообщалось, что запросили разъяснения у Р. Х. Лёпера [Общество защиты…, оп. 1, д. 40, л. 3].

Только через год, 20 мая 1914 года, Археологическая комиссия «имела честь уведомить» Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины: «она телеграфировала члену своему заведующему раскопками в Херсонесе, прося ускорить отзывом на заявление профессора Брандта. Ныне Р. Х. Лёпер отвечает телеграммой нижеследующего содержания: «Засыпанные остатки не представляли археологического интереса»» [Общество защиты…, оп. 1, д. 40, л. 6].

27 сентября 1914 года императорская Археологическая комиссия в отношении № 2039 переслала Обществу защиты и сохранения в России памятников искусства и старины «копию с отзыва заведующего раскопками и складом древностей в Херсонесе статского советника Лёпера от 25 мая 1914 года за № 467 по содержанию заявления

профессора А. А. Брандта» [Общество защиты…, оп. 1, д. 40, л. 7]. Это письмо Р. Х. Лёпера (фактически обстоятельный отчет о раскопе памятника) является отдельной работой и может трактоваться как рукопись статьи, где автор рассуждал о ходе археологических исследований в Херсонесе. Основными тезисами, которые обосновывает заведующий, являются следующие: «сравнивать с засыпкой Помпеи засыпку по большей части сильно разрушенных жалких и однообразных построек Херсонеса, главным образом византийского периода, можно, конечно, только с большой долей преувеличения» [Общество защиты…, оп. 1, д. 40, л. 8]. Роберт Хрисанфович отметил, что без разрушения построек, частями или даже иногда целиком, невозможно полное и детальное расследование раскапываемых кварталов. «В Херсонесе сравнительно хорошо сохранились остатки только верхнего поздневизантийского слоя. Под стенами и полами этих построек часто имеются более или менее значительные остатки или только следы более ранних эпох: удавалось установить до пяти полов один под другим» [Общество защиты…, оп. 1, д. 40, л. 11]. Лёпер доказательно объяснил необходимость для науки исследования и более нижних слоев.

Таким образом, опыт создания общероссийской базы данных об объектах культурного наследия, предпринятый подвижниками из Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, до настоящего времени не утратил актуальности. Форма защиты объектов культурного наследия в виде подачи запросов до настоящего времени используется в памятникоохранной практике.

Архивные материалы и литература

1. Академия художеств // РГИА. Ф. 789.
2. Императорская Археологическая комиссия // НА РО ИИМК РАН. Ф. 1.
3. Маркевич Арсений Иванович // НА РО ИИМК РАН. Ф. 32.
4. Непомнящий А. А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение. Белгород, 2018. 216 с. (Биобиблиография крымоведения. Вып. 27).
5. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь, 2005. 432 с. (Биобиблиография крымоведения. Вып. 3).
6. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины // НА РО ИИМК РАН. Ф. 68.
7. Отчет о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1913 год. Пг., 1914. 58 с.

8. Очерк истории деятельности Императорской Археологической комиссии в 1859–1917 гг. / М. В. Медведева, Л. М. Всевиов, А. Е. Мусин, И. Л. Тихонов // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания: У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. С. 21–247.
9. Устав Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. СПб., 1912. 20 с.

Г. М. Николаенко

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

О сельских постройках середины/второй половины IV – первой половины III в. до н.э. на хоре Херсонесского государства (Гераклейский полуостров)

Около середины IV в. до н. э. территория Гераклейского полуострова площадью 10 тыс. га от северо-западного побережья до Сарандинакиной и Хомутовой балок на юго-востоке и Караньских высот на юге была размежевана на земельные наделы херсонеситов (рис. 1). При межевании были использованы линейные меры – оргия, равная 2,094 м, и локоть – 0,5235 м. В результате межевания было получено более 400 земельных участков площадью 630 × 420 м или 300 × 200 оргий. Каждый участок был разделен на 6 наделов-гекаторюгов, площадью 210 × 210 м или 100 × 100 оргий. В свою очередь, каждый надел-гекаторюг разделен на поля площадью, равной 52,35 × 52,35 м или 1 аруре, при этом площадь одного надела-гекаторюга составила 16 арур, а площадь одного участка – 96 арур.

Основной товарной культурой на наделах был виноград. Для насаждения этой культуры на скудных землях Гераклейского полуострова на наделах создается специальная агротехническая система: на полях выбирался верхний разрушающийся слой известняка и из него параллельными рядами выкладывались конденсационные или плантажные стенки толщиной в среднем 1 м (рис. 2).

В устройстве каменных плантажных стенок на полях-арурах ярко проявился рационализм херсонеситов: на одну аруру неизменно приходится 16 таких стенок (Смекалова 2019, с. 232). По всей видимости, количество плантажных рядов на наделах было подсчитано еще в период подготовки плана размежевания участков хоры, которые предполагалось занять виноградниками. При такой математически выверенной стандартизации появлялась возможность заранее подсчитать количество посадочного материала, затраты на его приобретение и посадку.

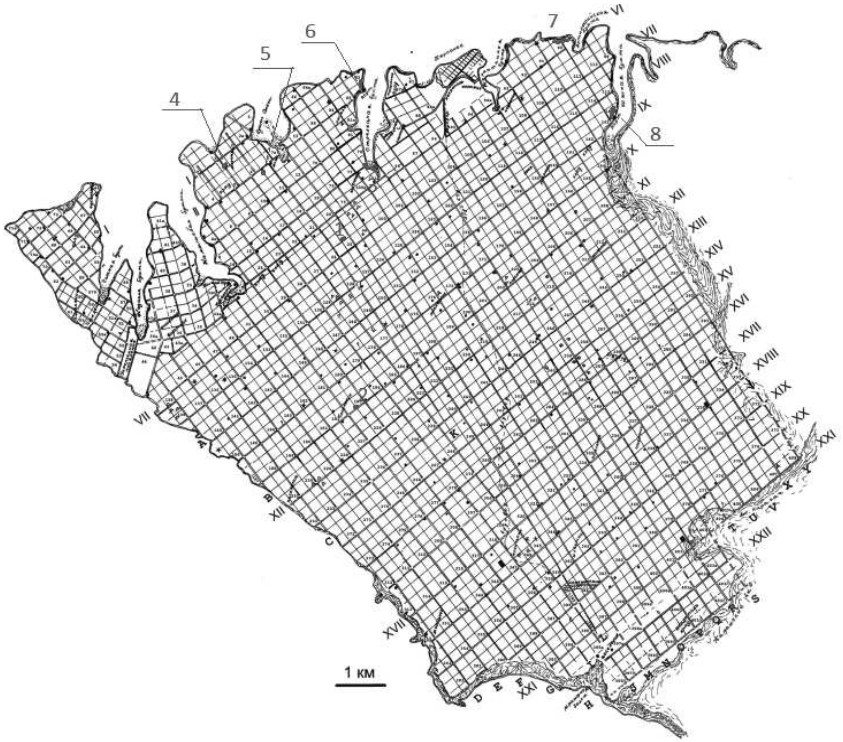

Рис. 1. Схема земельного кадастра Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове.
1 – усадьба участка № 25; 2 – усадьба 1частка № 193;
3 – винодельческий комплекс на участке № 101а;
4 – усадьба участка № 6; 5 – усадьба участка № 11;
6 – гончарная мастерская на участке № 82;
7 – гончарные мастерские на участках № 90–90а;
8 – припортовое поселение на участках № 163–163а

Виноград – культура многолетняя, она требует постоянного внимания, поэтому при устройстве виноградников отводилось место для строительства жилых и хозяйственных строений, чтобы земледельцы могли постоянно жить на обрабатываемой земле. При этом на усадьбы и их обитателей были возложены различные производственные функции.

Примером усадьбы, на которой жили владелец или управляющий и рабочие, обрабатывающие виноградники, может служить усадьба участка № 25 середины IV – первой четверти III в. до н. э. (рис. 1.*1*) На усадьбе прослежено два строительных периода.

1-й период: середина/третья четверть IV в. до н. э. Это собственно усадьба 34 × 21 м и внешний двор. Почти в центре юго-западной ограды усадьбы сооружена квадратная в плане башня 5 × 5 м, наполовину выдвинутая на территорию внешнего двора. От центра усадьбы на юг простирался усадебный двор. По периметру двора на северо-востоке, юго-востоке и северо-западе размещались жилые и хозяйственные помещения, на юго-западе – летние навесы.

2-й период: последняя четверть IV – первая четверть III в. до н. э.

Башня и юго-восточная наружная стена первоначальной усадьбы были снесены. Размеры нового здания составляют почти квадрат – 35 × 34 м. В восточный угол вписывается новая башня размерами 6,2 × 5,75 м, с выносом наружу. Башня и примыкающие помещения 1–1а – это один изолированный комплекс, в котором обитал хозяин или управляющий. Композиционным центром усадьбы был двор 24 × 23 м. В центре двора остатки фундамента небольшого сооружения, возможно, жертвенника. Помещения вдоль северо-западной стороны двора жилые, вдоль северо-восточной – хозяйственные. К юго-западной ограде усадьбы примыкал внешний двор, служивший, вероятно, хозяйственным целям.

По мнению С. Ф. Стржелецкого, «основными обитателями усадьбы были рабы» (Стржелецкий 1961, 101).

В некоторых усадебных помещениях найдены обугленные зерна злаков, семена бобовых и косточки винограда, близкие к формам дикорастущего винограда и промежуточным формам (Николаенко, Янушевич 1981, 26–34). Возможно, кроме управляющего и рабов на усадьбе могли жить виноградари, занятые выращиванием и селекцией винограда.

В конце первой трети III в. до н. э. усадьба была покинута (Туровский 1996, 161).

На значительное число усадеб была возложена основная производственная функция – изготавливать вино на внутреннюю и внешнюю продажу. Одна из таких усадеб расположена на земельном участке № 193[1] (рис. 1.*2*).

Строительство усадьбы относится к третьей четверти IV в. до н. э. – ко времени агротехнических работ на участке и посадке виноградных лоз.

На усадьбе открыты два двора – внутренний и внешний. Усадебные строения располагались вдоль северо-восточной и юго-западной сторон внутреннего двора. На северо-восточной стороне находилась

[1] Винодельческие комплексы открыты также на участках № 9, 10, 26, 41, 86, 152, 172, 338, 343, 347, 357, 404.

башня. В башне сохранилось входное помещение, в котором находилось каменное основание лестницы, ведущей на второй этаж, и смежное с ним помещение, в скальном основании которого вырублен подвал. В подвале открыто 12 углублений для установки пифосов.

Основным занятием обитателей в эллинистический период было изготовление вина. Вдоль юго-западной стены усадьбы выстроено помещение винодельни размерами 5,5 × 15,0 м. В помещении устроены каменные основания под винодавильные площадки, в скальном основании – углубления для установки блока фундамента ворота рычажного винодавильного пресса, суслоприемник и гнезда для установки пифосов. Очевидно, к концу строительства в винодельне были установлены рычажный пресс с воротом и винодавильные площадки.

У северо-восточной ограды во внешнем дворе усадьбы устраивается бродильня: вдоль стены в скале вырублено несколько углублений для установки в них пифосов, наполненных виноматериалом. Такая же бродильня устроена вдоль юго-восточной стены внешнего двора. По всей вероятности, над пифосами были сооружены деревянные навесы. В подвале башни устроена винница, в которой хранилось вызревшее вино.

В последней четверти IV – первой четверти III в. до н.э. усадьба представляла собой большой винодельческий комплекс, где за один сезон можно было переработать около 140 000 кг винограда и получить примерно 80–90 тыс. литров виноматериала (Николаенко, Бажанова 2013–2014, с. 117–120).

Недалеко от въезда в усадьбу с северо-восточной стороны ее внешней ограды территория надела представляет собой скальную площадку, на которой было удобно разгружать повозки, наполненные собранным виноградом, и заполнять их емкостями с виноматериалом или готовым вином для вывоза. Подобная площадка есть на внешнем дворе усадьбы участка № 26, на которой в этот же период функционировала стационарная винодельня (Стржелецкий 1961, с. 102, 105, 123–127, рис. 93, 107).

Крупный винодельческий комплекс второй половины IV – первой четверти II в. до н. э. находился на участке 101а (рис. 1.*3*) в верховье судоходной Стрелецкой бухты, на левом берегу (Савеля 1971; Туровский 1996, с. 339). Раскопками 2003–2011 гг. (руководитель О. Я. Савеля) открыты стены построек, крытых херсонесской, синопской и гераклейской черепицей середины IV – первой четверти III в. до н.э., суслоприемники, вырубленные в скальном материке подвалы и углубления для установки пифосов. Найдены большие фрагменты винодавильных площадок, многочисленные обломки пифосов гераклейского, синопского, херсонесского производства; амфор Херсонеса и других центров IV–III вв. до н.э., фрагменты столовых и хозяйственных сосудов второй половины IV – первой половины II в. до н.э. (Нессель, Ушакова 2018, с. 359–364).

В северо-западной приморской части хоры открыты усадьбы, которые условно можно назвать хранилищем товарной продукции.

Одна из них находится на земельном участке № 6 (рис. 1.*4*). Форма усадьбы Г-образная, размеры 55 × 35 м (Стржелецкий 1961, 164). Усадьба разрушена при строительстве хутора в XIX в. Раскопками 1991 г. удалось выявить в центре усадьбы обширный двор. На юго-западной стороне двора открыты два смежных помещения с углублениями для 21 пифоса. На юго-восточной стороне имеются небольшие помещения бутовой кладки, пристроенные к ограде усадьбы. Керамический материал на усадьбе включает в себя: фрагменты черепицы, пифосов, амфор и столовой посуды, относится ко второй половине IV–III в. до н.э. Ворота усадьбы выходили на продольную дорогу I, по которой можно было выйти или выехать на поперечную дорогу II, ведущую к берегам судоходных бухт Камышевой (около 1 км) и Стрелецкой (немногим более 2 км).

Другая усадьба находится на земельном участке № 11 (рис. 1.*5*), в северном углу 1-го надела, непосредственно у поперечной дороги II (Стржелецкий 1961, с. 60–61). В 2002–2004 гг. усадьба была раскопана. Форма усадьбы Г-образная, размеры 18 × 20 м. Центром усадьбы был двор 8,2 × 7,6 м. Помещения бутовой кладки располагались на северо-восточной и северо-западной стороне двора. В подвальной части помещений выявлено более 30 углублений для пифосов. Найденные фрагменты пифосов представлены продукцией Синопы и Гераклеи, керамические крышки пифосов херсонесского производства. Керамический материал на усадьбе продставлен многочисленными фрагментами чернолаковых аттических сосудов второй – третьей четверти IV в. до н.э., а также фрагментами амфорной тары Херсонеса, Синопы, Гераклеи Понтийской, Менды, Книда и Коса. Клейменная тара Синопы относится к 60-м гг. IV в. до н. э., Книда – к третьей четверти этого века, Херсонеса – к последней четверти IV – 70-м гг. III в. до н.э. В раскопках найдены также фрагменты пифосов, черепицы и кухонной посуды – кастрюль и горшков.

По-видимому, усадебный комплекс существовал как склад амфорной тары и хранилище пифосов. В последней четверти IV в. до н.э. вследствие каких-то событий некоторые помещения были разрушены, пифосы изъяты, а ямы забутованы камнями, золой, керамическими фрагментами со следами горения. Уцелевшие помещения еще какое-то время существовали, но впоследствии комплекс был окончательно разрушен. Жизнь здесь затухает к 60-м гг. III в. до н.э. (Николаенко и др. 2011, с. 129–137).

На хоре были устроены гончарные мастерские по производству строительной, тарной, столовой и хозяйственной керамики. Основными потребителями этой продукции были жители хоры.

На 82-м участке, расположенном на левом берегу устья Стрелецкой бухты (рис. 1.*6*), открыты строительные остатки херсонесской гончарной мастерской конца IV – первой трети III в. до н. э. по производству строительной, тарной и столовой керамики. В раскопках были найдены более 30 фрагментов ручек херсонесских амфор с клеймами, штамп с изображением пальметты, подставка под амфору, инструменты гончара, конструктивные детали гончарной печи, а также фрагментированные керамические трубы и множество фрагментов керамического брака (Ушакова 2017, с. 287–289).

Строительные остатки еще одного крупного комплекса гончарных мастерских, открыты в северо-восточной прибрежной части хоры (между бухтами Артиллерийской и Мартыновой), предположительно, на площади участков 90–90а (рис. 1.*7*). «Остатки бутовых кладок позволяют предположить, что мастерские представляли собой ряд крытых строений или навесов, рядом с которыми размещались печи и сопутствующие им элементы производства». Основными продуктами комплекса были амфоры и черепица. Археологический материал, добытый

Рис. 2. Плантажные стены на винограднике

в раскопках, свидетельствует о двух наиболее активных периодах функционирования этого комплекса: последняя четверть IV – 70-е гг. III в. до н.э. и последняя треть III в. до н. э. (Ильяшенко и др. 2021, с. 127).

В 1989 г. во время контрольного осмотра ведомственной территории на левом берегу Южной бухты сотрудниками Херсонесского музея-заповедника Е. Я. Туровским и С. Г. Демьянчуком на участках 163–163а (рис. 1.*8*) была открыта прибрежная часть припортового поселения. В выбросе грунта из котлована собраны многочисленные фрагменты амфорной тары и столовой посуды – мисок, кувшинов херсонесского производства последней четверти IV – первой половины III в. до н.э. Среди них встречены фрагменты амфор Синопы и средиземноморских центров. Собрано также довольно много фрагментов аттической чернолаковой керамики последней четверти IV – начала III в. до н.э.

В последующие годы немного ниже котлована была прорезана траншея. При осмотре траншеи установлено, что протяженность культурного слоя эллинистического времени на этом участке составляет более 100 м. В выбросе грунта собрано много крупных обломков кровельной черепицы исключительно херсонесского производства и не менее 20 медных гвоздей с широкими шляпками (Туровский 2015, с. 336–340).

Размежевание скалистого, пересеченного бесконечными балками плато Гераклейского полуострова, берега которого изрезаны бухтами и заливами – это идеальный пример рациональной организации пространства херсонесскими землемерами. «На базе общего организационного плана» херсонеситы создали «стройное хозяйство клеров, отличающееся строгой продуманностью, экономической рациональностью при учете совокупности экономических условий развития земледелия в целом и отдельных его культур в частности» (Стржелецкий 1961, с. 65).

В середине IV в. до н. э. хора становится экономической базой, где жители усадеб и поселений выполняли производственные и организаторские функции по уходу за виноградниками, сбору винограда, отправкой его для переработки на усадьбы с винодавильными комплексами, а также по изготовлению гончарной продукции, необходимой как в обиходе, так и на производстве товарной продукции. Нужно сказать, что перемещали готовую продукцию как сухопутным, так и морским путем. Сеть дорог, проложенных между земельными участками, судоходные гавани и наделы составляли единую структуру. Рациональная организация хозяйства на хоре позволила Херсонесскому государству в последней четверти IV – первой трети III в. до н.э. достичь наивысшего уровня своего экономического расцвета.

Литература и архивные материалы

1. Ильяшенко С. М., Волошинов А. А., Буравлёв С. А. Новая керамическая мастерская эллинистического времени на хоре Херсонеса Таврического // АРХОНТ. 2021. С. 127–137.
2. Нессель В. А., Лесная Е. С., Ушакова К. С. О характере сооружения древних дорог на Гераклейском полуострове: некоторые наблюдения по результатам исследований 2018 и 2020 гг.// АРХОНТ. 2021. С. 219–225.
3. Нессель В. А., Ушакова К. С. Керамический материал из раскопок хозяйственного комплекса эллинистического времени на западном берегу Стрелецкой бухты: предварительный анализ // БЧ. 2018. Вып. XIX. С. 359–364.
4. Николаенко Г. М., Бажанова Т. И. Херсонесская сельская усадьба древнего земельного участка № 193 (ст. № 132) на Гераклейском полуострове // ХСб. 2013–2014. Вып. XVIII. С. 117–158.
5. Николаенко Г. М., Туровский Е. Я., Филиппенко А. А. Керамический комплекс усадьбы надела 11 на Гераклейском полуострове // ХСб. 2011. Вып. XVI. С. 129–137.
6. Николаенко Г. М., Янушевич З. В. Культурные растения из раскопок сельской округи Херсонеса // КСИА. 1981. Вып. 169. С. 26–34.
7. Савеля О. Я. Предварительные результаты обследования зон застройки на водоразделе Карантинной и Стрелецкой балок Гераклейского полуострова в 1971 году // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. № 2336.
8. Смекалова Т. Н. Основные принципы размежевания херсонесской хоры // АРХОНТ. Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Севастополь. 2019б. С. 230–236.
9. Смекалова Т. Н., Терёхин Э. А. Архивные аэрофотоснимки 1941–1944 гг. – документальный источник по изучению хоры Херсонеса Таврического. СПб., 2019. Ч. I. (Гераклейский сборник. Вып. II).
10. Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // ХСб. 1961. Вып. VI.
11. Туровский Е. Я. О времени существования усадьбы надела 25 на Гераклейском полуострове // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 165–168.
12. Туровский Е. Я. К вопросу о херсонесских гаванях на Гераклейском полуострове // БЧ. 2015. Вып. XVI. С. 336–340.
13. Ушакова К. С. Новые данные о керамическом производстве Херсонеса Таврического в эллинистическую эпоху // АРХОНТ. 2017. С. 287–291.

А. В. Подосинов

Институт всеобщей истории РАН; МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва; Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

Эионы в античных описаниях берегов Северного Причерноморья

В античных описаниях берегов Северного Причерноморья несколько раз встречается слово ἠϊών (аттич. форма ἠών, дорич. ἀιών или ᾰ̓ών), которое обычно переводится как «морское побережье».

Анализ употребления слова ἠϊών в греческой литературе от Гомера до византийских авторов показывает, что его значения могут в разных контекстах существенно разниться. Так, оно может означать (приведу в основном примеры из Страбона, у которого встречаются практически все значения): просто берег моря (Strabo II.1.22), песчаный морской пляж (Strabo XI.4.2), берег моря в дельте или при устье реки (ibidem), берег самой реки (Strabo V.2.5), берег пролива (Strabo VI.2.3), берег озера (Dio Chrys. Or. XII.4), берег залива (Strabo XII.4.2).

Любопытно, что слово ἠϊών может выступать и как топоним. Мы знаем четыре города с этим названием во Фракии, в Халкидике, в Пиэрии и в Арголиде.

Что касается Северного Причерноморья, мне известны несколько случаев такого употребления ἠϊών.

1) В «Аргонавтике» Аполлония Родосского упоминается река Филлеида на южном побережье Черного моря, мимо которой проплывали аргонавты; при этом говорится про «широкие берега реки» (II.658–659: εὐρείας ποταμοῖο ἠόνας). В схолиях к этому месту приводится свидетельство греческого писателя Дионисия Ольвийского (II–I вв. до н. э.) о том, что Ахиллов Бег – это «широкие берега» (Διονύσιος ὁ Ὀλβιανὸς ἱστορεῖ τὰς εὐρείας ἠόνας λέγεσθαι Ἀχιλλέως δρόμους). Если учесть, что под Ахилловым Бегом в античности понимался полуостров, ставший к настоящему времени Тендровской и Джарылгачской косами, то слово ἠόνες звучит как его название, отражая в то же время особенности его как песчаной косы [см. об этом свидетельстве подробнее: Блаватский 1978, с. 80–89].

2) Греческий автор Арриан (первая половина II в. н. э.) в своем «Перипле Понта Эвксинского» пишет о побережье между Крымом и устьем Днепра (PPE 31): «От Прекрасной гавани до Тамираки триста [стадиев]; внутри Тамираки есть небольшое озеро. Отсюда еще триста до устья озера; от устья озера до Эионов (ἐς Ἠόνας) – триста восемьдесят стадиев, а отсюда до Борисфена – сто пятьдесят».

Перипл Арриана под Эионами подразумевает, несомненно, Ахиллов Бег, совершенно в духе Дионисия Ольвийского (об Эионах как названии Ахиллова Бега и его особенностях см.: [Щеглов 1972, с. 126–134; Агбунов 1992, с. 187–202; Зубарев 2005, с. 194; Яйленко 2017, с. 42–43]).

3) Анонимный автор, написавший в VI в. н. э. свою версию «Перипла Понта Эвксинского», основываясь главным образом на тексте Арриана, так описывает Ахиллов Бег (PPE 87 (58)): «От мыса Тамириака простирается Ахиллов Бег. Это Эион, то есть морской берег (ὅπερ ἐστὶν Ἠιών, τοῦτ᾽ ἔστιν αἰγιαλός), очень длинный и узкий, тянущийся на расстоянии 1200 стадиев, 160 миль. Он шириной 4 плетра, и его мысы имеют полуостровной вид. Отстоит от материка на 60 стадиев, 8 миль. В его средней части есть проход к материку в виде узкого перешейка, который соединяет его с материком, то есть с землей, длиной в 40 стадиев, 5 и 1/3 мили». Следуя почти везде буквально Арриану, здесь анонимный автор добавил к его тексту описание Ахиллова Бега, отсутствующее у Арриана. Последний, как мы видели, называет здесь только некие Эионы, сохраненные и Анонимом, который тут же дал и их толкование-синоним: «то есть морской берег» (τοῦτ᾽ ἔστν αἰγιαλός). Рассказ Анонима об Ахилловом Беге мог быть заимствован из периплов или Пс.-Скимна, которого Аноним часто цитирует, или Мениппа, или Артемидора, или Посейдония, которые могли почерпнуть свои сведения из географического труда Дионисия Ольвийского [Блаватский 1978, с. 87].

Таким образом, в обозначении Ахиллова Бега как ἠόνες можно видеть непрерывную традицию, идущую от Дионисия Ольвийского.

4) Римский писатель Плиний Старший (вторая половина I в. н. э.) в своей «Естественной истории» дает такое описание Таманского полуострова (*NH* VI.18): «Длина самого полуострова, пролегающего между Понтом и Меотийским озером, не более 67,5 миль, а ширина нигде не меньше двух югеров; его называют Эоне (Eonem vocant)». Как и писавшие о полуострове Ахиллов Бег, Плиний называет словом Эоне тоже полуостров, хотя и находящийся в другом северочерноморском районе, а именно в Керченском проливе. Исследователи по-разному объясняли появление этого имени у Плиния: одни считали, что речь идет не о Таманском полуострове, а об Арабатской стрелке в Азовском море (Neumann 1885, S. 539; Oberhummer 1905, Sp. 2117), другие выводили это название из **ai(v)am / *oi(v)am* — «остров», сопоставляя его с местностью Оиум (*Oium*), упоминаемой Иорданом в этом же районе (Трубачев 1999, с. 71–72), третьи считали это название у Плиния ошибочным перенесением его с Ахиллова Бега (Тохтасьев 2002, с. 26). В. П. Яйленко усматривает сходство физиографии морского побережья Ахиллова Бега и Таманского полуострова и этим объясняет общее для них название (Яйленко 2017, с. 43).

Я тоже склонен считать название Таманского полуострова «Эоне» у Плиния относящимся именно к этому месту. Два текста античных авторов поддерживают этот тезис.

Аристотель в «Метеорологике» (I.14 353a10) рассуждает о том, как Меотийское озеро мельчает из-за речных наносов и когда-нибудь целиком высохнет. Сразу после этого пассажа следует такой текст: «Далее, благодаря наносам Боспор (ἔτι δὲ ὁ Βόσπορος) обладает постоянным течением… Всякий раз, как течение создает у азиатского берега (ἀπὸ τῆς Ἀσίας ἠόνα) отмель, позади нее сначала образуется маленькое озерцо, которое затем высыхает, а потом новая отмель (ἄλλη ἡ ἀπὸ ταύτης ἠών) образуется перед первой и новое озеро, и так это повторяется снова и снова. Поскольку это повторяется часто, со временем Боспор должен стать узким, как река (ὥσπερ ποταμὸν γενέσθαι), чтобы наконец вовсе пересохнуть» (перевод Н. В. Брагинской).

Латышев не включил это свидетельство о Боспоре в Scythica et Caucasica, полагая, очевидно, что речь здесь идет о Боспоре Фракийском, но я думаю, что здесь имеется в виду Боспор Киммерийский, то есть Керченский пролив, поскольку, во-первых, даже на лексическом уровне (ἔτι δὲ ὁ Βόσπορος) виден переход от Меотиды к Боспору (Киммерийскому) как непосредственно связанных между собой водных бассейнов, во-вторых, мы ничего не знаем про «отмели и озерки», которые бы возникали на азиатском берегу Босфора, в то время как изрезанность побережья Таманского полуострова бросается в глаза. Идея пересыхания Боспора Фракийского из-за наносов ила, насколько я знаю, не возникала в античности. Я полагаю, что в этом тексте Аристотеля мы имеем еще одно ценное свидетельство о Керченском проливе.

Следующее свидетельство об «азиатском береге» Боспора Киммерийского как ἠών можно усматривать у Страбона VII.6.2: пеламиды после рождения плывут из Меотиды через устье (διὰ τοῦ στόματος) по проливу «вдоль азиатского берега» (παρὰ τὴν Ἀσιανὴν ἠόνα) до Трапезунта и Фарнакии.

Таким образом, Плинию в своем обозначении азиатского Боспора как ἠών (Eone) было на кого опереться.

Подводя итог, следует сказать, что в северочерноморских Эионах воплотились, по-видимому, многие нюансы в значении слова ἠών, о которых говорилось в начале работы: это и просто морской берег, и отмель, и низкий песчаный берег (как на Ахилловом Беге), и берег пролива (как на Таманском полуострове), и даже, возможно, топонимы (как в обоих регионах).

Литература

1. Агбунов М. В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992.
2. Блаватский В. Д. Дионисий Ольвианский // СА. 1978, 3. С. 80–89.
3. Зубарев В. Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005.
4. Тохтасьев С. Р. Σινδικα // Таманская старина. 2002. Вып. 4. С. 10–32.
5. Щеглов А. Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. 3. К Polyb., IV, 41 // ВДИ. 1972. № 2. С. 126–134.
6. Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.,1999.
7. Яйленко В. П. Топонимика античного Крыма // БИ. 2017. Вып. 35. С. 3–88.
8. Neumann K. Die Hellenen im Scythenlande: Ein Beitrag zur alten Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte. Berlin, 1855.
9. Oberhummer E. Eion 5. // RE. 1905. Bd. 5. Sp. 2117.

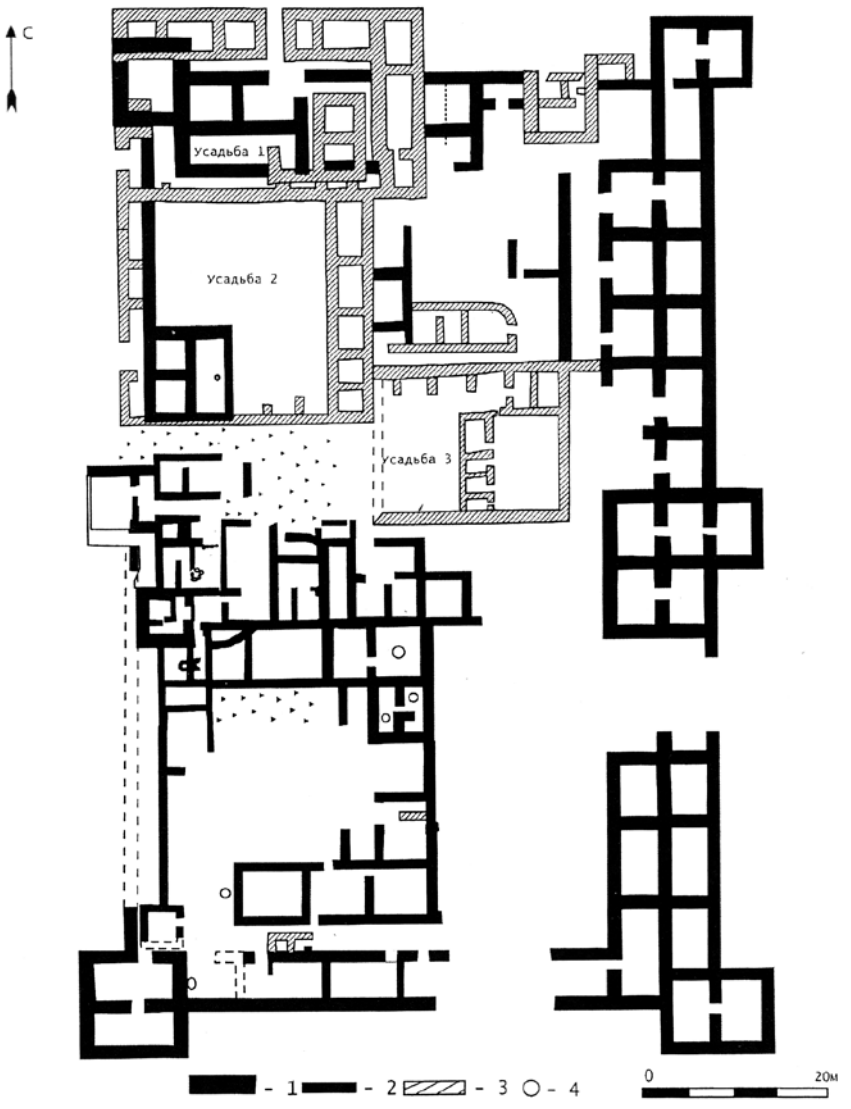
Е. А. Попова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва

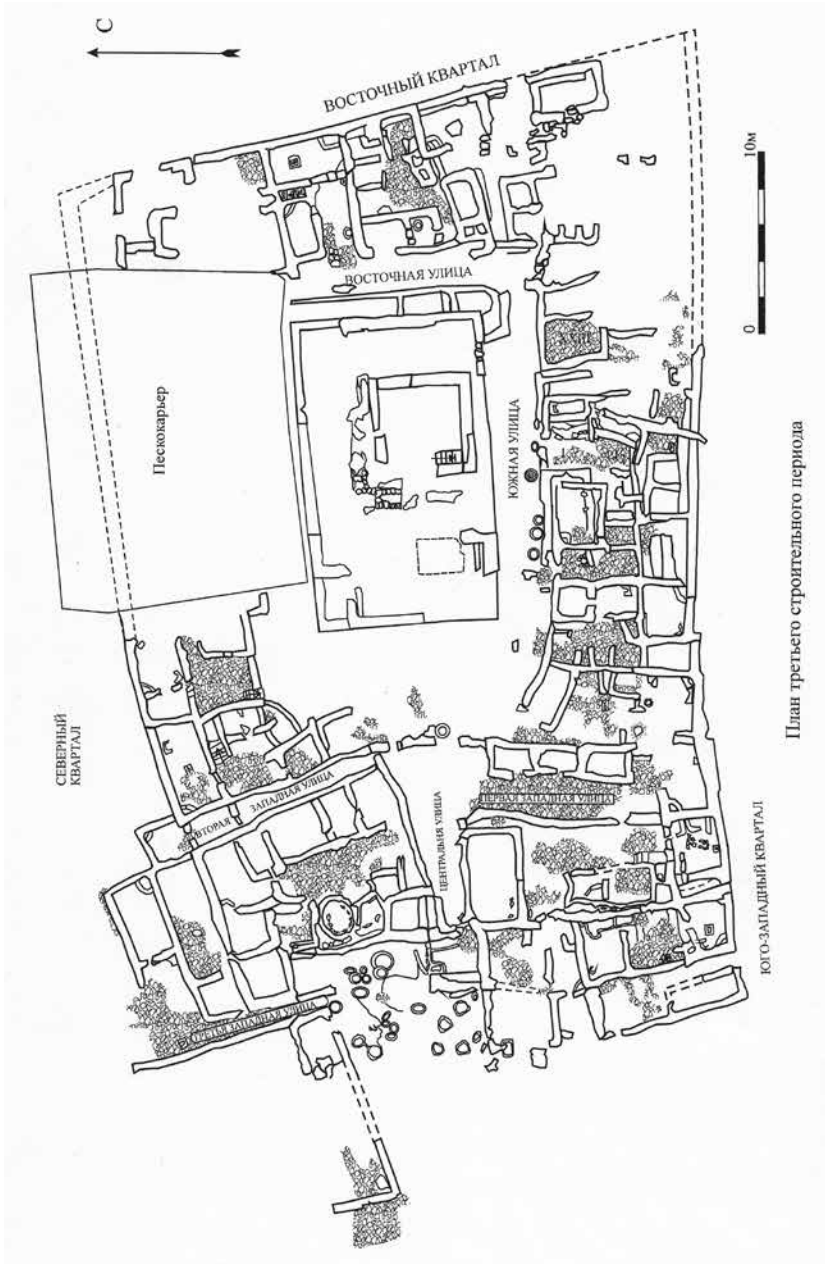
ГОРОДИЩЕ «ЧАЙКА» – ДВЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭПОХИ, ТРИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ

Городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму, в округе Евпатории – один из наиболее полно исследованных памятников в этом районе. Однако до сих пор отсутствует обобщающее издание, охватывающее все периоды, отраженные в археологических материалах памятника. В данном докладе предлагается конспективный обзор этих материалов с целью показать его значение для реконструкции истории региона и Крыма в целом. В истории городища «Чайка» выделяется античный период (IV в. до н. э. – I в. н. э.) и период средневековый (VIII–X вв.).

Городище «Чайка» – памятник греческой археологической культуры IV–II вв. до н. э., принесенной сюда херсонесцами. Это обнаруживается прежде всего в архитектурном отношении. На первом этапе своего существования оно представляло собой форт, возведенный по традициям эллинского фортификационного строительства. Это было прямоугольное в плане поселение, обнесенное стенами из квадров, с башнями (рис. 1). Внутренняя застройка также отвечает всем канонам эллинистического строительства по планировкам и технике: дома возводились из сырцового кирпича на каменном цоколе с четкой разбивкой на местности по равнозначно-параллельному принципу, что характерно для Хер-

подпись

подпись

План третьего строительного периода

сонеса [Крыжицкий 1982, с. 48–51]. Два объекта, присущих греческой культуре – винодельня [Яценко 1983, с. 18 сл.] и гестиаторий [Коваленко 2009, с. 119 сл.] функционировали с первого периода.

Второй период отмечен сменой архитектурного облика поселения, что является отражением изменения его статуса. На территории форта возникают частновладельческие усадьбы, несущие все признаки греческой культуры [Попова, Коваленко 2005, с. 31–63].

Предметный ряд аналогичен вещам эллинистического времени, в частности, из Херсонеса: керамический комплекс (амфоры, чернолаковые сосуды, столовая и кухонная посуда), нумизматические материалы [Коваленко 2006], терракоты [Попова 2000, с. 131].

Греческое поселение сменяется «позднескифским», демонстрирующим другую археологическую культуру. Два основных признака, отличающих ее от греческой культуры – техника строительства и значительное количество лепной керамики «варварского» толка в керамическом комплексе. Техника строительства разительно отличается от греческой. Домостроительство целиком каменное, дома каменные на всю высоту с применением только необработанного камня; кладки иррегулярные, что свидетельствует как о недостаточном умении, так и о спешке, поскольку для построек местами использовались и камни из стен греческого периода; крыши из самана или камыша [Попова 2017, с. 259 сл.]. Архитектурно-планировочные приемы демонстрируют отсутствие четкой разбивки на местности, иногда криволинейность конфигурации построек (рис. 2). Лепная керамика из слоев поселения составляет значительный процент [Гаврилюк 2016, с. 179 сл.]. Формы ее и оформление идентичны скифской и таврской посуде.

Однако наряду с признаками, демонстрирующими варварские черты в культуре позднескифского поселения, здесь присутствуют черты греческой культуры. Речь, в частности, идет о таких особенностях планировок жилищ, как закрытые комплексы с внутренним двориком, использование равнозначно-параллельного принципа планировки, а также о преобладании в керамическом комплексе сосудов греческих типов. Таким образом, отличительной археологической чертой памятника на этапе II в. до н.э. – I в. н.э. является сочетание признаков греческой и варварской культур.

Следующий этап в жизни городища «Чайка» приходится на раннее Средневековье. Поверх руин позднескифского поселения возникает поселение салтово-маяцкой культуры VIII–X вв. Открыто 4 помещения, определенно относящихся к этому времени (рис. 3). И. А. Баранов писал о 30 помещениях [Баранов 1990, с. 65]. Это недоразумение объясняется тем, что салтовские постройки иногда возводились на остат-

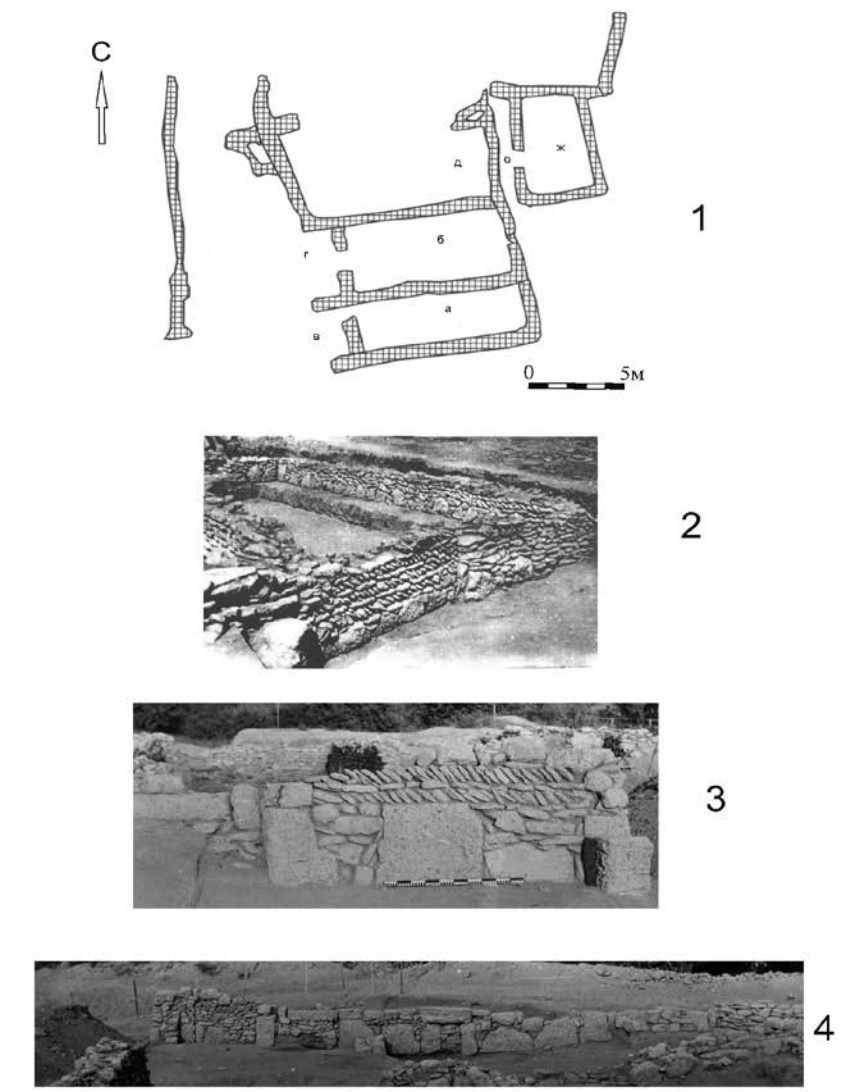

Рис. 3. Поселение Салтово-Маяцкой культуры на городище «Чайка»

ках стен позднескифского поселения.. Помещения имеют большие размеры – площадь двух из них (пом. А и Б) составляет около 30 кв. м. Помещение Д еще большей площади, но хотя западная стена его почти не сохранилась, по ее фрагменту (в том месте, где она сопрягается с южной стеной впереплет) можно предположить, что площадь этого помещения составляла около 50 кв. м. Помещения вытянуты по линии В–З и имеют общую восточную стену. Глинобитных полов в помещениях не было, встречались лишь фрагменты каменных вымосток. Самым ярким признаком салтово-маяцкой культуры является техника строительства – так называемые кладки «в елочку», представляющие собой чередование горизонтальных рядов с рядами косо положенных камней овальной формы (рис. 3.3). Поселение не было укрепленным, но, видимо ограда существовала. В западной части поселения сохранился значительный фрагмент стены длиной 16 м (рис. 3.1, 2).

Второй характерный признак этой культуры – керамика. Это грубогончарные кухонные горшки с волнистым или линейно-волнистым орнаментом, венчики бывают орнаментированы насечками [Новиченкова 2007, с. 165]. Типы салтовской керамики в керамическом комплексе «Чайки» дополняются находками фрагментов столовой серо- и краснолощеной посуды с вертикальными полосками лощения [Новиченкова 2007, с. 166].

Поселения салтово-маяцкой культуры возникали на местах заброшенных античных поселений, что характерно для всех районов Крыма [Могаричев 2004, с. 165]. Однако на всех поселениях, кроме «Чайки», в Северо-Западном Крыму присутствие салтовцев определяется в основном по находкам керамики. На «Чайке» открыт комплекс построек более или менее хорошей сохранности. Таким образом, материалы античной эпохи и салтовское поселение на Чайкинском городище являются важным источником для исследований по истории Античности и раннего Средневековья Крыма.

Литература

1. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. 165 с.
2. Беловинцева Н. И., Попова Е. А. Находки Кизил-Кобинской керамики с городища «Чайка» // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. Сб. научных трудов к юбилею И. В. Яценко. М., 2007. С. 131–154.
3. Гаврилюк Н. А. Лепная керамика городища «Чайка» // Очерки археологии Северо-Западного Крыма (по материалам городища «Чайка» и некрополя у поселка Заозерное). М., 2016. С. 179–271

4. Коваленко С. А. Находки монет с городища Чайка в Северо-Западном Крыму (1959-2001 гг.) // ПИФК. 2006. Вып. XVI. № 1. С. 144–154.
5. Коваленко С. А. Гестиаторий Чайкинского городища // ВДИ. 2009. № 1. С. 119–135
6. Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982. 165 с.
7. Могаричев Ю. М. О некоторых вопросах истории Крыма середины-второй половины VIII в. // ХСб. 2004. Вып. XIII. С. 163–180.
8. Новиченкова Н. Г. Средневековое поселение на городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. М., 2007. С. 155–194.
9. Попова Е. А. Терракоты с городища Чайка в Евпатории // РА. 2000. № 1. С. 131–143.
10. Попова Е. А. Городище «Чайка» в северо-западном Крыму во II в. до н. э. – I в. н. э. // Stratum plus. 2017. Т. 3. С. 259–310.
11. Попова Е. А., Коваленко С. А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища). М., 2005.
12. Яценко И. В. Винодельня на поселении «Чайка»// КСИА. 1983. Вып. 174. С. 18–25.

Т. А. Прохорова, Т. В. Сарапулкина, П. Н. Хлебовский
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»

НАУЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ВЫСТАВОК МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ» (2014–2021)

Одной из важнейших задач, решаемых Херсонесским музеем со времени его основания, является, несомненно, популяризация древней истории и публикация коллекций археологических находок. С этой целью организованы постоянные экспозиции и проводятся временные выставки как в самом музее, так и за его пределами.

Традиционной формой представления археологического материала остаются постоянные экспозиции отделов античной и византийской истории, которые дополняет «музей под открытым небом» – экспозиция археологических памятников на городище Херсонеса. Удачной формой показа коллекций являются и археологические инсталляции по методу открытого хранения: именно с такой целью были выставлены архитектурные детали во дворе «Склада местных древностей» еще в конце XIX

в., так экспонируются с 1965 г. мозаичные полы христианских храмов и пифосы, так демонстрируются архитектурные фрагменты и копии мозаичных полов возле здания античной экспозиции и в периболе.

В Херсонесском музее на протяжении ряда десятилетий складывалась парадоксальная ситуация: несмотря на быстро растущую богатую фондовую коллекцию, временные выставки предметов из фондов случались нечасто. Причин тому было несколько, главные из которых – отсутствие выставочных площадей и соответствующих специалистов в штате.

2016 год оказался поворотным в деле организации систематической работы по проведению выставок. Создание экспозиционно-выставочного сектора, приобретение современных витрин, оснащение в соответствии с нормативными требованиями выставочного зала в здании античной экспозиции и выделение еще одного зала для временных выставок за счет уплотнения византийской экспозиции позволили существенно увеличить продолжительность временных выставок и количество выставляемых предметов, в том числе с публикацией ценных экспонатов из фондов музея.

В выставочной деятельности последних лет на основании тематики, набора представляемого материала, экспозиционного подхода можно выделить несколько направлений. Тематические выставки принято классифицировать по нескольким признакам: территориальному, отраслевой и тематической принадлежности, целевой направленности.

Богатая фондовая коллекция, многовековая история древнего города Херсонеса Таврического, а также многоплановость интерпретации материального и нематериального наследия позволяют создавать оригинальные выставочные проекты, используя богатый арсенал концептуальных и экспозиционных приемов для публикации имеющегося материала.

Тематический принцип, как правило, лежит в основе большинства временных выставок музея-заповедника. Значительная часть из них носит узкотематический характер, к которым следует отнести выставки «Византия. Сакральная среда» с показом церковной утвари и предметов личного благочестия из бронзы и серебра из византийского Херсонеса (2016 г.), «Свет ушедших эпох» об осветительных приборах древности, которых в коллекции Херсонесского музея хранится более двух тысяч экземпляров (2017 г.), «Домашний очаг» о быте жителей Херсонеса в античное и средневековое время (2017 г.), которая была разделена на подтемы – убранство дома, мир мужчины, занятия мужчин, столовая и кухня, мир женщины и мир детей; «Где волн Понтийский не смолкает шум…», подчиненная теме «Херсонес – город у моря» (2018 г.); выставка 2019 г. «Тайны Херсонесских некрополей» с

находками – скорченное погребение, захоронение младенца в амфоре, захоронение т. н. «кандальника» и найденные на некрополе костяки с искусственной деформацией черепа.

Опытом последних лет стало обращение к ранее незамеченной теме варварского окружения Херсонеса. Она затрагивалась в ходе реализации серии выставок «Беспокойные соседи» из фондов Бахчисарайского музея-заповедника и музея-заповедника «Неаполь Скифский». Так, в 2020 году экспонировались коллекции Усть-Альминского некрополя. Материалы группировались по нескольким темам: захоронение с оружием и предметами костюма; мелкие деревянные предметы, разнообразные глиняные курильницы; части саркофагов и дубовая колода; оружие, украшения и амулеты, посуда. Данное собрание демонстрировало особый синкретический характер культуры варварских племен.

Следующая выставка серии, состоявшаяся в 2021 г., была посвящена крепости Кара-Тау и памятникам горного массива Кубалач. Показ был разбит по составляющим археологического комплекса на горе Кара-Тау: цитадель, поселение, святилище, некрополь. Цитадель и поселение представлены фотографиями и керамикой, святилище – инсталляцией и жертвенными вещами; некрополь – посудой, украшениями, тарапаном, оружием, культовыми фигурками, остеологическим материалом.

Логичным продолжением темы в том же 2021 году стала выставка «Мир варваров Таврии», подготовленная совместно с Институтом археологии РАН. Выставка посвящена результатам охранных раскопок Института археологии РАН могильников Фронтовое 3 и Киль-Дере 1, а также разведочных работ на территории Южного пригорода древнего города Херсонес Таврический в 2020 году Комплексной экспедицией. Фронтовое 3 – пример могильника варварской богатой общины, находящейся под сильным римским влиянием, свидетельством чему являются привозные посуда, украшения, мечи и конское снаряжение. Киль-Дере 1 имеет серию неординарных находок – коллекцию каменных надгробных стел с антропоморфными рельефными изображениями. Разведочные материалы из Южного пригорода были не столь аттрактивны, поэтому при создании выставки для характеристики памятника использовались находки предыдущих лет.

Обильный археологический материал был структурирован по тематическому принципу и выделен фоновым цветом в соответствии с местом обнаружения. Наибольший интерес для посетителей представляли золотые украшения из исследованных захоронений. Погребальный нательный инвентарь был представлен в сочетании с графическими реконструкциями его прижизненного использования. С технической же

точки зрения решалась задача плотного размещения большого количества экспонатов в ограниченном объеме имеющихся витрин, а также увеличения вертикальных экспозиционных плоскостей за счет закрытия оконных проемов разборными выставочными стендами с мультимедийными экранами и обширными текстовыми экспликациями.

Классический подход к организации выставок реализован в ходе создания экспозиций по истории отдельных археологических памятников – крепости Чембало (ей посвящено три выставки – «Гримальди и Романовы. Три века истории» в 2016 г. и «Фреска Богоматери Одигитрии 30–40-х гг. XIV века (история одной реставрации») в 2017 г. и «Под сенью креста святого Георгия. Крепость Чембало по археологическим данным» в 2021 г.) и отдельных усадеб хоры Херсонеса (выставки «Сельские этюды» в 2017 и 2018 гг.).

Успешным опытом экспонирования находок отдельных археологических экспедиций музея-заповедника, Государственного Эрмитажа, Института археологии Крыма и Института востоковедения РАН, работавших в Херсонесе и его ближайшей округе в последние несколько лет, стала выставка «Полевой дневник» (2019 г.). Отчетно-итоговый характер экспозиции позволил представить результаты исследований пяти последних лет (раскопки и разведки в балке Бермана, раскопки памятника римского времени на высоте Суздальская, усадьбы 337, усадьбы на наделе 320 и античное укрепление Масляная гора, разведочные работы на хоре – усадьба 328 Южная, раскопки херсонесского некрополя, грунтового могильника у с. Передовое, разведочные подводные исследования в бухтах Карантинная и Стрелецкая, раскопки IX «А» квартала и жилого квартала L в Южном районе Херсонесского городища, раскопки в XX квартале в Северном районе Херсонеса и на Крепости Чембало и другие).

Уже традиционными стали для музея-заповедника капсульные выставки отдельных археологических находок, такие как «Три святых воина», «Свет Христов сияет всем», «Сохраняя крестом твоим», «Византийский прецессионный крест с образами святых воинов-мучеников», «Образы Рождества на византийской иконе из Херсонеса», «Благовещение. Из Константинополя в Херсон» и другие. Капсульные выставки позволяют акцентированно взглянуть на известный предмет, показать посетителям ценность и особенность данного экспоната, чего почти невозможно добиться в обычной экспозиции.

На территории музея-заповедника периодически проводятся стендовые выставки на различные темы, некоторые из которых условно носят археологический характер, поскольку посвящены видным археологам (К. К. Косцюшко-Валюжинич, И. А. Антонова, Э. И. Соломоник,

Н. М. Печенкин, Е. Г. Суров, М. И. Скубетов), отдельным памятникам (античный театр) или методам исследований (подводная археология).

Однако наибольший интерес с точки зрения экспонирования представляют выставки с ярко выраженными концептуальными ракурсами изложения материала, при котором находки, помещаемые в новый контекст или преподносимые с помощью какого-либо особого приема, раскрывают скрытое в них содержание.

Необычный ракурс восприятия археологии через призму искусства был реализован в выставках «Цвет внутри» и «Планета Херсонес». Художественный подход стал главным и при подготовке выставки «Властелины камней и черепков». Несмотря на полное отсутствие археологических находок в зале, при помощи археологического инвентаря — лопат, кирок, ведер, тачек и прочего — была воссоздана атмосфера археологического раскопа и представлены многочисленные неизвестные широкой публике инструменты полевой и камеральной работы профессионалов. Эта экспозиция-инсценировка в концептуальном плане продолжает линию стендовых выставок той же тематики — «Взгляд из раскопа» и «Быть археологом — это…».

Анализ археологических выставок показывает абсолютное преобладание тематических выставок с незначительным добавлением «отчетных». Набор и тематика весьма разнообразны – это и тип материала, и образ, выраженный в предметах, и определенный памятник, и метод археологических исследований. Тенденцией последних лет стало стремление показать археологические коллекции с необычного ракурса, через призму особого творческого восприятия. Продолжение намеченной работы по внедрению нестандартного подхода к показу археологических предметов наряду с классическим методом их экспонирования позволит расширить целевую аудиторию выставок, сделать музей более привлекательным.

А. А. Роменский
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

«КОРСУНСКОЕ ЧУДО КОЗМЫ И ДАМИАНА» И РЕАЛИИ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Ромейский Херсон и Юго-Западная Таврика на протяжении столетий выступали в качестве контактной зоны, места взаимодействия византийской имперской культуры и культур окружающих «варварских народов» [Dagron 2000, p. 290–291; Сорочан и др. 2006, с. 273–274]. В историографии традиционно подчеркивается роль Корсуня и «корсунских древностей» в процессе рецепции византийского наследия на Руси [Толстой, Кондаков 1897, с. 27–34]. Важно отметить, что культурная интеракция была амбивалентной, ее можно описать как двусторонний диалог, в ходе которого контактировали и обретали новые смыслы не только артефакты, но и тексты, идеи, образы [Лотман 1992, с. 122]. Русь смогла сохранить целый ряд архаичных особенностей собственно византийской традиции [Мусин 2020, с. 487–488]; в свою очередь, Таврика как «фронтирный» регион империи усваивала отдельные элементы древнерусской культуры.

Взаимосвязь византийских и древнерусских культурных концептов прослеживается в письменных источниках. В этом контексте заслуживает внимания «Корсунское чудо свв. Козмы и Дамиана» («Чюдо о братщинѣ иже въ Корсоунѣ градѣ») – памятник, известный среди комплекса произведений, посвященных святым врачам-бессребреникам, в восточнославянских рукописях XV–XVII вв. Проблема генезиса текста остается дискуссионной. По мнению И. Я. Франко, истоки легенды следует искать на славянской почве (вероятно, на юге Руси), о чем свидетельствует близкий нарратив польского хрониста Галла Анонима об умножении еды и питья на пиру, устроенном Пястом в честь пострижения своего сына, Земовита [Франко 1901, с. 12–14; Maleczyński 1952, s. 10–11]. А. И. Соболевский относил «Чудо Козмы и Дамиана в Корсуне» к числу выполненных на Руси переводов, в то же время, не исключая его возможной оригинальности [Соболевский 1910, с. 176]. М. Н. Сперанский полагал, что этот источник описывает реалии севера Руси (Новгорода или Пскова), а приурочение легенды к Херсонесу не имеет конкретного смысла и содержания, являясь лишь эпическим обозначением [Сперанский 1928, с. 367–373]. Точка зрения о том, что памятник сформировался в славянской среде, стала преобладающей [Белоброва 1987, с. 154–155].

Сюжет произведения связан с евангельскими мотивами превращения Христом воды в вино на пиру в Кане Галилейской (Ин. 2: 1–11) и чудесного насыщения (Мф. 14: 13–21, 15: 32–39; Мк. 6: 31–44, 8: 1–9; Лк. 9: 10–17; Ин. 6: 5–14). Возможно также влияние ветхозаветного рассказа о чудесном умножении пищи пророком Илией в доме Сарептской вдовы (3 Цар. 17: 8–15) [Франко 1901, с. 12]. Согласно источнику, в Корсуне у некоего «праведного мужа» состоялся пир в честь праздника святых чудотворцев Козмы и Дамиана. Пиршество продолжалось семь дней, на восьмой день хозяин заметил, что напитки закончились. Он помолился святым бессребреникам и наполнил «скляницы» водой, которую дал присутствовавшему на собрании священнику и остальным гостям, которые восприняли это как шутку («помышляше в себѣ, яко той мужъ игру творитъ») [Сперанский 1928, с. 362]. После того, как священник начал читать тропарь святым Козме и Дамиану, вода в сосудах обратилась в сладкий мед, и весь город веселился еще двенадцать дней, а напиток так и не исчерпывался. Чудо прекратилось лишь тогда, когда люди начали сквернословить и «нелѣпое дѣло творити», в результате чего мед снова превратился в воду [Сперанский 1928, с. 362–363].

Используемая в тексте терминология («братчина», «обчина гостинная», складба гостинная»), несомненно, имеет восточнославянское происхождение и позволяет согласиться с мнением о том, что легенда была литературно обработана в Новгороде. Но это не исключает возможности поиска истоков сюжета в самом византийском Херсоне. Традиция совместного проведения профессиональных и корпоративных праздников, как и дней памяти святого своего церковного прихода, была распространена в Империи ромеев. Как правило, члены корпорации или прихожане в этот день устраивали общее пиршество. Пиры и увеселения могли длиться много дней [Литаврин 1974, с. 174–175]. Обычно гости собирались в помещении для трапезы (триклинии), занимая места за столом в соответствии со своим социальным статусом. Служители Церкви располагались по правую руку от хозяина [Karpozilos, Cutler 1991, p. 250]. В угощении на пиру проявлялось гостеприимство и странноприимство, что считалось одной из важнейших добродетелей христианина. Так, святой Филарет Милостивый, согласно Житию, не упускал случая накормить путников за своим столом, а после переезда в Константинополь устроил богатый пир для двухсот нищих и больных [Васильев 1900, с. 75, 78–79].

Почитание святых бессребреников в Херсоне доказывает находка бронзовой иконы, изображающей Христа на троне в окружении святых во время раскопок Г. Д. Белова в 1955 г. (на полу подвала дома № 1

в XXII квартале Северного района Херсонеса). Прямоугольная форма с загнутыми краями указывает, что икона была набита на деревянную основу или являлась убором Евангелия. Как явствует из надписи, в правом нижнем углу расположен бюст св. Дамиана с благословляющей правой рукой (часть изображений утрачена) [Белов 1959, с. 55; Яшаева и др. 2011, с. 492]. Имена Κοσμᾶς и Δαμιανός встречаются в ономастиконе надписей Северного Причерноморья византийского времени (IOSPE V 70.2, V 151.4, V 160.5, V 237.3.7, V 309.1; V 63.1.4, V 241.9, V 244.1).

Нельзя исключить, что рассказ о чуде на пиру в честь святых Козмы и Дамиана был изначально связан с Херсоном, и лишь впоследствии стал известен на Руси, чему могли способствовать активные торговые и паломнические контакты, объединяющие Восточную Европу и византийскую Таврику.

Литература

1. Белоброва О. А. Житие Козмы и Дамиана // СККДР. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. С. 154–155.
2. Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 13–69.
3. Васильев А. А. Житие Филарета Милостивого // ИРАИК. 1900. Вып. 5. С. 49–86.
4. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. М., 1974. 190 с.
5. Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992. С. 121–128.
6. Мусин А. Е. Парадоксы рецепции византийской культуры в Древней Руси // «На одно крыло – серебряная, на другое – золотая…» Сборник статей памяти Светланы Рябцевой / под ред. Р. А. Рабиновича, Н. П. Тельнова. Кишинев, 2020. С. 487–498.
7. Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // Сб. ОРЯС. 1910. Т. 88. № 3. С. 1–287.
8. Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Севастополь, 2006. 832 с.
9. Сперанский М. Н. «Корсунское» чудо Козмы и Дамиана // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР / отв. ред. Е. Ф. Карский. 1928. Т. 1. Кн. 2. С. 358–375.
10. Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. V: Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб., 1897. 168 с.
11. Франко І. Я. Пяницьке чудо в Корсуні. Причинок до історії старорускої легенди // ЗНТШ. 1901. Т. 44. С. 1–14.
12. Яшаева Т. Ю., Денисова Е. А., Гинькут Н. В., Залесская В. Н., Журавлев Д. В. Наследие византийского Херсона. Севастополь; Остин, 2011. 707 с.

13. Dagron G. Crimée ambiguë (IVe – Xe siècles) // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. P. 289–293.
14. Karpozilos A., Cutler A. Banquet // ODB. 1991. Vol. 1. P. 250–251.
15. Maleczyński K. (ed.). Galli Anonymi Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum. Cracoviae, 1952. CXIV, 198 p. (MPH NS. T. 2).

А. В. Сазанов
Институт археологии РАН, Москва

Византийские амфоры: проблемы типологии, хронологии, локализации мест производства

В предлагаемой работе делается попытка наметить общую картину развития амфорного производства и торговли византийского мира северо-причерноморского региона. Такая картина включает обсуждение проблем классификации и торгово-производственных регионов, выделение этапов с характеристикой каждого из них.

Проблемы классификации и торгово-производственных ареалов. Для византийских амфор существует два подхода к классификациям, условно определяемые как цифровой (автор + номер типа: Зеест 95, Якобсон 1, Hayes 51, Gunsenin III, Bonifay 34, Sazanov 6 etc.) и смысловой (Late Roman A 1 (LRA 1-LRA 15) Late Roman 4 (LR 4), Byzantine Globular Amphorae (BGA), Crimean Globular Amphorae (CGA),TRC 4 и др.). Первый подход удобен при полевом определении, второй-при дальнейшей разработке соответствующих типов. Зачастую оба подхода применяются в рамках одного исследования, что вполне объяснимо неопределенностью центров производства. Сейчас совершенно очевидно, что в основе классификации амфор должны лежать центры производства, что предполагает смысловой подход.

Однако если для классической археологии эти центры более или менее локализуются, то аналогичная работа в отношении византийских амфор находится только в начальной стадии, что обусловлено значительным отставанием разработок в византийской археологии от античной.

Общее направление в классификационных разработках-выделение следующих групп амфор, связанных с географией крупных регионов, где располагались производственные центры: Pontic, Oriental, Occidental, North African (или просто African). Второй уровень-более узкое подразделение в рамках региона. Например, Pontic amphoras могут быть разделены на Northern Pontic, Southern Pontic, Northern East Pontic, Western Pontic. Третий уровень, еще более узкий, скажем Crimean amphoras, включающие CGA и LRA 1 survivals. Предложенное разделение коррелируется с географией торговли, включающей локальную, региональную, интеррегиональную и «long distance». Никуда не деться от сложных проблем имитационных типов, которые обозначают как, например, LRA 1 similis.

Периодизация. Основными этапами развития византийских амфор были ранневизантийский период, VIII-IX вв., вторая половина IX–XI вв. и XII–XIII в.

Ранневизантийский период. На сегодняшний день активно используются цифровые классификации Дж. Хейса, А. Л. Якобсона, А. В. Сазанова, т. н. «Херсонесские классификации» 1971 и 1995 г. М. Бонифэ, и смысловые – Дж. Райли и Д. Пьери. Современный уровень разработки ранневизантийских амфор представлен работами Д. Пьери, М. Бонифэ и П. Рейнолдса. [Hayes 1992, p. 61–78; Якобсон 1979, с. 7–17; Sazanov 1997; Романчук и др. 1995; Антонова и др. 1971; Bonifay 2004; Riley 1979; Pieri 2005; Reynolds 2005, 2008].

В Северном Причерноморье вполне естественно превалирует понтийский импорт, обслуживавший региональную торговлю причерноморского региона: синопский (A Snp I-A Snp III), гераклейский (узкогорлые светлоглиняные «F», «E»), колхидский («коричневоглиянные с перехватом», западно-понтийский (АДСВ тип 5). Локальная торговля (Крым и Таманский полуостров) представлена местными формами (Зеест 96–97). Интеррегиональную торговлю отражают Oriental amphoras, среди которых первое место занимают киликийские амфоры LRA 1 (Рис. 1), изготовление которых в Элеуссе Себастэ (видимо, ведущем центре их производства) началось с 340-360 г. и продолжалось до VII в. включительно [Burragato et al. 2007; Ferrazzoli, Ricci 2010]. Анализ дипинти на амфорах LRA 1 позволил выделить четыре зоны их размещения (a-d), которые содержали информацию об индикте, количестве перевозимого вина в амфоре (a), весе амфоры до заполнения вином и после (b), имя винодела, местоположение виноградника (c), своеобразный «ярлык» торговца с его именем и однословной характеристикой товара (d) (Fournet 2012). Вторым крупным центром, поставлявшим вино в Северное Причерноморье в VI-первой половине VII в. был Крит (основной тип-TRC 4) (Sazanov 2014). Остальные «интеррегиональные типы» представлены амфорами, производившимися на Косе (LRA 3 = Зеест 95), в Газе (LRA 4), материковой Греции, возможно Кипре (LRA 2). Последние, видимо, также как критские использовались для перевозки анноны. Торговля «Long distance» отразилась в незначительном присутствии в комплексах Северного Причерноморья африканских амфор (Spatheia, Keay 8B, 18–19, 25, 55A, 57 B, 62, 67) [Сазанов 1999,

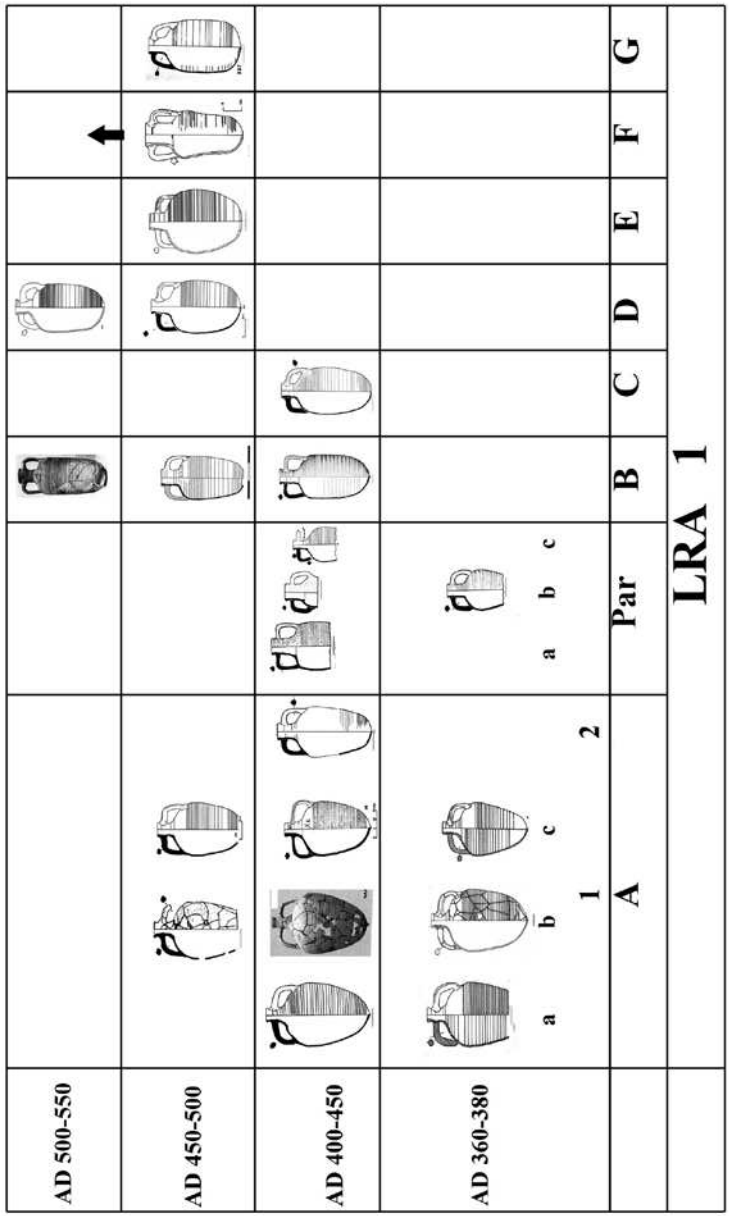

Рис. 1. Типология амфор LRA 1

рис. 10, 12–19, рис. 11, 6–8; Smokotina 2014, p. 75, 78, fig. 6; Sazanov 2000, p. 132, fig. 3, 39]. Такое распределение сохранялось до кризиса VII в., вызвавшего , среди прочих, сужение ареала торговых связей и кардинальное сокращение количества амфорных типов.

VIII–IX вв. Исследователи используют классификации А. Л. Якобсона, две херсонесских (1971 и 1995). Кроме того, автором была сделана попытка на основании новых данных переосмыслить существующие типологии [Сазанов 2020, 2020а]. Два типа стали базовыми для развития амфорного производства VIII-IX в.: LRA 1 и LRA 2 в варианте Aegean Globular Amphorae.На их основе развились LRA 1 survivals, Byzantine globular Amphorae и их крымские варианты : Crimean LRA 1 survivals (C LR1 S) и Crimean Globular Amphorae I (CGA I), известные в русскоязычной литературе как амфоры причерноморского типа 2 и 1 [Сазанов 2019]. Кроме того, в широкое употребление входят плоскодонные амфоры типа CGA II. CGA I (амфоры причерноморского типа 1) датируются VIII – началом IX в., CGA II-серединой-второй половиной VIII-первой половиной IX в. (рис. 2). [Сазанов 2020; Сазанов 2020а, с. 267, 268]. Торговля северо-причерноморских центров носит локальный, региональный и интеррегиональный характер с выраженным преобладанием локальных и региональных имитационных типов. В целом развитие амфор в период VIII–IX вв. продолжало позднеантичную линию развития, что выражалось в преемственности форм.

Вторая половина IX–XI вв. Картина кардинально меняется во второй половине IX–X вв., когда главной тарой становится абсолютно новая форма- т.н. кувшины с плоскими ручками. Исчезают формы CGA, заменяющиеся глобулярными амфорами с иной морфологией. Продолжается выпуск LRA1 survivals, заканчивающийся, видимо во второй половине X в. Тогда же во второй половине X – начале XI в. появляются амфоры Gunsenin I и Gunsenin II. [Gumsenin 2018; Рыжов, Седикова 1999, рис. 10, 1, рис. 2; Седикова, Рыжов 2021, с. 93, рис. 3, 4]. Амфорная торговля носит локальный, региональный и интеррегиональный характер с преобладанием региональной и интеррегиональной.

XII–XIII вв. Самая полная принятая в европейской литературе классификация принадлежит Н. Гюнзенин, на которую мы и опираемся [Gunsenin 2018]. В русскоязычной литературе активно используются классификация А. Л. Якобсона [Якобсон 1977] и две херсонесские [Антонова и др. 1971; Романчук и др. 1995]. В первой половине XII в. устанавливается классический «поздневизантийский набор», включающий три абсолютно превалирующих типа: Gunsenin III, Gunsenin IV и плоскодонные амфоры класса 52 по второй херсонесской классификации [Романчук и др. 1995б с. 83–84].

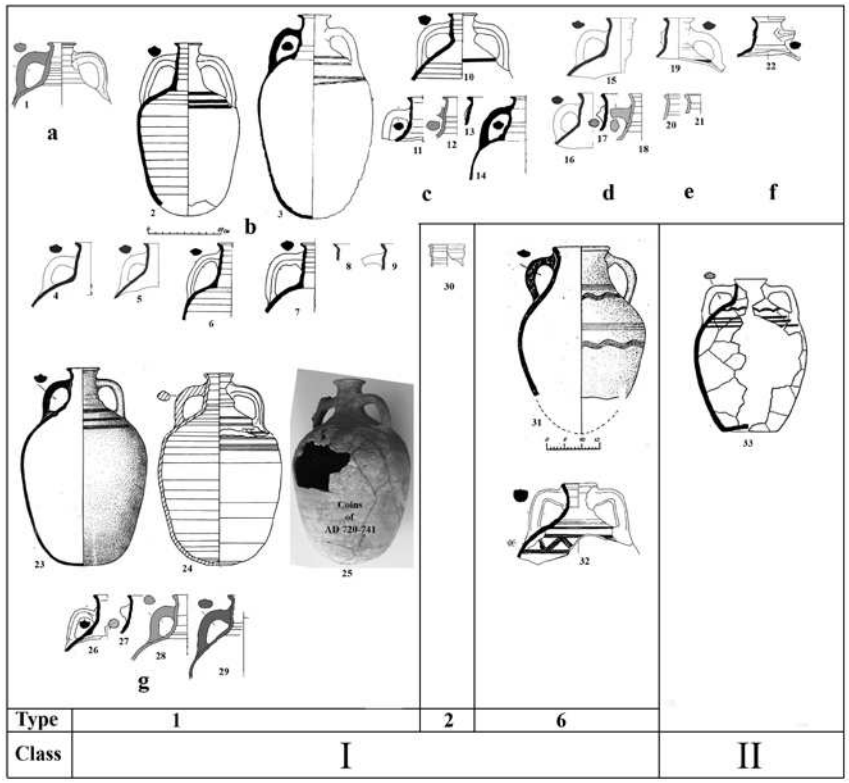

Рис. 2. Crimean Globular Amphoras (CGA). Класс I, тип 1, варианты a-g; Класс I, тип 2; Класс I, тип 6; Класс II

Необходимо отметить, что зачастую встречающиеся в русскоязычной литературе определения амфор Gunsenin III как триллийских, а Gunsenin IV как трапезундских должны быть дезавуированы как не соответствующие результатам анализов этих сосудов, проведенных французскими исследователями. Соответственно снимаются исторические построения, основанные на такой локализации мест их производства [Waksman et al. 2018, p. 1118].

Амфоры Gunsenin III производились в Халкиде и датируются XII – первой третью XIII в. Встречаемость этих амфор в комплексах второй половины XIII в. крайне незначительна (от 1 до 7 % амфор комплексов) и отражает финальный этап цикла-время выхода из обращения после окончания производства. Основным товаром, в них перевозившимся было красное вино [Pecci et al. 2020]. Проведенные исследования позволяют предложить их типологию, включающую три подтипа с вариантами в пределах каждого (рис. 3).[1]

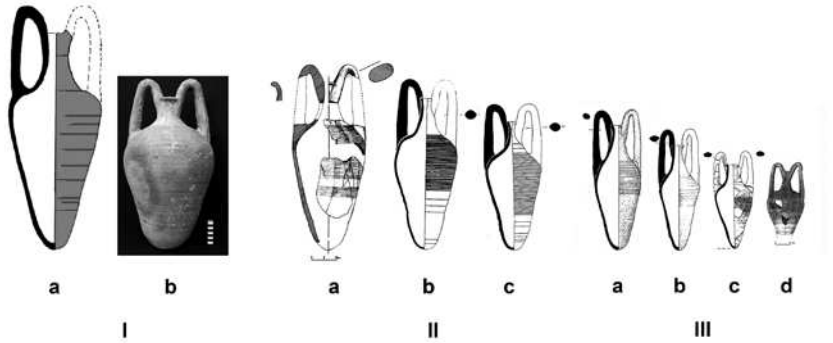

Рис. 3. Типология амфор Gunsenin III

Со второй половины XIII в. на черноморском рынке господствуют амфоры Gunsenin IV во множестве вариантов. Типология их намечена Н. Гюнзенин [Günsenin 2018, p. 102–108]. Хорошая иллюстрация четырех одновременно использовавшихся стандартов дает кораблекрушение в Чамалти Бурну [Günsenin 2001, fig. 5]. Вторым типом этого времени продолжают быть плоскодонные амфоры класса 52 [Романчук и др. 1995, с. 83–88]. Резко уступают по количеству в комплексах амфоры класса 51 [Романчук и др. 1995, с. 82–83].

Амфорная торговля носит выраженный интеррегиональный характер (Gunsenin III, Gunsenin IV). Амфоры класса 52, по всей видимости, производились в Северном Причерноморье, однако хорошо известны за его пределами, включая как материковую Грецию (Спарта), так и древнерусские памятники, что позволяет рассматривать их в контексте интеррегиональной торговли [Романчук и др. 1995, с. 83–88; Коваль 2010, с. 167, рис. 52, 10]. Локальную торговлю отражают трехручные плоскодонные амфоры класса 51 по второй херсонесской классификации [Романчук и др. 1995, с. 82–83].

Общая картина развития византийских амфор представляется следующей. В ранневизантийское время продолжается эволюция античных форм сосудов, сохраняется своего рода «античный набор» амфорных типов. Очевидная специфика периода-широкий ареал торговых связей, большое количество типов и фракционных стандартов. Кризис VII в.

[1] Обоснование и подробное описание типологии с хронологическими выкладками содержится в статье А. В. Сазанова и А. В. Энговатовой «Амфора типа Gunsenin III из Ярославля: проблемы типологии и хронологии», сданной в печать в 2021 г. (КСИА).

вызвал сужение ареала и сокращение количества типов. Однако «античный набор» типов амфор был изжит только ко второй половине IX в. Далее во второй половине X-XI вв. идет формирование условно называемого «византийского набора», заканчивающееся в конце XI – начале XII в. В XII–XIII вв. в рамках этого набора из трех основных типов происходит выделение фракционных сосудов с соответствующими метрологическими стандартами. Развитие идет не за счет появления новых типов, а за счет дифференциации стандартов уже существующих.

Литература

1. Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 81–101.
2. Коваль В. Ю. Керамика Востока на Руси: IX–XVII века. М., 2010. 268 с.
3. Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. 173 с.
4. Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X в. из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса // ХСб. 1999. Вып. X. С. 312–329.
5. Сазанов А. В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV – V вв. // ПИФК. 1999. № VII. С. 224–293.
6. Сазанов А. В. Средиземноморские глобулярные амфоры (MGA) второй половины VI–IX вв. Общий обзор // Уваровские Таврические чтения IV «Древности Юга России»: Мат-лы Международной научной конференции. ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 12–15 сентября 2019 г. Севастополь, 2019. С. 160–164.
7. Сазанов А. В. Крымские глобулярные амфоры VIII–IX вв.: типология и хронология // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока Материалы IV международной научной конференции. М., 2020. С. 172–178.
8. Сазанов А. В. Глобулярные Амфоры причерноморского типа (Crimean Globular Amphorae) и проблемы хронологии комплексов VIII–IX вв. // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. Самара, 2020а. Т. II. С. 266–268.
9. Седикова Л. В., Рыжов С. Г. Комплекс находок начала XI в. Из цистерны в IX квартале Херсонеса // МАИЭТ. 2021. Вып. XXVI. С. 90–106.
10. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. 164 с.
11. Bonifay M. Études sur la céramique romaine tardive d'Afrique. Oxford, 2004. 525 p. (BAR International Series 1301).
12. Burragato, F., Di Nezza M., Ferrazoli A. F., Ricci M. Late Roman Amphora 1 types produced at Elaiussa Sebaste // M. Bonifay, J.-C.Tréglia (ed.). LRCW 2. Late Roman Coarse Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. Oxford, 2007. P. 689–700. (BAR, International series 1662).

13. Ferrazzoli,A., Ricci M. Un centro di produzione delle anfore LR 1: Elaiussa Sebaste in Cilicia. Gli impianti, le anfore // S. Menchelli (ed.). LRCW3. Late Roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean: archaeology and archaeometry: comparison between western and eastern Mediterranean Oxford, 2010. P. 815–826. (BAR, International series 2185. 2).
14. Fournet J.-L. La « dipintologie » grecque :une nouvelle discipline auxiliaire de la papyrologie ? // Actes du 26e Congrès international de papyrology Genève, 16–21 août 2010. Genève, 2012. P. 249–258.
15. Günsenin N. L'épave de Çamaltı Burnu I (Île de Marmara, Proconnèse) : résultats des campagnes 1998- 2000 // Anatolia Antiqua, Tome 9, 2001. P. 117–133.
16. Günsenin N. La typologie des amphores Günsenin. Une mise au point nouvelle // Anatolia Antiqua. 2018. XXVI. P. 89–124.
17. Hayes, J. W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2: The Pottery. Oxford, 1992. 455 p.
18. Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine (Ve–VIIe siècles après J.-C.). Le témoignagedes amphores en Gaule. Beirut, 2005.
19. Pecci A., Garnier N., Waksman S. Y. Residue analysis of medieval amphorae from the Eastern Mediterranean // S.Y. Waksman (ed.). Multidisciplinary approaches to food and foodways in the medieval Eastern Mediterranean. 2020. P. 417–428.
20. Reynolds P. Levantine Amphorae from Cilicia to Gaza: A Typology and Analysis of Regional Production Trends from the 1st to the 7th Centuries // Esparraguera J. M., Garrigos J. B., Ontiveros M. A. (eds.). LRCW I. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. Oxford,2005. P. 563–612. (BAR-IS 1340).
21. Reynolds P. Linear typologies and ceramic evolution // FACTA (A Journal of Roman Material Culture Studies) 2008. 1. P. 61–87.
22. Riley J. Coarse Pottery // Excavations at Sidi Khrebish Benghazi (Berenice) II. Tripoli, 1979. P. 112–236.
23. Sazanov A. Les amphores de l'antiquité tardive et du moyen age: continuité ou rupture ? Le cas de la mer noire // La céramique Médiévale en Méditerranée, Actes du VIe Congres de l'AIECM2, Aix-en Provence, (13–18 novembre 1995), Aix-en Provence 1997. P. 87–102.
24. Sazanov A. Les ensembles clos de Chersonese de la fin du VI e – troisieme quart du VII e siecles: la chronologie de la ceramique // Kazanski M., Suopault V. (eds.). Les sites archeologiques en Crimee et au Caucase durant l'Antiquite tardive et le haut Moyen Age. Leiden; Boston; Koln, 2000. P. 123–149. (Colloquia Pontica 5).
25. Sazanov A. Cretan amphorae from the northern Black Sea region: contexts, chronology, typology // LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. Oxford, 2014. P. 399–409.
26. Waksman S. Y., Skartsis S., Kontogiannis N., Todorova E., Vaxevanis G. Investigating the origins of two main types of Middle and Late Byzantine amphorae // Journal of Archaeological Science. 2018. Reports 21. P. 1111–1121.

Л. В. Седикова
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

ХЕРСОНЕС. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Создание «Склада местных древностей», первого музея в Херсонесе, было обусловлено формированием коллекций, полученных в результате археологических изысканий на территории городища и округи, начатых еще в 1827 г. К 1892 г. раскопки Херсонеса, проводимые К. К. Косцюшко-Валюжиничем, уже носили регулярный характер. Проведенные им раскопки поражают своими масштабами и упорством. Не будучи профессиональным археологом, заведующий раскопками смог оценить значение памятника и необходимость его скрупулезного изучения. Результаты раскопок Косцюшко-Валюжинича послужили основой для первых научных трудов о Херсонесе его современников – Д. В. Айналова и А. Л. Бертье-Делагарда, В. В. Латышева. Важнейшим вкладом Р. Х. Лёпера, ставшего преемником Косцюшко-Валюжинича, было исследование территории городища и участков некрополя широкой площадью с паспортизацией найденных артефактов.

Первые послереволюционные десятилетия ознаменовались научными проектами руководителей Херсонесского музея – Л. А. Моисеева и К. Э. Гриневича. Первый осуществил работу по изучению системы размежевания Гераклейского полуострова; второй провел комплексное изучение построек цитадели и оборонительных стен Херсонеса. Важным событием в ходе научных исследований Херсонеса стало проведение в 1927 г. на базе музея II Всесоюзной конференции археологов СССР. Одним из ее результатов было создание Гераклейской экспедиции. Главным итогом работы экспедиции в 1928–1929 гг. стала верная интерпретация и датировка архитектурных комплексов, которую К. Э. Гриневич охарактеризовал как «следы государственной системы ведения сельского хозяйства» [Гриневич 1928, с. 52]. В 30-е гг. хора Херсонеса стала объектом изучения для В. П. Лисина, А. К. Тахтая, С. Ф. Стржелецкого [Зубарь 2009. с. 46–49]

В 1931 г. начались систематические исследования Северного района городища, которыми бессменно руководил Г. Д. Белов. Впервые на широкой площади была прослежена стратиграфия района, открыты важные объекты – базилики 1932–1935 гг., жилые и хозяйственные комплексы, датированные от IV в. до н.э. до XIV в. [Белов 1941, с. 202–267].

В годы Великой Отечественной войны на территории Херсонеса размещалась немецкая саперная часть. Смотрителем городища оставался А. К. Тахтай, а основная коллекция в сопровождении С. Ф. Стржелецкого была эвакуирована в Свердловск. Здесь херсонесские материалы привлекли внимание крупного уральского ученого-византиниста М. Я. Сюзюмова и будущего декана исторического факультета Е. Г. Сурова. После войны была создана Крымская археологическая экспедиция Уральского государственного университета, руководителем которой стал Е. Г. Суров.

Уже в 1947 г. Возобновились исследования Северного района Херсонеса. Помимо Г. Д. Белова, который в то время уже представлял Государственный Эрмитаж, в изучении античных слоев принимал участие С. Ф. Стржелецкий, а средневековые комплексы исследовались А. Л. Якобсоном. В эти годы был открыт ранний некрополь, винодельческие и рыбопромышленные комплексы, средневековые кварталы с малыми храмами и кладбищами при них. Следует признать, что фундаментальные труды А. Л. Якобсона стали своеобразной энциклопедией по византийскому Херсону. Эти работы заложили основу типологии и хронологии материальной и духовной культуры города в средневековый период [Якобсон 1950; Якобсон 1953, с. 390–418]. В послевоенные годы Г. Д. Белов провел раскопки участка возле 1-й куртины на западном участке оборонительной стены. Был открыт ров, разрушивший захоронения первых вв. н. э., использовавшиеся до IX–X вв. Небольшой участок за периболом в юго-восточном районе раскапывался экспедицией ГИМ под руководством Н. В. Пятышевой.

Успешным «новостроечным» проектом следует признать исследования могильника позднеантичного периода у совхоза «Севастопольский», которым руководил С. Ф. Стржелецкий.

Новым этапом в изучении хоры Херсонеса стали послевоенные исследования С. Ф. Стржелецкого, который объектом изучения сделал не только башни и усадьбы, но и земельные наделы, в те времена именовавшиеся «клерами» [Стржелецкий 1961]. В сферу интересов С. Ф. Стржелецкого попал памятник эпохи бронзы–раннего железа. В 1952–1953 гг. им была исследована большая территория поселения Уч-Баш.

Важнейшим событием 1954 г. стало открытие группой крымских исследователей под руководством О. И. Домбровского античного театра в Херсонесе.

Работами 50-х – 60-х годов были открыты постройки в цитадели, связанные с римским присутствием. Эти исследования проводились И. А. Антоновой и В. В. Борисовой. Последней принадлежит заслуга открытия гончарных мастерских за пределами городских стен. В конце 50-х гг. А. Н. Щеглов начал изучение дальней хоры Херсонеса.

По инициативе И. А. Антоновой совместно со С. Ф. Стржелецким и Е. Г. Суровым был раскопан участок Западной оборонительной линии и прилегающего некрополя. В Южном районе с 1962–1975 гг. работала экспедиция ГИМ. Важнейшим результатом ее усилий стало открытие главного городского водохранилища [Пятышева 1969, с. 142–143].

В 1958 г. была создана Объединенная экспедиция по изучению Портового района, северо-западного участка обороны и позднеантичного могильника в Инкермане. В ее состав кроме Херсонесского музея (И. А. Антонова, С. Ф. Стржелецкий, Л. Г. Колесникова) входили исследователи из Уральского, Харьковского и Пермского университетов (Е. Г. Суров, В. В. Кучма, В. И. Кадеев, В. Н. Даниленко, А. И. Романчук и др.). Широкомасштабное изучение Портового района привело к пониманию стратиграфии участка, а также к разработке первой научной классификации средневековых амфор [Сводный... 1971, с. 7–61].

Продолжением работы экспедиции стали реставрационные работы на башне Зенона, в результате которых была получена уникальная коллекция полихромных стел [Даниленко 1969, с. 29–44]. Позднеантичные слои Портового района долгие годы являлись предметом изучения Харьковского университета, где после В. И. Кадеева работали его коллеги – В. Ф. Мещеряков, С. Б. Сорочан, С. В. Дьячков. Раскопками западной части некрополя римского периода занимался В. М. Зубарь (Институт археологии АН УССР – НАН Украины).

Неоценимый вклад в изучение средневековых слоев Портового района внесла экспедиция УрГУ под руководством А. И. Романчук. На материалах раскопок двух кварталов исследовательница рассмотрела вопросы «континуитета» в развитии средневекового Херсонеса, а также проблему последнего периода жизни города [Романчук 1995, с. 152–158].

Вопросы византийской культовой архитектуры легли в основу исследований С. А. Беляева, экспедицией которого изучалась Базилика на холме, участок у Западной базилики. Им была предложена версия пребывания войска князя Владимира в Херсонесе [Беляев 1994, с. 7–47]. При доследовании Северо-Восточного района Херсонеса после раскопок XIX в. М. И. Золотаревым были открыты слои, отнесенные к раннему этапу жизни города [Виноградов, Золотарев 1998, с. 36–46]. Позже были продолжены раскопки базилики Крузе и 97 квартала. Раскопки этих участков в Северо-Восточном районе продолжил С. В. Ушаков. Систематическими раскопками Северо-Восточного, а затем Северного района городища, проводимыми С. Г. Рыжовым, были открыты производственные, культовые и оборонительные сооружения античного периода [Рыжов 2007, с. 20–30]. Раскопанные жилые кварталы средневекового периода дали возможность автору

скорректировать дату разрушения города, перенеся ее с XIV на XIII в. Синхронные материалы были получены экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Ю. П. Калашника, работавшей в XX квартале Херсонеса [Калашник 1989, с. 165–187]. Результатом работы исследователей из ИА АН СССР (И. Т. Кругликова и А. В. Сазанов) стало открытие базилики 1987 г. [Сазанов 1999, с. 276–316]. Совершенно новые материалы периода «темных веков» были получены в результате раскопок комплекса водохранилища [Седикова 1995, с. 170–177]. В 1986 г. к раскопкам цитадели вернулась И. А. Антонова, а после ее кончины работу продолжила группа исследователей во главе с С. Б. Сорочаном [Сорочан и др. 2004, с. 299–302].

70-е – 90-е гг. XX столетия стали для Херсонеса и его округи археологическим бумом. На Гераклейском полуострове начала работу экспедиция ИА АН СССР под руководством И. Т. Кругликовой, отряд МГУ во главе с В. И. Кузищиным, с этого времени приступила к масштабным исследованиям хоры Херсонеса Гераклейская экспедиция Херсонесского музея во главе с Г. М. Николаенко, в которых принимали участие многие сотрудники заповедника: Е. Я. Туровский, Т. В. Николаева, А. С. Кобелев, Т. Ю. Яшаева, С. Г. Демьянчук, Л. А. Ковалевская, В. В. Созник, М. Ю. Николаенко и др. [Николаенко 2004, с. 193–220].

В связи с масштабными строительными работами в окрестностях Севастополя в 70-х – 90-х гг. была создана Севастопольская охранно-новостроечная археологическая экспедиция (СОНАЭ), исследовавшая Бельбекскую, Инкерманскую долины, Мекензиевы горы, Камышовскую, Мартынову, Килен балку и другие районы. Результатом работы стало открытие многочисленных могильников, поселений, датируемых периодами от эпохи бронзы до позднего средневековья. Бессменным руководителем экспедиции являлся О. Я. Савеля. В рамках этой экспедиции В. Ф. Филиппенко были проведены небольшие раскопки крепости Каламита.

После распада СССР археологические раскопки Херсонеса и его округи не прекратились. Т. Ю. Яшаевой впервые на Гераклейском полуострове начались исследования памятников средневековья (храм на мысе Виноградный, комплексы пещерных монастырей к западу от м. Фиолент и на склоне Сарандинакиной балки) [Яшаева 1997, с. 93–95]. В эти же годы ведутся работы по изучению некрополя у Загородного храма [Туровский, Филиппенко 2007, с. 184–190]. Вновь исследователи вернулись к поселению Уч-Баш (О. Я. Савеля, Э. А. Кравченко). Две археологические экспедиции начали регулярные работы на крепости Чембало (С. Б. Адаксина, В. Л. Мыц – Государственный Эрмитаж; Н. А. Алексеенко, С. В. Дьячков – Херсонесский музей – Харьковский

университет). С 1999 г. проводятся исследования в акватории г. Севастополя (В. В. Лебединский, А. В. Кулагин, А. А. Букатов).

Интерес Западных исследователей к Херсонсу и его окрестностям в 90-е – 2000-е гг. ознаменовался работой объединенных экспедиций Херсонесского музея с рядом зарубежных университетов. Самыми крупными были проекты совместно с Институттом Классической археологии Техасского университета на хоре (Г. М. Николаенко, Дж. Картер), в Южном районе городища (Л. В. Седикова, П. Артур, А. Рабиновиц) [Рабиновиц и др. 2009, с. 196–274]; проект «Топография римского и ранневизантийского Херсонеса Таврического» (руководители Е. Ю. Клёнина и А. Бернацки) с Познаньским университетом; исследования римского военного лагеря с храмом Юпитера Долихена в Балаклаве, римского поста на высоте Казацкой и усадьбы «Близнецы» на хоре Херсонеса совместно с Варшавским университетом (О. Я. Савеля, Т. Сарновски, Р. Карасевич- Щепёрский, Л. А. Ковалевская).

В последние десятилетия, помимо традиционных участков исследования, появились новые объекты, а именно: укрепленное поселение Масляная гора (А. А. Филиппенко, М. И. Тюрин); поселение на высоте Суздальская (В. В. Дорошко); могильник у с. Передовое (О. Я. Савеля, В. А. Нессель); средневековая застройка балки Бермана (А. Ю. Аржанов); крепость Каламита (Е. В. Неделькин) и др. Последним крупным открытием в археологии Херсонеса стало выявление в 2020 г. (О. В. Шаров, В. Л. Мыц, Д. А. Костромичев), а затем исследование (Ю. А. Виноградов, С. Л. Соловьев) Южного пригорода Херсонеса Таврического.

Литература

1. Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 202–267.
2. Беляев С. А. «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсунини, построенная князем Владимиром // Byzantinorussica. 1994. № 1. С. 153–164.
3. Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 36–46.
4. Гриневич К. Э. Раскопки Гераклейской экспедиции 1928 г. // Крым. 1928. № 2 (10). С. 34–71.
5. Даниленко В. Н. Надгробные стелы // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 29–44.
6. Зубарь В. М. Летопись археологических исследований Херсонеса – Херсона и его округи // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 6. 2009. 493 с.

7. Калашник Ю. П. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса: Раскопки 1982–1988 гг. // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989. С. 165–187.
8. Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического // Античные памятники Крыма. Киев, 2004. С. 193–220.
9. Пятышева Н. В. Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969. С. 141–158.
10. Рабиновиц А., Седикова Л. В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневезантийский период: междисциплинарные исследования в Южном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 196–274.
11. Рыжов С. Г. Оборонительная стена V в. до н. э. в Северном районе Херсонеса// МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 20–30.
12. Романчук А. И. Херсон XIV в. – город или полудеревенское поселение? (К вопросу о датировке верхнего слоя разрушения Херсонесского городища) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 152–158.
13. Сарновски Т, Савеля О. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000. 276 с. 17 табл.
14. Сазанов А. В. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. 1999. Вып. 4. С. 276–316.
15. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедиции в 1963–1964 гг. // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 7–61.
16. Седикова Л. В. Керамический комплекс первой половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. № 2. С. 170–177.
17. Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического// ХСб. 1961. Вып. 6. 247 с.
18. Сорочан С. Б., Крупа Т. Н., Зубарь В. М., Сазанов А. В., Иванов А. В. Работа объединенной археологической экспедиции «Цитадель» в Херсонесе Таврическом в 2003 г. // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. Киев, 2004. С. 299–301.
19. Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М.; Л., 1950. 256 с. (МИА. № 17).
20. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес: очерки истории материальной культуры. М.; Л., 1959. 364 с. (МИА. № 63).

Р. В. Стоянов
НИУ ВШЭ, Москва

МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК ГОРОДИЩА И НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА, ПРОВОДИВШИХСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

С 1888 г. Императорская Археологическая Комиссия начала проводить систематические исследования Херсонеса Таврического и его округи. До того времени, археологические раскопки памятника курировало Императорское Одесское Общество Истории и Древностей. Ситуация, сложившаяся в тот период, привлекала пристальное внимание Археологической Комиссии в связи с серией критических публикаций в прессе, касающихся раскопок Херсонеса. «Последней каплей» стало известное письмо Председателя Императорского Московского Археологического Общества графини П.С. Уваровой к Императору с сообщением о неоднократных продажах архимандритом монастыря св. Владимира Евгением херсонесских древностей, полученных вследствие бесконтрольных грабительских раскопок, которые производили монахи на городище [Об археологических раскопках…, л. 23; О деятельности Косцюшко-Валюжинича…, л. 1–3]. Среди прочего было предложено организовать на территории городища археологическую станцию и передать заведование охраной памятников и археологическим исследованием городища Императорским Археологическим Обществам Санкт-Петербурга или Москвы. «Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров (подчеркнуто Александром III. – Р.С.). Поговорите об этом деле с кем следует и представьте мне заключение и как можно скорей, чтобы спасти все, что можно спасти», значилось в пометке, оставленной императором на письме Уваровой [Об археологических раскопках…, л. 16; Кац 2013, с. 354–363]. Руководство исследованиями Херсонеса городище планировалось поручить проф. Н. П. Кондакову, а непосредственное руководство раскопками – А. Л. Бертье-Делагарду, которые, однако, не могли взять на себя эту обязанность, поэтому надзор за раскопками, а впоследствии и заведование были поручены члену Одесского Общества Истории и Древностей К. К. Косцюшко-Валюжиничу. В его распоряжении была артель во главе с опытным раскопщиком П. Варсаблюком. Первое десятилетие исследований городища под руководством Археологической Комиссии оказалось чрезвычайно результативным. Благодаря проведению

раскопок до материка было открыто античное городище, частично и полностью раскопаны более 20 христианских храмов и часовен-усыпальниц, раскрыты значительные участки квартальной застройки городища. Кроме этого, была открыта древняя оборонительная стена Херсонеса и исследованы значительные участки на всем её протяжении. С 1891 г. систематически проводились раскопки городского некрополя, на территории которого были исследованы многочисленные погребения разных типов и периодов. Наиболее ценные находки регулярно посылались в Археологическую Комиссию, откуда поступали в собрания Императорского Эрмитажа и Исторического Музея. Прочие предметы, найденные на территории городища, хранились в так называемом «складе древностей», организованном в Херсонесе.

Одним из основных требований ИАК к заведующим раскопками было предоставление ежегодных финансовых и научных отчётов. Это требование неукоснительно выполнялось Косцюшко-Валюжиничем, но использовавшаяся им система каталогизации и фиксации находок имела серьёзные недостатки: графическая и фотофиксация погребальных комплексов, как правило, не производились; находки, отбиравшиеся на хранение, вносились в ежегодные каталожные книги без шифрования и учёта комплексов. В конечном итоге это привело к обесцениванию существенной части результатов археологических исследований [Стоянов 2019, с. 546].

После смерти Косцюшко-Валюжинича, временным заведующим раскопками ИАК в Херсонесе был назначен Н.И. Репников, который провел раскопки некрополя, возле XVII башни 20 куртины оборонительных стен [О продолжении археологических разысканий…, л. 558–562; Репников 1927, с. 149–181]. Первоначально на место заведующего раскопками Херсонеса предполагалось назначить преподавателя древних языков Петергофской Александра II гимназии Ф. И. Шмидта, который отказался пользу ученого секретаря Русского Археологического Института в Константинополе Р. Х. Лепера, назначенного заведующим в 1908 г.

Отношения нового заведующего с Херсонесским монастырем были сложными. При проведении раскопок на территориях, принадлежавших монастырю, Лепер постоянно сталкивался со скрытым или явным противодействием. «С монастырскими властями постоянно приходится спорить и торговаться…» жаловался он в одном из своих писем в Археологическую Комиссию [Моисеев 1915, л. 9]. На протяжении всего срока заведования раскопками и Складом Древностей Леперу неоднократно высказывались нарекания, касавшиеся исполнения его обязанностей. Ситуация с методикой ведения раскопок и учета находок из раскопок, которыми руководил Лепер, была не многим

лучше не многим лучше, чем в годы заведования Косцюшко-Валюжинича. Существенным отличием подхода Лепера к исследованию, являлось обязательное шифрование находок, фиксировавшихся в полевых дневниках. Вместе с тем, за годы заведования Лепер не подготовил ни одного научного отчёта. К сожалению, руководство ИАК годами оставляло эти факты без должного внимания. Дневники раскопок представляют собой отрывочные, порой совершенно неразборчивые описания, иногда сопровождавшиеся схематическими планами могил и зарисовками находок, многие из которых были выполнены рабочими. Сам исследователь обычно ограничивался только проставлением чернилами инвентарных номеров отдельных вещей, принцип отбора которых, в целом остающийся не ясным, вероятно, зависел от сохранности вещи, субъективных представлений о её ценности и наличия того или иного предмета у рабочих во время появления заведующего на участке. Можно только догадываться о том, какое количество находок было безвозвратно утеряно при подобном ведении работ.

В сентябре 1914 г. Л.А. Моисеев был назначен ИАК заведующим раскопками в Херсонесе. Ему было поручено привести в порядок дела и составить отчет о работах, проводившихся в Херсонесе с 1908 г. [Моисеев 1915, с. 53–71; Стоянов 2019, с. 551–552]. С началом Первой Мировой войны систематические исследования ИАК в Херсонесе, завершились.

Архивные материалы и литература

1. Об археологических раскопках на месте древнего Херсонеса (1887 и 1888 г.) // НА РО ИИМК. Ф. 1. Д. 32.
2. О деятельности К.К. Косцюшко-Валюжинича на раскопках и в музее Херсонеса // НА РО ИИМК. Ф. 1. Д. 250.
3. О продолжении археологических разысканий в Херсонесе // НА РО ИИМК. Ф. 1. Д. 5.
4. Кац В.И. Начало раскопок Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе Таврическом // Stratum plus 3. 2014. С. 353–364.
5. Моисеев Л. А. О раскопках в Херсонесе, Таврической губернии, Евпаторийском и Севастопольском градоначальстве // НА РО ИИМК. Ф. 1. Д. 2. (1915).
6. Репников Н. И. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г. // ХСб. 1927. Вып. II. С. 149–181.
7. Стоянов Р. В. Деятельность Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе Таврическом // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / под ред. Носова Е. Н., Мусина А. Е. СПб., 2009. С. 522–555.

Н. И. Суворова
Азовский историко-археологический
и палеонтологический музей-заповедник, Азов

Новый выставочный проект Азовского музея-заповедника «Боспорское царство и Нижний Дон»

Азовский музей-заповедник активно включился в реализацию нового глобального туристического проекта Краснодарского регионального отделения Русского географического общества «Золотое кольцо Боспорского царства», маршрут которого проходит по территории 12 городов Краснодарского края, Республики Крым, города Севастополя и Ростовской области.

В рамках этого нового туристического маршрута было создано три выставки. Первая открылась в феврале 2019 года и называлась «Ἀγαθὴ τύχη! В добрый час!». Она знакомила посетителей с культурой, религиозными верованиями и основными занятиями эллинов на Боспоре через сюжеты парадной расписной керамики VII–III вв. до н.э. На этой выставке экспонировались подлинные предметы из фондов Азовского музея-заповедника и копии из частной коллекции И. М. Некрасова. В мае 2020 года открылась вторая выставка «Боспорское царство и Нижний Дон», посвященная археологическим исследованиям и истории Елизаветовского городища. 21 октября 2021 года состоялась презентация третьей выставки «Азовская сага Тура Хейердала», посвященной 20-летию археологических раскопок Тура Хейердала на Крепостном городище в городе Азове. Выставка была приурочена к началу деятельности Всероссийской научной конференции «Миграция, мобильность и контактные зоны древней и средневековой Евразии», организованной сотрудниками Южного федерального университета и Азовского музея-заповедника.

Выставка «Боспорское царство и Нижний Дон» не только успешно экспонировалась в Азовском музее-заповеднике, но и превратилась в выездной выставочный проект, отправившийся в турне по музеям Ростовской области и «Золотого кольца Боспорского царства»: в 2021 году она была представлена в Феодосийском музее древностей, в 2022 году – в Государственном музее-заповеднике М. А. Шолохова.

Это совместный выставочный проект с Институтом истории и международных отношений ЮФУ, который долгие годы занимается исследованием Елизаветовского городища в дельте Дона. При подго-

подпись

товке выставки использовались фотографии, чертежи и графические реконструкции, переданные сотрудниками ЮФУ[1].

Выставка «Боспорское царство и Нижний Дон» рассказывает об истории Боспорского царства и Елизаветовского городища, о населении и их основных занятиях – животноводстве, земледелии, промысловом рыболовстве, ремесле и торговле; об истории исследования этого уникального археологического памятника.

На выставке представлено 428 предметов из раскопок Елизаветовского городища, его округи и некрополя. Большинство из них – археологические находки, сделанные экспедицией под руководством И.Б. Брашинского в 1970-х гг. – экспонируются впервые. Среди них предметы вооружения, быта, керамическая тара, парадная, столовая и кухонная керамика, предметы ремесла и торговли, украшения и культовые предметы V–III вв. до н. э.

Украшением выставки служат античные предметы, переданные в дар Государственным Эрмитажем: чернолаковые лекифы, амфориск, канфар, аск, чаши и солонки.

Задача выставки не только показать материальный мир скифского городища и Большой греческой колонии, существовавших в древности в дельте Дона, но и перенести зрителей в прошлую эпоху, воссоздав зрительные образы людей и предметов их окружавших. Решить эту задачу помогают графические работы и живописные полотна известного ростовского художника, члена Союза художников России, А. С. Исакова. Изображения скифских и греческих воинов, батальных сцен, ярких женских античных образов оживляют археологическую выставку, превращая ее в художественно-археологическую.

Профессиональное художественное оформление, удобная и привлекательная фотозона делают эту выставку яркой и запоминающейся.

В рамках выставки для детей предусмотрена работа интерактивной площадки «В мастерской античного художника», где ребята знакомятся с античными узорами, видами вазописи, осуществляя на бумаге свой собственный графический проект.

Мы надеемся, что выставка «Боспорское царство и Нижний Дон» будет еще долго востребована и продолжит в дальнейшем свое яркое успешное турне по городам Боспорского царства.

[1] Выражаем глубокую благодарность доценту кафедры «Археология и история древнего мира», к. и. н. А. Н. Коваленко.

Н. П. Таньшина
Институт общественных наук РАНХиГС, Москва
Московский педагогический государственный университет, Москва

АНТИЧНЫЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КРЫМ В ОПИСАНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX В.: ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА ИЛИ ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ?

После того, как Крым в 1783 г. был присоединен к России, он стал объектом пристального внимания и интереса со стороны иностранцев. Их там побывало много, многие из них оставили свои наблюдения, но знаний не хватало, и Крым вплоть до середины XIX в. оставался terra incognita (как писал, например, Ш. де Сен-Жюльен в середине XIX столетия, «все знают о том, где находится Крым, этот почти остров. Знают, что он плодороден, богат и живописен, что он имеет тенистые долины с журчащими ручьями, что красоте его мест и видов позавидовали бы Швейцария и Италия. Все это знают, но никто его не видел, и потому я хотел его увидеть своими глазами...» [Saint-Julien 1854, p. 414]). Часто иностранцы воспроизводили стереотипы, клише, повторяли написанное предшественниками, или же создавали собственные мифы. Точнее, крымский миф формировался в двух интерпретациях: Крым как парадиз, райское место, и Крым как антимиф, как рай утраченный, и случилось это, якобы, вследствие политики российских властей.

Если на первой стадии освоения Крыма, действительно, было допущено много ошибок, и результаты интеграции были весьма неоднозначными, то при императоре Николае I ситуация кардинально изменилась.

В рамках этой статьи анализируются представления некоторых французов о Крыме николаевского царствования. Кто-то из них был на полуострове и описывал то, что видел своими собственными глазами, кто-то описывал Крым воображаемый, интерпретируя уже накопленные знания или тиражируя мифы.

Поскольку Крым сохранил множество памятников греко-римских древностей, это не могло не оказывать влияния на путешественников, воспитанных на античной традиции и привыкших искать в античности идеалы. Но оценивали античное и средневековое наследие Крыма писатели и путешественники по-разному, исходя из целей визита, интересов, а также политической ангажированности.

Так, например, в 1839 г. путешествие по Крыму совершил французский дипломат, посол Франции в России в 1835–1841 гг. барон

Проспер де Барант. Конечно, он восхищался красотами Крыма, однако собственно памятники античной и средневековой истории его особенно не интересовали [Barante 1875]. Как дипломата его привлекал, прежде всего, Севастополь и российский флот, поэтому древний Херсонес он не описывает, хотя, как историк-медиевист, член Академии, конечно античному наследию чужд не был.

А вот, например, французского филолога и журналиста Шарля де Сен-Жюльена, много лет прослужившего в Петербурге, а в 1851 г. совершившего большое путешествие по России, интересовал, прежде всего, именно Крым античный. Так, по его словам, в Керчи его привлекали «ее греческое имя, греческое происхождение и античное прошлое» [Saint-Julien 1854, p. 416], а главной целью его визита был Херсонес Таврический. Он писал: «Ступив на знаменитый берег Херсонеса, я испытал нечто вроде электрического разряда» [Saint-Julien 1854, p. 409]. Если Россия в целом – это незнакомая ему культура, то в Херсонесе на него нахлынули «воспоминания о давнем прошлом, об античных памятниках, социальных потрясениях, исторических революциях. Немного в мире земель, история которых корнями уходит так глубоко, как история Крыма» [Saint-Julien 1854, p. 409].

Ему был очень интересен Бахчисарай, еще одна его важнейшая цель в Крыму. Бахчисарай для него – это татарская Гренада (и это общее суждение европейцев); город, сумевший сохранить свой древний характер [Saint-Julien 1854, p. 426–427]. Он описывает ханский дворец, где «все утопает в садах и фонтанах, наполнено запахами, свежестью, тенью и тайной, самой фееричной вещью на свете» [Saint-Julien 1854, p. 425], а также фонтан, «воспетый Пушкиным в его знаменитой поэме» [Saint-Julien 1854, p. 427], транслируя уже сформировавшуюся красивую легенду.

В 1840-е гг. ряд путешествий по Крыму совершила француженка Адель Омер де Гелль (1819–1883), и блестящую книгу о ее Одиссее написал крымский исследователь В. В. Орехов [Орехов 2017]. Вместе со своим мужем, инженером и геологом Ксавье Омер де Геллем (1812–1848) она совершала неоднократные научные экспедиции по югу России и видела его не из окна кареты, а путешествовала как настоящая амазонка. Древности Крыма ее весьма интересовали. Как справедливо отмечали крымские историки Н. И. Храпунов и Д. В. Конкин, путешественники вели поиски древних памятников, использовали окружающую обстановку как стимул для дальнейшего творчества [Храпунов, Конкин 2017, с. 412]. А Адель Оммер де Гелль написала целую поэму о Крыме после посещения Бахчисарая [Hommaire de Hell 1846]. При этом нельзя сказать, что восторженная путешественница видит российскую действительность исключительно в розовом цвете.

Например, Адель не понимала, почему русские не только не сохраняли, но разрушали исторические памятники, а власть никак не препятствовала этому [Hommaire de Hell 1860, p. 6].

Как видим, эта позиция вполне благожелательна, и представлена она как политиками, так и учеными. Причем Ш. де Сен-Жюльен опубликовал свою книгу буквально накануне Крымской войны. Но был и иной взгляд на Крым и политику российских властей на полуострове. В качестве примера приведем позицию французского писателя и переводчика Рауля Бурдье (1818–1855), который в 1855 г. написал работу, посвященную Крыму. Написал в разгар Крымской войны, в условиях вооруженного конфликта между двумя странами. Книга Бурдье является жесткой антирусской пропагандой. Причем, характерно, что в 1854 г., в книге Ш. Сен-Жюльена «Живописное путешествие по России», второй частью шла работа Рауля Бурдье «Путешествие по Сибири», и в этой книге нет никакой политики, просто рассказ о путешествии. «История Крыма» – совсем иная работа. Русские здесь представлены дикими варварами, вандалами, разрушителями Крыма и его культурного наследия. Несмотря на то, что Бурдье описывает тот же самый Крым, что его вышеупомянутые соотечественники, возникает ощущение, будто он оказался в совершенно ином Крыму, не в прекрасном крае, сохранившем античное наследие, а в месте тотального опустошения и разорения.

Как справедливо отмечали Н. И. Храпунов и Д. В. Конкин, древняя история Крыма, благодаря типичному противопоставлению греческой «цивилизации» и местного «варварства», давала возможность сравнить миссию эллинов-колонистов с задачами русского правительства в Крыму [Храпунов, Конкин 2017, с. 412]. Работа Бурдье основана на противопоставлении того, каким цветущим краем было Крымское ханство прежде, и в какой упадок полуостров пришел после его «вероломного и одиозного захвата» Россией [Bourdier 1855, p. 22].

Несмотря на то, что в предисловии своей книги, написанном 28 октября 1854 г. он утверждает, что его книга находится совершенно вне политики, это лишь повествование о Крыме, которым французы до сих пор слабо интересовались и который плохо знали, созданное на основе описаний путешественников, историков и географов, перед нами настоящий антирусский памфлет. По словам Бурдье, в древнем Херсонесе, к которому прикованы все взгляды, идет настоящая борьба «между миром варварства и цивилизации» [Bourdier 1855, p. 1]. И, понятно, что западные страны олицетворяют цивилизацию, а Россия – варварство.

Именно российские власти ответственны за жалкое положение Крыма в настоящем. Эти вандалы, убеждает своего читателя Бурдье, разрушили все, «что их предшественники создавали для блага нации

и с целью общественной пользы», ради удовольствия разрушали памятники, мечети, минареты, фонтаны, акведуки, в целом «насаждали рабство там, где царствовала независимость» [Bourdier 1855, p. 22] (и это в Крымском ханстве, где процветало рабство). В результате Крым опустел, города обезлюдели. Такова участь Феодосии, Инкермана, Керчи, Бахчисарая, – всех городов, кроме, разве что, Севастополя [Bourdier 1855, p. 23].

Как видим, Бурдье совершенно игнорирует тот факт, что бурные события последних лет существования Крымского ханства, Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., непрерывных смут привели к экономическому упадку и запустению полуострова, лишившегося значительной части населения, а российские эксперты, сами находившиеся во власти «крымских иллюзий», создавали нереалистичные экономические проекты [Храпунов, Конкин 2017, с. 407]. Специфику исторической ситуации и ошибки, допущенные российскими властями, он интерпретирует как сознательную линию «русских варваров» на уничтожение культурного наследия Крыма и в середине XIX века видит большинство крымских городов, прежде цветущих, лежащими в руинах.

Таким образом, иностранцы могли бывать в одном и том же Крыму, видеть одни и те же памятники, но оценивали увиденное по-разному. Это было связано с политической позицией авторов и общим взглядом на Россию. Поэтому одни видели восточную сказку и сохранившиеся античные древности Крыма, другие – тотальное уничтожение памятников и всеобщее запустение.

Литература

1. Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород, 2017.
2. Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь, 2017.
3. Barante P., de. Notes sur la Russie. 1835–1840. Paris, 1875.
4. Bourdier R. Histoire de la Crimée: quatrième série de la guerre d'Orient. Paris, 1855.
5. Hommaire de Hell A. Rêveries d'un voyageur, poésies par Mme Adèle Hommaire de Hell. Orient, Russie et Moldavie. Paris, 1846.
6. Hommaire de Hell A. Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale. Paris, 1860.
7. [Saint-Julien Ch., de] Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien, suivi d'un Voyage en Siberie, par M. R. Bourdier. Paris, 1854.

А. И. Терещенко
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург
И. Ю. Шауб
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Образ Пегаса в античной нумизматике (Средиземноморье и Пантикапей)[1]

Образ Пегаса был весьма востребован в монетном деле античного Средиземноморья. Наибольшее количество монет с рисунком этого фантастического животного приходятся на эмиссию Коринфа. Крылатый конь на долгое время стал, как сова в Афинах, эмблемой коринфской чеканки, представляя собой атрибут Беллерофонта, победителя Химеры, по гомеровской легенде – коринфского принца (Hom. Il.VI.152 сл.).

Это известно. Но, кажется ещё никто не обратил внимание на тот факт, что грудь и нижняя часть шеи крылатого коня, представленного на лицевой стороне наиболее ранних статеров этого полиса, покрыта крупной чешуёй (табл. I.1, 1а).

Второй, чрезвычайно любопытный момент – форма конского хвоста. К сожалению, на доступных нам фотографиях ранних коринфских статеров эта деталь оказалась за пределами монетного поля, зато на более поздних экземплярах она проработана очень чётко. На них ясно видно, что хвост Пегаса состоит из множества отдельных сегментов, наподобие позвонков, вызывающих ассоциации с костяной «погремушкой» гремучей змеи (табл. I.2, 2а). Следует заметить, что и в V в. до н.э. в коринфской чеканке хвост Пегаса представлен в виде длинной тонкой полоски, напоминая змею (табл. I.3), в то время как на монетах других полисов он изображался более натурально (табл. I.4, 4а).

Таким образом, при учёте этих особенностей, перед нами предстаёт не просто гибридное животное, но некое монстровидное существо. Мы не знаем, в таком ли виде изначально представлялся Пегас повсюду, но можно с уверенностью говорить о том, что в VI в. до н.э., по крайней мере для коринфян, он был чудовищем. Необходимо добавить, что ни в вазописи, ни в других видах греческого искусства подобной трактовки образа Пегаса пока не обнаружено, его сохранили только монеты.

Попробуем объяснить происхождение феномена крылатого коня с чертами чудовища.

[1] Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

Своё имя Пегас получил оттого, что родился у истоков Океана (Hesiod. Theog. 281; греч. πηγή – «источник»). Ударом копыта Пегас выбил на Геликоне источник Гиппокрену («лошадиный источник») (Paus. IX.31.3), вода которого дарует вдохновение поэтам. Итак, несомненна ассоциация Пегаса с водой, с которой также тесно связан и мифологический сюжет змея (дракона) как охранителя источника, что, судя по всему, было обусловлено семантической близостью змеи и рыбы [Шауб 2007, с. 94]. Вероятно, именно мифологической ассоциацией крылатого коня и змея (дракона) с водным источником обусловлено появление чешуи и змееподобного хвоста у Пегаса на ранних коринфских монетах. Но хвост со змеиной головой на конце – это характерная черта иконографии Химеры. Таким образом, налицо сходство двух монструозных противников. Продолжая этот ход мысли, можно предположить, что некогда объектом подвига Беллерофонта (соединение которого с Пегасом явно произошло сравнительно поздно) была не Химера – полулев-полукоза (химера, по-греч. «коза») со змеиным хвостом, а крылатый чешуйчатый монстр со змеиными чертами, т. е. некая разновидность дракона; позднее (с приходом индоевропейцев, которые привели с собой лошадь, неведомую ранее на Балканах) образ противника героя раздвоился: один из них превратился в козу с чертами льва, а другой – в крылатого коня. При этом оба этих персонажа сохраняли свои первоначальные монструозные (змеиные) черты. Свидетельством исконной идентичности обоих монстров может служить также их генеалогия. В греческой мифологии крылатый конь. Пегас – плод связи Горгоны Медузы с Посейдоном (Hes. Theog. 280–282), Химера – порождение Тифона и Ехидны (Hesiod. Theog. 319–325), полудевы-полузмеи, близкой, или даже идентичной Медузе [Шауб 1999; 2007], в частности, иконографически связанной со змеями, а своей мифической генеалогией – с водой (она дочь морских божеств Форкия и Кето: Hesiod. Theog. 270; Apollod. I.10).

И ещё один немаловажный факт: согласно мифологической традиции, Химера обитает в Ликии, в то время как её изображение (довольно редкое в античной чеканке) было популярно на монетах Сикиона – полиса, расположенного близ Коринфа.

Теперь обратимся к вопросам, связанным с временем появления образа Пегаса на монетах и ареалах его распространения. Для VI в. до н.э. это сам Коринф, Кизик в Мизии (табл. I.4,4а) и ряд неизвестных центров в Ионии (табл. I.5). В V в. до н. э. крылатый конь встречается почти на всём пространстве Малой Азии. В материковой Греции Пегас появляется на монетах акарнийской Левкады (табл. I.6) и эпирской Амбракии (табл. I.7). На территории Сицилии – в Сиракузах, Великой Греции –

в Кротоне (табл. I.8). С конца V и на протяжении всего IV в. до н.э. образ Пегаса получил распространение в монетном деле многих полисов на западном побережье Греции (Акарнания), Сицилии и южной оконечности Италии (Бруттий). В Северном Причерноморье изображение этого существа стало использоваться, предположительно, с конца третьей четверти IV в. до н.э. в монетном деле Пантикапея (табл. I.14).

Однако, необходимо заметить, что на западе эллинского мира, был востребован не столько образ Пегаса, сколько сам коринфский монетный тип, т.е., в данном случае, первую скрипку играла политика и традиции (Акарнийская лига находилась под эгидой Коринфского союза; Сиракузы, самый могущественный полис Сицилии, был основан коринфянами и т.д.).

Иное дело восточная часть ойкумены, правда, насколько здесь крылатый конь увязывался именно с легендой о Беллерофонте, судить сложно. Так, например, сюжет на монетах киликийского Тарса вполне однозначно идентифицируется как Беллерофонт на Пегасе (табл. I.9). С другой стороны, в чеканке ликийского династа Куприлли (470–440 гг. до н.э.), крылатый конь соседствует со множеством других крылатых существ, как зоо-, так и антропоморфных (табл. I.10–13). Данный факт заставляет подозревать, что основная причина появления Пегаса на ликийских монетах заключается лишь в наличии у него крыльев.

Возвращаясь к пантикапейским монетам, мы также вынуждены констатировать, что не в состоянии сколь-либо уверенно определить семантику изображения рисунка этого фантастического создания, ибо на лицевой стороне данного типа монет представлена голова молодого безбородого сатира (табл. I.14). Кроме того, что чрезвычайно важно, на старшем номинале меди этой серии мы видим изображения головы бородатого сатира и протомы грифона (табл. I.15). Если рисунки лицевой стороны – молодой и старый сатиры – этих номиналов вполне соответствуют (как, впрочем, и грифон на реверсе) общей логике развития пантикапейской монетной типологии IV в. до н.э., то протома крылатого коня производит впечатление какого-то инородного образа. Характерно, что в чеканке других полисов Северного Причерноморья образ Пегаса не встречается[2]. Зато его изображения нередки на изделиях торевтики, найденных в боспорских курганах: Большой Близнице (погребения «старшей» (№ 1) и «младшей» (№ 4) жриц: [ОАК

[2] Медная херсонесская монета III в. до н. э. с якобы протомой Пегаса, которую отметил В. А. Анохин [Анохин 1977, с. 144 № 155] со ссылкой на Бертье-Делагарда (Бертье-Делагард 1906, табл. I.*б*), учитывая её состояние, очевидно была неверно идентифицирована. Во всяком случае, в последующих работах, посвящённых монетному делу Херсонеса, ни сам В. А. Анохин, ни другие авторы подобного типа монеты не упоминают.

Таблица I

1, 1a. Коринф, ок. 555–515 гг. до н.э. Серебро. Статер.
2, 2a. Коринф, ок. 550–500 гг. до н.э. Серебро. Статер.
3. Коринф, ок. 500–450 гг. до н.э. Серебро. Статер.
4,4a. Кизик (Мизия), ок. 500–450 гг. до н.э. Электр. Статер.
5. Иония (монетный двор неизвестен), ок. 600–550 гг. до н.э. Электр. Гекта.
6. Левкада (Акарнания), 430–400 гг. до н.э. Серебро. Драхма.
7. Амбракия (Эпир), 456–426 гг. до н.э. Серебро. Статер.
8. Кротон (Бруттий), 480–440 гг. до н.э. Серебро. Триобол.
9. Тарсос (Киликия). 425–400 гг. до н.э. Серебро. Статер.
10. Династ Куприлли (Ликия). 470–440 гг. до н.э. Серебро. Статер.
11. Династ Куприлли (Ликия). 470–440 гг. до н.э. Серебро. Статер.
12. Династ Куприлли (Ликия). 470–440 гг. до н.э. Серебро. Статер.
13. Династ Куприлли (Ликия). 470–440 гг. до н.э. Серебро. Статер.
14. Пантикапей, 327–319 гг. до н.э. Медь. Дихалк.
15. Пантикапей, 327–319 гг. до н.э. Медь. Тетрахалк.

1865, с. 7; ОАК 1870, с. 7]) и Старшем Трёхбратнем [Скржинская 2010, № 362][3] (на золотых бляшках второй половины IV в. до н. э.), а также Куль-Обе (на золотых пластинах) [Дюбрюкс 2010, № 290]. Кроме того, нужно упомянуть найденную в Пантикапее золотую серьгу в виде скульптурки Пегаса 400–350 гг. до н. э. [Скржинская 2010, № 358], подвеску с его изображением из слоновой кости эллинистического времени [Скржинская 2010, № 363] и, наконец, резное украшение деревянного саркофага из Пантикапея в виде крылатого коня (I – начало II вв. н.э.: [Скржинская 2010, № 367]. Здесь можно вспомнить также о таком шедевре торевтики, как ритон из кургана у аула Уляп[4].

Что касается связи на Боспоре крылатого коня с мифологическим сюжетом, то он представлен здесь только один раз. Уникальность в Северном Причерноморье сюжета Беллерофонта на Пегасе, поражающего Химеру[5], свидетельствует о том, что протома крылатого коня на пантикапейских монетах, а также другие его изображения здесь, не были связаны с мифом об этом герое, но, вероятно, имели местные корни [Беленицкий 1978].

Литература

1. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н.э.). Киев, 1977.
2. Беленицкий А. М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и средневековье // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 31–39.
3. Бертье-Делагард А. Л. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. 1906. Т. XXVI.
4. Горбунова К. С. Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира. Л., 1971. С. 18–38.
5. Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. II: Иллюстрации. СПб., 2010.
6. ОАК за 1864. СПб. 1865. С. I–XXIV.
7. ОАК за 1868. СПб. 1870. С. I–XXII.
8. Скржинская М. В. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 2010.

[3] У автора: «Старший Семибратний курган близ Нимфея». Для экономии места здесь и далее мы вынуждены ссылаться на далёкий от полноты и не свободный от ошибок каталог памятников с изображением Пегаса, составленный М. В. Скржинской по чисто формальному принципу, где, в частности, крылатые кони объединены с крылатыми кабанами, львами и змеями [Скржинская 2010, с. 248–249].

[4] В этом кургане-святилище проводились церемонии, скорее всего, связанные с поминальным культом. Нет сомнения в том, что этот ритон был принесен в жертву местному божеству, которое, возможно, имело обличье Горгоны; см.: [Шауб 2021].

[5] На серебряном позолоченном гравированном аттическом килике V в. до н.э. из IV Семибратнего кургана; см.: [Горбунова 1971, с. 24. Рис. 6].

9. Шауб И. Ю. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3. С. 207–223.
10. Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э. СПб., 2007.
11. Шауб И. Ю. Горгона в религии меотов // МАИАСП. № 12. 2020. С. 701–714.

М. А. Топоривская, А. А. Супренков
Институт археологии РАН, Москва

Малоизвестное позднеантичное поселение в Крымском Приазовье. История исследований и новейшие работы[1]

Политический и экономический кризис, потрясший территорию Европейского Боспора во второй половине IV в. н. э. считается в отечественной историографии фактом общепринятым. Раскопки городов и поселений Боспора демонстрируют впечатляющую картину разгрома всех населенных пунктов в 70-х гг. IV в. до н. э. [Гайдукевич 1949, с. 482]. Тем не менее, спустя какой-то период жизнь на разрушенных городах Боспора начинает восстанавливаться. Что же касается рассматриваемого нами региона – Крымского Приазовья, то хронологияархеологического материала свидетельствует о том, то на ряде поселений жизнедеятельность не прерывалась с I в. н. э. по VI в. н. э. Среди них – Мыс Зюк, Зеленый мыс, Сиреневая бухта, Генеральское (восточное), Салачик, Куль-тепе (западное), Золотое Восточное (в бухте) и, возможно, Белинское [Масленников 1998, с. 175].

Рассмотрим подробнее одно из эталонных позднеантичных поселений – Золотое Восточное (в бухте), расположенное в 3,7 км к северо-востоку от северной окраины села Золотое Ленинского района. Этот памятник был обнаружен А. А. Дириным, который в 1985 г. проводил раскопки его некрополя [Дирин 1896, с. 121–131]. Первый же раскоп (рис. 1) общей площадью около 100 м²на самом поселении был заложен И. Т. Кругликовой в 1955 г. [Кругликова 1958, с. 219–233]. По мнению автора,обследуемый ей объект, ограничивался небольшой бухтой (рис. 2) и датировался I–IV вв. н. э.

В 1989–1990 гг. работы на памятнике были возобновлены Восточно-Крымской археологической экспедицией под руководством А. А. Масленникова и С. В. Мокроусова. Авторами была исследована

[1] Выполнено в соответствии с НИОКТР 121041500196 «Современные методы выявления и первичного обследования памятников археологии».

Рис. 1. Поселение Золотое Восточное (в бухте).
Раскоп И. Т. Кругликовой (50-е гг. XX в.), вид с востока

Рис. 2. Вид с З на бухту, где расположено поселение
Золотое Восточное (в бухте). Передний план

башня (рис. 3) на северо-восточной оконечности гряды, ограничивающей бухту с поселением. Мощность культурного слоя объекта достигала 3 м. Находки были представлены амфорами различных типов по Зеест, краснолаковой керамикой, амфорами типа «Carotte», амфорами различного типа по херсонесской классификации и другими артефактами. В результате авторами был выделено 8 строительных периодов постройки, датирующихся началом – второй четвертью VI в. н.э. – последней четвертью VI в. н. э. [Сазанов, Мокроусов 1996, с. 88–107].

Вновь памятник был обследован авторами в октябре 2021 г. В ходе работ были использованы новые методы проведения археологических разведок – нанесение границ поселения и объектов с помощью прибора глобального позиционирования *Garmin 64 CX* на космические снимки, аэрофотосъемка при помощи беспилотного летательного аппарата *DJI Mavic Air*, съемка топографических планов при помощи современного оборудования и методик.

Общее направление проводимого обследования современного состояния памятника осуществлялось с запада на восток. К западу от более низкого западного скалистого мыса был зафиксирован мощный зольный холм с покатыми склонами (рис. 2), вероятно, образованный из нескольких насыпей. Его общий предполагаемый диаметр составляет около 50 м, высота от подножия – около 5 м. С севера, запада и северо-запада холм ограничивается песчаной полосой пляжа, спускаясь прямо до него. В этой части его края обрывисты – их высота здесь от подножия доходит до 2 м, грунт местами обнажен, фиксируются естественные выходы скалы. Южная граница холма нечеткая, сильно пологая. С запада холм ограничивается мысом.

Поверхность зольного холма в целом ровная и имеет общий сильный уклон к северо-западу, очевидно в этом направлении зола ссыпалась в процессе жизнедеятельности. На всей поверхности холма встречено большое количество мелких фрагментов стенок керамической посуды, в основном, амфорной тары, столовых и лепных сосудов.

К востоку от зольника, в верхней части склона, ближе к хребту западного мыса, находится западина, предположительно зерновая яма (рис. 3). Она находится в открытом состоянии, ее округлая в плане горловина обложена известняковыми необработанными блоками. Диаметр горловины составляет около 0,8 м, глубина – более 2 м. Форма в разрезе – трапециевидная, с расширением к придонной части.

Поверхность центральной части поселения неровная, бугристая, Наней местами лежат отдельные очень крупные скальные обломки, скатившиеся некогда с мысового хребта, кое-где видны скальные материковые выходы. В южной части бухты на подъеме юго-восточного

Рис. 3. Вид с ЮВ на башню на СВ окраине поселения Золотое Восточное в бухте. Раскоп А. А. Масленникова, С. В. Мокроусова (80–90-е гг. XX в.)

склона фиксируется несколько крупных рельефных разноуровневых террас, которые гипотетически могут носить антропогенный характер.

У западного склона крупного восточного скалистого мыса был зафиксирован вышеуказанный раскоп И. Т. Кругликовой. В его центре отчетливо видны каменные стены постройки, состоящей из нескольких помещений. Состояние кладок стен на момент осмотра удовлетворительное. Сооружение ориентировано по сторонам света, с небольшим отклонением к западу. Отметим, что мощность культурного слоя в этой части городища небольшая и не превышает 1 м.

На вершине восточного мыса располагался фундамент вышеописанной массивной сторожевой башни и прилегающие к нему постройки. Стены башни сохранились в среднем на высоту до 1 м, наиболее высокая – восточная, высотой около 3 м, общий размер башни равен 14 × 10 м. С восточной стороны, южнее восточной стены, видны фундаменты жилых построек, расположенных на уровне основания башни.

К востоку от восточного мыса, у его подножия, был зафиксирован еще один крупный зольный холм. Склоны его покатые, диаметр около 30–40 м. О его высоте судить затруднительно, ввиду сложности рельефа, предположительно она до 5 м. С запада и юга холм ограничен склонами мыса, с востока и севера, по всей видимости, он доходит до нижней точки склонов берега. Основание северной стороны холма могло быть подрезано (?) – здесь фиксируется относительно ровная площадка. Южнее и выше по склону мыса расположен еще один округлый в плане холм схожего размера и высоты, вероятно тоже зольник. В грунтовых выкидах нескольких кротовин были обнаружены небольшие керамические фрагменты и мелкие осколки створок раковин мидий. Поверхность обоих холмов задернована, в обнажениях грунта на линии тропы, идущей по склону первого холма, фиксируются отдельные небольшие фрагменты керамических стенок красноглиняных сосудов.

Подъемный археологический материал, собранный на территории памятника в ходе полевых работ, представлен массовым материалом – 48 фрагментами керамической посуды различных категорий.

К амфорной таре отнесены 30 фрагментов. Из них красноглиняные стенки – 29 фрагментов, одна из которых окатанная, два фрагмента покрыты светлым ангобом; бежевоглиняные амфоры представлены единственной стенкой. Отметим венчик коричневоглиняного амфоры-кувшина класса 41 по херсонесской классификации 1995 г. (ХК-95)[2], датируемый концом IX–XI в. н. э.

Столовая посуда представлена 11 стенками красноглиняных сосудов. К лепной посуде отнесены 3 стенки и один невыразительный сильно сколотый фрагмент венчика сосуда. Толстостенная керамика охарактеризована 2 небольшими стенками пифосов.

Найденный подъемный археологический материал датируется периодом римского времени – Византии – раннего Средневековья, что в целом соответствует датировкам, предложенным нашими предшественниками.

По результатам проведенных работ можно предположить, что границы поселения «Золотое (Восточное в бухте)» проходят: на севере – по краю береговой линии, на западе – по нижней границе полы зольного холма, на юге – по верхнему краю скалистой кромки седловины, на востоке – по нижней границе пол двух предположительно зольных холмов. Таким образом, общая площадь поселения может составлять около 4–5 га.

Для уточнения хронологии поселения, а также его границ, рекомендуется провести дополнительные исследования с локальными земельными работами (шурфовка).

Литература

1. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
2. Дирин А. А. Мыс «Зюк» и сделанные на нем археологические находки // ЗООИД. 1986. Т. XIX. Материалы. С. 121–131.

[2] Определение керамического материала А. В. Смокотиной.

3. Кругликова И. Т. Новые данные об исторической географии Крымского побережья Азовского моря // СА. 1958. № XXVIII. С. 219–233.
4. Масленников А. А. Эллинская хора на краю ойкумены. М., 1998.
5. Сазанов А. В., Мокроусов С. В. Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым): опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // ПИФК. 1996. Т. III. С. 88–107.

А. А. Трофимова
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

РЕЛЬЕФ ИЗ ХЕРСОНЕСА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ «АМАЗОНОМАХИИ»

При раскопках Южного пригорода античного Херсонеса на территории комплекса, который определяется как святилище обожествленного гражданина Херсонеса, в феврале 2022 г. был обнаружен очень интересный памятник – фрагмент рельефа с изображением сцены «Амазономахии». Рельеф исполнен из известняка, его размеры 20 см (высота) на 22 см (ширина). Композиция, состоящая из двух фигур, вписана в узкое поле, ограниченное сверху невысоким выступом-карнизом. Высота фигур почти равна размерам плиты: головы упираются в верхнюю грань, ступни расположены на ее нижней грани (рис. 1-А).

На рельефе представлен греческий гоплит, в динамичном развороте, в движении влево; упершись, он стаскивает амазонку, ухватившись за ее за длинные волосы, с коня. Конь с амазонкой при этом движется в обратном направлении – в правую сторону. Под фигурой коня помещен круглый щит. Иконография сюжета, представленного на рельефе, хорошо известна. Это одна из сцен, которая включена в многофигурную композицию битвы амазонок и греков, типичную для искусства классического и раннеэллинистического периодов. Принято считать, что изначально сам по себе мотив восходит к картине Микона, далее повторяется в «Амазономахии» на щите статуи Афины работы Фидия. Эта формула воспроизводится в римских саркофагах и на мозаиках.

Самая близкая аналогия иконографии Херсонесского рельефа – крайняя левая сцена «Амазономахии», представленной на саркофаге из Венского Художественно-Исторического музея (рис. 2). Саркофаг, найденный на Кипре, датируется 350–300 г. до н. э. [Gschwantler 2012, S. 56–57; Plattner 2007, p. 177–191; Fleischer 1998, S. 7–54].

Общепринято, что источником иконографии подобных сцен, ставших популярными в IV в. до н. э., были рельефные фризы, украшавшие архитектурные сооружения, воздвигнутые в святилищах-героонах Ликии и Карии. В период, следующий за их созданием, появилось множество повторений сюжетов в «малых формах». Хотя основной набор сюжетов битвы повторяется, сцены воспроизводятся в различных комбинациях, с некоторыми вариациями в композиции, в одежде и вооружении. Так, в рельефах из Галикарнасского мавзолея, сооруженного для правителя Карии Мавсола ок. 350 г. до н. э. [Schiering 1975, S. 132–133], сцена, аналогичная херсонесской, тоже есть (рис. 3), правда, фигура воина повернута не в правую, а в левую сторону, в ту же, что и конная амазонка на рельефе из Херсонеса.

Рис. 1. Фрагмент плиты с рельефом – часть фриза. Сцена из «Амазономахии» (битва амазонок и греков). 350–300 гг. до н.э. Найден в Херсонесе в раскопках Южного пригорода, в т. н. герооне, в 2022 г. Известняк. Высота 18 см, длина по верхнему краю 22 см, длина по нижнему краю 24 см. (А и Б)

Под влиянием восточных образцов, где фризы с битвами были обычными, во второй половине IV в. до н. э. сюжеты «Амазономахии» появляются в искусстве самых разных регионов, но, преимущественно, в рельефах, имеющих погребальный контекст [Riedemann 2018, p. 149–173]. Самым ярким примером такого влияния в Аттике можно считать наиск из Калитеи – погребальное сооружение высотой 8 м 30 см, исполненное в виде небольшого храма, стоящего на высоком подиуме, внутри храма установлены две погребальные статуи (Археологический Музей Пирея; фрагмент в Национальном археологическом музее Афин; см. рис. 4инв. 3614). Фриз со сценами «Амазономахии» расположен на подиуме под карнизом [Steinhauer 2001, S. 305–309; Ridgway 1990, p. 32; Kaltsaz 2002, p. 531; Lippolis 2007, p. 93; Belli Pasqua 2010, p. 51; Palagia 2016, p. 376]. Исследователи трактуют это необычное для Аттики сооружение как пример восточного влияния в погребальном аттическом искусстве IV в. до н. э. [Hagemajer 2003, p. 207–236]. Сюжеты «Амазономахии» присутствуют также в Этру-

Рис. 2. Саркофаг: «Амазономахия». Греция. 350–300 гг. до н.э. Найден в Солах (Кипр) в 1557 г. Мрамор. Высота – 91 см, длина – 264 см, ширина – 104 см. Вена, Художественно-Исторический музей, инв. № 05

Рис. 3. Плита с рельефом – часть фриза, украшавшего Галикарнасский Мавзолей. Сцена из «Амазономахии» (битва амазонок и греков). Ок. 350 г. до н. э. Пифей (?). Найдена в Галикарнассе (Кария), в раскопках Мавзолея. Мрамор. Высота 90 см, длина 1 м 80 см. Британский музей, инв. № 1847,0424.5

рии, на терракотовых саркофагах с расписными рельефами, датирующимися серединой IV в. до н. э.

Помимо фриза из Каллитеи типологическую параллель херсонесской находке представляют Тарентинские памятники с «Амазономахией» второй половины IV в. до н. э. В Таренте, на Via Umbria были обнаружены рельефы со сценами сражений амазонок с греками [Carter 1975, p. 14; Picón 2002, p. 78]. Тарентинские скульпторы заимствовали

Рис. 4. Надгробный памятник на гробнице Никерата и его сына Поликсена, метеков из Истрии. Греция, ок. 320 г. до н. э. Подиум опоясывает фриз с «Амахономахией». Найден в Калитее (Греция). Мрамор. Высота 8 м 30 см. Археологический музей Пирея (по кн.: Palagia O. Commemorating the Dead: Grave Markers, Tombs, and Tomb Paintings, 400-30 BCE. Oxford, 2016. Fig. 26.1)

из восточных образцов не только сюжет, но и разнообразие сцен, которое отсутствует в искусстве Аттики, а также местоположение фриза [Ridgway 1990]. Фризы, найденные в Таренте – это метопы, архитравы, плиты, располагавшиеся на фронтоне или на подиуме небольшого погребального храма [Lippolis 1996; De Juliis 2000, p. 114–115; Belli Pasqua 1995, p. 1–8]. Большинство рельефов, найденных в Таренте, исполнено из местного мягкого известняка; это небольшие по размеру (около 20 см) плиты с рельефами в горизонтальном формате, что совпадает с размерами и форматом херсонесского памятника.

Хотя иконография сражений амазонок в искусстве второй половины IV в. до н. э. восходила к малоазийским образцам, в каждом регионе она имела собственные вариации. В случае с Северным Причерноморьем

эта тема заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку амазонки относились к числу важнейших персонажей искусства, мифологической и религиозной традиции [Шауб 2007]. Сюжеты «Амазономахии» главным образом встречаются в росписях найденных в погребениях ваз [Langner 2012, S. 221–257], есть примеры в торевтике, в скульптуре [Савостина 2001]. Религиозный и смысловой контекст сюжета херсонесской находки еще предстоит обсудить. Сейчас, однако, обратим внимание на тот факт, что на территории херсонесского «героона» амазонки встречаются дважды: на рельефе и на расписной краснофигурной пелике, которая датируется второй половиной IV в. до н.э.

Подведем итоги. На основании приведенных аналогий следует заключить, что рельеф из Херсонеса может быть отнесен к 350–300 гг. до н. э. Для датировки памятника греческим, а не римским временем есть иконографические и стилистические основания. Как показано выше, иконография сцены при сопоставлении с образцами середины IV в. до н. э. совпадает в деталях. Рельеф невысокий, фигуры легкие и движутся непринужденно, в композиции ясно читается «героическая диагональ» – главный художественный прием Скопаса, который скульптор применяет в изображении битвы греков и амазонок в рельефах Галикарнасского мавзолея. В передаче фигур нет статичности и тяжеловесности, «материальности», которая присуща рельефам Херсонеса римского периода. Здесь также отсутствуют элементы местной трактовки, которые проявляются все больше и больше начиная с рубежа эр. При этом, работа выдает руку провинциального мастера: скульптор вписывает, и не без трудностей, сцену в узкое поле рельефа, оставляя слишком мало «воздуха», уплощенно и неубедительно изображает ногу сидящей на коне амазонки, схематично представляет фигуру коня. Однако в целом ему удается передать ритмические движения фигур, динамику и драматизм происходящего.

Исходя из сюжета, горизонтального формата и размеров фрагмента, а также из того факта, что над полем рельефа располагается неглубокий карниз при отсутствии окантовки снизу, можно прийти к выводу о расположении и назначении данного памятника. Сбоку и в верхней части плиты есть врезные отверстия – для скрепления с другими частями фриза (рис. 1-Б). Задняя сторона имеет множество насечек для более плотного укрепления на плоскости. Очень вероятно, что подобно аттическим и тарентинским образцам плита со сценой битвы амазонок и греков, к которой относился наш фрагмент, украшала небольшое погребальное сооружение и была частью архитектурного фриза, расположенного в верхней части подиума героона-наиска.

Литература

1. Савостина Е. А. (ред.). Боспорский рельеф со сценой сражения (амазономахия?). М.; СПб., 2001.
2. Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб., 2007.
3. Belli Pasqua R. Taranto: la scultura in marmo e in pietra. Catalogo del Museo Archaeologico Nazionale di Taranto. IV.1. Taranto, 1995.
4. Belli Pasqua R. Architettura funeraria a Rodi in età ellenistica: documentazione locale e forme di contatto // Bollettino di Archeologia on line. 2010. Vol. speciale CC/74.
5. Carter J. The Sculpture of Taras. Philadelphia,1975.
6. Fleischer R. Der Wiener Amazonensarkophag // Antike Plastik 199826,
7. Gschwantler K. Sarcophagus with fighting Amazons // Gschwantler K., Bernhard-Walcher A., Laubenberger M., G. Plattner, Zhuber-Okrog K. (eds). Masterpieces in the Collection of Greek and Roman Antiquities. A Brief Guide to the Kunsthistorisches Museum 4. Vienna, 2012. S. 56–57
8. Hagemajer A. «Becoming the ‘Other’: Attitudes and Practices at Attic Cemeteries» // The Cultures within Ancient GreekCulture: Contact, Conflict, Collaboration, ed. by C. Dougherty and L. Kurke. Cambridge, 2003, p. 207–236.
9. Juliis E., de. Taranto. Bari, 2000.
10. Kaltsas N. Sculpture in the National Archaeological Museum. Athens, 2002.
11. Langner M. Amazonen auf Kertscher Vasen. Wechselnde Blickwinkel auf ein populäres Bildmotiv // Amazonen zwischen Griechen und Skythen. Gegenbilder in Mythos und Geschichte, Beiträge zur Altertumskunde 310. Berlin, 2013. S. 221–257.
12. Lippolis E. Tipologie e significati del monumento funerarionella città ellenistica. Lo sviluppo del naiskos // Architetti, architettura e città nel Mediterraneo orientale ellenistico. Atti del Convegno, Venezia (10–11 giugno 2005). Milano, 2007.
13. Lippolis E. Arte e artigianato in Magna Grecia. Napoli, 1996
14. Palagia O. Commemorating the Dead: Grave Markers, Tombs, and Tomb Paintings, 400–30 BCE. Oxford, 2016.
15. Picón C. Sculptural Styles of MagnaGraecia // Magna Graecia: Greek art from South Italy and Sicily, ed. by M. Bennett, A. Paul and M. Iozzo. The Cleveland Museum of Art. New York; Manchester, 2002
16. Plattner G. The Amazon Sarcophagus from Soloi in Vienna // The Northern Face of Cyprus. Ed. by Latife Summer, Hazar Kaba. İstanbul, 2016.
17. Riedemann V. The Amazonomachy on Attic and Tarantine Funerary Naiskoi // Athens Journal of History. July 2018. P. 149–173.
18. Ridgway B.S. Hellenistic Sculpture I, 331–200 BC. Madison, 1990.
19. Schiering W. Zum Amazonenfries des Maussoleums in Halikarnass // Jahrbuch des Deutschen Archaologischen Instituts. 1975. Bd. 90. S. 132–133.
20. Steinhauer G. The Archaeological Museum of Piraeus Athens. Latsis Group, 2001.

Н. П. Турова
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

Терракотовые маски из коллекции Великого князя Александра Михайловича

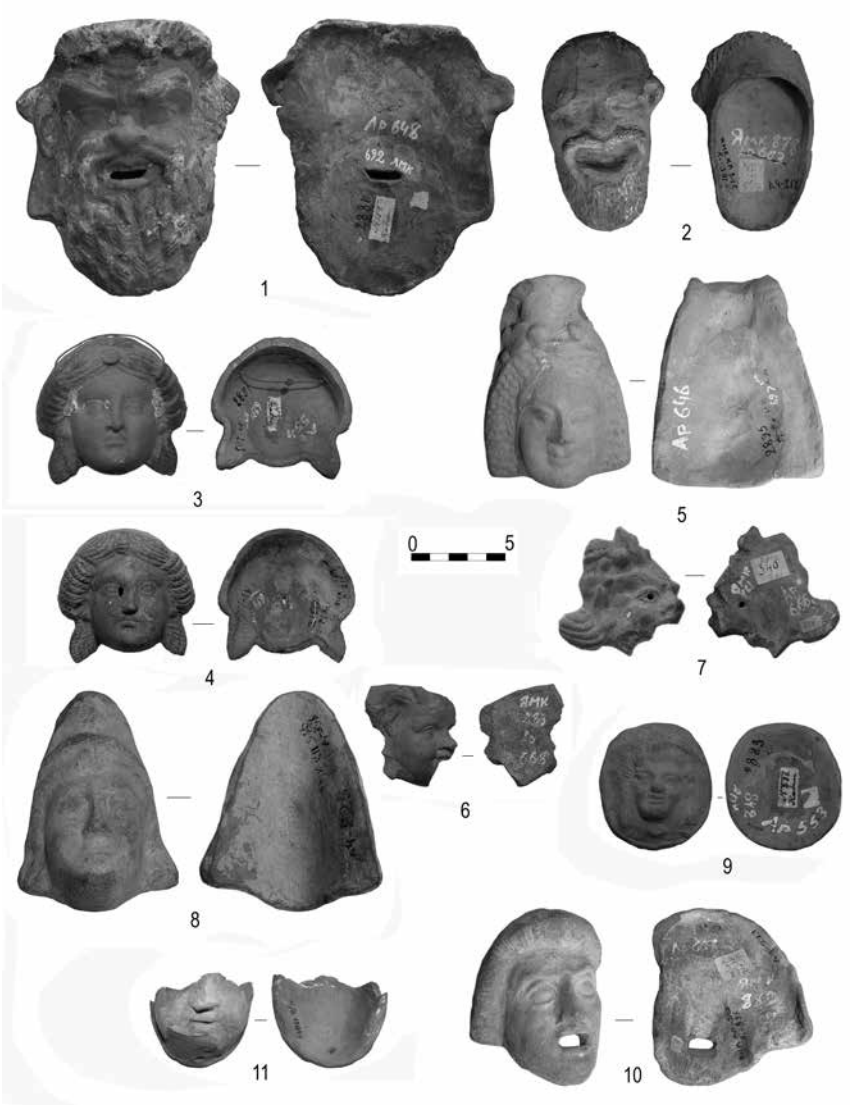
В коллекции античной керамики Великого князя Александра Михайловича (1866–1933), хранящейся в фондах «Ялтинского историко-литературного музея», среди тарной керамики – амфор, расписных ваз чернофигурного и краснофигурного стилей, чернолаковой и краснолаковой посуды [Вдовиченко, Турова 2006], глиняных светильников [Журавлев, Турова 2012, с. 335–400] и статуэток [Новиченкова 2021, с. 9–10], выделяются 26 терракотовых масок. Они представлены как целыми экземплярами, так и фрагментами.

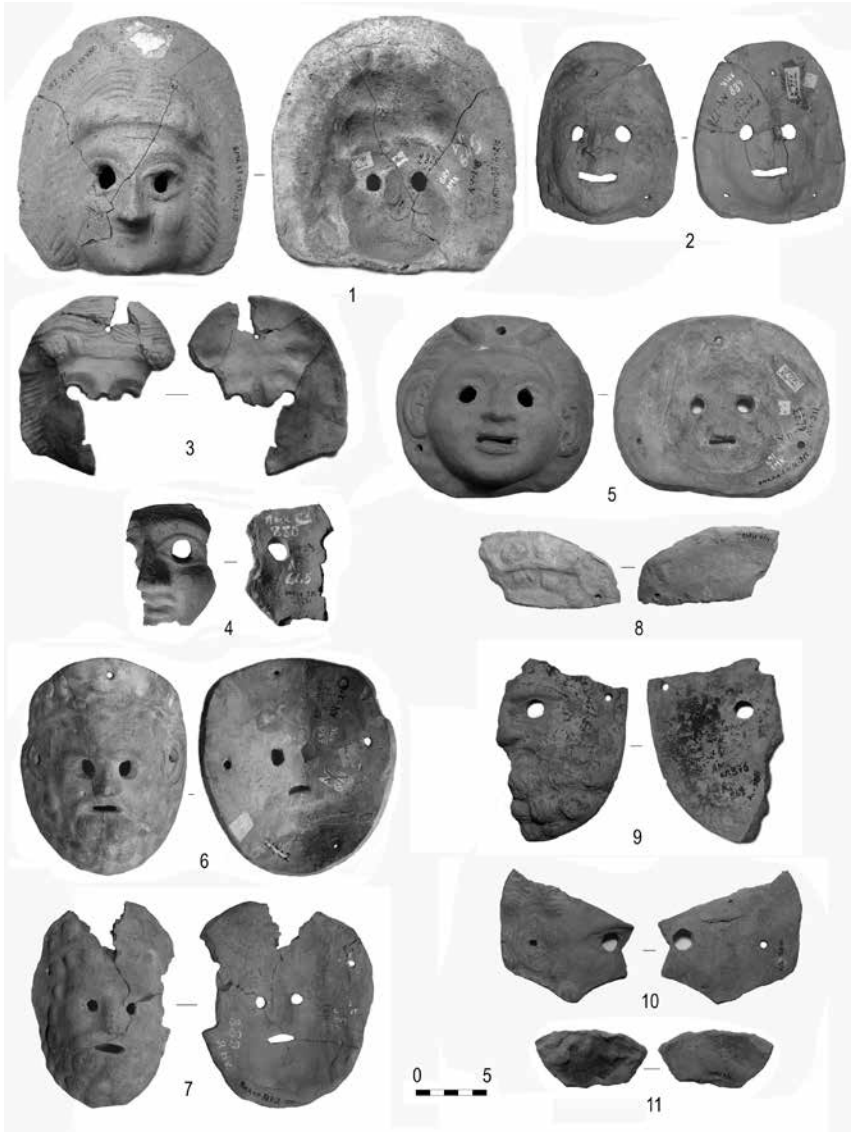
Большинство из них еще до поступления в ялтинский музей в 1919/1920 гг. из имения Ай-Тодор в Гаспре были отреставрированы. Реставраторы прошлого использовали при соединении отдельных частей произведений гипс. При этом сколы, предварительно хорошо полировали, а швы впоследствии тонировали. Нередко отдельные фрагменты терракот умело превращались в совершенно самостоятельные произведения законченной формы. Так, на первый взгляд, женская маска (рис. 3.*3*), прямоугольной в плане формы, при детальном рассмотрении оказалась фрагментом терракоты, из которой «реставраторы», покрыв ее толстым слоем гипса, сделали маску.

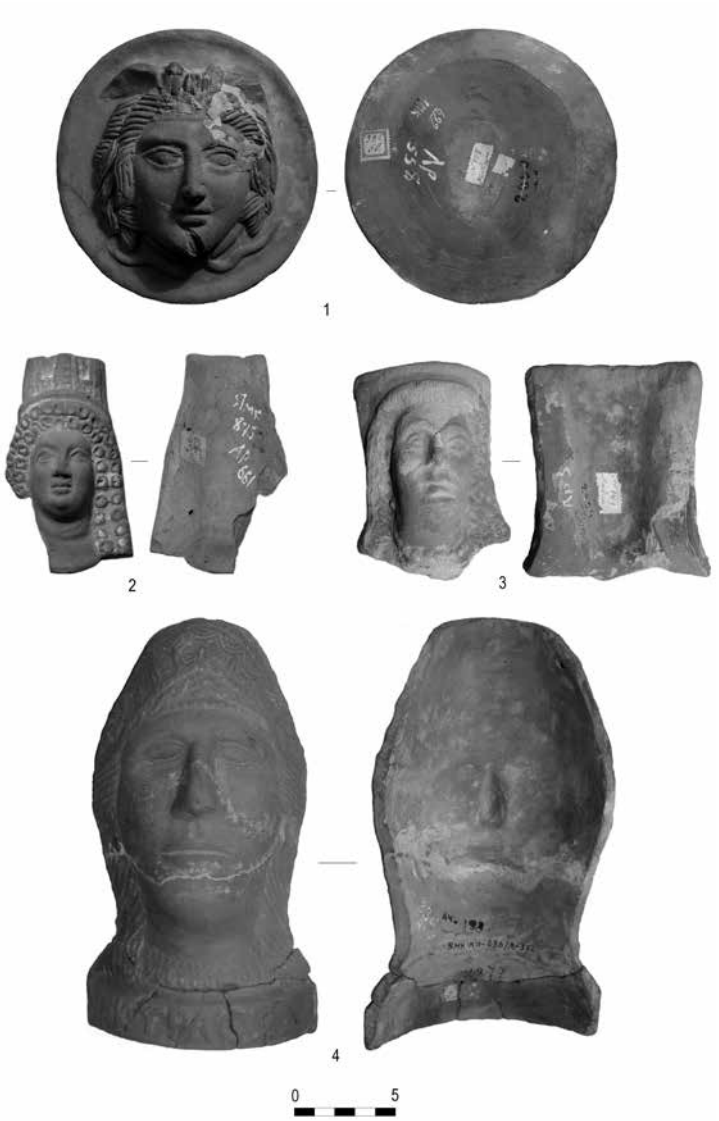
На девяти масках сохранились бумажные этикетки-марки с номерами описи и местом их расположения в имении Великого князя, составленной в 1907 г. Карлом Казимировичем Косцюшко-Валюжиничем (1847–1907). Все девять – находились в кабинете Великого князя.

Керамические маски являются уменьшенным повторением больших масок, используемых в мистериальных, и тесно связанных с ними театральных представлениях, непосредственно произошедших из культовых обрядов в честь Диониса и Деметры.

В коллекции музея имеются маски эллинистического и римского времени: Селена (рис. 1.*1, 2*), Сатира (рис. 1.*6, 7*), Пана (рис. 2.*5*), Геракла (рис. 2.*6–11*), Кибелы (рис. 3.*2*), Аттиса-Мена (рис. 1.*8*). Два глиняных медальона украшены головой Медузы Горгоны (рис. 2.*9*; 3.*1*). Одна из масок представляет – маску актера греческой трагедии (рис. 2.*10*). Есть в коллекции и антропоморфные маски без явных признаков, присущих конкретным персонажам (рис. 1.*3, 4, 5, 11*). В собрании выделяются и маски, служившие украшениями для саркофагов первых веков н. э. (рис. 2).

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
0
5

1
2
3
4
0
5

В большинстве своем данные изделия являются произведениями ремесленников. Они изготовлены по довольно сработанным формам, которые находят аналогии в памятниках Северном Причерноморья [Финогенова 1990, с. 189–203].

Однако в коллекции представлены и маски, отличающиеся своими типами и исполнением.

Среди них терракота Кибелы в высокой башенной короне (10,95 × 6,00 см) (рис. 3.*2*). Богиня изображена в виде молодой женщины с мягкими асимметричными чертами лица, с тщательной проработкой деталей. Тыльная вогнутая сторона терракоты с отпечатками пальцев мастера. Лицевая сторона была покрыта гипсовой обмазкой и раскрашена. Глина оранжево-красная с блестками и белыми включениями. Оттиск выполнен в форме в высоком рельефе.

Медальон с маской Медузы Горгоны также выполнен в высоком рельефе (13,7 × 14,5 см) (рис. 3.*1*).

Медуза изображена в виде молодой девушки с суровым напряженным выражением лица. С прямым носом, пухлыми сжатыми губами, округлым массивным подбородком. Волосы на лбу зачесаны назад, по бокам спускаются локонами, причем с правой стороны лица они показаны «двойным рядом». На голове маленькие крылышки. Внизу под подбородком завязанная узлом веревка или хвосты змей с развевающимися концами. Рельефом показаны мышцы лба и брови. Глубокими вдавленными линиями выделены миндалевидные глаза с выпуклыми веками и слабо обозначенными зрачками. Резко очерчен нос. Частыми врезными линиями доработана пышная прическа.

Тыльная сторона с плоскими краями в центре имеет большое широкое воронковидное углубление. Глиняное тесто терракоты неравномерного обжига, красновато-оранжевого цвета, местами сероватого оттенка, с мелкими белыми включениями и блестками.

Особое место в коллекции занимает женская маска с рельефной надписью: «ΚΥΡΑΘΩΣ», аналогий которой не обнаружены (21,5 × 12,2 см) (рис. 3/4).

Лицо «восточного типа» в форме вытянутого овала с выступающими скулами. Надбровные дуги ярко выражены. Миндалевидные глаза близко и глубоко посажены. Внешние уголки глаз слегка опущены вниз. Нос прямой широкий. Тонкие губы большого рта плотно сомкнуты. Слегка выступающий подбородок плавно переходит в шею. Длинные волосы локонами спускаются на плечи. У висков они зачесаны назад. На голове женщины округлый головной убор, слегка суживающийся кверху. Он украшен рельефными орнаментальными и растительными поясами: надо лбом, в треугольнике горизонтальными S – образные линии; выше широкий пояс из вытянутых бутонов, чередующихся с двойными полуовами (расположенными вершинами вверх); над ними – большие тройные полуовы (обращенные вниз). С боков головной убор украшен изображениями крылатых коней или грифонов. Животные присели на задние лапы или ноги, их передние конечности подняты вверх. Орнаментальные пояса и зооморфные изображения головного убора обрамлены узкими поясками из небольших близкорасположенных выпуклостей («жемчужником»).

В ушах женщины серьги в виде амфорок. На шее ожерелье: «жемчужник», под ним двойные овы, ниже вытянутые подвески-бутоны. Вверху маски по бокам два сквозных отверстия для подвешивания.

Рельефная надпись расположена на широком поле, который является основанием маски. Высота букв – 1,6–1,7см; ширина – 1–1,5см.

Тыльная сторона маски вогнутая.

Глина светло-коричневая с оранжеватым оттенком. Местами она черная, пережженная. Черепок на сколе переходит в сероватый цвет. Имеет многочисленные белые и серые включения, блестки, крупные вкрапления пироксена.

По свидетельству Э. Р. Штерна (1859–1924), первым описавшим в 1904 г. коллекцию Александра Михайловича, большинство произведений корропластики его собрания происходят из некрополей Ольвии и Боспора [Штерн 1904, с. 54–59].

Литература

1. Вдовиченко И. И., Турова Н. П. Античные расписные вазы из собрания Ялтинского историко-литературного музея. // БИ. 2006. Вып. XIV. С. 3–220.
2. Новиченкова Н. Г. О коллекции терракотовых статуэток Ялтинского историко-литературного музея // Вторые чтения памяти И. В. Яценко. Москва, 17–18 декабря 2021. Тезисы докладов. М., 2021. С. 9–10.
3. Журавлев Д. В., Турова Н. П. Античные глиняные светильники Ялтинского историко-литературного музея // БИ. 2012. Вып. XXVI. С. 335–400.
4. Новиченкова Н. Г. О коллекции терракотовых статуэток Ялтинского историко-литературного музея // Вторые чтения памяти И. В. Яценко. Москва, 17–18 декабря 2021. Тезисы докладов. М., 2021. С. 9–10.
5. Финогенова С. И. Античные терракотовые маски Северного Причерноморья // СА. 1990. № 2. С. 195.
6. Штерн Э. Р. Археологические новинки / Протоколы // ЗООИД. 1904. Т. XXV. С. 54–59.
7. Финогенова С. И. Античные терракотовые маски Северного Причерноморья. // СА. 1990. № 2. С. 189–203.
8.

М. И. Тюрин, А. А. Филиппенко
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

К хронологии памятников района Сапун-горы эллинистического периода

В отличие от размежеванной части округи эллинистического Херсонеса, восточная периферия Гераклейского полуострова IV–I вв.[1] в археологическом плане изучена относительно слабо. На данный момент ни один из обнаруженных здесь объектов эллинистического периода не исследован полностью, а попытки систематизации сведений об известных памятниках [Зубарь, Кравченко 2003; Зубарь 2004] сводились к критике методики проведенных ранее исследований и почти не касались изучения материалов раскопок. Вместе с тем благодаря полевым работам, которые в районе Сапун-горы проводили Л. Н. Соловьев, Е. Н. Жеребцов и О. Я. Савеля, выявлен ряд варварских селищ (Энергетик, ДСК, Октябрьское и т. д.) и античные укрепления (Таш-Куле, Сапун-гора) рассматриваемого времени (рис. 1.*1*). Современные представления о датировке большинства из этих объектов базируются на данных отчетов, а материалы из разведок и раскопок остаются преимущественно не введенными в научный оборот. В данной работе кратко рассмотрены основные хроноиндикаторы, позволяющие сделать предварительные выводы о времени функционирования наиболее изученных памятников эллинистического периода, расположенных на гребне и восточном склоне Сапун-горы.

Согласно О. Я. Савеле, к середине IV в. на восточной границе Гераклейского полуострова сложилась сеть из примерно трех десятков варварских селищ, в которых проживало зависимое от Херсонеса население [Савеля 1979, с. 172, 173]. По мнению В. М. Зубаря, на основании отчетов О. Я. Савели подтверждаются данные лишь о трех поселениях на восточном склоне Сапун-горы, причем все они, кроме поселения Октябрьское, прекратили существование не позднее середины IV в. [Зубарь 2004, с. 64].

Тем не менее разведки и раскопки О. Я. Савели уверенно фиксируют материалы раннеэллинистического времени на ряде памятников кизил-кобинской культуры в рассматриваемом районе. В заполнении хозяйственной ямы на поселении **Энергетик**, помимо обширного набора лепной керамики, зафиксированы развалы не менее трех амфор херсонесского производства (рис. 2.*2*). На горле одной из них имелись

[1] Здесь и далее все даты до н. э. (за исключением специально оговоренных).

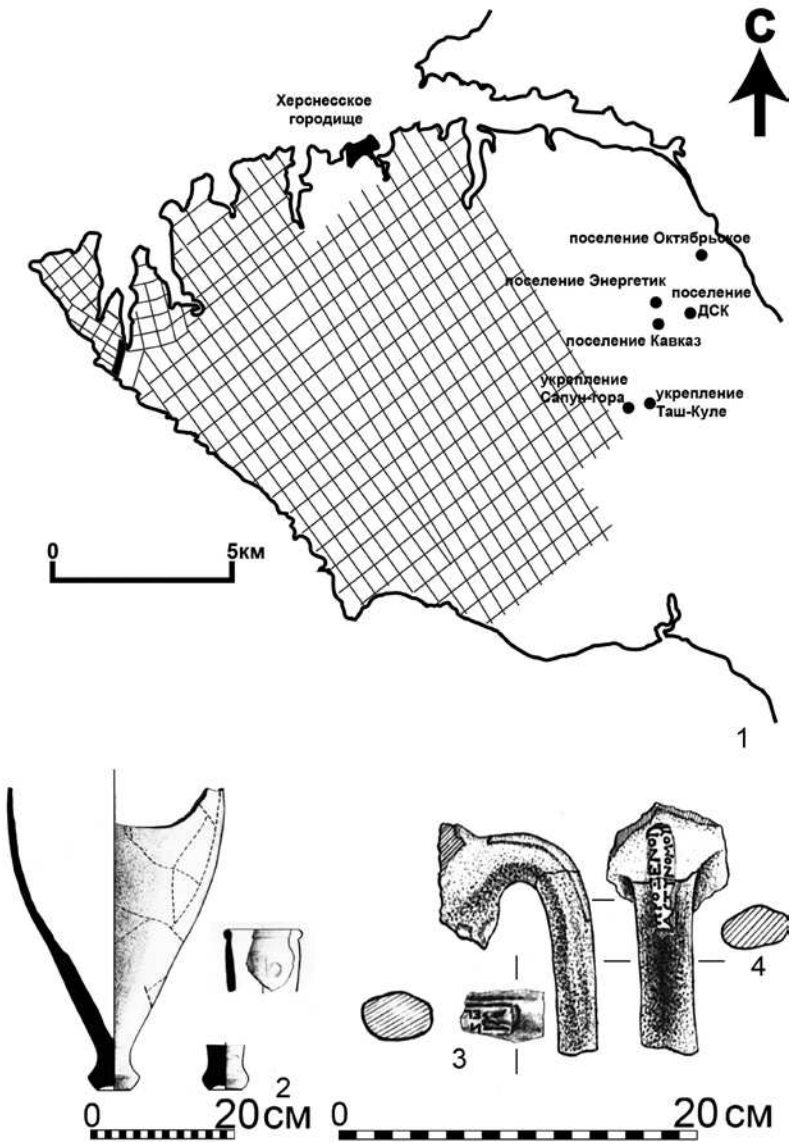

Рис. 1. Карта-схема Гераклейского полуострова с размежеванной «ближней» хорой и варварскими поселениями на склонах и гребне Сапун-горы (1); находки из поселения Энергетик, по О. Я. Савеле (2); фрагменты амфор с клеймами из раскопок поселении ДСК, по О. Я. Савеле (3, 4)

клейма: магистрата Ἡροκᾶς (IIA ХГ, ок. 286–273 гг. [Кац 2007, с. 442]) и анэпиграфное – розетка (не сохранились; судя по отчету, это штампы [Кац 1994, № 1-55, 1; Б 1/1]. К херсонесскому же производству относятся фрагментированные расписные столовые сосуды [Савеля 1990, л. 14]. Автор работ был склонен объединять поселение Энергетик с расположенным южнее поселением **Кавказ** в один обширный памятник [Савеля 1990, л. 15]. Наличие фрагментов херсонесских амфор в подъемном материале последнего также предполагает жизнедеятельность на объекте в раннеэллинистическое время [Тюрин, Лесная 2022].

К востоку от поселений Кавказ и Энергетик О. Я. Савелей исследована группа селищ кизил-кобинской культуры, вошедшая в историографию под названием **ДСК** (обнаружена при строительстве домостроительного комбината на склоне Сапун-горы) [Савеля 1977, л. 8]). Здесь зафиксирована постройка из камня, слой заполнения которой содержал, помимо лепной, значительное количество античной гончарной керамики. Амфорная тара из раскопок относится к позднеклассическому (клеймо синопского магистрата Διονύσιος 1 (?) (рис. 1.*3*), 1 IB МГ, 50-е гг. IV в. [Кац 2007, с. 434]) и раннеэллинистическому времени (фрагменты херсонесской амфоры с клеймом астинома Ἡρόξενος, (рис. 1.*4*) IB ХГ, ок. 304–295 гг. [Кац 2007, с. 326, 442]).

Поселение Октябрьское, пожалуй, является наиболее исследованным памятником эллинистического периода рассматриваемого района; оно находится в северо-восточной части массива Сапун-горы. Объект традиционно интерпретируется как поселение кизил-кобинской культуры [Зубарь 2004, с. 62; Кравченко 2011, с. 99, 100], при этом здесь присутствует своеобразная каменная жилая архитектура (постройка трапециевидной формы) и вырубленные в скале тарапаны. По мнению Э. А. Кравченко, хронологические рамки существования памятника определяются в пределах середины IV – не позднее IV–III вв. (это касается и соседних селищ Кавказ и Энергетик); при этом «античный материал поселения Октябрьское четкой даты не дает» [Кравченко 2011, с. 99]. Согласно В. М. Зубарю, упомянутая трапециевидная постройка существует с последней четверти IV в. и не связана с кизил-кобинским поселением, которое гибнет ранее [Зубарь 2004, с. 62].

Работы на памятнике проводились О. Я. Савелей по меньшей мере четырежды. При сборе подъемного материала в 1974 г. была обнаружена ручка синопской амфоры с клеймом (рис. 2.*1*):

ἀσ[τυνόμου] Ника
Μν[ή]σ[ιο]ς τοῦ
Φορ[μίωνος]
Εὐ[κλῆς]

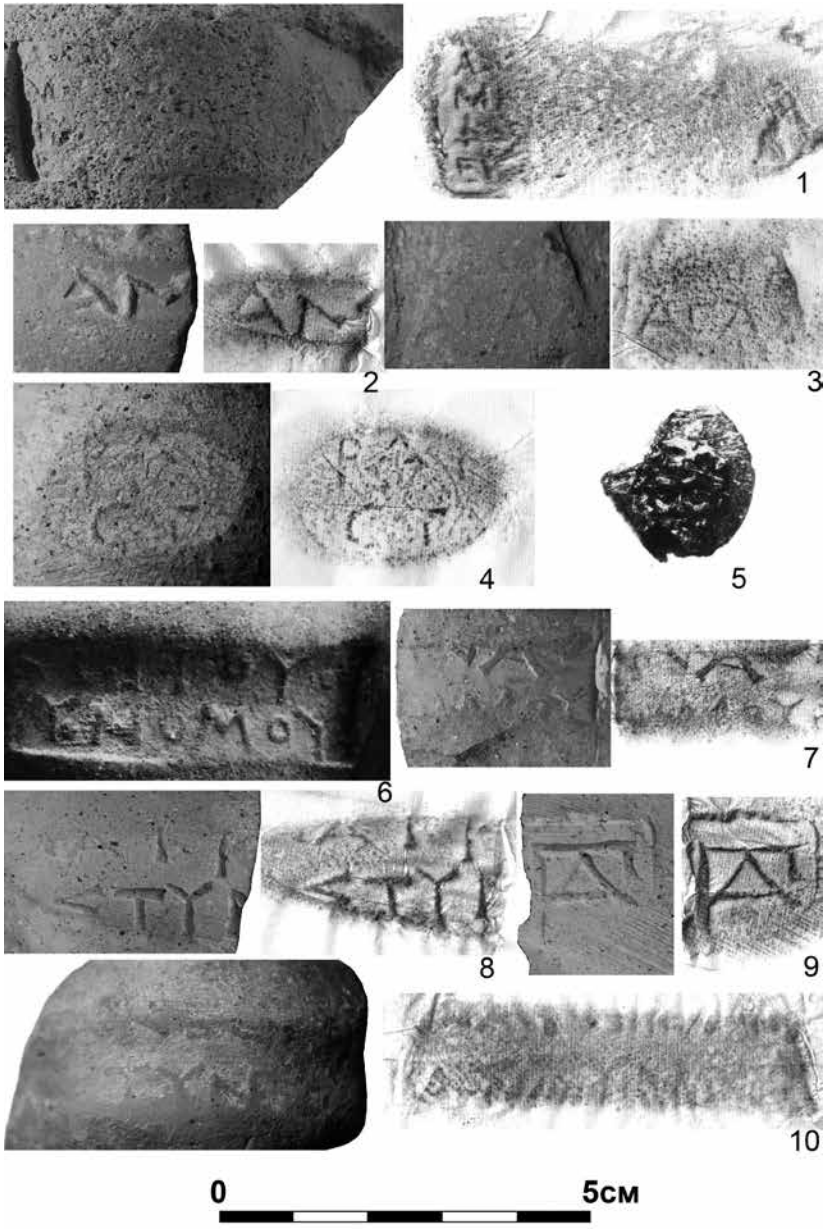

Рис. 2. Амфорные клейма и стеклянное навершие из поселения Октябрьское

Магистрат Μνῆσις 2 Φορμίωνος (VI D ХГ, конец 20-х – середина 10-х гг. III в. [Кац 2007, с. 436], ок. 220–211 гг. [Garlan 2004, p. 98]). Сочетание имен данного магистрата и фабриканта Εὐκλῆς является редким.

В дальнейшем исследователем были заложены на памятнике не менее трех раскопов. В 1978 г. на Верхнем раскопе обнаружен фрагмент ручки херсонесской амфоры (ИКАМ 37003/30) с желобчатым немагистратским клеймом (рис. 2.*2*): [Δ]αμ[οσίον], датирующимся в пределах первой четверти III в. [Кац 1994, с. 132; B1/1]. Тогда же на Нижнем раскопе около трапециевидного помещения найден фрагмент амфоры (ИКАМ 37003/86) с плоским клеймом (рис. 2.*3*):

[Μ]άτρ[ιος τοῦ]
Ἀγασ[ικλεῖος]
[ἀστυνομοῦντος]

Магистрат Μᾶτρις Ἀγασικλεῖος [Кац 1994, № 1-75, 3], II Б ХГ; 272–266 гг., [Кац 2007, 442].

Из заполнения этой же постройки происходит плохо пропечатанное магистратское клеймо (ИКАМ 37003/87) (рис. 2.*4*):

[Ἡ]ρα[κλείου]
[ἀ]στ[υνόμου]

Магистрат Ἡράκλειος [Кац 1994, № 1-47–48, 13], I-Б – I-В ХГ, 316–295 гг. [[Кац 2007, с. 326, 442].

В забутовке у суслоприемника центральной винодельни обнаружена ручка херсонесской амфоры [Савеля 1986, л. 11] (рис. 2.*6*) с клеймом (не сохранилось, чтение по отчету):

[Σω]κρίτου
[ἀσ]τυνόμου

Магистрат Σώκριτος (новый штамп?), IB ХГ, ок. 304–395 гг. [Кац 2007, с. 326, 442].

В полевом сезоне 1986 г. на поселении Октябрьское О. Я. Савелей было исследовано три полуземляночных конструкции. В полуземлянке 1 зафиксирован золистый слой, который интерпретируется как слой гибели памятника в пожаре [Зубарь, Кравченко 2003, с. 73]. Среди найденных здесь многочисленных фрагментов керамических изделий отметим три ручки херсонесских амфор с желобчатыми клеймами, магистраты которых относятся к I B хронологической подгруппе по классификации В. И. Каца (ок. 304–295 гг.) [2007, с. 442, 326]:

[Αἰσχ]ίνα
[ἀστυνό]μου

Магистрат Αἰσχίνης (рис. 2.*7*) [Кац, 1994, № 1-7, 4].

[Μ]άτρ[ιος]

[ἀ]στυ[νόμου]

Магистрат Μᾶτρις (рис. 2.*8*) [Кац 1994, № 1-74, 3].

Νανών[ος]
ἀστυνόμ[ου]

Магистрат Νανών (рис. 2.*10*) [Кац 1994, № 1-80, 10]. Таким образом, датировать прекращение существования землянки следует временем не ранее начала III в., что не согласуется с предложенной В. М. Зубарем версии о гибели кизил-кобинских поселений около середины IV в. Полученный из полуземлянок материал в целом синхронен находкам из трапециевидного помещения [ср.: Зубарь 2004, с. 62].

Около полуземлянки 1 также обнаружено литое двустороннее стеклянное украшение (рис. 2.*5*) с изображением бородатых мужских голов в фас (известно по отчету). Подобные изделия относятся к продукции Карфагена и датируются в пределах второй половины IV в. [Копылов 2006, с. 71, рис. 1.*8*]. Возле полуземлянки 3, в перекрывающем ее слое, обнаружена ручка херсонесской амфоры с плоским немагистратским клеймом Πα(...) (рис. 2.*9*), IБ –IIБ ХГ [Кац 1994, с. 124–125, табл. CIV, № 2A-32, 19], 316–266 гг. [Кац 2007, с. 442].

Судя по отчетам О. Я. Савели, в большинстве исследованных контекстов гончарная керамика преобладает над лепной; помимо причерноморских центров (Херсонес, Синопа, Гераклея, Колхида), амфорная тара из поселения представлена средиземноморской продукцией (Кос, Менда, Фасос). Многочисленны фрагменты херсонесских кувшинов, лутериев, мортариев. Имеются находки чернолаковых сосудов аттического производства (фрагменты рыбных блюд, мисок, канфаров).

Хотя основная масса имеющихся в нашем распоряжении материалов из поселения Октябрьское относится к концу IV – первой трети III в., находка синопского штампа с именем магистрата Μνῆσις 2 Φορμίωνος позволяет предположить, что жизнь на объекте продолжалась и во второй половине III в.

Укрепление Таш-Куле исследовано экспедицией Херсонесского музея под руководством О. Я. Савели в 1987–1988 гг. В ходе раскопок открыта башня размерами 9,25 × 10,25 м, ориентированная по сторонам света, мощность кладки составляет 1,0–1,1 м. Автор раскопок интерпретировал объект как нехарактерный для херсонесской архитектуры Юго-Западной Таврики дом-башню («пиргос»), который существовал в последней четверти IV – первой половине III в. [Савеля 1988, с. 61]; позднее датировка была несколько омоложена: башня погибла в пожаре во III–II вв. [Савеля 1989, с. 14]. На расстоянии нескольких десятков метров к северу от башни в 1973 г. обнаружен Сапунгорский клад херсонесских монет типа «Дева – грифон», «гри-

фон – Дева» и «Дева, поражающая лань – бык», датируемый в пределах конца первой четверти – середины III в. [Алексеенко 1998, с. 134].

Немногочисленный материал из раскопок башни демонстрирует широкий хронологический диапазон. К позднеклассическому времени относятся единичные материалы: ножки гераклейских и фасосской амфор, обнаруженные внутри башни (ИКАМ 37154/13). Достаточно ранней находкой являются фрагменты херсонесской керамиды (ИКАМ 37141/1) (рис. 3.*1*) с двумя клеймами: магистрата Ἡράκλειος (рис. 3.*2*) (ІБ-В ХГ, ок. 316–295 гг. [Кац 1994, № 1-47–48, 14; 2007, с. 442]) и фабрикантским (рис. 3.*2*) Πρ(...)← [Кац 1994, 2А-38, 1]. Снаружи башни найдено плохо сохранившееся синопское клеймо (рис. 3.*4*).

В восточной части раскопа зафиксирована позднейшая вымостка, перекрывающая стену башни. На поверхности вымостки обнаружен ряд важных находок. Это фрагмент синопской амфоры (ИКАМ 37154/12) с клеймом (рис. 3.*5*):

[ἀστυνόμου]
Π[ασιχάρου τοῦ][кадуцей]
Δη[μητρίου]
Πρ[ῶτος]

Магистрат Πασιχάρης 2 Δημητρίου, VI С МГ, 30-е – 20-е гг. III в. [Кац 2007, с. 435]; ок. 244–237 гг. III в. [Garlan 2004, p. 97]. Отсюда же происходит фрагмент ручки родосской амфоры с клеймом (рис. 3.*6*) (ИКАМ 37154/12), на котором автор раскопок предполагал имя эпонима Ἀνδρίας [Савеля 1989, с. 13]. Аутопсия показывает иное чтение:

ἐπὶ Ἀ[ρχιλαίδ]α
Ἀγριανίου.

Эпоним Ἀρχιλαίδας, IIIе ХГ, ок. 165–163 гг. [Finkielsztejn 2001, p. 192] (RE-ΑΡΧΙΛΑΙΔΑΣ-ΑΓΡΙΑΝΙΟΣ-003).

Здесь же найдены фрагменты рельефных полусферических чаш (рис. 3.*7, 8*) ионийского (эфесского) производства, которые следует отнести ко второй половине, вероятно, к третьей четверти II в. В вымостке доминировал материал средневекового времени [Савеля 1989, с. 7]. Вероятно, рассмотренные выше находки попали в слой в переотложенном виде и связаны с финальным этапом функционирования башни.

О. Я. Савеля отмечал, что, судя по следам на полу и стенах, башня эллинистического периода погибла в огне [Савеля 1989, с. 7]. При этом античный материал достаточно немногочисленен, что отчасти объясняется использованием остатков башни в средневековое время. Верхнюю границу функционирования комплекса Таш-Куле по имеющимся данным следует предположительно отнести к третьей четверти II в.

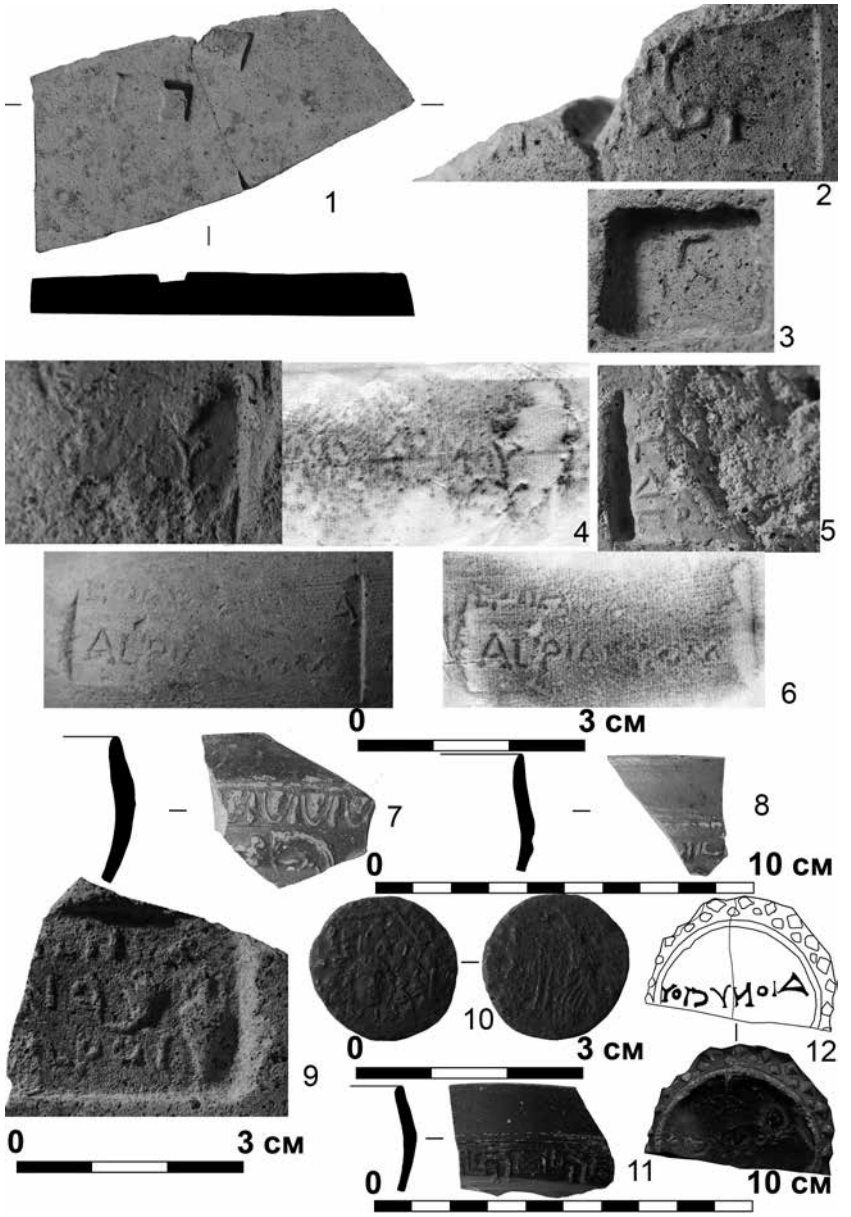

Рис. 3. Находки из укрепления Таш-Куле и укрепления Сапун-гора

Укрепление на Сапун-горе обнаружено Л. Н. Соловьевым в 1925 г., в 2014 г. раскопки экспедиции под руководством А. А. Филиппенко и В. В. Дорошко позволили обнаружить фундамент башни, двумя разведочными квадратами снаружи строительного комплекса выявлена стратиграфия периферии объекта.

К числу наиболее ранних находок относится фрагмент синопской черепицы с клеймом магистрата Ἰστικῶν III В МГ, 10-е гг. IV в. [Кац 2007, с. 434]) (рис. 3.*9*); нельзя исключать его повторного использования. Единичные фрагменты керамических изделий могут быть отнесены к III в. Наиболее ярко на исследованной части памятника представлены культурные слои второй половины II − начала I в. Здесь обнаружена бронзовая монета (рис. 3.*10*) Команы Понтийской типа «Эгида – Ника» времени правления Митридата VI, датирующаяся по современным представлениям ок. 90–85 гг. [Callatay 2007, p. 282, 303, tab. 9]. Многочисленен амфорный материал (производства Родоса, Коса, Синопы, «позднегераклейская» тара), фрагменты чернолаковых и краснолаковых сосудов, рельефных полусферических чаш (рис. 3.*11, 12*). На внешней стороне донца одной из чаш имеется клеймо Διονυσίου ← (ИКАМ 37642/26) (рис. 3.*12*); деятельность эфесского фабриканта Διονύσιος датируется концом II − началом I в. [Rogl 2001, S. 139].

Финал укрепления эллинистического периода относится нами к первым десятилетиям I в. Исследование памятника не завершено, предварительно насыщенные материалами митридатовского времени напластования интерпретированы как слои разрушения и свалки, которая образовалась в ходе дальнейшей расчистки комплекса, продолжавшего функционировать и в первые вв. н. э. [Филиппенко и др. 2015, с. 350].

Таким образом, на примере нескольких памятников прослеживается активная жизнедеятельность на кромке и восточном склоне Сапун-горы от позднеклассического периода до эпохи Митридата VI включительно. Памятники раннеэллинистического времени представлены селищами, оставленными варварским населением, плотно вовлеченным в экономическую жизнь Херсонеса. В III в. получают распространение укрепленные комплексы античного облика.

Попытки выделить общие вехи для рассмотренных памятников сопряжены с рядом сложностей. Набор клейм из предположительно погибшей в пожаре землянки на поселении Октябрьское может быть компактно датирован началом III в., однако данную выборку вряд ли можно признать достоверной для датировки комплекса. В целом позднейшие находки указывают, что этот знаковый для восточной периферии Гераклейского полуострова памятник существовал еще более полустолетия; нельзя исключать, что он разделил судьбу ряда усадеб «ближней» хоры

Херсонеса, жизнедеятельность на которых прекращается во второй половине – последней четверти III в. [Тюрин, Лесная 2020, с. 298]. Следы пожара, выявленные О. Я. Савелей в башне Таш-Куле, также не могут быт уверенно датированы ввиду отсутствия сопутствующих комплексов. По позднейшим находкам можно предположить, что башня перестала использоваться около третьей четверти II в. Предположительно, в первых десятилетиях I в. гибнет сапунгорское укрепление. Возможно, в ходе дальнейших исследований удастся синхронизировать это событие с разрушением укрепления Масляная гора.

Литература и архивные материалы

1. Алексеенко Н. А. Сапунгорский клад херсонесских античных монет IV–III вв. до н.э. // Монета. Международный нумизматический альманах. Вологда. 1998. № 5. С. 129–141.
2. Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. К. 2004. С. 88–97.
3. Зубарь В. М., Кравченко Э. А. Об одном аспекте греко-таврских взаимоотношений в окрестностях Херсонеса Таврического в середине IV в. до н.э. // ПИФК. 2003. Вып. 13. С. 70–76.
4. Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов. 1994. 170 с.
5. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII. 480 с.
6. Копылов В. П. О проникновении пунийских товаров на Нижний Дон в IV в. до н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Ростов-на-Дону, 2006. С. 70–74.
7. Кравченко Е. А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Киев, 2010. 276 с.
8. Савеля О. Я. Отчет об археологических разведках и раскопках на территории г. Севастополя в 1974 г. // НАО ГМЗ ХТ Ф. 1. Д. 1822. Севастополь, 1977.
9. Савеля О. Я. О греко-варварских взаимодействиях в Юго-Западном Крыму в VI–IV вв.// Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси. 1979.
10. Савеля О. Я. Отчет Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции о раскопках 1986 г. в Балаклавском районе г. Севастополя в 1986 г. // НАО ГМЗ ХТ Ф. 1. Д. 2697. Севастополь, 1989.
11. Савеля О. Я. Отчет о раскопках в урочище Таш-Кулле (Балаклавский район г. Севастополя) в 1988 г. // НАО ГМЗ ХТ Ф. 1. Д. 2861. Севастополь, 1989.
12. Савеля О. Я. Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1989 г. // НАО ГМЗ ХТ Ф. 1. Д. 2912. Севастополь, 1990.

13. Тюрин М. И., Лесная Е. С. Кризисные явления в округе Херсонеса в III в. до н.э.: к вопросу о хронологии усадеб Гераклейского полуострова // БФ. 2020. Т. 2. С. 292–299.
14. Филиппенко А. А., Дорошко В. В., Тюрин М. И. Исследования укрепленного комплекса античного времени на вершине Сапун-горы в 2014 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 348–351.
15. Callatay de F. La revision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses consequences sur la datation des monnayes et des sites du Bosphore Cimmérien // Une koinè pontique Cités grecques, societies indigenes et empires mondiaux sur le littoral Nord de la mer Noire (VIIe s. a. C. – IIIe s. p. C.). Bordeaux, 2007. P. 271–308.
16. Garlan Y. Les timbres ceramiques Sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue (avec la collaboration de Hikmet Kara). Varia Anatolica XVI. Paris. 2004.
17. Finkielsztejn G. Chronologie détailée et révisée des eponyms amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C- environ: premier bilan. Oxford, 2001. 260 p.
18. Rogl C. Töpfersignature auf hellenistischen Reliefbechem: eine Liste // Jahreshefte des österreichischen archaologischen Institutes. 2001. 70. S. 135-155.

С. В. Ушаков
Институт археологи Крыма РАН, Симферополь

Северо-Восточный район Херсонеса: основные итоги исследований

Херсонес Таврический – важнейший центр античной и византийской цивилизации в Северном Причерноморье, значение которого в научном плане велико ещё и потому, что он является один из самых лучших памятников с точки зрения его исследованности. Изучение его продолжается уже почти два столетия. Пора подводить основные итоги.

Сказанное напрямую относится к Северо-Восточному району городища (рис. 1), с которого и начиналось исследование древностей Херсонеса – Херсона. Территориально он ограничен остатками оборонительных стен, башен и обрывистым берегом. Нумерация жилых кварталов начинается также с этого района [подробнее: Ушаков 2019]. В Северо-Восточном районе открыты памятники начиная с эпохи поздней архаики/ранней классики до второй половине XIII в. Именно здесь были проведены первые археологические раскопки в Херсонесе К. Крузе в 1827 г., в середине XIX века (1853 г.) – графом А. С. Уваровым, масштабные работы с осени 1876 г. были начаты

Одесским обществом истории и древностей (ООИД) (полковник Геммельман и кондуктор Прудентов). Активнее всего в дореволюционное время здесь работала Императорская археологическая комиссия (ИАК) (работы возглавляли К. К. Косцюшко-Валюжинич, Р. Х. Лёпер). Первые публикации ИАК, а потом и выпуски Херсонесского сборника также были посвящены этому району города. Фундаментальные работы А. Л. Якобсона об истории и археологии Византийского Херсона также в значительной степени базировались на материалах раскопок этой части Херсонеса. В советское и постсоветское время здесь велись масштабные исследования под руководством И. А. Антоновой, С. Г. Рыжова и М. И. Золотарёва. В предварительном плане итоги изучения античных памятников региона были подведены [Золотарев 1988]. Продолжаются полевые исследования на северо-востоке городища и до сего дня (район базилики Крузе и XCVII городской квартал).

Основные итоги исследования этого района, начиная с памятников поздней архаики, следующие. В 80-е гг. XX в. там были обнаружены вырубленные в материковой скале углубления, интерпретированные М. И. Золотарёвым как жилые сооружения («землянки») (рис. 2.*1*) [Ушаков, Лесная, Тюрин 2013]. Тогда же были проанализированы находки граффити на фрагментах амфор и чернолаковой керамики («острака») (рис. 2.*3*). Эти и прочие ранние материалы (чернофигурная керамика, полосатая керамика «ионийского типа», терракота и пр.) (рис. 2, *2*) позволили сформировать оригинальную концепцию основания и начала становления херсонесского полиса с последней трети VI в. до н.э. (528 г.) [Виноградов, Золотарев 1999; Золотарев 2005]. По итогам полевых исследований М. И. Золотарёв представил этапы застройки этой части Херсонеса в классическое и эллинистическое время. С. Г. Рыжов закончил исследование т. н. эллинистического дома и других памятников [Вдовиченко и др. 2019]. Важное место среди всех работ занимает реконструкция главной архитектурной доминанты этого района – священного участка (Темеоса) с дорическим и ионическом храмами, алтарем и статуей Афины-Сотейры [Буйских, Золотарёв 2004], а также материалов исследования района для понимания пространственного развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху [Буйских 2008].

В этом районе (в засыпи цистерны пом. 8 кв. XCVII) была найдена плита с упоминанием египетской божественной триады (Серапис, Исида и Анубис) [Виноградов, Золотарев 2000]. С противоположной стороны основной городской магистрали располагалось домашнее святилище эллинистического времени [Золотарев 1985].

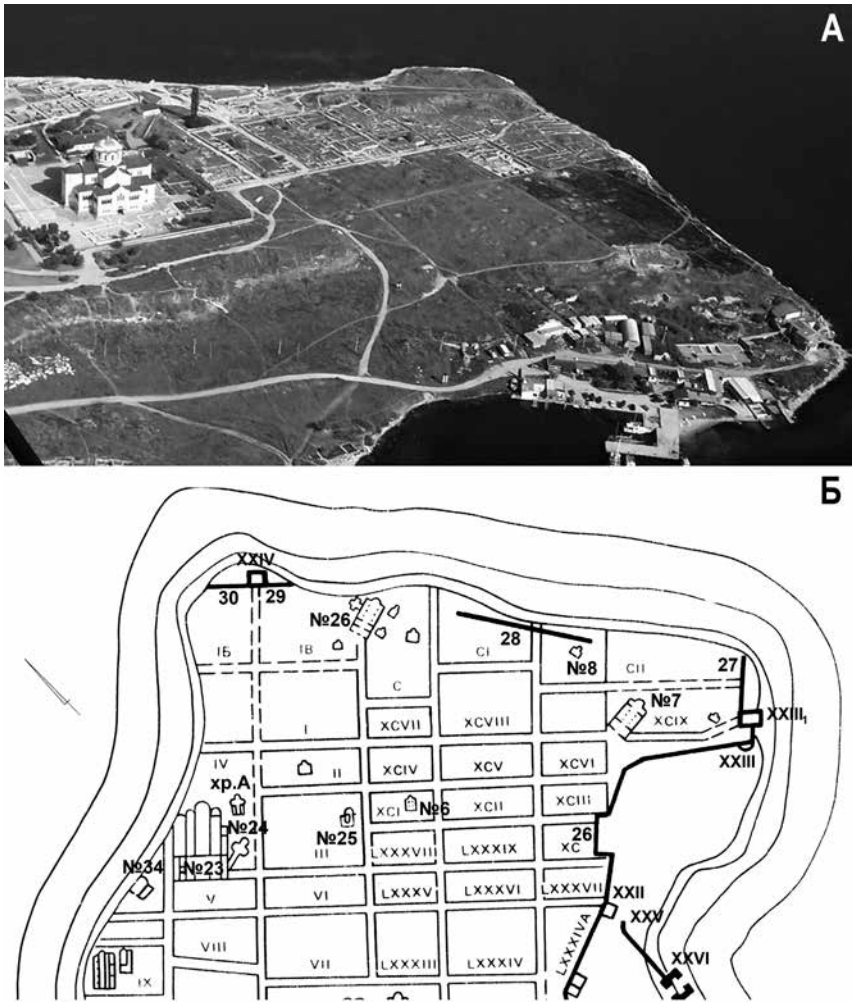

Рис. 1. Северо-Восточный район херсонесского городища.
А – аэрофото; Б – план

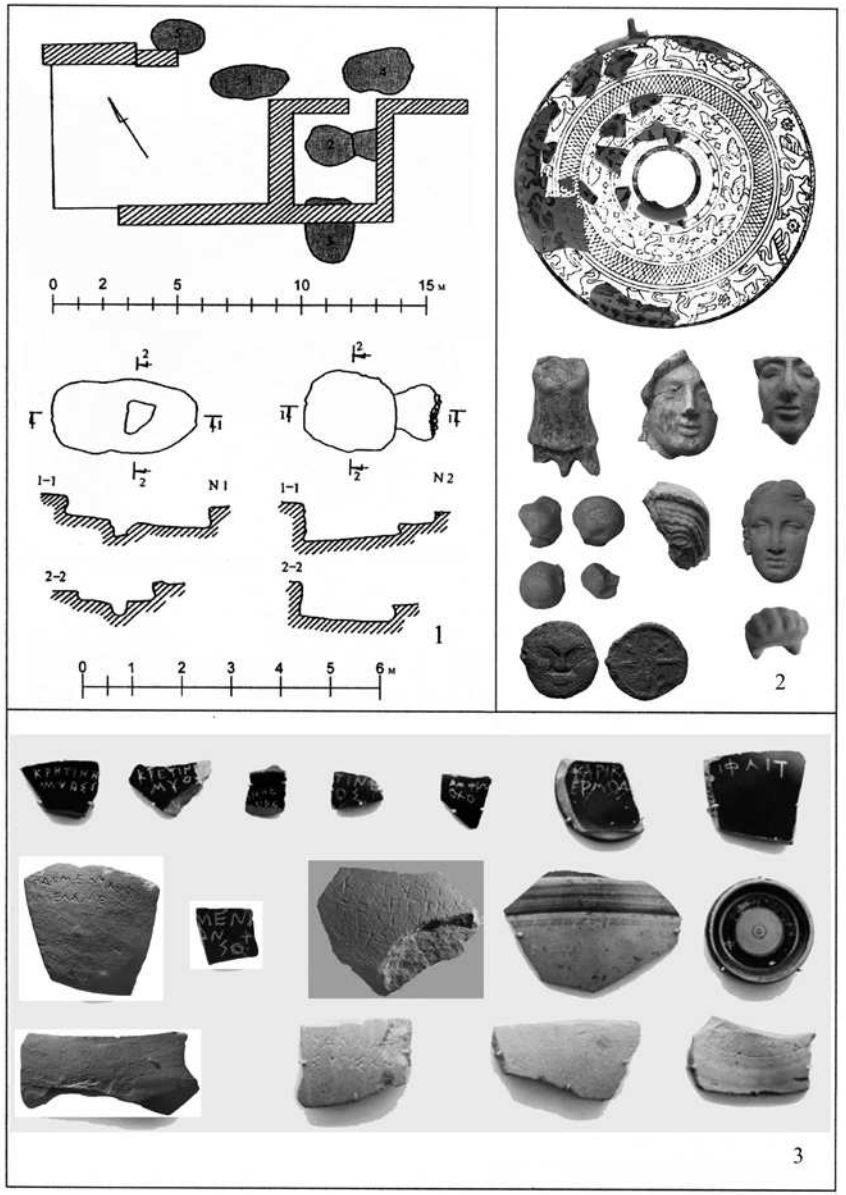

Рис. 2. 1 – «Землянки»; 2 – археологические находки позднеархаического – классического времени; 3 – острака

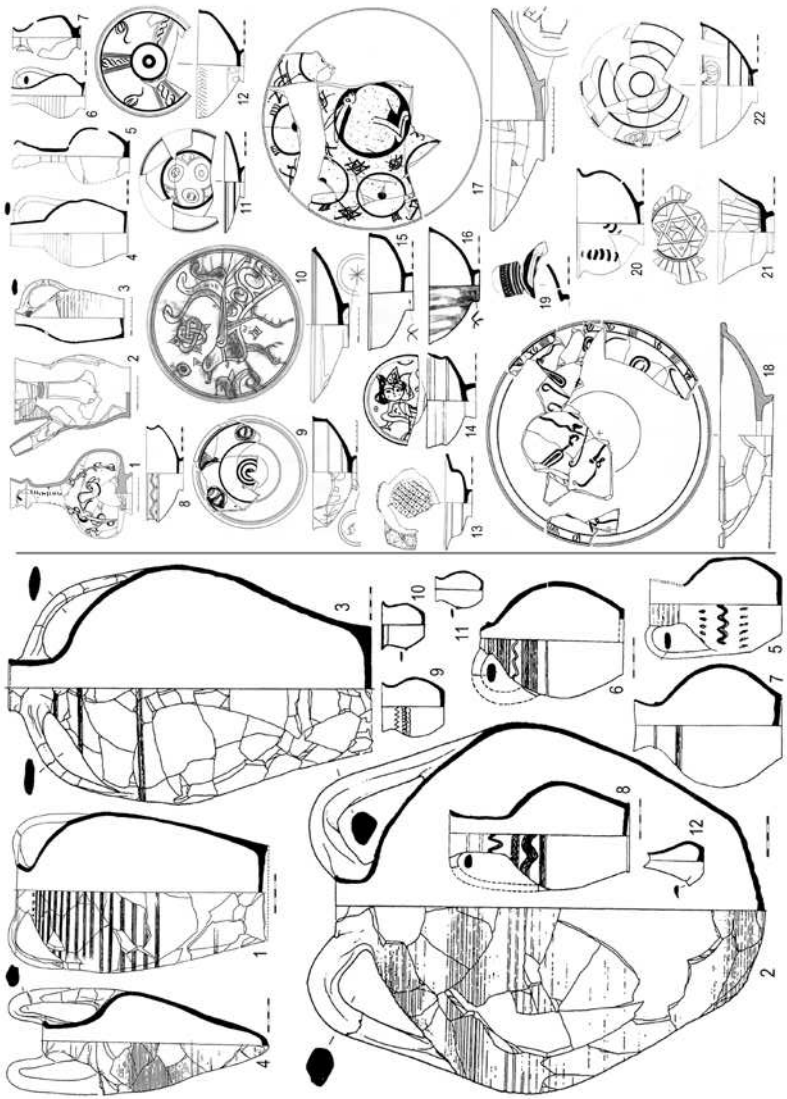

Рис. 3. Находки XIII в. из раскопок квартала XCVII

По материалам раскопок комплексов квартала были выделены такие категории археологических находок как *серогляняная керамика с чёрным покрытием* IV в. до н. э. и *херсонесская сигиллята* III–IV вв. н.э. [Ушаков, Дорошко, Дорошко 2017], а также *лепная керамика* позднеантичной эпохи. Исследованы памятники римской эпохи, в том числе домашнее святилище и цистерна с материалами второй половины I – начала II вв.

Также здесь на северо-востоке были открыты и исследованы крупнейшие (и знаковые) храмовые комплексы позднеантичной-ранневизантийской эпохи – базилики: Уваровская (№ 23), Восточная (№ 36), Крузе (№ 7), «подземный храм» (№ 35); другие христианские культовые сооружения (№ 34, 24, хр. А, 6, 8, 37). Полученные за все годы археологические данные из Северо-Восточного района на завершающем этапе его античной истории (с середины/второй половины IV до второй половины/конца VI в.) позволили дать его характеристику [Ушаков 2019а, 2019б]. В районе тогда активно функционировали керамические, рыбозасолочные, винодельческие и другие производственные комплексы. При сохранении основ гипподамовой системы IV–III вв. изменилась структура жилой застройки, а основой архитектурных доминант стали крупные христианские базилики. Исследованный керамический комплекс, стекло и бижутерия свидетельствуют о континуитете материальной культуры с IV – рубежа VI/VII вв., а амфоры и краснолаковая керамика – о тесных связях Херсонеса с Понтийским и Восточно-Средиземноморским регионами.

Материалы раскопок более позднего времени (VIII–XI вв.), том числе и XCVII квартала, представлены всем комплексом типичных херсонесских (провинциальных византийских) находок раннесредневекового времени: фрагментами строительной керамики, амфор, кухонной гончарной и лепной, поливной (глазурованной) и простой столовой посуды разнообразных форм и др. В совокупности они могут служить эталонными образцами при рассмотрении материальной культуры Причерноморья раннесредневекового времени.

Археологические комплексы XII–XIII в. [напр.: Золотарев, Ушаков 2004] (рис. 3) представлены слоями разрушения. Чаще всего это глубокие подвалы с лестницами. Материалы представлены амфорами, красноглиняной поливной, кухонной керамикой, нумизматикой. Накопленная историография и современное состояние изученности заключительной истории Византийского Херсона (Средневекового Херсонеса) в том числе и на основе археологических комплексов его северо-восточной части позволяют утверждать, что его активная фаза

жизни ограничена пределами второй половины XIII в., вероятней всего рубежом третьей – четвёртой четвертей этого столетия [Ушаков, Байбуртский 2018].

Таким образом, материалы исследований Северо-Восточного района позволяют представить античный Херсонес – Византийский Херсон в качестве эталонного археологического памятника на протяжении всей его истории.

Литература

1. Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. 2008. Вып. 5.
2. Буйских А. В., Золотарев М. И. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. 1994. № 3.
3. Вдовиченко И. И., Жесткова Г. И., Рыжов С. Г. Античная расписная керамика Херсонеса Таврического из раскопок С. Г. Рыжова в 1976–2011 годах. Севастополь, 2019.
4. Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М., 1999.
5. Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Божественная египетская триада в Херсонесе Таврическом // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Сборник статей памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000.
6. Золотарев М. И. Эллинистическое домашнее святилище в Херсонесе // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1985. С. 34–35.
7. Золотарёв М. И. Северо-восточный район Херсонеса в античное время (по материалам раскопок 1976–86 гг.) // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Севастополь, 1988. С. 50–52.
8. Золотарев М. И. Херсонес Таврический: основание и становление полиса // ХСб. Вып. XIV. 2005. С. 13–44.
9. Золотарёв М. И., Ушаков С. В. Новые исследования в Северо-восточном районе Херсонеса (средневековые памятники) // АДСВ. 2004. Вып. 35.
10. Ушаков С. В. Керамический комплекс позднеантичного Херсонеса (по материалам Северо-восточного района) // Вестник Танаиса. № 5. Том 2. Ростов-на-Дону, 2019.
11. Ушаков С. В. Северо-восточный район Херсонеса в позднеантичный период (по данным археологии) // ХСб. 2019. Вып. XX.
12. Ушаков С. В., Байбуртский А. М. О финальной истории Византийского Херсона и его взаимоотношениях с Золотой Ордой (на примере археологических комплексов второй половины XIII в. в Северо-восточном районе города). Материалы VIII Международной научной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова // Археология Евразийских степей. 2018. № 4.
13. Ушаков С. В., Дорошко В. В., Дорошко О. П. Херсонесская сигиллята: основные типы и хронология (по материалам раскопок городища Херсонеса и могильника «Совхоз–10») // История и археология Крыма. 2017. Вып. VI. С. 54–93, 157–163.
14. Ушаков С. В., Лесная Е. С., Тюрин М. И. Херсонесские «землянки»: историографические мифы и археологические реалии // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб., 2013.

И. Н. Храпунов
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь
А. А. Стоянова
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

СКЛЕПЫ III В. Н. Э. ОПУШКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Могильник Опушки расположен в центре крымских предгорий, приблизительно в 15 км к востоку от Симферополя, в 1,5 км к юго-западу от села Опушки, на склоне обращенного к западу безымянного холма (рис. 1а). Памятник был открыт грабителями в 2002 г. В 2003–2005, 2007–2009, 2013, 2014, 2016–2021 гг. велись его научные исследования. Площадь могильника без его полных раскопок точно определить невозможно, приблизительно она составляет 2 га. К 2022 г. на площади 4076 м2 изучено 363 погребальных сооружения, в том числе 51 земляной склеп, 128 подбойных могил, 181 грунтовая могила, 1 каменный склеп, 1 каменный ящик, 1 плитовая могила [Храпунов 2021].

В данном случае речь пойдет о 20 склепах III в. н. э., разбросанных по всей территории могильника, исключая только его северную оконечность, где сконцентрированы погребальные сооружения позднескифской культуры (рис. 1б).

III в. н. э. отмечен в Крыму разными событиями, в том числе и зафиксированными письменными источниками. Самое знаменитое из них – вторжение германцев в середине столетия. Многое, конечно, осталось за пределами внимания авторов известных письменных документов и уловимо только благодаря анализу результатов археологических исследований. Так, например, удалось установить, что отдельные группы германцев появились в Крыму существенно раньше середины III в. н. э. Какое-то важное событие, вероятно, отражает появление склепов особой, не известной до этого в Крыму конструкции.

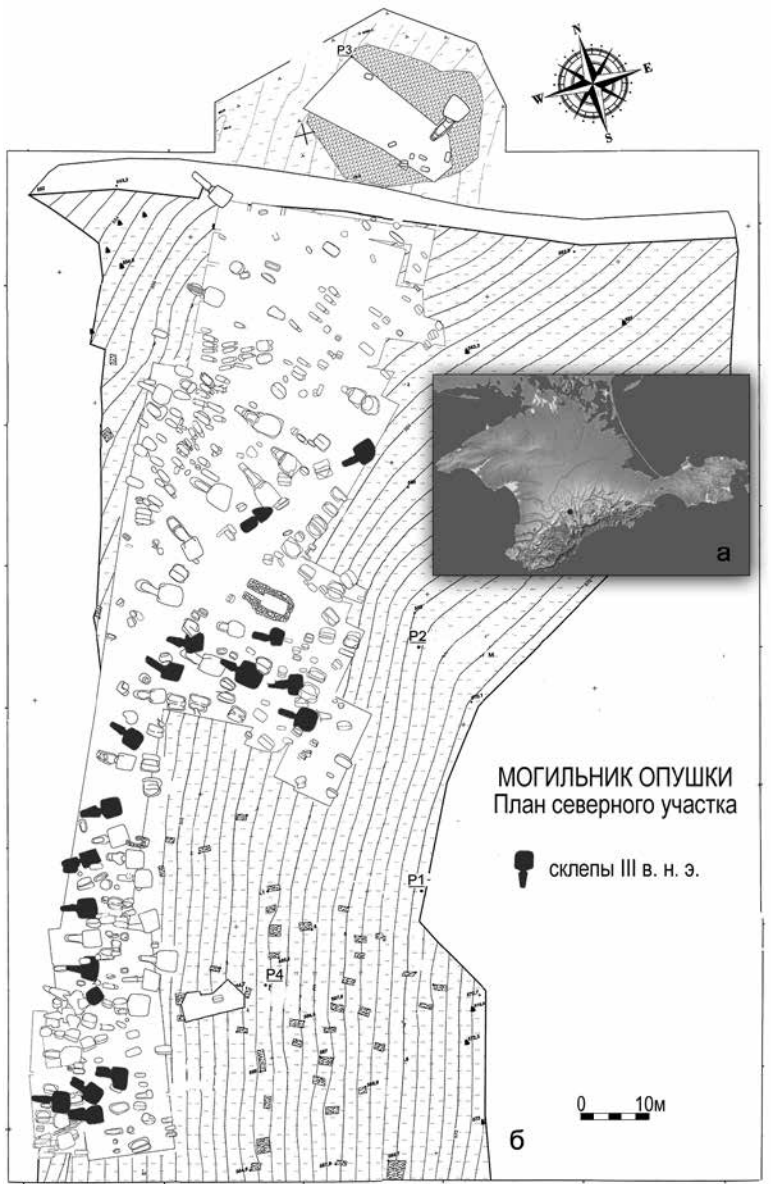

Рис. 1. Месторасположение (а)
и план северного участка (б) могильника Опушки

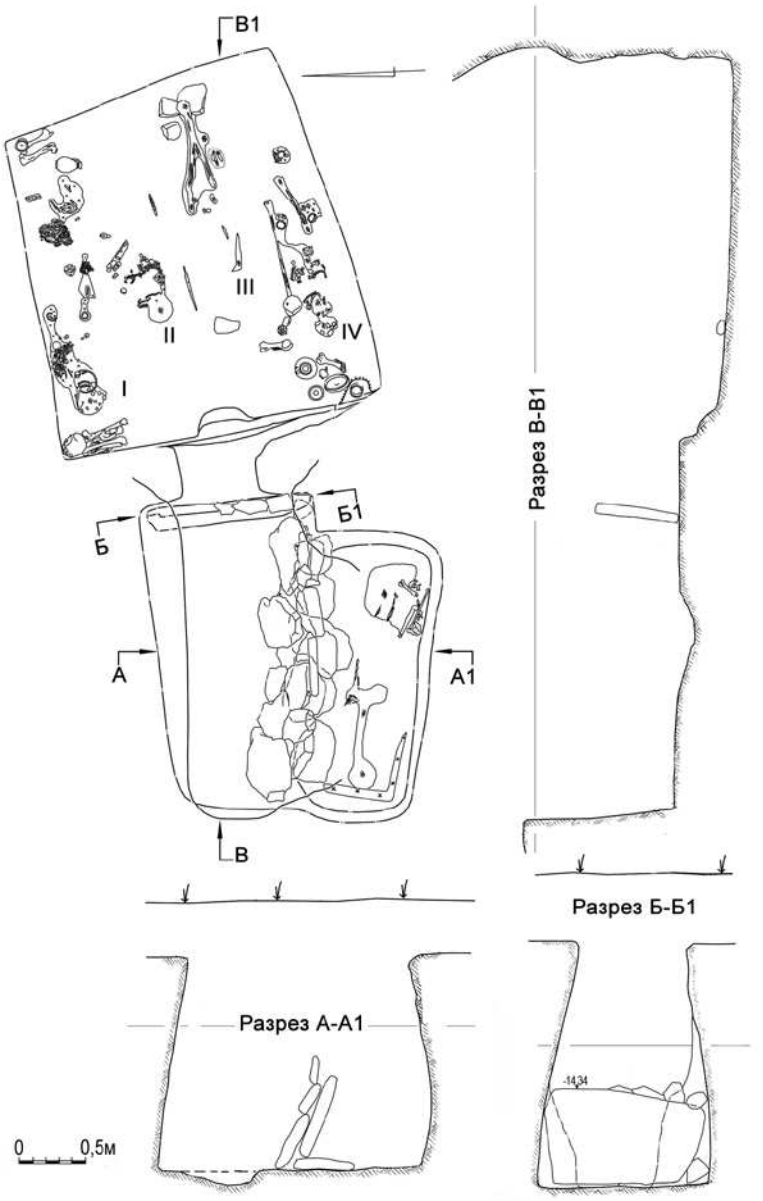

Рис. 2. Склеп № 346 из Опушкинского могильника

Каждый склеп состоял из трех обязательных конструктивных элементов (рис. 2). Это входная яма, сооруженный в ее короткой стенке небольшой дромос и погребальная камера, выкопанная через дромос. В длинной стене входной ямы в некоторых случаях делался подбой. Вход в дромос закрывался каменными плитами. Погребальная камера, как правило, предназначалась для четырех–шести погребений. Погребенных укладывали на пол в вытянутом положении на спине, за редкими исключениями, в один ярус. Очень часто использовалась угольная подсыпка. Погребальный инвентарь представлен обычными для рассматриваемого времени типами многочисленных краснолаковых, редких лепных и стеклянных сосудов, бытовых предметов (ножи, пряслица, оселки, иглы, зеркала, шкатулки), деталей одежды (фибулы, пряжки, металлические детали ремней), украшений (кольца, перстни, браслеты, гривны, разнообразные подвески, многочисленные бусы, которыми, в частности, расшивались подолы платьев). Обычной находкой являются кольца с «шишечками». В нескольких могилах обнаружены монеты (до шести в одном погребении). Обращает на себя внимание почти полное отсутствие оружия. Найдены только один кинжал и один топор, причем боевое предназначение последнего вызывает сомнения.

Первостепенной важности вопрос – когда появились первые склепы с короткими дромосами? Ответ на него дают результаты раскопок склепа № 158.

Его погребальная камера наполовину разграблена. Тем не менее, сохранились костные останки не менее чем 19 погребенных. Такое количество захоронений совершенно необычно для склепов позднеримского времени. В не разграбленной части погребальной камеры захоронения были совершены в четыре яруса. Во втором ярусе сверху лежала монета Септимия Севера 204 г. Следовательно, хоронить в склепе начали в самом начале III или во второй половине II в. н.э. Другие находки из склепа подтверждают эту датировку [Храпунов, Стоянова 2021].

Многоярусные погребения – один из самых характерных признаков позднескифской археологической культуры. В склепах позднеримского времени такой обряд ранее не был известен. Как случилось, что в одном погребальном сооружении сочетались признаки разных археологических культур? Логичным кажется следующий ответ на поставленный вопрос. Во второй половине II или в самом начале III в. н.э. в предгорном Крыму появились носители культуры склепов с короткими дромосами. Они столкнулись с людьми, сохранившими позднескифские погребальные традиции. Мигранты и автохтоны создавали единые коллективы. В результате формировались погребальные обряды, сочетавшие разные по происхождению элементы. Вероятно, носителей позднескифских традиций было не много. Поэтому в синхронных и однотипных склепу № 158 погребальных сооружениях хоронили по новым для предгорного Крыма правилам – в один ярус на полу погребальной камеры.

Среди склепов с короткими дромосами есть такие, где начали хоронить в первой половине III в. н. э. и продолжали во второй. В других склепах первые погребения относятся ко второй половине III в. н.э., а последние – к началу IV в. н.э. В IV в. н.э. в таких погребальных сооружениях совершали подавляющее большинство захоронений, открытых до сих пор в могильнике Опушки. Так что перерывов в использовании склепов не видно, но приблизительно на рубеже III–IV вв. н.э. ощущается значительный приток нового населения, хоронивших своих умерших в обсуждаемых могилах.

О происхождении крымских склепов с короткими дромосами уже давно ведутся дискуссии [Мошкова, Малашев 1999; Храпунов 2018; Волошинов, Масякин 2021]. Пока они привели к одному более или менее удовлетворительному результату. Склепы такой конструкции появились на Северном Кавказе раньше, чем в Крыму, и использовались синхронно с крымскими. Следовательно, в Крым традиция использовать такие сооружения привнесена переселенцами с Северного Кавказа. Вероятно, была не одна миграционная волна. Одну из них отмечают первые, появившиеся в Крыму склепы, вторую – резкое увеличение их количества приблизительно на рубеже III–IV вв. н.э.

Насколько можно судить по склепам, лишь немногие из которых остались не разграбленными, имущественное и социальное расслоение хоронивших в них людей не слишком заметно. Единственным бросающимся в глаза маркером высокого социального ранга являются украшения, изготовленные в позднеримском полихромном стиле. В могильнике Опушки их найдено больше, чем при раскопках других синхронных памятников предгорного Крыма. Обнаружено 10 серебряных серег, 2 золотые серьги, 2 прямоугольных нагрудных украшения, 1 подвеска-лунница [Храпунов, Стоянова 2018]. Они датируются второй половиной III в. н.э., найдены в женских и, особенно часто, детских погребениях.

Литература

1. Волошинов А. А., Масякин В. В. Склепы особой конструкции как индикаторы связей населения юго-западного Крыма и Боспора в IV–V вв. н.э. // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Симферополь – Керчь, 2021. С. 76–85.

2. Мошкова М. Г., Малашев В. Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999. С. 172–212.
3. Храпунов И. Н. Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). IV. Симферополь, 2018. С. 133–145.
4. Храпунов И. Н. Исследования могильника Опушки: итоги и перспективы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII. Симферополь, 2021. С. 235–259.
5. Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Украшения в позднеримском полихромном стиле из могильника Опушки в Крыму // Stratum plus. 2018. № 4. С. 255–262.
6. Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Склеп с многократными погребениями III в. н. э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20. № 1. С. 217–250.

Е. В. Четверкина
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Кухонная керамика Ольвии (по материалам ИИМК РАН)

В Институте истории материальной культуры в настоящее время хранится обширная коллекция археологических предметов, полученных в ходе раскопок на городище Ольвия. Данный памятник расположен на правом берегу Днепро-Бугского лимана к югу от современного Николаева и современного села Парутино Очаковского района Николаевской области на территории Украины. Раскопки известного древнегреческого города проводились Ленинградским отрядом ЛОИА АН СССР под руководством Т. Н. Книпович (1948–1955 гг.), Е. И. Леви (1956–1973 гг.), В. И. Денисовой (1975–1990 гг.). За эти годы данным исследователям удалось не только открыть многочисленные строительные комплексы и выяснить основные тенденции развития города и его застройки, но и собрать ценный археологический материал, являющийся отражением различных сторон жизни древнего населения Ольвии.

Некоторые из открытых в ходе работы экспедиции артефакты сразу передавались в Николаевский музей, большая же часть предварительно отправлялась в ЛОИА для обработки и реставрации. Однако огромные объемы материала (судя по номерам, количество индивидуальных находок за один полевой сезон превышало 4000 единиц) препятствовали своевременной передаче в музей, растянувшейся на долгие годы и в итоге не завершенной.

Рис. 1. Образцы кухонной керамики Ольвии из коллекции, хранящейся в ИИМК: 1 – горшок (Ол.87/169); 2 – фрагмент кастрюли (О.68/5358)

На данный момент ольвийская коллекция готовится для передачи в Государственный Эрмитаж. Число предметов в коллекции по общим оценкам исчисляется десятками тысяч. Несмотря на частичную депаспортизацию в процессе хранения, основной массив находок все еще представляет ценность для археологов, но по сей день остается мало кому известным и неопубликованным. Особо ценно, что, помимо предметов, обладающих высокой музейной и научной ценностью, как в числе индивидуальных находок, подготовленных для отправки в музей, так и среди незашифрованных вещей, многочисленны и находки массового материала.

Среди них не последнее место занимают и кухонные сосуды, которым посвящена данная работа. Нами была обработана выборка из 175 предметов, относящихся к этой категории керамики. Она охватывает практически все периоды существования города – от архаической эпохи до римского времени включительно. В основном фрагменты кухонной керамики происходят из слоев городища, реже относятся к

Рис. 2. Образцы кухонной керамики Ольвии из коллекции, хранящейся в ИИМК: 1 – фрагментированная подставка-ласана (О.56/1536); 2 – профиль жаровни (О.69/3172)

строительным комплексам. Детальное рассмотрение находок в связи с их археологическим контекстом еще только начинается и требует долгой и кропотливой работой с архивными документами. Таким образом, данная работа носит предварительный характер, ее цель – дать общую характеристику кухонной керамики, в ходе которой будут выявлены основные типы сосудов, сопоставлены с имеющимися данными по боспорской кухонной керамике для выделения сходства и различий, предположительно атрибутировать привозные сосуды.

Следует отметить, что кухонная керамика Ольвии становилась объектом для исследования и ранее, имеется ряд работ, посвященных типологии кухонной посуды [Книпович 1940; Марченко 1983; Лейпунская 1987], также в числе прочих категорий керамики она подвергалась и химико-петрографическому анализу [Кульская 1940]. Однако предложенные классификации, хотя и в некоторых моментах сохраняют свою актуальность, тем не менее в целом методически устарели и нуждаются в ревизии. К тому же в них рассматриваются сосуды исключительно местного производства, тогда как результаты нашего исследования показывают, что небольшой процент найденных на городище фрагментов кухонной посуды может быть отнесен к привозной продукции.

Кухонная керамика Ольвии из коллекции ИИМК РАН представлена такими категориями сосудов как горшки (рис. 1.*2*), кастрюли (рис. 1.*3*), сковороды, крышки, подставки-ласаны (рис. 2.*1*) и жаровни (рис. 2.*2*). Как и в других городах Северного Причерноморья, жители изредка использовали для приготовления пищи изначально не предназначенные для этого столовые и хозяйственные сосуды (леканы, миски, ойнохойи, корчаги).

Основная часть представлена кухонными сосудами, вероятно, местного производства. Они выполнены из оранжевой глины, с примесью песка, что придает поверхности сосудов некоторую шероховатость и блесток. Реже встречаются образцы из серой глины, предположительно, тоже ольвийского производства. Но в выборке присутствует в небольшом количестве и привозная продукция, узнаваемая по обильным примесям минералов и пород, слюды или полному отсутствию видимых примесей, тонкостенности сосудов.

В целом кухонные сосуды из Ольвии могут быть описаны в рамках общей для всего Северного Причерноморья типологии кухонной керамики, разрабатываемой автором, в основном типы являются общими, однако их варианты могут носить локальный характер. Наличие импортов и подражаний подтверждает данные, полученные в ходе изучения других категорий археологического материала, о широких торговых, производственных и культурных связях Ольвии.

Литература

1. Книпович Т. Н. Местная керамика с раскопа «И» // Ольвия. Киев, 1940. Т. I. С. 105–170.
2. Кульская О. А. Химико-технологические исследования ольвийских керамических изделий // Ольвия. Киев, 1940. Т. I. С. 171–185.
3. Лейпунская Н. А. Кухонная керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987. С. 79–83.
4. Марченко К. К. Кухонная керамика Ольвии 2-й половины 6 в. – 1 в. до н.э. // Археологія. 1983. № 43. С. 14–26.

Н. Б. Чурекова
Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов

К вопросу об энглифических метках на греческих амфорах[1]

Энглифические метки в виде колечек встречаются довольно часто на разных частях амфор. Надо отметить, что данным вопросом в общем-то в научной литературе специально не занимались, потому что он считается решенным. В основном их интерпретируют как отпечаток от тростинки по сырой глине. Пожалуй, общепринятое мнение на этот счет сформулировал в свое время Н. Н. Федосеев, считавший, что большинство таких «энглифических колечек» выполнено гончарами торцевыми частями тростника при проверке степени готовности продукции для последующего обжига [Федосеев 2010, с. 344, рис. 6]. Тем не менее, нам показалось, что провести небольшую ревизию имеющихся у нас материалов будет не лишним. Хотя бы для того, чтобы в научный обиход вошло однообразное обозначение и описание этих меток.

Для начала необходимо определиться с тем, каким материалом мы располагаем. Во-первых, это целые амфоры (за некоторым исключением) из электронной базы APE [https://ape.sgu.ru/] – здесь представлены коллекции пяти музеев – всего 1 195 амфор. Во-вторых, это также целые сосуды из картотеки С. Ю. Монахова[2], их количество примерно сопоставимо с базой APE или даже немного превосходит ее. В-третьих, это ряд публикаций амфорных клейм, прежде всего IOSPE III и каталог клейм Азиатского Боспора [Кац 2015].

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00096).

[2] Выражаю благодарность С. Ю. Монахову за предоставленную возможность использовать материалы картотеки.

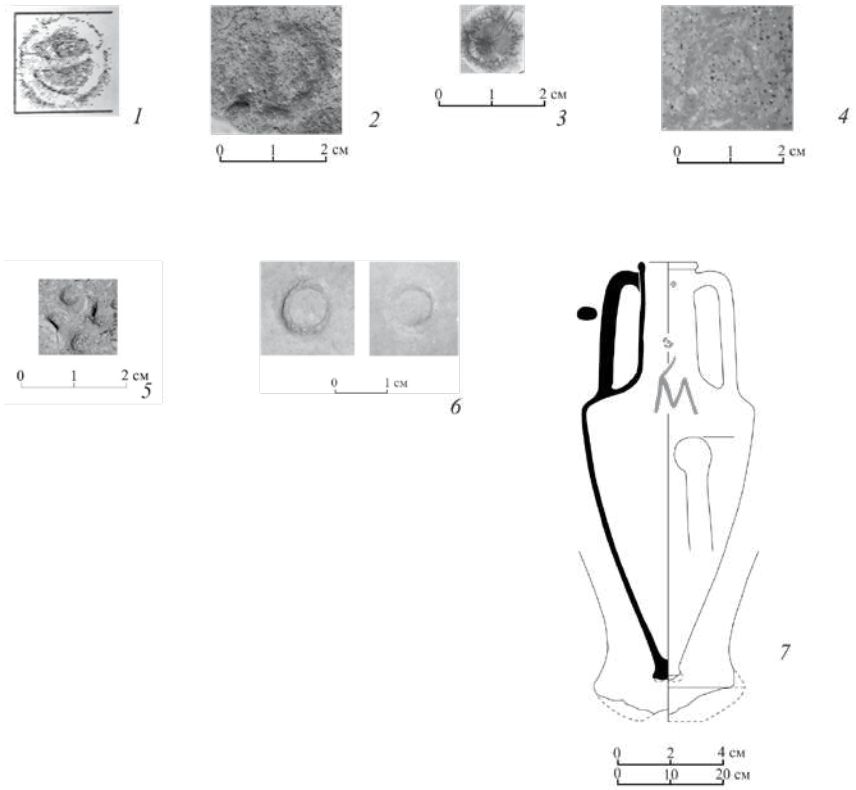
Разумеется, это довольно смешанная статистика, так как в одном случае, привлекая материалы APE и картотеки С. Ю. Монахова, мы имеем дело с целыми сосудами, которые зачастую при поступлении в музеи подвергались субъективной выборке (предпочтение, конечно же отдавалось целым и клейменным сосудам), с другой стороны, например, коллекция амфор из Прикубанского некрополя была сдана полностью и в таком виде на вошла в базу APE (за исключением некоторых сосудов, которые не удалось обнаружить в хранении). Так же в нашей выборке присутствуют и материалы из находок массового материала (ручки, фрагменты горл и ножки), что, разумеется, дает несколько иной коэффициент встречаемости энглифических меток. Но даже с учетом этих нюансов, будет полезным попробовать разобраться, на каких центрах чаще всего ставились данные энглифические метки, какие формы использовались и существует ли какая-то закономерность в этом клеймении.

Всего нами привлечено 170 энлгифических меток на амфорах, а также использованы результаты, полученные Т. М. Кутиновой при обработке клейм Фанагории, что дает еще почти 90 экземпляров [Кутинова 2005, с. 399–405]. Данные представлены в таблице 1.

По центрам производства амфор цифры следующие (без учета IOSPE): Хиос – 71 экз.; Менда – 21; неизвестные центры производства – 17; сосуды римского времени и «протофасосские» по 4; Фасос – 3; Гераклея, Икос, Пепарет, Самос-Милет Эрифры по 2; Айнос, Клазомены, Лесбос, Родос по 1.

Метки наносились на ручки (около нижних и верхних прилепов) – 92 экз., на разные части горла – 35, на ножки и нижнюю часть – 4 (здесь использованы данные APE, картотеки, IOSPE и частично каталога В. И. Каца). Основная масса меток имеет форму круга, диаметром в среднем от 6,5 до 8,5 мм, однако встречаются и несомкнутые колечки – всего их насчиталось 8; полуколечек – 2; и две метки представляют собой трехсекционное колечко (без IOSPE и данных Т. М. Кутиновой). В данном случае, если принять мнение ряда исследователей, что эти метки наносились по сырой глине срезанной тростинкой, то объяснение нужно искать в непрочности «инструмента» – тростинка трескалась и оставляла оттиски несомкнутого круга или не полностью отпечатывалась и получалось полукольцо. Но, как объяснить трехсекционное колечко не совсем понятно – вероятнее всего, тростинка должна была бы просто развалиться.

Среди необычных форм также встречаются колечки, разделенные на две части [Кутинова 2005, с. 402, рис. 10], как нам представляется, это может быть буквенное клеймо, не полной аналогией может слу-

Энглифические МЕТКИ НА АМФОРАХ.
1 – «ПРОТОФАСОС» (Кутинова 2005: 402, рис. 10);
2 – Менда (Монахов и др. 2021: 165, Md.59);
3 – Менда (Ана-па. Арх. Муз. АМ 665);
4 – Гераклея (Монахов и др. 2021: 253, HP.55);
5 – Хиос (APE.I-Ch.1);
6 – Фасос (APE.III-Th.5);
7 – Хиос (Монахов 2003: 239, табл. 9 -2)

жить оттиск на амфоре Менды в виде буквы «Ф» [Монахов и др. 2021, с. 165, Md. 59] (рис. 1.*1–2*). Также необычные по форме метки встречены на амфорах Менды и Гераклеи (№ 2, 17, табл. 1). На ручке мендейского сосуда оттиснуто колечко с точкой внутри, что также может быть обозначением буквы (рис. 1.*3*). Метка на амфоре Гераклеи определена при публикации как энглифическое колечко [Монахов и др.

2021, с. 253, HP. 55], но при подготовке данной статьи, в этом появились сомнения. Дело в том, что оттиск не очень хорошей сохранности и при тщательном рассмотрении может показаться, что там присутствует буква (рис. 1.*4*). Если это так, то единственной меткой с энглифическим колечком на сосудах Гераклеи будет № 3 (табл. 1) и опять же этот фрагмент отнесен к производству этого центра в основном на основе глины, что не безоговорочно.

Встречаются также случаи, когда оттиснуто сразу несколько колечек, например, два колечка рядом № 40 и 62; по одному колечку на обеих ручках № 13, 55; четыре колечка рядом № 58, причем в данном случае вдавления довольно глубокие и нет четкого представления, что здесь речь идет о таком же способе нанесения метки (рис. 1.*5–6*).

Что касается времени бытования данных меток, то можно довольно уверенно говорить, что они появляются на амфорах как минимум с середины VI в. до н.э. (Хиос № 58, табл. 1). О верхней хронологической границе использования таких меток говорить довольно сложно, так как в нашем распоряжении было только 4 экземпляра, относимых к римскому времени (№ 49–53, табл. 1). Основная масса меток в выборке относится к IV в. до н. э.

Привлечение целых сосудов могут также дать информацию о взаимовстречаемости энглифических меток с другими отметками. В свое время М. Лаваль упоминал об энглифических колечках, но не отделял их от остальных способов маркировки амфор Хиоса, ставя в один ряд сосуды, помеченные дипинто и оттисками колечек [Lawall 1995, pp. 104–105]. Аналогичное расположение, например, на горле, и время распространения таких дипинти и энглифических колечек, дали основание М. Лавалю относить их к частям одной системы меток [Lawall 1995, p. 105]. В нашем распоряжении, к сожалению, нет примеров подобных сочетаний, но среди амфор Хиоса можно выделить сосуд из Ольвии, на горле которого помимо энглифического колечка присутствует граффито(?) в виде буквы «Θ» и дипинто в виде «М» или «Σ» [Монахов 2003, с. 239, табл. 9.*2*] (рис. 1.*7*).

Еще один важный вопрос, требующий отдельного рассмотрения – это смысловая нагрузка данных меток. Если принять точку зрения большинства исследователей о том, что они являются просто пробой гончара, нет смысла рассматривать их как какие-то специальные отметки. Но есть несколько моментов, которые при этом не находят объяснения, например, почему такие метки встречаются не так часто? Если обратиться к статистике, которая может дать база APE и картотека С. Ю. Монахова (именно здесь представлены целые сосуды, пусть даже и выборка из музеев является не очень показательной), то полу-

чается, что такие метки ставились меньше чем на 2 % сосудов. Перед обжигом проверяли одну амфору из партии, а готовность остальных определяли на глаз? Почему метки ставили на разные части сосудов, а на амфорах некоторых центров таких меток вовсе не обнаружено, например, на таре Херсонеса Таврического и Синопы? Ответов на эти вопросы у нас пока нет.

Итак, нами рассмотрено порядка 260 оттисков энглифических колечек, приведены данные их распределения по центрам, форме и времени, поставлены вопросы, которые, к сожалению, пока не могут получить ответа. В целом, мы вынуждены повторить общеизвестные выводы о том, что это техническая метка гончара, но вот цель, с которой он ставил ее на сосуд, у нас вызывает некоторые сомнения. Предлагаем также использовать уже устоявшуюся в публикациях терминологию [Монахов и др. 2016, 2017, 2019, 2020, 2021] и обозначать эти энглифические колечки как метки.

Литература

1. Кац В. И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Ч. I. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище / под ред. С. Ю. Монахов, Н. А. Павличенко. Саратов, 2015.
2. Кутинова Т. М. Керамические клейма VI–V в. до н. э. из раскопок Фанагории // Боспорский феномен. Проблемы соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005. С. 399–405.
3. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003.
4. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь; Саратов, 2016.
5. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Саратов, 2017.
6. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э. Каталог. Саратов, 2019.
7. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Толстиков В. П., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–I вв. до н. э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Саратов, 2020.
8. Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н. э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына). Саратов, 2021.
9. Федосеев Н. Ф. К интерпретации комплекса № 23 поселения Старая Богдановка 2 на хоре Ольвии и об энглифических колечках // Античный мир и археология. 2010. Вып. 14. С. 339–349.
10. Lawall M. Transport Amphoras and trademarks: imports to Athens and economic diversity in the Fifth Century B. C. Diss., University of Michigan, 1995.

Таблица 1. *Метки на амфорах в виде энглифических колечек*

№ п/п	Центр	№ по базе или публикации	Форма и место расположения	Примечания
1	2	3	4	5
1	Айнос	APE.III-An.2	под венцом	
2	Гераклея	APE.V-HP.55	под венцом	В публикации отмечено, что это энглифическое колечко, но скорее всего, это клеймо с буквой внутри.
3	Гераклея	Кац, Горгиппия № 909	полуколечко, на ручке	
4	Икос	APE.I-Ik.9	на горле	
5	Икос	APE.V-Ik.14	трехсекционное, несомкнутое, на горле	
6	Клазомены	APE.III-Kl.2	на ручке, около верхнего прилепа	
7	Лесбос	Кац, Горгиппия № 9	на горле	
8	Менда	APE.III-Md.4	несомкнутое, в нижней части горла	
9	Менда	APE.V-Md.8	в нижней части горла	6,5 мм
10	Менда	APE.V-Md.68	в нижней части горла	
11	Менда	Карт. Старокорс. Об. 15	на ручке	

1	2	3	4	5
12	Менда	Карт. Елизов. Мог. 1977. к. 76 АКМ № ЕМ-76/122	на ручке	
13	Менда	Карт. Каменка Днепр. К. 1, тризна вторая.	два, на обоих ручках	8,5 мм
14	Менда	Карт. Чертомлык, п. 1 (1984) амф. №12	на ручке	
15	Менда	Карт. Любимовка, к. 6, тризна	несомкнутое	
16	Менда	Карт. Пашковский гр. мог. 1947, п. 1	несомкнутое, на ручке	
17	Менда	Карт. Анапа арх. муз. АМ 665	колечко с точкой внутри, на ручке	9 мм Возможно анэпиграфное клеймо
18–23	Менда	Кац, Горгиппия №№ 385–390		6 экз.
24–28	Менда	Кац, Семибратнее №№ 2136–140		5 экз.
29–33	Неизвестные центры	Кац, Семибратнее № 2321–2325		5 экз.
34–36	Неизвестные центры	Кац, Су-Псех №№ 2573–2575		3 экз.
37	Неизвестный центр	APE.V-Un.9	на горле	6,5 мм
38–45	Неизвестный центр	Кац, Горгиппия №№ 1595–1602	3 на горле (одно с двумя колечками), 2 на ручках	8 экз.

1	2	3	4	5
46	Пепарет	APE.I-Pp.1	несомкнутое, трехсекционное, на горле	
47	Пепарет	Карт. к. Солоха, зап. ниша. Херсон. муз. № Х. 1525/2868	на ручке	
48	«протофасосские»	Кац, Горгиппия № 6	несомкнутое, в нижней части тулова	
49–53	римского времени	Кац, Горгиппия №№ 1503–1056		4 экз.
54	Родос	Кац, Горгиппия № 539	на ручке	
55	Фасос	APE.III-Th.5	два колечка на обеих ручках	
56	Фасос	APE.V-Th.48	на ручке, около верхнего прилепа	7,5 мм
57	Фасос	Карт. Ол-85 № 355	на горле	
58	Хиос	APE.I-Ch.1	четыре «вдавленных» колечка на ножке	
59	Хиос	APE.III-Ch.17	у нижнего прилепа ручки	
60	Хиос	APE.III-Ch.49	на горле	
61	Хиос	Карт. ЕГ 88, Р. XX, подвал, СП. 3	несомкнутое, на горле	
62	Хиос	Карт. Калос Лимен 1985, сл. нах. Миранчука	два несомкнутых колечка, на горле	5 мм

1	2	3	4	5
63	Хиос	Карт. ОЗ № 333, О-79, АГД-126	на горле	Ниже на горле колечко с точкой по сырой глине
64	Хиос	Карт. Волна-4 2007 кв. М12, яма. 2	на горле	
65	Хиос	Кац, Горгиппия № 16	несомкнутое, на горле	
66	Хиос	Кац, Горгиппия № 21	на горле	
67	Хиос	Кац, Семибратнее № 2008	у нижнего прилепа ручки	
68	Хиос	Кац, Семибратнее № 2010	на ручке	
69	Хиос	Кац, Семибратнее № 2011	на ножке	
70–76	Хиос	Кац, Горгиппия №№ 10–15, 22		7 экз.
77	Хиос	Кац, Горгиппия № 17–18	на ручке	
78	Хиос	Кац, Горгиппия № 19–20	на ножке	
79–80	Хиос	Кац, Семибратнее №№ 2009, 2012	на горле	2 экз.
81	Эрифры	APE.III-Er.3	половинка колечка, на горле	
82	Эрифры	Карт. ННФ_74. 56. Нимфей уч. А, об. А41	на горле	

1	2	3	4	5	
83–170	IOSPE	№№ 351–423	на ручках	72 экз.	88 экз.
	IOSPE	№№ 424–434	на горле	10 экз.	
	IOSPE	№№ 435–440	2 на ручках, 2 на горле	6 экз.	

В. Н. Чхаидзе

Институт археологии РАН, Москва

Половецкие каменные изваяния из «Склада местных древностей» в Херсонесе[1]

На Крымском полуострове в коллекциях практически каждого музея представлены половецкие каменные изваяния (XII–XIII вв.), в свое время вывезенные из степного Крыма. Они имеются в музеях Симферополя, Евпатории, Ялты, Керчи, Феодосии, Алупки и, конечно, Херсонеса [Плетнева 1974, с. 104–106; Артеменко 2008, с. 51–53; Черкасов, Чхаидзе 2020, с. 213–214]. Можно полагать, что в Херсонесе изваяния появились первыми на полуострове – это, без сомнения, связано с созданием в 1892 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем «Склада местных древностей».

В обширном фонде фотодокументов Архива Музея-заповедника «Херсонес Таврический» хранятся несколько черно-белых фотографий и стеклянных негативов, датированных 1890 – 1910-ми гг., на которых изображены два женских половецких каменных изваяния (как вместе, так и по отдельности) [НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 29. Инв. 29; Фонд фотодокументов. Инв. 9, 556, 571, 575, 1164, 1295, 1302]. Первое из изваяний археологически целое – в высокой конической шапке, второе – без головы, расколотое на две части (рис. 1). Из фотоснимков следует, что в 90-е гг. XIX в. оба изваяния находились под открытым небом, а до 1910 г. были перемещены в помещение «Склада местных древностей».

Первое изваяние хорошо известно в научной литературе. Оно было найдено в 1895 г. *«в земле на возвышении»* [ОАК 1895, с. 76, рис. 199; Федоров-Давыдов 1966, с. 271, № 6 вверху], *«в двух верстах»* [Маркевич 1904, с. 94] от с. Мурзабек (Мурзайская)

[1] За содействие созданию этой работы автор признателен: Н. Л. Демиденко, Т. А. Прохоровой, В. В. Майко, Н. Б. Майко.

Рис. 1. Фото изваяний из «Склада местных древностей» в Херсонесе [НАО ГМЗХТ. Фонд фотодокументов. Инв. 571, 575 (после 1895 г.), 1164, 1302 (1910 г.)]

Рис. 2. Изваяние из Музея-заповедника «Херсонес Таврический» [ГМЗХТ КП 210586]. Современное состояние

Евпаторийского уезда (в настоящее время не существует). Отмечалось, что *«баба эта владельцем* [земли] *снова была вкопана в землю»* [Маркевич 1904, с. 94].

В 1915 г. это изваяние было опубликовано Н. И. Веселовским без указания места хранения [Веселовский 1915, с. 436, табл. V.*20*; ср.: Федоров-Давыдов 1966, с. 271, № 5 внизу – указано неверно]. В начале 70-х гг. XX в. С. А. Плетнева при составлении своего свода «Половецких каменных изваяний», работая в Симферопольском музее, дала его описание и привела прорисовку [Плетнева 1974, с. 105, № 1149, табл. 64]. Впоследствии это изваяние неоднократно переиздавалось [Айбабин 2003а, с. 81, табл. 50.*3*; 2003б, с. 278, табл. 2.*3*; Красильникова 2004, с. 65–66, рис. 1.*1*; Мальгина 2006].

В настоящее время изваяние выставлено в экспозиции Центрального Музея Тавриды [ЦМТ КП 1126]. Все довоенные книги поступлений музея погибли в годы войны, в этой связи не известно, откуда и когда оно попало в музей (в наше время на карточке дописано, что изваяние поступило из коллекции Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), которая и легла в основу Центрального Музея Тавриды). Однако на этикетке под экспонатом указано, что статуя найдена в с. Сары-Баш Евпаторийского района (ныне Первомайский район). С такой же локализацией фотография изваяния представлена в Википедии (страница с. Сары-Баш). Отчасти это верно, так как с. Сары-Баш находится в 6 км к востоку от уже не существующего с. Мурзабек.

Таким образом, следует полагать, что это изваяние, обнаруженное в 1895 г. в одном из курганов в Евпаторийском уезде, первоначально было вновь вкопано в землю, однако вскоре перевезено в Херсонес, где и хранилось на «Складе местных древностей». Можно думать, что в Симферополь изваяние было отправлено в 20-х гг. XX в., когда был учрежден Центральный Музей Тавриды. Вероятно, тогда же, при транспортировке, верхняя часть конической шапки статуи была отколота.

Второе изваяние, расколотое на две части (рис. 2), судя по фотографиям, где оно выставлено на открытом воздухе среди архитектурных фрагментов [НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 29. Инв. 29; Фонд фотодокументов. Инв. 575], хранилось на «Складе местных древностей» до того, как было привезено изваяние из с. Мурзабек – то есть до 1895–1896 гг.

Оно также было опубликовано Н. И. Веселовским без указания места хранения [Веселовский 1915, табл. VII.*25*], а затем его описание (без прорисовки) привела С. А. Плетнева, как хранящегося в Севастопольском (Херсонесском) музее [Плетнева 1974, с. 105, № 1159]. Это изваяние и в настоящее время находится на хранении в основном фонде Музея-заповедника «Херсонес-Таврический» [ГМЗХТ КП 210586].

Происхождение этого изваяния не известно, хотя А. И. Маркевич в начале прошлого века указывал: *«в Херсонесском музее древностей имеется каменная баба, женского типа… доставлена, кажется, из Евпаторийского уезда»* [Маркевич 1907, с. 94]. Однако не понятно, имел ли он ввиду именно это изваяние или происходящее из с. Мурзабек.

Помимо данных письменных источников, в Херсонесе известны археологические находки, которые возможно связать с присутствием средневековых кочевников [Айбабин 2003а, с. 74–76, 80, табл. 49.*11, 12, 40*, 50, *12, 16, 21*; 2003б, с. 277–278, табл. 1.*5, 6, 34*, 2, *12, 16, 21*; Тахтай 1947, с. 131, рис. 62; Пятышева 1964, с. 2–10, рис. 3–6, табл. I; ср.: Кирпичников, Черненко 1966, с. 214–220]. В окрестностях Севастополя открыто и половецкое святилище XII–XIII вв. с четырьмя

фрагментированными изваяниями [Тюрин 2018, с. 137, рис. 1.*2*]. Однако утверждать, что рассматриваемая статуя происходит из округи Херсонеса, не представляется возможным.

Состояние изваяния крайне неудовлетворительное. Оно полностью оббито со стороны спины и с боков. Передняя часть, в сравнении с фотографиями 1890-х – 1910 гг. также претерпела утраты, вероятно, вследствие хранения на открытом воздухе. Совсем иную сохранность имеют статуи, которые на протяжении ста или более лет постоянно хранятся в закрытом помещении [см.: Датунашвили, Чхаидзе 2016, с. 156].

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что эти ценные и к настоящему времени немногочисленные памятники не должны находиться под открытым небом, в частности возле музеев и в музейных дворах, будучи вкопанными в землю, что имеет немало прецедентов на территории России и Украины.

Литература

1. Айбабин А. И. Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003а. С. 74–81.
2. Айбабин А. И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003б. С. 277–306.
3. Артеменко Е. Д. Половецкие изваяния из фондов Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. 2008. Вып. II. С. 51–60.
4. Веселовский Н. И. Современное состояние вопроса о “каменных бабах” или “балбалах” // ЗООИД. 1915. Т. XXXII. С. 408–444.
5. Датунашвили Н. Д., Чхаидзе В. Н. Половецкое каменное изваяние из Национального музея Грузии // КСИА. 2016. Вып. 245. Часть II. С. 150–159.
6. Кирпичников А. Н., Черненко Е. В. Рец. на кн.: Пятышева Н. В. «Железная маска из Херсонеса». М., 1964 // СА. 1966. № 4. С. 214–220.
7. Красильникова Л. И. Половецкие скульптуры в Крыму // Памятники Южного берега Крыма: вчера, сегодня, завтра. Материалы всеукраинской научно-практической конференции. Ялта, 2004. С. 63–71.
8. Мальгина М. Каменная скульптура Крыма: перекрестья этнокультур. Киев, 2006. 24 л. (на укр. яз.)
9. Маркевич А. И. Каменные бабы в Таврической губернии // ИТУАК. 1904. № 36. С. 84–94.
10. ОАК 1895: Отчет Императорской Археологической комиссии за 1895 год. СПб., 1897. 202 с.
11. Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974. 200 с. (САИ. Е 4-2).
12. Пятышева Н. В. Железная маска из Херсонеса. М., 1964. 40 с.
13. Тахтай А. К. Археологические открытия в Херсонесе в 1942–1944 гг. // КСИИМК. 1947. Вып. XIV. С. 122–131.

14. Тюрин М. И. Раскопки античного укрепления Масляная гора в 2017 г. // ИАКр. 2018. Вып. VIII. С. 137–140.
15. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966. 274 с.
16. Черкасов А. Н., Чхаидзе В. Н. Половецкое каменное изваяние из Западного Крыма // ИАКр. 2021. Вып. XIV. С. 213–218.

С. Б. Шабанов
Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий», Симферополь

К вопросу о времени появления в крымских предгорьях позднеримских стеклянных стаканов с утолщенным дном

Стеклянная посуда появляется в крымских предгорьях в I в. до н.э. – начале I в. н. э. Ее присутствие в погребальных комплексах и на поселениях не значительно. Представлена она преимущественно бальзамариями или флаконами, изготовленными в технике свободного выдувания и реже изделиями в технике «сердечника» и литья. Во второй половине I–II вв. н. э. укрепление связей обитателей предгорий с античными центрами полуострова приводит к резкому увеличению стеклянной посуды в скифо-сарматской среде.

В середине III в. н. э. в Северном Причерноморье происходят значительные этнополитические изменения, связанные с т.н. «готскими походами». В крымских предгорьях появляются новые погребальные традиции, изменяется погребальный инвентарь, в том числе и ассортимент стеклянной посуды. Исчезают некоторые типы и формы стаканов, чаш, кувшинов и на их смену приходят новые сосуды. К таким можно отнести группу стаканов, о которых и пойдет речь далее.

Для них характерно округлое тулово, иногда расширяющееся в нижней части, валикообразный венчик и утолщенное, выделенное, дно. Изготавливались стаканы из тонкого прозрачного бесцветного или с голубым оттенком стекла. Всего их в крымских предгорьях на данный момент известно около тридцати и найдены они более чем на десятке памятников позднеримского времени.

Наиболее ранние сосуды происходят из погребальных комплексов середины-второй половины III в. н. э. Таких не много. Один стакан (рис. 1.*1*) найден в могильнике Нейзац в подбойной могиле № 510 вместе с бронзовой и серебряной пряжками (рис. 1.*2, 3*), обладающими признаками, характерными для III в. н. э. [Храпунов 2016а, с. 134]. Также в заполнении могилы была найдена лучковая подвязная фибула (рис. 1.*4*) группы 15 серии I варианта 4 по классификации А. К. Амбро-

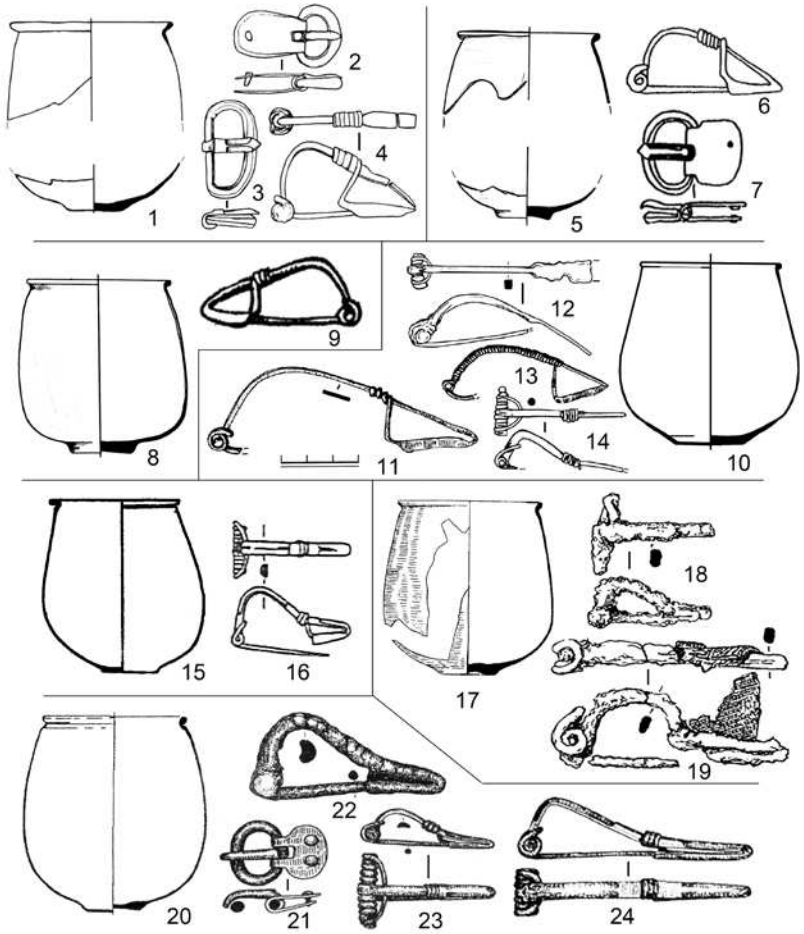

Рис. 1. Погребальные комплексы со стеклянными стаканами из крымских предгорий. 1–4 – Нейзац, мог. № 510; 5–7 – «Совхоз № 10», мог. № 20; 8–9 – «Совхоз № 10», № 145; 10–14 – Чернореченский, мог. № 9(35); 15–16 – Нейзац, № 139; 17–19 – Курское, мог. № 10; 20–24 – Дружное, мог. № 21

за [Амброз 1966, с. 50] или группы 4 серии I варианта 4 по классификации В. В. Кропотова. Датируются такие фибулы концом II – первой половиной III вв. н. э. [Кропотов 2010, с. 77–80]. Два стеклянных сосуда происходят из могильника «Совхоз № 10». Один (рис. 1.*5*) найден в плитовой могиле № 20 вместе с серебряной монетой Гордиана III (238–244 гг.), лучковой подвязной фибулой (рис. 1.*6*) группы 4 серии III по В. В. Кропотову, датирующейся второй половиной III в. н.э. [Кропотов 2010, с. 151], пряжкой с фасетированным язычком (рис. 1.*7*), которую можно датировать III в. н. э. [Храпунов 2016б, с. 99–100]. Второй стакан (рис. 1.*8*) был найден в подбойной могиле № 145 с фибулой того же типа (рис. 1.*9*) [Стржелецкий и др. 2003–2004, табл. 19.*53*].

В Чернореченском могильнике в подбойной могиле № 9 (35) со стаканом (рис. 1.*10*) были найдены лучковые подвязные фибулы (рис. 1.*11*, 13) группы 4 серии II варианта 4 формы 1, 2 и 4 по классификации В. В. Кропотова, датирующиеся первой половиной III в. н.э. [Кропотов 2010, с. 132–136], двучленная лучковая подвязная фибула (рис. 1. 12) второй половины III в. н. э. группы 4 серии III по В. В. Кропотову, двучленная прогнутая подвязная фибула (рис. 1.*14*) группы 16 подгруппы 2 серии I варианта 1 по классификации А. К. Амброза, датирующаяся второй половиной III в. н. э. [Амброз 1966, с. 62].

Часть стеклянных стаканов рассматриваемого типа происходит из погребальных комплексов, которые можно отнести и ко второй половине III в.н.э., и к следующему столетию. Например, такая ситуация отмечена в некоторых склепах в могильниках Нейзац, Дружное и Опушки. Большинство же стаканов найдено в погребениях IV в. н. э. В одних захоронениях вместе с ними находят двучленные прогнутые подвязные группы 16 подгруппы 2 серии I варианта 2 (рис. 1.*16, 23, 24*), двучленные железные фибулы (рис. 1.*22*) группы 17 подгруппы 1 и реже одночленные группы 16 подгруппы 1 среднеевропейской серии по классификации А. К. Амброза [Амброз 1966, с. 59, 63, 70–71], а также ременную гарнитуру (рис. 1.*21*), украшения, гончарную и стеклянную посуду характерную для IV в. н. э. Стаканы с утолщенным дном выходят из обращения в конце столетия, когда происходит следующая значительная смена ассортимента стеклянной посуды в Северном Причерноморье, связанная с вторжением гуннов.

В заключении стоит заметить, что за пределами крымских предгорий пока неизвестно ни одного целого или фрагментированного подобного сосуда, за исключением Херсонеса, что наводит на мысль об их местном херсонесском производстве. Однако на сей счет можно делать только предположения.

Литература

1. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. М., 1966.
2. Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010.
3. Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоза № 10») // Stratum plus. 2003–2004. № 4. С. 27–277.
4. Храпунов И. Н. Две подбойные могилы III в. н. э. из некрополя Нейзац (Крым) // Российская археология. 2016а. № 2. С. 132–149.
5. Храпунов И. Н. Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. II. Симферополь, 2016б. С. 97–121.

А. В. Шаманаев
Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

«Я БЕЗУСЛОВНО ПРОТИВ ПОСТРОЙКИ МУЗЕЯ В ХЕРСОНЕСЕ»: ПИСЬМО А. Л. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРДА К Н. Н. МУРЗАКЕВИЧУ[1]

Важными направлениями деятельности по сохранению объектов культурного наследия признаны их популяризации и актуализация [Harrison 2013, p. 25–26]. Традиционно, одной из основных форм привлечения внимания общественности к артефактам археологического происхождения была их музеефикация, дающая возможность наглядно и эффектно донести результаты раскопок до специалистов и любителей древностей.

В XIX в. общемировой тенденцией стала массовая трансформация музеев из закрытых элитарных собраний в общедоступные учреждения культуры, создававшиеся и функционировавшие при активном участии университетов, научных обществ, представителей общественности [Юренева 2003, с. 253–254]. В Российской империи эта тенденция отчетливо проявилась уже в первой четверти XIX в. и получила максимальное развитие в пореформенный период. Стоит отметить, что Северное Причерноморье (в том числе, Крым) показывают наглядные примеры такой инновации в музейном деле [Тункина 2002, с. 190–226; 281–310].

Идея создания музея христианских древностей при монастыре св. Владимира в Херсонесе принадлежала архиепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентию (И. А. Борисову). В 1840–1850-х гг.

[1] Исследование выполнено за счет средств гранта РНФ № 21-78-10119 «Культурное наследие на Урале: социальная роль, трансформация, трансляция» (рук. А. С. Палкин).

были сделаны первые шаги к формированию коллекции, но реализации проекта помешали Крымская война и смерть священнослужителя (1857) [Калиновский 2012, с. 101–126; Шаманаев 2016, с. 134–135].

В 1876–1886 гг. Одесское общество истории и древностей (ООИД) осуществляло исследования Херсонесского городища на средства Святейшего Синода и министерства народного просвещения [Гриневич 1927, с. 18–23]. Регулярное поступление новых артефактов способствовало возрождению идеи создания постоянной экспозиции, требовавшей стационарного размещения. Вице-президент ООИД Н. Н. Мурзакевич приступил к разработке концепции музея и проекта специального помещения для хранения и демонстрации результатов раскопок. Идея ученого заключалась в постройке здания в «*в византийском характере*», соответствующего задачам экспонирования средневековых древностей [Отчет 1879, с. 9]. Архитектурные эскиз здания будущего музея был выполнен кондуктором Черноморской минной роты Пруденковым и представлял арочную конструкцию, увенчанную куполом. В качестве строительных материалов предполагалось широко использовать камень из руин и архитектурные детали средневековых построек [РО ИРЛИ, с. 5–5 об.].

В фондах Рукописного отдела Института русской литературы РАН (Санкт-Петербург) хранится подлинник письма А. Л. Бертье-Делагарда к Н. Н. Мурзакевичу от 3 декабря 1879 г., содержащий ценную информацию о проекте вице-президента ООИД и замечания Александра Львовича [там же, с. 3–7].

А. Л. Бертье-Делагард подверг существенной и обоснованной критике все основные составляющие планов Н. Н. Мурзакевича. По мнению Александра Львовича «*стиль музея, псевдо классический, состоящий из нерационального смешения горизонтальных покрытий с арками, столь-же ложный как и та подделка под купол, которою покрыто здание*» совершенно не соответствовал архитектурным традициям византийского Херсона [там же, 5 об. – 6]. Размер постройки он посчитал недостаточным для развертывания полноценной экспозиции и несоразмерным окружающим зданиям (прежде всего, строящемуся собору св. Владимира) [там же, 6–6 об.].

При этом Александр Львович отметил отсутствие перспектив существенно улучшить проект. Он считал, что, несмотря на изменение облика сооружения («*уничтожив арки между колонн и обратив купол в шатер, сделав одним словом некоторое, довольно рациональное, но жалкое подобие храма Весты в Риме*»), «*маленькое, плохонькое зданьице станет рядом с громадным храмом и домом, по сравнению с которыми будет казаться какою-то будкою для подчаска*» [там же: 6–6 об.].

Александр Львович дал вполне реалистичную оценку финансовых затрат на строительство. Он отметил, что даже при использовании самых дешевых, в том числе, подручных, строительных материалов, потребуется минимум 7–8 тыс. руб., а включение мраморных элементов многократно увеличит расходы. Возможность применения фрагментов средневековых построек он категорически отверг: «*употребить старые колонны совершенно невозможно, так как это все разнообразная и никуда негодная мелкая дрянь*» [там же, 5 об.].

Нужно отметить, что материальное положение ООИД в 1870–1880-х гг. не позволяло обществу выделить деньги на такой дорогостоящий проект [Шаманаев 2005, с. 273–274]. Монастырь св. Владимира также не располагал свободными финансами [Терещук 2007, с. 150–153]. Попытка получить нужные средства за счет благотворительности позволила собрать всего 600 руб. [Шаманаев 2016, с. 137].

В качестве альтернативы А. Л. Бертье-Делагард предложил осуществить реконструкцию одного из средневековых храмов или построить простой дом («*это будет бедность, но вполне почтенная*») [РО ИРЛИ, с. 6–6 об.].

Нужно подчеркнуть, что наиболее существенная критика проекта Н. Н. Мурзакевича состояла в категорическом неприятии Херсонесского городища как музейной площадки. Александр Львович полагал, что общественный и научный успех музея во многом определялся его доступностью «*ученым и публике*», а в этом отношении «*Херсонес очень плох: добраться туда очень трудно и дорого, да и добравшись надо будет не мало хлопотать чтобы попасть в музей, который всегда будет заперт*» [там же, с. 3–4]. В качестве негативных примеров он указал на музеи «*Керчи и Феодосии, куда почти никто не ходит и куда и я сам попадал только после немалого труда и многих неудач*» [там же, с. 4]. Также Александр Львович ссылался на российский и европейский опыт (древности Пантикапея получили широкую известность, экспонируясь в Эрмитаже, а артефакты из Помпей легко доступны в музее Неаполя) [там же, с. 4].

Судя по всему, такое отношение А. Л. Бертье-Делагарда к потенциалу Херсонеского городища, во многом, было оправданным. Путешественники 1870-х гг. отмечали его удаленность от Севастополя, общее запустение и плачевный вид памятника [Ливанов 1874, с. 89–90; Марков 2006, с. 119]. Так, у В. Ф. Ливанова Херсонес вызвал ассоциации с пустырем или деревенским огородом [Ливанов 1874, с. 90].

Александр Львович убеждал Николая Никифоровича, что оптимальным решением было бы размещение коллекций из херсонесских

раскопок в музее ООИД в Одессе. В качестве варианта А. Л. Бертье-Делагард предлагал будущий «Севастопольский музей», которые создавался при поддержке Э. И. Тотлебена (предполагалось разместить его в восстановленной Петропавловской церкви) [РО ИРЛИ, с. 4 об. – 5]. В одном Александр Львович был уверен: «*я безусловно против постройки музея в Херсонесе*» [там же, с. 5].

Проект ООИД создания музея на территории Херсонесского городища, не был реализован в связи с совокупностью нескольких неблагоприятных обстоятельств: отсутствие финансирования, смерть Н. Н. Мурзакевича (1883), отстранение Одесского общества от раскопок городища (1888). Вновь вопрос о строительстве специального здания для музея херсонесских древностей попыталась решить Императорская Археологическая Комиссия, были подготовлены архитектурные эскизы и составлена предварительная смета [Стоянов 2009, с. 536–540]. Однако драматические события начала XX в. не позволили свершиться этим планам.

Литература

1. Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927). Севастополь, 1927.
2. Калиновский В. В. «Древностей – и замечательных и интересных и красивых – непочатый уголок»: Церковное крымоведение (1837–1920). Киев; Симферополь, 2012. («Биобиблиография крымоведения», вып. 18).
3. Ливанов В. Ф. Херсонес (древний Корсунь) в Крыму с открытым в нем первоклассным монастырем святого Владимира. М., 1874.
4. Марков Е. Л. Очерки Крыма. Киев, 2006.
5. Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1877 г. по 14 ноября 1878 г. Одесса, 1879.
6. РО ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 603. № 68.
7. Стоянов Р. В. Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. С. 522–555.
8. Терещук Н. М. Приходно-расходные книги – важнейший источник изучения деятельности Херсонесского монастыря // Sacrum et Profanum II. Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни. Севастополь; Краков, 2007. С. 149–156.
9. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
10. Шаманаев А. В. Организация и финансирование археологических исследований Одесского общества истории и древностей в Херсонесе (1876–1886 гг.) // Проблемы истории России. 2005. Вып. 6. С. 272–283.

11. Шаманаев А. В. Проект создания «Христианского музея» в Херсонесе во второй половине XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3(154). С. 133–144.
12. Юренева Т. Ю. Музей в мировой культуре. М., 2003.
13. Harrison R. Heritage: critical approaches. London; New York, 2013.

Ф. В. Шелов-Коведяев
Независимый исследователь, Москва

Магические записи на чаше для жертвенной крови (случайная находка 2015 года на Херсонесском городище)

На небольшом предварительно опубликованном мной в сборнике к 70-летию С. Ю. Монахова треугольном фрагменте (см. рис.) большой мраморной чаши (ГМЗХТ КП 210587), по ее внутренней стороне, косо начертано – αἵμ]*ατ*ος (gen. poss.) τοῦ ἱερίου συός «для крови жертвенной свиньи». Между двумя последними словами прочитываются: ΣΘΟ и неразличимый знак. Выше этой центральной записи, сначала впритык к краю и с постепенным сползанием от него до 5 мм, читается: ΑΤΟ*Τ*ΟΥvΤΑΙΧv ΤΑΙΤΙΑΟΤΟΧΑΡΙΟΥΟΥΤΑΟΤΟΔΥΙΟΣ, – возможно, перемежаемые абракадаброй имена дарителей сосуда. На 5 же мм ниже надписи, определяющей предназначение предмета, не исключено, была нанесена разметка точками для иного текста.

Кроме того, по само́й закраине и по внутренности чаши – вплотную к изломам и по всему полю – разбросаны магические значки, отдельные лите-ры и целые буквосочетания явно апотропеического характера. Так в промежутке между возможными антропонимами донаторов и основной надписью на внутренней поверхности от левого скола до правого видны литеры ΣΑΧ.Σ*Α*Τ*ΟΙΠ*ΣΑΟΥ*Τ*. А по са́мому внутреннему ребру закраины – ΑΙΧΟΑΑΡΑΑΙΔΡΙΣ.

На закраину нанесено несколько горизонтальных насечек. У ее внешнего края, ниже второй из них, читаются ΔΟΝΑΗΑ – скол – $\Sigma\text{IA}_{\text{AI}\omega}\text{TO}\pi^{\text{o}}$. После последних двух графем вторую насечку пересекает *лямбда* или *альфа* (чья горизонталь, в таком случае, совпадает с насечкой). Сразу ниже, соприкасаясь с насечкой верхними горизонталями, некрупно – ΣoTZ. Под *сигмой*, с небольшим сдвигом влево, – маленький *омикрон*, а ниже его с аналогичной сдвижкой, мелко – ΩΠΟΔ. Еще ниже, с заметным сдвигом влево, – довольно крупный *омикрон*, под которым, со сдвигом влево на одну букву: ΑΤϠΘΗvΔ. Кроме того, справа от них, начиная от *дельты*, друг под

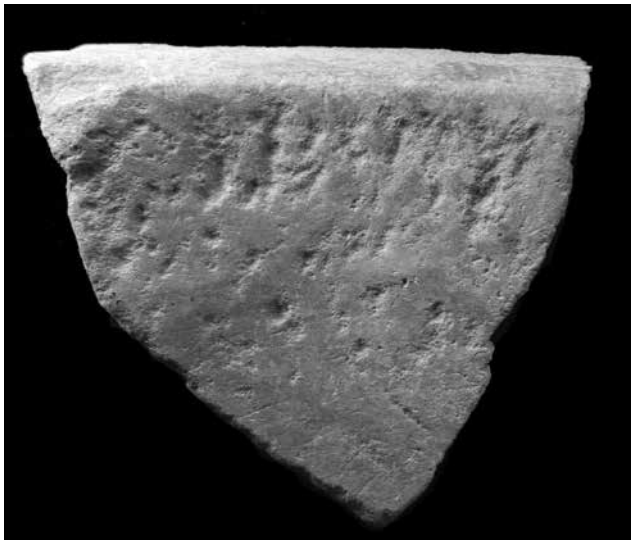

Рис. 1. Фрагмент чаши для жертвенной крови (случайная находка)

другом, без соблюдения строгой вертикальности ряда, – А, *пи* с укороченной правой вертикалью и Т.

Под следующей (третьей) насечкой – NOYNOI.vANOAMONNHvv и лигатура *эты* и *ро*. Над нижним краем: А, лигатура *ипсилона* и *альфы*, открытый меандр, ТО, *сигма* с попарно параллельными линиями, ГIvvvvH. И над сколом у нижнего края – прерывающее последнюю насечку N, после нее продолжение насечки и надписанное на нею маленькое *ню* (^{N}).

Возвращаясь к внутренней поверхности, отмечу под *ро* в слове ἱερίου *альфу*, перед нею – *сигму*, а после нее – *ипсилон*: ΣΑΥ. По правому сколу значительно ниже конечной сигмы в слове συός: Σο и далее сверху вниз то лепясь к облому, то отступя от него, – Ωο, ΔΕ (эпсилон уходит в скол), вертикальная лигатура *омеги* и *альфы* (с *омегой* сверху травмированной *альфы*) и вычерченный с уклоном вправо зигзаг или *дзета*. Перед Σο, на одном с ними уровне, в правом сегменте внутренности чаши: $\sim_{O}$.

У левого скола сначала – неразличимые графемы. Затем, с отступом от облома в 17 мм, – ползущие вверх ΣΔΟΣΩ^{M}, с интервалом между литерами от 5 до 10 мм, и *мю* с наклонными наружу опорами. Ниже первой *сигмы* со сдвигом вправо – $_{\Delta}$. Еще ниже, прямо у края, – $H_{O}\Delta$. Под ними, в таком же положении – *А*ΣΥ_Т*α*vvvv$_{M}$ (*мю* разлапистое, как в архаических шрифтах). Ниже: Θvvvvv^{N} (*ню* наклонное, с укороченной правой гастой). В следующей строчке, с отступом от края, – vvΘvvvA. Наконец, в нижней части конуса фрагмента, с задиранием от левого до правого сколов: ΣOAYTAY и значок, напоминающий вертикальную *дзету*, нижняя линия которой выписана обратной «птичкой», а в интервале от *тау* до *альфы* – $_{TOY}$.

Все перечисленное выше находит себе аналогии в греческих магических памятниках.

А. В. Энговатова
Институт археологии РАН, Москва
А. В. Сазанов
Институт археологии РАН, Москва

Охрана объектов археологического наследия в Греции и опыт музеефикации участков культурного слоя в центре Афин

Сложившаяся в Греции система охраны объектов археологического наследия, опирающаяся на Закон № 3028/2002 «Об охране древностей и культурного наследия в целом»[1] [Law Nc. 3028/2002; Mendoni 2006], может считаться эталонной для античных и византийских памятников Северного Причерноморья в следующих аспектах

Характерной чертой охраны объектов культурного наследия в Греции является ее ориентированность на археологические объекты. Выстроенную в Греции систему управления объектами культурного наследия (Генеральный Директорат древностей и культурного наследия – центральные директораты доисторических и классических древностей, византийских и поствизантийских, консервации древних и средневековых памятников, секретариат Центрального археологического Совета-региональные эфораты) отличает ведущая роль археологических структур центрального и регионального уровней, и, соответственно, археологов в принятии решений, касающихся исследований, поддержания и использования объектов от доисторического до поствизантийского периодов. Главной структурой здесь является Археологическая служба Греции с Центральным археологическим Советом и региональными эфоратами. [Garezou 2007, p. 71–72; Voudouri 2010].

[1] Древности "...принадлежат государству на правах собственности и владения и являются вещами extra commercium и неотчуждаемыми" [Law Nc. 3028/2002].

Охрана памятников, археологических и исторических объектов учитывается на всех уровнях политики планирования (пространственном, региональном, городском и экологическом), а также на различных этапах разработки проектов.

Археологические исследования *in situ*, разделяющиеся на систематические раскопки и спасательные раскопки, проводятся или под жестким контролем Археологической службы, или непосредственно ей [Garezou 2007, p. 77–78].

Спасательные раскопки памятников, которые «обнаружены в ходе технических работ, государственных или частных», проводятся только Археологической службой (статья 37[1]). Несмотря на то, что застройщик может финансировать раскопки, именно местный эфорат несет ответственность за проведение раскопок и принимает все необходимые меры для защиты, демонстрации, представления общественности и последующей оценки находок. Кроме того, эфораты сохраняют научные авторские права на исследования. Другими словами, археологический эфорат имеет абсолютный контроль над всеми операциями, связанными с культурным наследием страны.

Следуя принципу «загрязнитель платит» Закон № 3028/2002 предусматривает финансирование археологических полевых работ и программ консервации из первоначального бюджета развития (проекта). Технически госструктура обеспечивает необходимое финансирование для проведения археологического исследования путем государственной помощи через свой годовой бюджет (например, инфраструктура железных дорог ERGOSE финансируется Министерством транспорта и коммуникаций). Общественные работы могут также софинансироваться национальными органами власти и ЕС.

Для проведения спасательных раскопок Служба назначает археолога, который имеет опыт раскопок не менее трех лет и ранее не нарушал сроки предоставления отчета о раскопках. Кроме того, Служба должна обеспечить сохранность находок, безопасность раскопанной территории и доступ специалистов к месту раскопок [Garezou 2007].

Под жестким контролем археологической службы находится и использование археологических памятников. Выдача разрешения на использование археологического объекта, принадлежащего государству, лежит на Археологической службе. Согласно статье 46 Закона 3028/2002 для того, чтобы государственная администрация выдала разрешение на использование археологического объекта, должны быть выполнены два основных требования: защита объекта от потенциального физического ущерба, который может возникнуть в результате его использования и совместимость использования с характером объекта.

Министерский указ от 2018 года относительно условий и процедур временной концессии на использование археологических объектов, требует, чтобы культурные мероприятия, проводимые на археологических объектах, были высокого художественного качества. Отбор достаточно жесткий. На археологических объектах Греции невозможны проведение мультимедийных шоу-представлений или иных развлекательных мероприятий, включая съемки фильмов, не совместимых с характером объекта. Так, классический античный театр Эпидавра, включенный в список Всемирного наследия ЮНЕСКО используется исключительно для древнегреческих драматических представлений, соответствующих стандартам, установленным Центральным археологическим советом в начале 1980-х годов. Характерен отказ П. Кардену на проведение в Одеоне демонстрации театральных костюмов (2014). Модельер вынужден был представить новый проект показа костюмов, сделанных исключительно в древнегреческой традиции. Отказано было и компании Gucci, которая попросила организовать модное мероприятие на вершине Акрополя рядом с Парфеноном в 2017 г.

Для получения разрешения на съемки клипов, документальных и художественных фильмов Археологическая служба требует точности информации об археологическом объекте, уважения к характеру археологического объекта, уважение к археологической профессии в целом, Греческой археологической службе в частности, и Греции как стране [Hartzoulaki 2019; Ministerial Decree of 2012].

Вместе с тем, при всей отлаженности системы, музеефикация археологических объектов в Греции дает как позитивные, так и негативные примеры, которые должны быть учтены при аналогичных работах на памятниках Северного Причерноморья.

Прекрасным примером сохранения археологических древностей в черте современной городской застройки являются Афины. Для музеефикации в черте города характерен показ не комплекса памятников, а одного объекта, отобранного в соответствии с определенными критериями, к которым относятся сохранность, информативность, историческая значимость, приемлемое для музеефикации месторасположение, геологические условия, влияющие на экспонирование, сочетание с окружающей средой.

Ряд археологических объектов, локализованных непосредственно на Акрополе и в его окрестностях дают возможность увидеть и оценить, как реализуется процесс сохранения и музеефикации античного наследия в современной Греции. Авторы рассматривают следующие объекты: Музей «Новый Акрополь», бронзолитейные мастерские (V–IV вв. до н.э.) на Акрополе, археологический комплекс римских терм

(III–VI вв. н. э.), Церковь Святого Духа, Ахарнские ворота, археологические объекты на территории частных домовладений («У ограды Акрополя», Ювелирная галерея Элени Марнери),

Музей «Новый Акрополь» показывает положительный пример музеефикации. Новое здание афинского музея Акрополя поднято на сваях, чтобы не затрагивать археологические находки, обнаруженные в ходе реконструкции музея и рытья котлована. Сваи пересекают почву до подстилающей породы и плавают на роликовых подшипниках, способных выдержать землетрясение магнитудой 10 баллов по шкале Рихтера. Основные направления деятельности музея «Новый Акрополь»: сохранение и реставрация произведений из его коллекций и демонстрируемых результатов раскопок; принятие превентивных мер для обеспечения надлежащих условий для своих экспонатов, (защита от воздействия окружающей среды); представление их публике с применением современных методов. С этой целью музей поощряет исследования, предпринимает шаги по продвижению научных знаний и внедряет инновационные способы представления экспонатов. Сегодня к осмотру доступна лишь часть того, что было обнаружено при раскопках. Другие остатки сохранились под защитной насыпью, Некоторые секции были удалены, чтобы освободить место для строительства подземных уровней музея и станции метро «Акрополи».

Археологические объекты, музеефицированные на территории музея Новый акрополь, представлены в двух видах: открытый (метод натуральной консервации) и археологические окна.

Программа систематической консервации места археологических раскопок Музея Акрополя началась еще в 2010 г. Она включала стабилизацию, очистку и дополнения, восстановление конструктивной прочности и морфологической целостности древних зданий, защиту материалов зданий от перепадов температуры, влажности, солнечного света, атмосферного загрязнения, вибрации и проникновения растительности. Методы консервационных работ, материалы и технические средства выбраны с учетом возможности будущих вмешательств и улучшения инфраструктуры памятников.

Несколько иной пример демонстрируют бронзолитейные мастерские (V–IV вв. до н. э.) на Акрополе. Консервация произведена на месте раскопок мастерской D по принципу «археологических окон» – раскоп накрыт пластиковыми листами, установленными на металлическом каркасе. Сделано это, вероятно, достаточно давно, сразу же после раскопок 2006 года, и с тех пор не реконструировалось, и полностью не обновлялось. Плохое качество покрытия – мутное, грязное, крепления проржавели, залиты строительным клеем связано с-попыткой

устранить зазоры между пластиковым полотном и металлическим каркасом. Стыки листов друг с другом не герметичны, краска на металлических деталях потрескалась и сходит вследствие коррозии. Система освещения и вентиляции на музеефицированном объекте устарели.

Археологический комплекс римских терм (III–VI вв. н.э.) был законсервирован, покрыт навесом и открыт для круглосуточного посещения публики в 2003–2004 гг. Сохранность и организация демонстрационного пространства археологического объекта обеспечиваются пластиковым навесом (предохраняет от осадков и пропускает дневной свет); ограждением (объект обнесен прозрачным ограждением с периллами); освещением (для осмотра в темное время суток организовано освещение, светильники, закрепленные на навесе, и по периметру раскопа) и информационной табличкой.

Археологический объект «Ахарнские ворота» показывает скорее отрицательный пример. Он демонстрирует оба вида музеефикации – часть открыта и находится в зоне цокольного этажа современного общественного здания Национального банка, а часть находится в пешеходной зоне под несколькими пирамидальными стеклянными окнами. Фундамент башни, законсервированный на уровне цокольного этажа здания банка, у левой части фасада, огорожен перилами, здесь же расположена информационная табличка, сообщающая основные данные об объекте и обстоятельствах его обнаружения.

Однако больше никаких конструкций, предохраняющих объект от воздействия атмосферных явлений, или дополнительного освещения не организовано. Регулярного контроля за поддержанием порядка и сохранностью античного наследия, по-видимому, не осуществляется.

Вторая часть археологического комплекса расположена в пешеходной зоне и представляет собой остатки древнего охранительного вала и дороги, накрытых для сохранения и демонстрации составными археологическими окнами пирамидальной формы, и огороженных периллами. Здесь отсутствует информационная табличка, позволяющая понять, что основание башни Ахарнских ворот и данные окна составляют единый археологический комплекс под открытым небом. Недостаточно хорошо организована вентиляция, из-за чего под стеклом образуется конденсат. Вода, по-видимому, проникает и через недостаточно герметичные стыки стекол между собой и с металлическими креплениями.

Примером инклюзии средневековой архитектуры в современную неудачную городскую застройку может служит Церковь Святого Духа.

Пример переноса архитектурного объекта- поствизантийский храм Св. Петра и Павла (в связи со строительством международного аэропорта им Венизелоса), переноса археологического объекта – здание

римского времени при строительстве афинского метро *University City of Zographou* [Koukouli-Chrysanthaki 2007, p. 101].

Особый интерес представляют примеры сохранения и музеефикации археологических объектов на территории частных домовладений.

Частная вилла-отель At the Acropolis' fence («У ограды Акрополя») – полностью отреставрированная уникальная вилла 18 века, пол внутреннего дворика (патио) представляет собой большое демонстрационное пространство – археологические окна – под стеклами, (которые свободно выдерживают вес людей и мебели) расположены фундаменты древних зданий, предположительно, жилых домов, хозяйственные ямы с глиняной обмазкой, орудия домашнего хозяйства (римского периода). Стеклянный пол имеет подсветку по периметру и изнутри археологического объекта. Это не только позволяет более детально рассмотреть артефакты в темное время суток, но и выглядит достаточно эффектно в вечернее время.

Интерьер виллы-отеля также поддерживает античную тематику с элементами археологии. В доме есть стилизованная под музейную витрина с оригиналами (керамические сосуды первых веков н.э.) и репликами археологических находок. Дизайн кухни дополнен фотографическим панно в нише с подсветкой, изображающим кариатид с южного фасада Эрехтейона

Как же организовано поддержание в должном виде такого необычного археологического объекта, вписанного в канву современной жизни города? Здание отеля – это частная собственность, обеспечивать сохранность которой должны сами владельцы, то есть, люди, вероятно, далекие от квалифицированной музейной деятельности по сохранению археологического наследия.

Стекло, которым накрыты остатки античной городской архитектуры, прочное, герметично закреплено на стыках, есть система вентиляции, позволяющая избежать повышенной влажности. Однако по периметру есть зазоры между краем стекла и краем раскопа, что может стать причиной попадания осадков внутрь демонстрационного пространства и привести к частичному разрушению объекта. В процессе консервации для укрепления фундаментов применялся современный строительный раствор или смесь, аналогичная ему. Чего, конечно, не могло быть во времена античности. То есть, нарушается аутентичность демонстрируемого объекта.

Ювелирная галерея Элени Марнери. Сохранение и демонстрация обнаруженных при строительстве трехэтажного здания галереи архитектурных остатков организовано по принципу «археологических окон» и представлено в данной локации в двух вариантах – внутри и снаружи здания.

Археологические окна возле входа в галерею представляют собой вмонтированные в тротуар стекла, под которыми объект – фрагмент мозаичного пола (предположительно, римского периода). Недостатки консервации объекта на улице – неполная герметичность стекла и стыков с тротуарными плитами – под стеклом скапливается конденсат, повышенная влажность в закрытом пространстве с недостаточной вентиляцией, негативно влияет на сохранность архитектурных остатков. Подсветка также недостаточная. Однако установлено ограждение типа перилл, маркирующее местонахождение объекта.

Археологическое окно внутри галереи вписано в дизайнерское оформление пространства и дополнено предметами интерьера. По организации демонстрационного пространства и консервации объекта – предположительно, фундамента жилого дома – выполнение значительно лучше, чем у объекта на улице. На стыках стекла и пола галереи проложена металлическая полоса с перфорацией, что обеспечивает дополнительную вентиляцию и предотвращает возникновение конденсата. Внутри помещения влажность, естественно, ниже, что обеспечивает лучшую сохранность античных остатков. Локальная подсветка объекта также гораздо качественнее: большое количеств светильников внутри археологического окна, прозрачность стекла и освещение в самой галерее позволяет беспрепятственно рассмотреть объект.

Таким образом, сложившаяся в Греции система сохранения объектов археологического наследия является, в целом, на сегодняшний день, при всех недостатках, оптимальной для античных и византийских памятников Северного Причерноморья. Ее преимущество заключается в жестком институциональном контроле со стороны археологических структур. Пример Греции наглядно показывает, что качественно и эффективно осуществлять сохранение объектов археологического наследия, включая их музеефикацию, могут только профессиональные археологи, а археологические музеи должны обладать особым статусом.

Литература

1. Garezou M-X. 'Preventive archaeology' in Greece. The legislative and institutional background // European Preventive Archaeology. Papers of the EPAC meeting 2004, Vilnius. Ed. by Katalin Bozóki-Ernyey. 2007. P. 65–85.

2. Hartzoulaki K. Use and Protection of Archaeological Sites in Greece: Policies and Practices 1975–2018 // Heritage. 2019. January. 2 (1). P. 366–379.

3. Koukouli-Chrysanthaki H. Preventive archaeology and major public works in Greece // European Preventive Archaeology. Papers of the EPAC meeting 2004, Vilnius. Ed. by Katalin Bozóki-Ernyey. 2007. P. 86–103.

4. Law Nc. 3028/2002. On the Protection of Antiquities and Cultural Heritage in General.
5. Mendoni L. “Public Works and Archaeology in Greece. From the Site to Landscape”, Paysages de Mémoire, Mémoire du Paysage, Actes du colloque international de Besançon, Mémoire de devenir des paysages culturels de l’Europe, 1–4 December 2005, France 2006. P. 445–464.
6. Ministerial Decree of 2012. Approval of terms and procedures for film shooting in monuments, archaeological sites, historic places and museums, according to the attached catalogue (Government Gazette B 1138/2012).
7. Voudouri D. Law and the Politics of the Past: Legal Protection of Cultural Heritage in Greece // International Journal of Cultural Property, volume 17, issue 3. August 2010. P. 547–568.

И. И. Вдовиченко
Музей истории города Симферополя, Симферополь

АНТИЧНАЯ РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА КЕРКИНИТИДЫ ИЗ РАСКОПОК 1980 Г.

Впервые расписные сосуды, происходящие из раскопок Керкинитиды, были опубликованы Н. Ф. Романченко, одним из первых исследователей этого античного памятника [Романченко 1907]. Затем отдельные фрагменты опубликовал Л. А. Моисеев, проводивший исследования в 1917 г. [Моисеев 1918]. В публикациях и отчетах о раскопках Евпатории в 1950 и 1952 гг. М. А. Наливкиной были упомянуты фрагменты расписной керамики [Наливкина 1953, 1955, 1957, 1959]. Б. Ю. Михлин в статье о раскопках некрополя Керкинитиды [Михлин 1981] также приводит некоторые сосуды и фрагменты. В. А. Кутайсов в своих монографиях о Керкинитиде представляет некоторые наиболее яркие фрагменты [Кутайсов, 1990, 1992, 2004]. И. В. Шталь опубликовала ряд сосудов из раскопок этого древнего города [Шталь, 2000, 2004]. Автором данного доклада были опубликованы фрагменты архаической керамики из раскопок городища и некоторые фрагменты краснофигурной керамики [Вдовиченко 2003, 2008].

Однако основной пласт материала, происходящий из раскопок В. А. Кутайсова в 1980–1986 гг., оставался неопубликованным. Автором совместно с сотрудниками Евпаторийского краеведческого музея Ю. Б. Губановым и Л. И. Медведевой была проведена фотофиксация хранящихся в музее находок из раскопок Керкинитиды в 1980–1986 гг. Нами изучены соответствующие отчеты и полевые материалы раскопок, хранящиеся в архиве Института археологии Крыма РАН [Кутайсов 1981]. М. В. Кутайсова (вдова В. А. Кутайсова) любезно предоставила редкие фотографии, относящиеся к этому периоду исследований.

Начало раскопок было связано со строительством новых корпусов Евпаторийского детского клинического санатория Министерства обороны СССР [Кутайсов 1990, с. 22]. Для проведения охранных работ благодаря неутомимой и энергичной деятельности известного крымского археолога О. И. Домбровского был создан Евпаторийский отряд Южно-Крымской экспедиции. Армия взяла на себя организацию и проведение раскопок. Состав экспедиции, сформированный О. И. Домбровским, был не случаен. Среди этой команды были и профессиональные археологи, для которых участие в раскопках Керкинитиды являлось частью их профессиональной деятельности (В. С. Драчук, О. А. Махнева, Е. А. Паршина) или этапом в становлении как специалистов (В. А. Кутайсов, А. Е Пуздровский, И. В. Ачкинази, В. А. Анохин, Е. Л. Подвысоцкая), а некоторые работали просто как энтузиасты, интересующиеся историей, для которых эти раскопки стали яркими воспоминаниями юности.

В 1980 г. отряд Крымской комплексной экспедиции Института археологии АН УССР начал раскопки Керкинитиды. Было вскрыто 1000 кв. м, открыты строительные остатки двух периодов: IV–III вв. до н. э. и рубежа эр [Драчук, Кутайсов 1981, с. 246]. В том году раскопки сразу дали богатый и разнообразный материал, в том числе и расписную керамику.

Ее находки фиксировались на юго-западном участке раскопа 2, под помещениями 46–48, на раскопе 1 под помещениями 51, 37, 47. Данный материал связан с жилыми комплексами различного времени – от конца VI до середины IV в. до н. э. Типологический состав керамики и сюжеты росписи характерны для античных полисов Северного Причерноморья – преобладают кратеры, сосуды для питья. Сюжеты росписи на чернофигурных сосудах в основном относятся к дионисийскому циклу, для краснофигурной керамики характерны сюжеты, свойственные «керченскому стилю».

Литература

1. Вдовиченко И. И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье. Симферополь, 2008. 351 с.
2. Вдовиченко И. И. Античные расписные вазы из крымских музеев. Симферополь, 2003. 128 с.
3. Драчук В. С., Кутайсов В. А. Исследование Евпаторийского городища // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 246–247.

4. Кутайсов В. А. Керкинитида в античную эпоху. Киев, 2004. 324 с.
5. Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида VI–II вв. до н. э. Киев, 1990. 174 с.
6. Кутайсов В.А. Керкинитида. Симферополь, 1992. 192 с. (Серия: Археологические памятники Крыма).
7. Кутайсов В. А. Отчет о раскопах Керкинитиды в 1980 г. // Научный архив Института археологии Крыма, РАН. Папка 295. (1981).
8. Михлин Б. Ю. Раскопки некрополя Керкинитиды в 1975 г. // СА. 1981. № 3. С. 67–86.
9. Моисеев Л. А. Херсонес Таврический и раскопки в Евпатории в 1917 г. // ИТУАК. 1918. № 54. С. 112–116.
10. Наливкина М. А. Керкинитида и Калос Лимен // Античный город. М., 1963. С. 55–60.
11. Наливкина М. А. Основные итоги работ Евпаторийского отряда // КСИИМК. 1952. № 45. С. 114–118.
12. Наливкина М. А. Раскопки в Евпатории // КСИИМК. 1953. № 51. С. 128–131.
13. Наливкина М. А. Раскопки в Евпатории // КСИИМК. 1955. № 58. С. 63–72.
14. Наливкина М. А. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 146–154.
15. Наливкина М. А. Торговые связи античных городов Северо–Западного Крыма (Керкинитида и Калос–Лимен в V–II вв. до н. э.) // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 54–63.
16. Романченко Н. Ф. Раскопки в окрестностях Евпатории // ИИАК. 1907. Вып. 25. С. 172–187.
17. Шталь И. В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Пелики. IV в. до н. э., керченский стиль. М., 2000. 220 с.
18. Шталь И. В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Леканы, аски, лекифы и ойнохойи. IV в. до н. э., керченский стиль. М., 2004. 230 с.

Д. В. Журавлев, В. Г. Черненко

«Античная» коллекция Д. Я. Самоквасова в Государственном Историческом музее

Д. Я. Самоквасов (1843–1911) – известный исследователь, автор многочисленных трудов по истории, археологии и архивному делу в России [Щавелев 2007]. В 1891 г. историк передал в Исторический музей большую коллекцию древностей, в состав которой входит «античная» коллекция с территории Боспора, которой посвящено наше исследование. Этот доклад – первый в серии публикаций, призванных ввести в научный оборот многочисленные «беспаспортные» коллекции, хранящиеся в ГИМ уже более века.

Дар ученого Историческому музею включал в себя 5,5 тысяч предметов, оригиналы полевых дневников раскопок исследователя, опубликованный каталог собрания, прорисовки и фотографии вещей [Самоквасов 1892]. В собрании выделяются коллекция античных монет (насчитывает 120 экземпляров римских серебряных монет) [Захаров 2014, с. 4–8], комплекс находок из кургана древнерусского времени «Черная могила», исследованного Д. Я. Самоквасовым в 1872–1873 гг. [Самоквасов 1908], подборка этрусских древностей из Чивитта-Кастеляна и Орвието [Железный век 2020, с. 296–298, кат. 17.3–17.7], великолепная скифская коллекция из курганов в районе с. Аксютинцы [На краю ойкумены 2002, с. 95–96] и многие другие материалы.

Обширная коллекция древностей стала результатом многолетнего собирательства Дмитрием Яковлевичем предметов, отражавших все этапы истории Европы, от каменного века до средневековья, и прямо или косвенно связанных с интересовавшими исследователя проблемами.

«Античная» коллекция Самоквасова насчитывает около 250 целых и фрагментированных предметов. Археологический контекст предметов из коллекции неизвестен, хотя на многих планшетах присутствует надпись «Курганы окрестностей Керчи» или «Керчь и Тамань».

Серия бронзовых изделий, нашитых на планшет под названием «Предметы разных эпох и разных местностей», включает, по-видимому, находки с территории Северного Причерноморья, многие из них имеют аналогии среди материалов римского времени. Первыми веками нашей эры датируется и серия сосудов из прозрачного и цветного стекла, среди которых преобладают бальзамарии различных типов [ср.: Кунина, Сорокина 1972].

Среди расписной керамики интересна ойнохоя (рис. 1.1) коринфского производства с изображениями фриза птиц на тулове [На

краю ойкумены 2002, кат. 7; Букина, Журавлев 2013, с. 69–70, кат. 9], а также алабастр (рис. 1.2). В собрание входит краснофигурная пелика «керченского стиля» (рис. 1.3) с протомами коня и амазонки, за спиной которой находится орлиный грифон почти в полный рост, его крыло покрыто точками (сторона А) (сторона Б: изображение двух мужчин в плащах). Профиль амазонки нанесен белой краской, на голове – восточный колпак. Изображения мужчин на стороне Б сделаны бегло, мастер дает головы и фигуры очертаниями, отсутствуют черты лица, плащи переданы лишь отдельными линиями складок. Венчик, горлышко и тулово под изображениями орнаментированы овами. Близкие пелики атрибутированы мастеру Амазонок и датируются 330–320 гг. до н. э. [см., например: Jaeggi, Lazenkova 2012, S. 98–99; Васько 2015, с. 108]. Также в коллекции представлены несколько краснофигурных лекифов – сетчатых и с изображением пальметты. Остальные краснофигурные сосуды представлены лишь фрагментами, которые тем не менее дают возможность определения типа сосуда и сюжета росписи. Среди целых форм керамики представлены чернолаковые солонки и лекифы, гуттусы, арибалические лекифы и другие сосуды. Среди амфорных фрагментов выделим фасосскую ручку IV–III вв. до н.э. с клеймом. Несколькими обломками представлены эфесские рельефные чаши II в. до н. э. Небольшая коллекция светильников содержит как нехарактерные для Северного Причерноморья открытые светильники финикийского типа, так и обычные эфесские (рис. 2.1) и боспорские экземпляры эллинистического и римского времени. Наиболее интересен светильник в форме головы быка [Chrzanovski 2002, p. 23, fig. 32, cat. 50] (рис. 2.2).

Среди украшений, входящих в коллекцию Д. Я. Самоквасова, помимо стеклянных, сердоликовых и иных бус разных форм, цветов и размеров, присутствуют изделия из египетского фаянса стандартных для причерноморского региона форм: Гарпократ, скарабей, лев и т. п. [Алексеева 1975, с. 21–49].

К редким украшениям следует отнести небольшую подвеску из темного стекла в виде мужской головы с длинной шеей и ярко выраженными африканскими чертами: широкий плоский нос, полные губы и высокие скулы, курчавые волосы. Подвесная петля, выступающая из макушки, обломана. Подобные изделия, известные в собраниях как отечественных, так и зарубежных музеев, датируют II в. до н. э. – I в. н. э. [Karageorghis 1988, p. 47, no. 43; Christopher 2017, p. 310, 312, 314–15].

Входит в собрание и сложная в изготовлении бусина с личиной (лицевая бусина). Подобные бусины производились в I в. до н. э. – I в. н. э. в римских, либо в александрийских мастерских, откуда затем

Рис. 1. Керамика из коллекции Д. Я. Самоквасова:
1 – ойнохоя, 2 – алабастр, 3 – краснофигурная пелика

Рис. 2. Светильники и терракотовая статуэтка из коллекции Д. Я. Самоквасова

они поступали на территорию античных поселений, расположенных на северном берегу Черного моря [Алексеева 1982; Arveiller-Dulong, Nenna 2011, p. 208; Spaer 2001, p. 123].

В коллекции Д. Я. Самоквасова также представлено несколько целых и фрагментированных терракотовых статуэток характерных боспорских типов, а также гипсовые налепы саркофагов с сохранившейся краской. Отметим и находку костяной византийской накладки на шкатулку трапециевидной формы, на которой представлено изображение птицы, а также разнообразные пряслица и грузики.

Кавычки в заглавии нашего доклада связаны с тем, что среди терракотовых статуэток есть памятники, которые были изготовлены в Новое время на гребне всплеска интереса к коллекционированию древностей. Такие подозрения, например, вызывает терракотовое изображение богини в башенной короне с тимпаном и львенком у ног (рис. 2.3). Грива и морда льва выполнены в несвойственной для античной эпохи манере – вероятно, это изделие можно считать пастишем с использованием фрагментов античных терракот. Некоторые сомнения вызывает и небольшой красноглиняный флакон с рельефным изображением человеческого лица на тулове. Интерес к собирательству и начало регулярных археологических раскопок спровоцировал рост числа подделок на антикварном рынке, которые затем попадали в музеи в составе частных коллекций древностей.

К изделиям XVIII–XIX вв. следует отнести и серию из четырех гемм. На инталии из красного полупрозрачного стекла профиль безбородого воина в шлеме и доспехе с наплечником (рис. 3.1). В античной глиптике были широко распространены изображения богини Афины в коринфском шлеме с тремя гребнями [Неверов 1988, с. 40–42; Арсентьева, Горская 2019, с. 52]. Однако шлем с козырьком и тройным плюмажем из предположительно страусовых перьев, который мы видим на гемме, не типичен для античных произведений искусства и не является коринфским; обращает на себя внимание и отсутствие назатыльника. Среди античных шлемов мы не находим прямых аналогии представленному типу. С другой стороны, нечто подобное мы видим в глиптике XVIII в., что позволяет предположить, что и гемма из коллекции Самоквасова была изготовлена уже в Новое время [Каган 2015].

На следующей гемме изображение женщины анфас с двумя локонами, ниспадающими на грудь (рис. 3.2). Камея в общих чертах близка к портретам Клеопатры VII, получившим широкое распространение в глиптике Ренессанса в Италии (XVI в.) [Каган, Неверов 2001, с. 156]. Следующая гемма выполнена из стекла, имитирующего двухслойный агат, белое изображение подчеркнуто светло-голубым фоном.

Рис. 3. Геммы из коллекции Д. Я. Самоквасова

На камее представлен бюст молодой женщины в профиль (рис. 3.3). Собранные в высокую прическу волосы перехвачены двойной лентой с мотыльком, таким образом, перед нами камея с изображением Психеи. Представленный образ был популярен в западноевропейском, в частности итальянском камнерезном искусстве конца XVIII – начала XIX вв. [Кокарева 2021, с. 101].

Завершает обзор произведений глиптики из коллекции Д. Я. Самоквасова овальная гемма из стекла с изображением молодой женщины в профиль (рис. 3.4). Изделие выполнено мастером в технике, имитирующей николо. Прическа напоминает традиционный греческий узел: часть волос закрывает лоб крупными локонами, основная масса убрана назад и стянута лентой. Отсутствие дополнительных элементов изображения, деталей костюма и атрибутов не позволяет определить, чье изображение перед нами. Широкое распространение инталий из оникса или агата, изготовленных в технике николо, приходится на I в. до н. э. – III в. н. э. Подобные изделия принято относить к работам италийских мастеров [Неверов 1982, с. 116–117], однако стиль женской прически на гемме из коллекции и выбор материала характерен скорее для Нового времени, на который приходится второй этап популярности описанной техники.

Таким образом, собрание Д. Я. Самоквасова включает разнообразные изделия эпохи античности, встречающиеся в погребальных

комплексах Боспора и Северного Причерноморья, а также их поздние подражания и копии. Состав этого собрания делает его интересным не только для археологов и историков, изучающих эпоху античности, но и для всех тех, кому интересна история коллекционирования в XIX – начале XX века.

Литература

1. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975.
2. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982.
3. Арсентьева Е. И., Горская О. В. Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни. Каталог коллекции. СПб., 2019.
4. Букина А. Г., Журавлев Д. В. Коринфские сосуды и их античные имитации в собрании Государственного Исторического музея // ВДИ. 2013. № 2. С. 64–83.
5. Васько Д. С. О двух пеликах керченского стиля в собрании Государственного Эрмитажа // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. 2015б. Вып. 5.
6. Захаров Е. В. Каталог римских республиканских монет из коллекции Д. Я. Самоквасова и его автор А. А. Коглер // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2014 г. Материалы докладов и сообщений. М., 2014.
7. Каган Ю. О. Британская глиптика XIV–XX веков. Каталог коллекции. СПб., 2015.
8. Каган Ю. О., Неверов О. Я. Судьба одной коллекции. 500 резных камней из кабинета герцога Орлеанского. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2001.
9. Кокарева С. В. Портреты современников и античные реминисценции в творчестве Джованни-Баттиста Ведера // Искусствознание. 2021. № 4.
10. Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стеклянные бальзамарии Боспора // Труды Государственного Эрмитажа. 1972. Т. XIII.
11. На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в Государственном Историческом музее. 30 мая – 15 августа 2002 г. / под ред. Д. В. Журавлева. М., 2002.
12. Неверов О. Я. Античные камеи в собрании Эрмитажа. Л., 1988.
13. Неверов О. Я. Геммы античного мира. М., 1982.
14. Самоквасов Д. Я. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892.
15. Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли. М., 1908.
16. Щавелев С. П. Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова. Курск, 2007.

17. Arveiller-Dulong V., Nenna M.-D. Les Verres antiques du Musée du Louvre III: Parure, instruments et élémentsd'incrustation. Paris, 2011.
18. Christopher S. The Cesnola Collection of Cypriot Art: Ancient Glass. New York, 2017.
19. Chrzanovski L. Bullhead Lamps: An Attempt at Typological and Chronological Classification // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World / ed. by D. Zhuravlev. Oxford, 2002. P. 13–36. (BAR International Series 1019).
20. Jaeggi O., Lazenkova L. Attisch-rotfigurige Vasen des 4. Jhs. V. Chr. Aus den Sammlungen des Historiscj-kulturellen Reservats in Kerč. Kiev, 2012.
21. Karageorghis V. Blacks in Ancient Cypriot Art. Houston, 1988.
22. Spaer M. Ancient Glass in the Israel Museum. Beads and other Small Objects. Jerusalem, 2001.

М. Т. Кашуба, М. Ю. Вахтина, М. В. Медведева, О. В. Григорьева, А. В. Батасова
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

«КАРТА И. В. ФАБРИЦИУС» КАК ИСТОЧНИК ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: ПОДХОДЫ К ТЕМЕ[1]

Обращение к материалам старых раскопок и документам научных архивов – заметное и востребованное направление современной археологии. Только за последние годы отечественная археологическая наука пополнилась целой серией подобных исследований, посвященных отдельным памятникам (Александропольский курган [Полин, Алексеев 2018], Немировское городище [Смирнова и др. 2018], Первый Мордвиновский курган [Первый Мордвиновский… 2021]; и др.) или не изданным в свое время сборникам [«Гераклейский сборник» 2018; и др.] и рукописям [Жебелёв 2017; и др.]. Однако остается большой массив малоизвестных, а также не известных и не исследованных архивных документов по археологии, которые важны для изучения как истории науки (включая историю институциональных учреждений), так и отдельных памятников разных эпох.

Одно из наиболее известных изданий прошлого века по археологии Северного Причерноморья – это «Карта И. В. Фабрициус». Речь идет исключительно о первом выпуске [Фабрициус 1951], тогда как продолжение «Карты…» осталось неизданным и выпало из поля зрения специалистов. Между тем эта работа в целом является первой масштабной научной систематизацией и интерпретацией огромного массива материалов, накопленных к 1940-м гг. силами отечественных ученых-гуманитариев, которые проводили исследования в степной и лесостепной областях Поднестровья – Поднепровья. К середине XX в. И. В. Фабрициус, будучи сотрудником разных научных и научно-просветительских учреждений, подготовила рукопись, которую защитила в апреле 1945 г. в Институте истории материальной культуры в качестве кандидатской диссертации [Костенко, Шевченко 2016, с. 131]. Для публикации автор разделила текст на три выпуска, и в 1951 г. свет увидел выпуск I (междуречье Днестра – Южного Буга), тогда как остальные материалы (выпуск II – междуречье Южного Буга – Днепра; выпуск III – Днепр с его лиманами и левобережьем до меридиана Перекопа) не изданы, а значительная их часть не известна научному сообществу. Запланированное продолжение так и не вышло. Между тем в Научном архиве ИИМК РАН в личном фонде И. В. Фабрициус хранится машинопись рукописи (фонд 61, дело 1–2), общий объем которой составляет около 500 листов. Из них опубликовано только около 120 листов. Кроме текста основной рукописи имеются черновик Предисловия и Топографический указатель. Этот оригинальный текст, содержащий огромный массив сведений, постоянно востребован специалистами по отдельным тематическим вопросам.

Научно-исследовательская работа по архивным документам и материалам отдельных памятников Северного Причерноморья, упомянутых в «Карте И. В. Фабрициус», будет обеспечена комплексными исследованиями с применением методов нескольких дисциплин (источниковедение, архивное дело, археология), естественно-научных анализов и ГИС-технологий. Создание на основе ГИС-технологий оцифрованной версии «Карты…» даст важный инструмент для извлечения новых данных по картографии региона и топографии археологических памятников Причерноморья, многие из которых ныне уже не существуют, а сведения о них можно извлечь только из архивных документов.

«Карта И. В. Фабрициус» представляет для современной науки неоспоримую научную ценность, а его полноценная публикация будет способствовать сохранению объектов археологического наследия Причерноморья и позволит внедрить их в современные научный и культурный контексты.

[1] Исследование проводится при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00187 «Неопубликованная “Карта по археологии Причерноморья” И.В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)»

Литература

1. «Гераклейский сборник» 1936 г.: коллективная монография Н. И. Репникова и др. / науч. ред.: Ю. А. Виноградов, Т. Н. Смекалова. СПб., 2018. 288 с. (Гераклейский сборник. Вып. 1).
2. Жебелёв С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / под ред. И. В. Тункиной. М., 2017. 670 с. (Adfontes: Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 5).
3. Костенко А.В., Шевченко А.В. І.В. Фабриціус (1882–1966 рр.): археолог та музеєзнавець // Археологія. 2016. № 2. С. 112–132.
4. Первый Мордвиновский курган / отв. ред. Ю. А. Виноградов, М. В. Медведева. СПб., 2021. 232 с. (Архивное наследие ИИМК РАН. Т. 1).
5. Полин С. В., Алексеев А. Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье. Киев; Берлин, 2018. 928 с. (Курганы Украины. Т. 6).
6. Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г. Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН. СПб., 2018. 336 с.
7. Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951. Вып. I. 154 с.

Список сокращений

АДСВ	Античная древность и средние века. Свердловск / Екатеринбург
АРХОНТ	Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Севастополь. Материалы конференции. Севастополь
БИ	Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
БФ	Боспорский феномен. Санкт-Петербург
БЧ	Боспорские чтения. Симферополь; Керчь
ВВ	Византийский временник
ВВолГУ	Вестник Волгоградского государственного университета. Волгоград
ВДИ	Вестник древней истории. Москва
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры. Ленинград
ДБ	Древности Боспора. Москва
ЗНТШ	Записки Наукового товариства імені Т. Г. Шевченка ИАКр
ЗООИД	Записки Одесского Общества истории и древностей
ИАКр	История и археология Крыма. Симферополь
ИИАК	Известия Императорской археологической комиссии
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской Академии Наук
ИРАИК	Известия Русского Археологического института в Константинополе
ИТУАК	Известия Таврической Ученой архивной комиссии
КСИА	Краткие сообщения Института археологии. Москва
КСИИМК	Краткие сообщения института истории материальной культуры. Москва; Ленинград / Санкт-Петербург

Л.	Ленинград
М.	Москва
МАИАСП	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нижневартовск
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НА РО ИИМК РАН	Научный архив, рукописный отдел; Институт истории материальной культуры РАН
НАО ГМЗХТ	Научно-архивный отдел Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь
ОАК	Отчет Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург
ООИД	Одесское Общество истории и древностей
Пг.	Петроград
ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск
РА	Российская археология. Москва
РГИА	Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург.
РО ИРЛИ	Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург
СА	Советская археология. Москва
САИ	Археология СССР. Свод археологических источников. Москва
Сб. ОРЯС	Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.
СГМИИ	сообщения государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
СККДР	Словарь книжников и книжности Древней Руси

СПб.	Санкт-Петербург
СХМ	Сообщения Херсонесского музея. Севастополь
ХСб	Херсонесский сборник. Севастополь
APE	Greek Amphorae from Northern Pontus Euxinus (VII–II cent. BC)
IOSPE	Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae
MPH NS	Monumenta Poloniae Historica. Nova series. Cracoviae
ODB	Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford
RE	Pauly-Wissowa-Kroll, Reallexikon der Klassischen Altertumswissenschaften. Stuttgart
UN	Unidentified Mediterranean centers of production

СОДЕРЖАНИЕ

Айбабин А. И., Хайрединова А. И.
Хозяйственная жизнь города
на плато Эски-Кермен в XII–XIII вв. 5

Алексеенко Н. А., Неделькин Е. В.
Новый пункт на сфрагистической карте
византийской Таврики: печать главного логофета
из раскопок крепости Каламита в 2021 г. 8

Бабанина М. Н.
Херсонесский музей как объект посещения
иностранными гостями во второй половине XX века 12

Батасова А. В.
Работы разведочного отряда Таманской экспедиции
ГАИМК в 1930–1931 гг.: Состояние источников,
основные результаты и их значение для современной науки 16

Букатов А. А., Глазунов В. В., Панченко В. В.
Подводные междисциплинарные исследования портовой части
Херсонеса Таврического в Карантинной бухте 20

Гинькут Н. В.
Редкие типы поливной кухонной и столовой керамики
из раскопок крепости Чембало и ее округи 24

Дианова Т. В., Прохорова Т. А.
Херсонесский музей в 20-е годы XX века.
История повседневности 32

Днепровский Н. В.
К истории изучения наземных церквей Мангупа:
разведки Д. М. Струкова 37

Дорошко В. В.
Вещевая бирка с упоминанием I Киликийской когорты
из раскопок на высоте Суздальской 43

Дорошко О. П.
Производство кухонной гончарной посуды
в Херсонесе I–III вв.:
Историографические мифы и археологические реалии 48

Зедгенидзе А. А.
«Древний Херсонес» Страбона:
храм на акрополе и ΣΑΣΤΗΡ 57

Зинько В. Н., Зинько А. В.
Сакральные объекты Тиритаки 61

Зубарев В. Г., Ярцев С. В., Бутовский А. Ю.,
Смекалов С. Л., Астахов И. А.
Городище «Белинское» в Восточном Крыму:
итоги 25 лет исследования 66

Иванов А. В.
Антропологические материалы в экспозиции
«склада местных древностей императорской
археологической комиссии» 69

Иванов А. В., Сударев Н. И.
Ранние сырцовые постройки на Боспоре 75

Ильяшенко С. М., Егорова Т. В., Прокофьев И. А.
Новые данные о северной границе
Западного пригорода Танаиса 81

Калинина Т. М.
Пролив бурджан на карте Средиземного моря
«Книги чудес» XI в. 85

Коваль В. Ю.
Византийские керамические «клепсидры» («винные воры») 90

Котина А. В.
Захоронения животных из Тиритаки эллинистического –
римского времени 95

Кропотов В. В.
О времени возникновения Чернореченского могильника 99

Кузнецова Е. В.
Клейма на амфорах Менды: проблемы датировки 104

Кузнецова Е. В., Растегаева М. Н.
Петрографическое изучение глин амфор:
характеристика коллекции образцов 109

Кущ Т. В.
Значение Херсонеса для византиноведческих исследований
в советский период 113

Майко В. В.
Новое поселение салтово-маяцкой культуры Матрач-Оба
в юго-восточном Крыму 115

Могаричев Ю. М.
Пещерные церкви как источник
по истории Таврики XIII–XIV вв. 121

Непомнящий А. А.
Общество защиты и сохранения в России памятников искусства
и старины и охрана памятников Херсонеса 125

Николаенко Г. М.
О сельских постройках середины-второй половины IV —
первой половины III в. до н.э. на хоре Херсонесского государства
Гераклейский полуостров 129

Подосинов А. В.
Эионы в античных описаниях берегов
Северного Причерноморья 137

Попова Е. А.
Городище «Чайка» – две исторические эпохи,
три археологические культуры 140

Прохорова Т. А., Сарапулкина Т. В., Хлебовский П. Н.
Художественный образ и научная концепция:
археологические выставки музея-заповедника
«Херсонес Таврический» (2014–2021) 146

Роменский А. А.
«Корсунское чудо Козмы и Дамиана»
и реалии русско-византийских культурных связей 151

Сазанов А. В.
Византийские амфоры: проблемы типологии, хронологии, локали-
зации мест производства 154

Седикова Л. В.
Херсонес. Археологические исследования и исследователи 162

Стоянов Р. В.
Методика археологических раскопок городища
и некрополя Херсонеса, проводившихся под руководством
Императорской археологической комиссии 168

Суворова Н. И.
Новый выставочный проект Азовского музея-заповедника
«Боспорское царство и Нижний Дон» 171

Таньшина Н. П.
Античный и средневековый Крым в описаниях
французских путешественников XIX в.:
Восточная сказка или потерянный рай? 174

Терещенко А. И., Шауб И. Ю.
Образ Пегаса в античной нумизматике
(Средиземноморье и Пантикапей) 178

Топоривская М. А., Супренков А. А.
Малоизвестное позднеантичное поселение в Крымском Приазовье.
История исследований и новейшие работы 183

Трофимова А. А.
Рельеф из Херсонеса с изображением «Амазономахии».....188

Турова Н. П.
Терракотовые маски из коллекции
Великого князя Александра Михайловича 194

Тюрин М. И., Филиппенко А. А.
К хронологии памятников района Сапун-горы
эллинистического периода.....200

Ушаков С. В.
Северо-Восточный район Херсонеса:
основные итоги исследований.....210

Храпунов И. Н., Стоянова А. А.
Склепы III в. н. э. Опушкинского могильника 217

Четверкина Е. В.
Кухонная керамика Ольвии (по материалам ИИМК РАН) 222

Чурекова Н. Б.
К вопросу об энглифических метках на греческих амфорах.....226

Чхаидзе В. Н.
Половецкие каменные изваяния
из «Склада местных древностей» в Херсонесе.....235

Шабанов С. Б.
К вопросу о времени появления
в крымских предгорьях позднеримских стеклянных стаканов
с утолщенным дном.....240

Шаманаев А. В.
«Я безусловно против постройки музея в Херсонесе»:
письмо А. Л. Бертье-Делагарда к Н. Н. Мурзакевичу.....243

Шелов-Коведяев Ф. В.
Магические записи на чаше для жертвенной крови
(случайная находка 2015 года на Херсонесском городище) 247

Энговатова А. В., Сазанов А. В.
Охрана объектов археологического наследия в Греции
и опыт музеефикации участков
культурного слоя в центре Афин 249

Вдовиченко И. И.
Античная расписная керамика Керкинитиды
из раскопок 1980 г. 256

Журавлев Д. В., Черненко В. Г.
«Античная» коллекция Д. Я. Самоквасова
в Государственном Историческом музее 259

Кашуба М. Т., Вахтина М. Ю., Медведева М. В.,
Григорьева О. В., Батасова А. В.
«Карта И. В. Фабрициус» как источник
по археологии Северного Причерноморья: подходы к теме 266

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 269

Научное издание

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ И СРЕДНЕВЕКОВУЮ ЭПОХИ

Материалы Всероссийской научной конференции

Севастополь, 25–29 сентября 2022 г.

Вёрстка *Е. С. Смоленцева*
Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*

Подписано в печать 30.08.2022
Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 16,28
Тираж 100 экз.

ISBN 978-5-6047545-3-5

9 785604 754535

Издательство ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail. ru

Типография ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908